В. И. ВЕРЕТЕННИКОВЪ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА
РУССКОЕ БОГАТСТВО

4 ГВ180 / В325

ИСТОРІЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Р. С. Ф. С. Р.
ИНСТИТУТ
В. И. Н.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло" Клочковская ул., № 5.
1910.

1825 П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
4ГВ180 / В325 Р
ИЛ
204890

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
Предисловіе		I—IV
Глава первая.	Къ исторіи „слова и дѣла“ до учрежденія Тайной Канцеляріи	1
Глава вторая.	Очеркъ исторіи маіорскихъ розыскныхъ канцелярій Петровскаго времени	28
Глава третья.	Происхожденіе Тайной Канцеляріи	76
Глава четвертая.	Обзоръ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Тайной Канцеляріи	92
Глава пятая.	Императоръ и Тайная Канцелярія	109
Глава шестая.	Министры Тайной Канцеляріи	131
Глава седьмая.	Роль Тайной Канцеляріи, какъ учрежденія	159
Глава восьмая.	Внутренній строй Тайной Канцеляріи	195
Глава девятая.	Послѣднее время существованія Тайной Канцеляріи и ея упраздненіе	219
Глава десятая.	Переходное время и возрожденіе Тайной Канцеляріи	237
Заключеніе		265
Приложеніе		271
Указатель именъ		299

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Восемнадцатый вѣкъ—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и полныхъ содержанія моментовъ въ исторіи Россіи. Въ этотъ вѣкъ совершился тотъ переломъ въ строѣ государственномъ (и, конечно, не только въ государственномъ), который поставилъ въ итогѣ на иной путь все дальнѣйшее движеніе русскаго историческаго процесса, на тотъ путь, по которому направлялся этотъ процессъ,—не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать,—почти до конца XIX вѣка. Однако до послѣдняго времени исторія XVIII столѣтія оставалась почти неразработанной даже въ отдѣльныхъ ея частяхъ; и только въ послѣдніе 15—20 лѣтъ въ этомъ направленіи произведено было нѣсколько крупныхъ по достоинству и значенію изслѣдованій, стоящихъ всецѣло на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и съ достаточной точностью оперирующихъ надъ архивнымъ матеріаломъ, въ большомъ количествѣ дошедшимъ до насъ отъ того времени. Но по отношенію къ общей исторіи XVIII вѣка всѣ эти изслѣдованія являются только фрагментами, и притомъ довольно случайными по своимъ темамъ; бóльшая часть важнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи даннаго времени остается еще совершенно, или почти совершенно, нетронутой; и это, конечно, не простая случайность. Не входя въ детальное разсмотрѣніе такого явленія, позволю себѣ только замѣтить, что цѣлый рядъ обстоятельствъ до самаго послѣдняго времени обусловливалъ неизбѣж-

ность этого. Обиліе матеріала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многимъ очень важнымъ частямъ его, а также сравнительная близость XVIII вѣка къ недавнему прошлому,—вотъ нѣкоторыя главнѣйшія причины, тормазившія у насъ изученіе исторіи даннаго времени. Но современный уровень научныхъ требованій и обиліе нынѣ уже почти доступнаго матеріала не позволили, когда явилась возможность, сразу, безъ большой подготовительной работы обратиться къ болѣе или менѣе широкимъ темамъ по исторіи XVIII вѣка; это послѣднее и привело къ такому какъ бы фрагментарному изслѣдованію исторіи данной эпохи, о нарожденіи котораго за послѣднее время мы только-что говорили.

Такимъ образомъ очередной задачей въ изученіи XVIII вѣка (говорю, конечно, о задачѣ доступной силамъ отдѣльнаго изслѣдователя) является точное изученіе частныхъ, отдѣльныхъ моментовъ этой исторіи, и подготовка такимъ путемъ фундамента, на которомъ въ будущемъ уже явится возможность болѣе широкими штрихами строить исторію XVIII столѣтія.

Стремясь по мѣрѣ скромныхъ силъ своихъ отвѣтить этой, по моему мнѣнію, очередной задачѣ въ изученіи разсматриваемаго періода, я и принялся за предлагаемое изслѣдованіе. Тема его ограничена; она обнимаетъ только частный эпизодъ Петровскаго царствованія, но я постарался приложить всѣ усилія, чтобы построить свое основное изслѣдованіе на возможно тщательномъ изученіи архивнаго матеріала, стремясь этотъ матеріалъ подобрать возможно полнѣй. При этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, позволяю себѣ оговориться въ отношеніи главъ 1, 2 и 10, (т. е. вводныхъ и заключительной), что эти главы въ изслѣдованіи играютъ роль только чисто служебную, что

приводимые въ этихъ главахъ матеріалы, конечно, отнюдь не достаточны для полнаго и всесторонняго отвѣта на темы названныхъ главъ; что выводы, въ нихъ дѣлаемые, прочны лишь постолько и въ томъ, въ чемъ это требовалось для послѣдующаго изложенія, въ посильное развитіе и подкрѣпленіе положеній основного изслѣдованія. Еще одна оговорка: въ ссылкахъ, мною дѣлаемыхъ на архивные документы, я позволилъ себѣ нѣсколько сокращенныхъ обозначеній; именно,—Государственный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (С.-Петербургъ) я сокращенно обозначаю при указаніяхъ на документы, въ немъ хранящіеся, буквами: Г. А.; Архивъ Сенатскій (С.-Петербургъ) сокращенно обозначаю буквами—С. А., и, наконецъ, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи сокращаю инціалами: М. А. М. Ю.

Слишкомъ далекій отъ увѣренности, чтобы мнѣ удалось выполненіе взятой на себя въ этомъ изслѣдованіи задачи, утѣшаю себя мыслею, что иногда ошибки и заблужденія однихъ,—въ данномъ случаѣ мои,—помогутъ другимъ,—въ данномъ случаѣ моимъ преемникамъ по темѣ,—съ большей прочностью притти къ болѣе правильнымъ выводамъ, которые, быть можетъ, отъ меня ускользнули.

Заканчивая свою работу надъ предлагаемымъ изслѣдованіемъ, не могу отказать себѣ въ глубокой потребности выразить мою сердечную благодарность Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому, моему учителю, предварительной школѣ котораго я обязанъ тѣмъ положительнымъ въ научномъ смыслѣ, что найдется въ предлагаемой работѣ.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить мою искреннюю признательность Сергѣю Михайловичу Горяинову за его доброе,

бывшее для меня столь цѣннымъ, отношеніе къ моей работѣ; а также Андрею Андреевичу Привалову—за его участливое вниманіе и помощь въ моихъ архивныхъ изысканіяхъ.

Приношу свою благодарность Эрнесту Львовичу Радлову и Николаю Дмитріевичу Чечулину, радушно пріютившимъ часть этого моего изслѣдованія на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Не могу тутъ-же не засвидѣтельствовать своего глубокаго уваженія къ памяти безвременно скончавшагося Николая Павловича Павлова-Сильванскаго за ту поддержку и доброжелательное отношеніе, которое я у него неизмѣнно встрѣчалъ во время своей работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Къ исторіи „слова и дѣла" до учрежденія Тайной Канцеляріи.

I.

Выраженія «слово и дѣло», «государево слово», «государево слово и дѣло», «государево дѣло» становятся извѣстными, имѣя опредѣленное значеніе въ правительственной практикѣ на Московской Руси, уже въ началѣ XVII вѣка. До этого времени, если не ошибаемся, указаній на эти выраженія не существуетъ, а законодательные памятники до XVII столѣтія совершенно не знаютъ ничего даже близкаго по значенію къ этимъ выраженіямъ и съ ними связаннымъ процессомъ.

Не входитъ въ нашу задачу углубляться въ вопросъ о происхожденіи и постепенномъ формированіи этихъ выраженій въ связи съ соединенной съ ними правительственной практикой. Мы позволимъ себѣ начать съ того момента, когда выраженія эти вошли въ нормальный обиходъ правительственной практики, т. е. съ начала XVII вѣка, отъ какого времени до насъ дошли первыя дѣла по «слову и дѣлу». Отнюдь не имѣя въ виду обозрѣть даже главнѣйшій, къ этому относящійся, матеріалъ (архивный и печатный), мы стремились въ этой главѣ лишь на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ сдѣлать только такіе выводы, которые бы помогли намъ въ дальнѣйшемъ точнѣе и правильнѣе освѣтить эволюцію въ происхожденіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени.

Имѣя въ виду исключительно такую цѣль, остановимся сперва на нѣкоторыхъ матеріалахъ изъ наиболѣе ранней, намъ извѣстной, правительственной практики по «слову и дѣлу».

Въ 1621 году (7130) Лебеданскій воевода Михневъ въ грамотѣ на имя царя Михаила Ѳедоровича пишетъ, что «пришедъ въ городъ въ съѣзжую избу, голова стрѣлецкій казачій Еремей Толпыгинъ извѣщалъ, Государь, мнѣ холопу твоему» на одного

казака, что тотъ при наказаніи его батогами кричалъ: «пощади де.... (тутъ мѣсто въ подлинникѣ испорченное).... для нашего государя царя Дмитрія!» По этому извѣту воевода немедленно приказалъ привести казака въ съѣзжую избу и спросилъ его «очи на очи» объ его такихъ словахъ; но казакъ «въ таковe словѣ заперся.» Посадивъ всетаки обвиняемаго въ тюрьму, воевода кончаетъ грамоту просьбою указа, что ему дѣлать далѣе. Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ указъ, которымъ повелѣвается воеводѣ допросить казака еще разъ, собрать показанія свидѣтелей, и даже привести обвиняемаго къ пыткѣ въ застѣнокъ, но не пытать, и все слѣдствіе прислать въ Москву. Дальнѣйшее дѣлопроизводство по этому дѣлу не сохранилось [1]). Тутъ однако, мы имѣемъ дѣло съ извѣтомъ, форма котораго, къ сожалѣнію, остается для насъ неясной, но вотъ уже прямое точное указаніе и на самую форму. Въ 1622 году (7131 г.) воевода города Переяславля пишетъ въ отпискѣ на имя царя, что «сказывалъ мнѣ, холопу твоему, въ съѣзжей избѣ... сынъ боярской... Малыгинъ *твое государево дѣло* на помѣстнаго казака».... что «говорилъ онъ» «на бесѣдѣ» «неподобное слово»; воевода «съ приставомъ» при этой грамотѣ посылаетъ въ Москву и обвинителя, и обвиняемаго. По полученіи въ Москвѣ этой отписки и колодниковъ при ней, въ Разрядѣ думные дьяки подробно допрашиваютъ присланныхъ. По словамъ доносителя во время ссоры на одномъ пиру казакъ сказалъ: «я де царю горло перерѣжу!» Обвиняемый на допросѣ не признавался, утверждая, что онъ не такія слова говорилъ. Распросныя рѣчи обвиняемаго и обвинителя были тщательно записаны; дальнѣйшаго дѣлопроизводства въ столбцахъ не имѣется [2]).

Въ 1625 году (7134 г.) нѣкто ростовецъ Богдановъ бьетъ челомъ царю, что его Ростовскій воевода держитъ въ тюрьмѣ по оговору въ «государевѣ дѣлѣ». По этой челобитной въ Разрядѣ былъ сдѣланъ экстрактъ о дѣлѣ Богданова, изъ котораго видно, что ростовскій откупщикъ Даниловъ «извѣщалъ» воеводу «въ съѣзжей избѣ», что Богдановъ говорилъ «про государя непригожія рѣчи»; вслѣдствіе такого доноса воевода допросилъ свидѣтелей «съ очи на очи», которые и подтвердили обвиненіе. Тогда воевода обо всемъ доноситъ «до государева указу» въ Москву, препровождая туда и всѣ распросныя рѣчи. Въ отвѣтъ

[1]) М. А. М. Ю., Столбцы Московскаго стола, ст. № 12 л. 118—120.
[2]) М. А. М. Ю., Столбцы Бѣлогород. ст. № 8. л. 156—162.

на это изъ Москвы послѣдовалъ указъ: виновнаго, «вынявъ изъ тюрьмы», «бить по торгамъ кнутьемъ нещадно, чтобы, на то смотря, инымъ не повадно было впередъ такъ воровать; а, бивъ кнутьемъ, велѣно его посадить въ тюрьму до государеву указу». Воевода, все исполнивъ согласно указу, донесъ объ исполненіи въ Москву. Въ отвѣтъ на челобитье виновнаго, велѣно было по указу выпустить его изъ тюрьмы [1]).

Въ 1627 году (7136) черный попъ Мартирій сказалъ за собой «государево дѣло», и монастырскими властями былъ отосланъ въ Казань къ воеводѣ, гдѣ въ съѣзжей избѣ письменно изложилъ это «государево дѣло», т. е. доносилъ на нѣкоего стрѣльца Осипка, который при многихъ свидѣтеляхъ говорилъ, «что де государь.... Михаилъ Ѳедоровичъ.... упросилъ бояръ сроку на семь недѣль огосударствовать, а выходилъ де государь того упрашивать у бояръ на лобное мѣсто...», и «что де патріархъ государю не отецъ.» Этотъ извѣтъ былъ немедленно доведенъ до свѣдѣнія Москвы, откуда послѣдовало по царской грамотѣ повелѣніе—всѣхъ свидѣтелей и обвиняемаго прислать въ Москву, что и было исполнено. Въ Москвѣ передъ бояриномъ кн. Ив. Бор. Черкаскимъ и думнымъ дьякомъ Ѳ. Лихачевымъ были допрашиваемы всѣ присланные воеводой по этому дѣлу; конца этого дѣло не сохранилось [2]).

Въ 1630 году (7139) возникло дѣло по обвиненію кн. Дм. Пожарскаго, Псковскаго воеводы, и его товарища кн. Гагарина во многихъ преступленіяхъ по службѣ, причемъ было предъявлено два слѣдующихъ обвиненія въ видѣ вопросовъ: «1. въ 138 году святогорскаго монастыря черный дьяконъ святогорскаго жъ монастыря на келаря въ съѣзжей избѣ государево дѣло извѣщалъ и какое государево дѣло извѣщалъ?» Видимо, вина состояла въ томъ, что воевода скрылъ этотъ фактъ и не донесъ объ этомъ обычнымъ порядкомъ, что и вызывало у слѣдователей стремленіе узнать, какое это было «государево дѣло.» Второе обвиненіе, предъявленное Пожарскому, формулировалось такъ: «и князь Дмитрѣевъ человѣкъ Пожарсково во Псковѣ въ съѣзжей избѣ кричалъ-ли, и государево слово за собою сказывалъ-ли, и князь Данило Гагаринъ, вышедъ изъ комнаты, того жъ княжъ Дмитрѣева человѣка по щекамъ билъ ли, и ко князю Дмитрѣю на дворъ ево отсы-

[1]) М. А. М. Ю. Стол. Бѣлогород. ст. № 21 л. 401—407.
[2]) Чтенія въ Об. Ист. и Др. Рос. 1887 г., кн. 2, ст. 248—255.

лалъ-ли?» [1]). Такимъ образомъ Пожарскій и Гагаринъ обвинялись еще въ томъ, что, когда человѣкъ Пожарскаго сказалъ за собой «государево дѣло», то онъ и Гагаринъ старались это замять вмѣсто того, чтобы дать дѣлу надлежащій ходъ; при «обыскѣ» такъ и не выясняется, что это были за «дѣло государево» и «слово государево».

Въ 1636 году (7145 г.) воевода Судаковъ извѣщаетъ царя изъ Бѣлгорода, что, когда онъ проѣзжалъ мимо тюрьмы, то тюремный сидѣлецъ Трошка сказалъ «твое государево великое слово,» но какое именно, не сказалъ: «скажетъ де онъ на Москвѣ.» На эту воеводскую отписку послѣдовалъ изъ Разряда указъ, гдѣ написано между прочимъ: «ты бъ тюремнаго сидѣльца Трошку... взялъ... къ себѣ въ съѣзжую избу и спросилъ, какое за нимъ наше дѣло, и онъ бы то написалъ своею рукою; а будетъ онъ грамотѣ не умѣетъ, и ты бъ тому нашему дѣлу взялъ у него письмо за рукою отца его духовнаго; а будетъ у него отца духовнаго нѣтъ, и ты бъ его распросилъ на одинъ, какое за нимъ наше дѣло, а что бы онъ Трошка про наше дѣло тебѣ скажетъ, и ты бъ то наше дѣло велѣлъ записать подъячему доброму;.... а будетъ Трошка про наше дѣло не скажетъ, и ты бъ его велѣлъ пытать, какое за нимъ наше дѣло; а что Трошка... про наше дѣло тебѣ скажетъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ, и распросныя, и пыточныя рѣчи прислалъ, а его Трошку велѣлъ-бы держать въ тюрьмѣ.» Конца дѣла въ столбцахъ не имѣется [2]).

Въ 1643 году (7152) воевода изъ Кромъ доноситъ: «въ нынѣшнемъ въ 152 году октября въ 15 день прислана твоя государева царева и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи грамота ко мнѣ холопу твоему изъ разряда..., по твоей государевой грамотѣ велѣно мнѣ, холопу твоему.... черкашенину Лучкѣ Хулемнину (?), который у съѣжей избы сказалъ при многихъ людехъ, что говорилъ онъ Лучка про тебя государя царя... непригожія слова», «котораго и бояре твои государевы за то его воровство приговорили бити кнутомъ» и водить по торгамъ, а потомъ опять на службу отпустить,—объ этомъ дѣлѣ воевода и доноситъ, что поступилъ во всемъ согласно вышеизложенной грамотѣ [3]).

[1]) Все это дѣло напечатано въ «Чт. въ Им. Об. Ист. и Др. Гос.» 1870 г. кн. I. отд. V, ст. 1—179.
[2]) М. А. М. Ю. Стол. Бѣлогород. ст. № 83, л. 716—718.
[3]) М. А. М. Ю. Столб. Бѣлогород. ст. № 168, л. 136—137.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ приведенныхъ примѣрахъ всѣ дѣла по «слову и дѣлу» за царствованіе Михаила Ѳедоровича сосредоточивались въ Разрядѣ, какъ высшей инстанціи, имѣя своимъ началомъ «извѣты» частныхъ лицъ воеводамъ въ съѣзжихъ избахъ. Это даетъ право считать, что Разрядъ находился въ числѣ учрежденій, вѣдавшихъ преступленія «слова и дѣла», причемъ въ большинствѣ случаевъ онъ являлся высшей инстанціей, ставящей по указамъ приговоры; слѣдованіе же, розыскъ рѣдко входилъ въ сферу его дѣятельности. Не трудно по изложеннымъ примѣрамъ прослѣдить обычный дѣлопроизводственный порядокъ дѣлъ «слова и дѣла,» когда они попадали въ Разрядъ.

Всякое дѣло начинается исключительно извѣтомъ со стороны какого либо частнаго лица о знаніи имъ «слова или дѣла государева;» извѣтъ этотъ дѣлался воеводѣ въ приказной избѣ; воевода обычно снималъ допросъ съ обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей и, подвергнувъ, кого считалъ необходимымъ, тюремному заключенію, обо всемъ подробно доносилъ въ Разрядъ, адресуя отписку на государево имя, и просилъ «указу». Обычно указомъ изъ Разряда требовали дополнительныхъ допросныхъ, а иногда и пыточныхъ (т. е. повелѣвалось воеводѣ обвиняемыхъ и пытать) рѣчей, на основаніи которыхъ обычно Разрядъ ставилъ приговоръ, о которомъ для исполненія указомъ сообщалось воеводѣ; впрочемъ, иногда первыя допросныя рѣчи и колодники съ ними отсылались воеводою въ Разрядъ, гдѣ и производился окончательный розыскъ, ставился и приводился въ исполненіе приговоръ; но этотъ порядокъ, видимо, встрѣчался рѣже.

Нынѣ почти оконченные разборомъ и описаніемъ столбцы Разряда, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Юстиціи, даютъ даже въ описаніяхъ достаточно опредѣленную картину дѣятельности Разряда. Если воинское дѣло безусловно составляло одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ вѣдѣнія Разряда, то не менѣе существеннымъ отдѣломъ его вѣдѣнія были воеводы и все воеводское правленіе, (въ извѣстныхъ территоріальныхъ предѣлахъ), которое обнимало собой въ сильной степени то, что нынѣ относятъ къ сферѣ внутренняго управленія, а въ томъ числѣ и вся полиція, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, была въ рукахъ воеводъ и Разряда, какъ высшей инстанціи; въ силу этого-то, видимо, воеводы и съ ними Разрядъ вѣдали дѣла по

«слову и дѣлу»; т. е. Разрядъ вѣдалъ эти дѣла постолько, посколько онъ вѣдалъ вообще между прочимъ полицію. Являлся-ли Разрядъ всетаки исключительнымъ учрежденіемъ во время Михаила Ѳедоровича, гдѣ разбирались дѣла «слова и дѣла?» Если намъ не удалось найти достаточно прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, то, кажется, изъ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ ближайшаго времени, — первыхъ годовъ царствованія Алексѣя Михаиловича, — можно будетъ съ большой вѣроятностью рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е., что Разрядъ отнюдь не являлся исключительнымъ учрежденіемъ по преслѣдованію «государственныхъ дѣлъ».

Затѣмъ, очевидно, изъ первыхъ нами приводимыхъ дѣлъ, что выраженіе «государево слово и дѣло» въ его позднѣйшемъ значеніи было опредѣленно извѣстно въ обычной практикѣ уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVII ст.; а это заставляетъ сдѣлать предположеніе, что образованіе такого выраженія и всего съ нимъ связаннаго должно было имѣть мѣсто еще ранѣе, еще, возможно, при Рюриковой династіи; во всякомъ случаѣ можно утверждать, что съ самаго начала XVII вѣка «слово и дѣло» являлось уже извѣстнымъ въ административной практикѣ выраженіемъ.

Итакъ въ началѣ XVII в. уже были извѣстны преступленія, выражавшіяся въ оскорбленіи Верховной Власти и въ стремленіи къ ея умаленію; эти преступленія раскрывались путемъ доносовъ, бывшихъ какъ бы обязательными; при чемъ эти извѣты носили спеціальное названіе извѣтовъ по государеву дѣлу или слову; такое названіе, быть можетъ, обозначало отношеніе доноса собственно и непосредственно къ особѣ царя. Слѣдствіе ближайшее велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всемъ ими найденномъ въ Москву, гдѣ дѣла эти вѣдались въ Разрядѣ, а вѣроятно, и въ другихъ приказахъ, такъ какъ никакого особаго учрежденія для ихъ вѣдѣнія, видимо, не существовало. Позволимъ себѣ остановиться еще немного на двухъ характерныхъ деталяхъ процессовъ по слову и дѣлу въ первой половинѣ XVII вѣка, т. е. въ царствованіе Михаила Ѳедоровича.

Въ дѣлахъ самыхъ раннихъ (см. дѣло 1625 г.) уже встрѣчаются краткія указанія, что воеводы допрашивали виновныхъ «очи на очи,» или «на одинъ;» эти бѣглыя замѣчанія опредѣленно указываютъ, что уже и въ то время желаніе вести

подобнаго рода дѣла скрытно, окружать ихъ особой тайной существовало въ правительственной практикѣ; отвѣтить на вопросъ, чѣмъ вызывалось такое стремленіе, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ; съ другой стороны, нѣтъ данныхъ, чтобы заключать о возрастаніи такого стремленія; повидимому, въ теченіе всей первой половины XVII вѣка это стремленіе такъ и остается въ зачаточномъ видѣ; можно даже думать, что такъ шло и черезъ весь XVII вѣкъ. Вмѣстѣ съ этимъ, можно отмѣтить, что, кажется, самый процессъ дѣлъ по «слову и дѣлу» не являлся въ основныхъ своихъ чертахъ совершенно установленнымъ въ началѣ XVII ст.; это можно заключить, косвенно, изъ приведенной нами въ отрывкахъ грамоты по дѣлу 1636 г. (см. выше); въ этой грамотѣ воеводѣ излагается весь порядокъ (обычный), въ которомъ онъ долженъ вести дѣло; значитъ, считали нужнымъ излагать этотъ порядокъ подробно для отдѣльнаго случая, слѣдовательно, онъ только устанавливался этими указами, точнѣе, рядомъ ихъ, — по конкретнымъ случаямъ; руководствованіе сепаратными указами отнюдь, какъ извѣстно, не было чуждо практикѣ Московской Руси.

Съ 1645 года начинается царствованіе Алексѣя Михаиловича. До Уложенія, въ самомъ началѣ этого царствованія никакихъ измѣненій въ пониманіи и способахъ преслѣдованія преступленій по «слову и дѣлу», сравнительно съ предыдущимъ временемъ, не происходитъ. Въ 1644 году (7153) нѣкій тюремный сидѣлецъ въ Кашинѣ, Тимошка Антипинъ, въ тюрьмѣ «сказалъ за собой государево дѣло» воеводѣ Лазареву, который и послалъ этого Тимошку «къ Москвѣ въ Разрядъ;» а слышалъ этотъ Тимошка, какъ сидѣвшій съ нимъ въ тюрьмѣ нѣкій Хрисанко «сказалъ за собой государево слово». Воевода пишетъ, что этотъ Хрисанко сумасшедшій, «простоумный», и сказалъ за собою «слово» просто «во отступленьи ума своего». Въ Разрядѣ передъ боярами (Ив. Вас. Морозовымъ, Мих. Мих. Салтыковымъ и кн. Пет. Ѳед. Волконскимъ) этотъ Тимошка былъ допрошенъ; но отвѣтилъ, что «скажетъ онъ то государево дѣло государю самому», когда царь вернется изъ похода. Однако, бояре требовали, угрожая пыткой, чтобы Тимошка все разсказалъ имъ; тогда Тимошка заявилъ, что въ Кашинской тюрьмѣ Хрисанко ему говорилъ, «что за нимъ... есть государево великое дѣло, а какое... тово ему Тимошкѣ... не сказалъ»; тутъ-же былъ названъ и рядъ свидѣтелей. Бояре все допытывались «съ пристрастіемъ»,

что за «государево дѣло» говорилъ за собою Хрисанко, однако Тимошка ничего не могъ сказать, такъ какъ самъ не зналъ. Тогда въ Кашинъ былъ посланъ приставъ Разряда, для взятія Хрисанки съ однимъ свидѣтелемъ и привоза ихъ въ Москву, въ Разрядъ. По доставленіи Хрисанки въ Разрядъ, бояре его распрашивали, какое за нимъ есть государево слово; Хрисанко отвѣчалъ, что боленъ онъ падучею болѣзнью и поэтому бываетъ «во изступленіи ума своего»,—почему его и держали въ тюрьмѣ,—и никакого слова государева за нимъ нѣтъ. Ему сдѣлали очную ставку съ обвинителемъ, который продолжалъ давать старое показаніе; Хрисанко, не отвергая возможности совершенія преступленія, говорилъ только, «онъ тово не упомнитъ, потому что онъ боленъ падучею болѣзнью.» Свидѣтель Артюшко подтвердилъ съ одной стороны показанія обвинителя, что Хрисанко, дѣйствительно, говорилъ за собою государево слово («а какое... тово не говорилъ»), но въ то-же время констатировалъ его болѣзненное тогдашнее состояніе, однако съ оговоркою, что «въ цѣломъ ли умѣ или во изступленьи ума» сказалъ Хрисанко за собой слово, «тово онъ Артюшка не вѣдаетъ.» Обвиняемый стоитъ на своемъ, что былъ боленъ и ничего не упомнитъ. Дѣло кончается тѣмъ, что «по государеву указу» Хрисанкѣ «учинено наказанье въ Разрядѣ: битъ батоги и отданъ» своему господину [1]).

Въ октябрѣ 1645 г. въ вечеру въ Приказъ Большого Дворца, гдѣ сидѣли трое подъячихъ: Мотякинъ, Иванъ Прохоровъ да Иванъ Тераповъ «пришелъ къ столу старецъ колодникъ», а дневальнымъ былъ въ то время подъячій Аѳ. Мотякинъ; и этотъ пришедшій колодникъ началъ говорить про царя непристойныя слова, что царь Алексѣй Михайловичъ—не «прямой царевичъ,» а рожденъ отъ сѣнной дѣвушки. Услышавъ такія слова, Мотякинъ хотѣлъ, сейчасъ же о нихъ извѣстить приказнаго дьяка, но было уже темно, и онъ идти побоялся, а на слѣдующій день «такія слова побѣжалъ извѣстить въ село Коломенское Государю», и подалъ обо всемъ этомъ челобитную, вслѣдствіе которой «указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи про то разспросити и подлинно сыскать своимъ государевымъ бояромъ Борису Ивановичу Морозову да князю Алексѣю Михайловичу Львову да думному дьяку Григорею Львову И того жъ дни бояря про то распрашивали и

[1]) Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1903 г. кн. 4, стр. 26.

сыскивали». По показанію одного изъ присутствовавшихъ подъячихъ чернецъ «говорилъ: прямово корени былъ царевичъ князь Иванъ Михайловичъ а князь Алексѣй Михайловичъ непрямой, подмѣнной, «знаемъ де мы такія подмѣны»! На вопросъ бояръ, откуда это слышалъ обвиняемый, этотъ послѣдній, не запираясь въ такихъ словахъ, говорилъ, что все это «явлено» ему отъ Андрея Критскаго, а также это слышалъ онъ отъ жены своей и бабъ своего села Олексина. Бояръ, видимо, очень интересовалъ вопросъ, откуда чернецъ такія «затѣйныя воровскія рѣчи» взялъ, и они пугали его тѣмъ, что быть ему пытану и огнемъ жжену. Конца этого дѣла мы не имѣемъ; вѣроятно, онъ утраченъ [1]).

Въ 1646 году (7155) чернецъ Кириллова монастыря Никодимъ сдѣлалъ извѣтъ на нѣкіихъ монаховъ, что они говорили про Великаго Государя и про бояръ «многія непристойныя рѣчи»; къ сожалѣнію, не видно, что это были за рѣчи. «И тѣ черницы» «въ тѣхъ непристойныхъ рѣчахъ своихъ на Москвѣ въ Приказѣ сыскныхъ Дѣлъ предъ бояриномъ... предъ Григоріемъ Гавриловичемъ Пушкинымъ, да предъ дьякомъ... Ларіоновымъ винились... и довелись было смертные казни», но «для иноческаго образа» помилованы, и отосланы были въ монастырь на смиреніе. Все это мы узнаемъ изъ грамоты царской въ Кирилловъ монастырь отъ 23 января 7155 года [2]).

Въ 1647 году «іюля въ 11 день на государевѣ стану въ селѣ Коломенскомъ въ Приказѣ большого дворца боярину и дворецкому князю Алексѣю Михаиловичу Львову да дьяку Давыду Дерябину села Коломенскаго приказный человѣкъ Иванъ Алешневъ извѣщалъ, что въ селѣ Коломенскомъ живетъ» крестьянинъ Даниловъ, который ведетъ сношенія съ разными таинственными людьми, которые «по нево пріѣзжаютъ». Этого Данилова сыскали и распрашивали, «въ распросѣ передъ бояриномъ... кн. Львовымъ да передъ дьякомъ... Дерябинымъ винился, а сказалъ», что онъ съ женой вѣдовствомъ, шептаніемъ и чародѣйствомъ лѣчили людей и выгоняли изъ скота дьявола; были Даниловъ съ женой распрашиваны «въ Приказѣ сыскныхъ Дѣлъ передъ княземъ Алекс. Никит. Трубецкимъ да... Пушкинымъ да передъ думнымъ дьякомъ»; въ дѣлѣ былъ очень замѣшанъ Семенъ Стрѣшневъ, на котораго указывали, какъ на покровителя всѣхъ этихъ волшебствъ. И въ результатѣ Стрѣш-

[1]) Г. А., VI, № 2.
[2]) Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1885, кн. 4, отд. V, стр. 1—2.

невъ обвиненъ въ томъ, что «государева здоровья не остерегалъ и государю про такихъ злыхъ вѣдуновъ не извѣстилъ и самъ съ ними знался многіе годы [1]).»

Въ 1648 году воевода Ив. Квашнинъ извѣщаетъ Разрядъ (по Новгородскому столу) отпиской на царское имя, что въ приказной избѣ доносилъ ему губной староста, что сказывалъ за собой «твое государево слово» тюремный сидѣлецъ Оська Харитоновъ; и воевода велѣлъ этого Оську поставить передъ собой, и спрашивалъ у него, что это за слово; но Оська отвѣчать отказался, заявивъ, что «скажетъ де онъ то твое государево слово на Москвѣ, кому ты, государь, укажешь». Донося обо всемъ этомъ, воевода проситъ указа, какъ ему поступать далѣе; дальнѣйшаго производства этого дѣла въ столбцахъ не имѣется [2]).

Подводя итогъ всѣмъ вышеизложеннымъ даннымъ за время первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, не трудно видѣть, что дѣло оставалось совершенно въ такомъ-же положеніи, въ какомъ оно сформировалось въ предыдущее царствованіе. Необходимо только дополнить, что теперь выяснилось съ достаточнымъ вѣроятіемъ отсутствіе въ первой половинѣ XVII в. какихъ-либо или какого-либо одного особаго, исключительнаго или спеціальнаго учрежденія, вѣдавшаго дѣла по «слову и дѣлу»; несомнѣнно, дѣла такого рода попадали въ разные московскіе приказы, гдѣ и вершились; по недостатку матеріала трудно только рѣшить, почему однородныя дѣла попадали въ разныя учрежденія; возможно, что тутъ дѣйствовалъ также принципъ вѣдѣнія по мѣсту и человѣку, а не по роду дѣла, какъ то имѣется проведеннымъ во всей дѣятельности приказовъ того времени; надо также отмѣтить, что при томъ всѣ приказы какъ будто вѣдали дѣла по «слову и дѣлу» съ одинаковой и полной компетенціей; по крайней мѣрѣ, мы можемъ это сказать о Разрядѣ, Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказѣ Большого Дворца, учрежденіяхъ крайне разнородныхъ по предметамъ своего прямого вѣдѣнія.

II.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, въ первомъ изъ законодательныхъ памятниковъ, имѣется отдѣлъ, посвященный

[1]) Г. А., VI, № 3.
[2]) М. А. М. Ю. Столб. Новгород. ст. № 96, л. 353.

преступленіямъ по «слову и дѣлу»; собственно выраженій «слово и дѣло» и ему подобныхъ мы не встрѣчаемъ и въ Уложеніи; но одинъ отдѣлъ этого законодательнаго памятника посвященъ именно и исключительно того рода преступленіямъ, которыхъ только и касались, какъ мы выше видѣли, выраженія «слово и дѣло» и ему подобныя; а встрѣчающійся въ этой главѣ Уложенія терминъ «извѣтъ» есть ничто иное, какъ только болѣе общее обозначеніе частныхъ понятій, заключающихся въ выраженіяхъ «слово и дѣло», «государево слово», «государево дѣло», «государево слово и дѣло». На все это точно указываетъ, какъ увидимъ далѣе, практика въ примѣненіи этой, второй по счету, главы Уложенія, носящей слѣдующее заглавіе: «о государской чести, и какъ его государское здоровье оберегать». Въ первой статьѣ этой главы говорится объ «умышленіи» на «государское здоровье» «злого дѣла», т. е. о покушеніи на жизнь и здравіе Государя; во второй статьѣ рѣчь идетъ объ умышленіи «государствомъ завладѣть и государемъ быть» и въ концѣ говорится о государственной измѣнѣ, которой дальше посвящены статьи съ 3 по 11 включительно; далѣе, до конца идутъ статьи процессуальнаго характера и о проступкахъ противъ процесса. Итакъ вторая глава разсматриваетъ слѣдующіе роды преступленій: 1) государственную измѣну (ст. ст. 3—11), 2) покушеніе на жизнь и здравіе государя (ст. 1), 3) покушеніе на власть «державы царскаго величества», каковое покушеніе понимается сообразно времени въ прямомъ смыслѣ, какъ желаніе «Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть» (ст. 2); кромѣ того, сюда-же вводится: 4) преступленіе «приходить, грабить и побивать» «самовольствомъ скопомъ и заговоромъ» «къ Царскому Величеству и на Его Государевыхъ бояръ и окольничихъ, и на Думныхъ и на ближнихъ людей, и въ городахъ, и въ полкѣхъ на воеводъ и на приказныхъ людей (ст. 21)». Слѣдующая, 22, статья говоритъ о наказаніи *только* «приказныхъ людей» за неправое обвиненіе кого-либо въ дѣйствіи противъ нихъ «скопомъ и заговоромъ»; а изъ этого видно, что тутъ, какъ и въ ст. 21, разумѣется мятежъ или заговоръ противъ законныхъ властей.

Тутъ-же, въ этой-же 2 главѣ, мы находимъ и процессуальныя формы для дѣлъ по этого рода преступленіямъ. Статьею 19 и 21 устанавливается обязанность каждаго «извѣщать» власти объ всякомъ «вѣдомомъ» зломъ умыслѣ, заговорѣ

и прочемъ; за неисполненіе этого требованія грозитъ смертная казнь «безъ всякія пощады». Этотъ «извѣтъ» долженъ быть произведенъ «государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи или его Государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ, или въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ» (18 ст.). Если отвѣтчика, на кого «извѣщаютъ», на лицо не оказывается, то его разыскиваютъ, потомъ дѣлаютъ отвѣтчику и доносителю очную ставку, и должны притомъ «сыскивати всякими сыски накрѣпко, и по сыску указъ учинити, какъ о томъ писано выше сего» (ст. 16). Такимъ образомъ, всякое дѣло противъ преступленій такого рода должно начинаться только по извѣту,—доносу; другихъ путей не указано. Этотъ «извѣтъ» является, при наличности «вѣдѣнія», обязанностью каждаго, за неисполненіе которой положена смертная казнь безъ пощады. Доносъ дѣлается въ Москвѣ: самому Государю или его Боярамъ и ближнимъ людямъ, а во всей Россіи («въ городѣхъ»)—воеводамъ или приказнымъ людямъ. Въ какія-бы руки изъ вышеперечисленныхъ доносъ ни попалъ, законъ обязываетъ отыскать немедленно отвѣтчика, сдѣлать очную ставку и продолжать слѣдствіе, самое тщательное, при чемъ, конечно, должны были примѣняться обычные пріемы (пытки и проч.), такъ какъ не оговаривается характеръ «сыска», а только квалифицируется его степень: «накрѣпко». По окончаніи слѣдствія, послѣ полученія извѣстныхъ результатовъ, сообразно имъ и сообразно нормамъ Уложенія, должно быть постановлено рѣшеніе, «учиненъ указъ». Изъ этого общаго наброска, кажется, можно сдѣлать одно немаловажное заключеніе, а именно, что Уложеніемъ не устанавливалось никакого особаго учрежденія, спеціально вѣдавшаго дѣла по «слову и дѣлу»: дѣла эти вѣдались общими государственными установленіями того времени (воеводами и другими приказными людьми).

Изъ сдѣланнаго разбора второй главы Уложенія, кромѣ того, ясно видно, что вся она является только фиксированіемъ, довольно точнымъ, въ законодательномъ порядкѣ того, что въ практикѣ, какъ мы видѣли, кажется, установилось уже довольно прочно гораздо ранѣе. Итакъ Уложеніе ничего новаго не внесло въ формы производства дѣлъ по извѣтамъ о словѣ и дѣлѣ государевомъ, только въ самыхъ общихъ чертахъ закрѣпивъ уже ранѣе существовавшій въ практикѣ порядокъ.

Обратимся-же теперь къ вопросу, какъ фиксированныя Уложеніемъ нормы дѣйствовали на дѣлѣ, и не внесла-ли въ нихъ дальнѣйшая практика чего-либо новаго.

Въ 1650 году (7159) отъ царя и великаго князя на Псковъ воеводѣ Львову была послана грамота, въ которой говорилось: «писали къ намъ... ты воевода... да дьякъ... что... Гришка Трясисоломинъ говорилъ про царицу нашу и великую княгину Марію Ильиничну непристойныя рѣчи и съ пытокъ въ томъ винился»; «и вы бъ того вора Гришку Трясисоломина за его воровскія непристойныя рѣчи велѣли казнить: вырѣзать ему языкъ; и сослали его въ Великій Новгородъ, съ женою и съ дѣтьми», «съ великимъ береженьемъ»; и какъ это будетъ исполнено, «вы бъ о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдати въ Посольскомъ Приказѣ діакомъ нашимъ думному Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову» [1]).

Изъ этой грамоты, во-первыхъ, ясно, что на мѣстахъ вѣдали дѣла по «слову и дѣлу,» пытали и допрашивали, словомъ, вели все слѣдствіе обычные воеводы, но о результатахъ розыска они сообщали въ Москву; и окончательное рѣшеніе, приговоръ, — шелъ уже изъ Москвы отъ царя; при чемъ, видимо, данное дѣло велось въ Москвѣ черезъ Посольскій Приказъ.

Въ 1650 году (7159) Костромскаго воеводу въ приказной избѣ «извѣщалъ» костромитинъ Мишка Огаревъ на костромитина Калинина, что онъ неприлично бранилъ государя. Воевода «ставитъ передъ собой» обвиняемаго, ведетъ допросъ вызываетъ свидѣтелей; и распросныя рѣчи всѣ, записанныя, были по окончаніи слѣдствія воеводою отосланы въ Разрядъ [2]).

Въ 1655 году (7164) въ Разрядѣ, въ Новгородскомъ столѣ получилась отъ воеводы отписка, что въ съѣзжей избѣ его словесно извѣщалъ казакъ на одного крестьянина, который будто кричалъ у кабака: «ты де государевъ слуга а я де государевъ другъ». Воевода допросилъ обвиняемаго (который передавалъ иначе свои слова), отдалъ его за пристава и проситъ указу, что ему далѣе дѣлать. Дальнѣйшаго производства по этому извѣту въ столбцахъ не имѣется [3]).

---

[1]) А. А. Э., IV, № 51.
[2]) М. А. М. Ю. Ст. Москов. стола № 101, л. 1—11.
[3]) Ibidem. Ст. Новгород. ст. № 162, л. 52.

Въ Новгородѣ въ 1662 году нѣкій Рогозинскій, по донесенію воеводы Рѣпнина, сказалъ за собой «Наши царственныя дѣла», какъ выражается царская грамота Рѣпнину о присылкѣ этого Рогозинскаго для слѣдствія «въ приказъ нашихъ тайныхъ дѣлъ» [1]).

Въ маѣ 1668 г. въ Псковѣ къ воеводѣ были присланы монастырскій старецъ Пахомій и псковскій пушкарь Ульяшко Гавриловъ съ обвиненіемъ ихъ въ томъ, что они говорили «непристойные» рѣчи про царя и патріарха: «великаго государя... и святѣйшаго патріарха Іосафа называлъ ворами» и будто «вѣруютъ они во антихриста». Воевода обычнымъ порядкомъ повелъ слѣдствіе, и результаты этого послѣдняго (въ видѣ распросныхъ рѣчей обвиняемыхъ и свидѣтелей, и очныхъ ставокъ) отправилъ въ Москву «въ приказъ новгороцкіе чети боярину... Ордину Нащокину» и дьякамъ этой чети. Царь, выслушавъ эту отписку воеводы по докладу, вѣроятно, Приказа, приказалъ прислать обвиняемыхъ въ Москву, въ Посольскій Приказъ, если буде они принесутъ покаяніе и Святыхъ Таинъ причастятся; если-же въ этомъ будутъ упорствовать, то велѣть того «черица и пушкаря зжечь». Старецъ Пахомій отказался приносить покаяніе и было велѣно его сжечь, что воевода и исполнилъ, при чемъ переписка вся шла черезъ Посольскій Приказъ. Пушкарь же Гавриловъ покаялся, причастился Св. Таинъ и былъ посланъ «подъ началъ» на Рязань въ Спасскій монастырь; переписка объ этомъ то-же велась Посольскимъ Приказомъ. Черезъ нѣкоторое время этотъ пушкарь ушелъ изъ монастыря, очутился въ Новгородѣ; его ловятъ и доставляютъ въ Москву въ Посольскій Приказъ. На этомъ дѣло кончается [2]).

Какъ мы видѣли, дѣло это о «непристойныхъ словахъ» съ оскорбленіемъ Верховной власти велось сначала въ Приказѣ Новгородской чети, потомъ было передано и окончено въ Посольскомъ Приказѣ. Начало его и формы первой стадіи тождественны съ первымъ нами приводимымъ дѣломъ 7159 году.

Въ 1670 году было найдено въ Москвѣ, вѣроятно, какое-то подметное письмо; содержаніе его остается для насъ неизвѣстнымъ; начало дѣла является частью утеряннымъ, частью попорченнымъ. Кузнецъ Васька, служка Ивановъ и человѣкъ Арт.

[1]) Акты Московск. гос., т. III, стр. 500.
[2]) Чт. въ Им. О. И. и Др. Р. 1887 г., кн. 2, ст. 228—244.

Матвѣева Кирюшка говорили, что дѣвка Матвѣева имана на верхъ, но ей царицею не бывать; а писемъ они не писали и не подметывали. «И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія... и т. д... указалъ бояромъ кузнеца Ваську и служку Ваську-жъ и Артамонова человѣка Матвѣева Кирюшку въ томъ воровскомъ подметномъ письмѣ разспрашивать у пытки; а буде изъ нихъ кого доведется, и пытать. И по указу великаго государя бояря распрашивали ихъ у пытки; а Кирюшка пытанъ, а было ему 30 ударовъ»; и онъ признался, что писалъ самъ, безъ соучастниковъ, это воровское письмо «для того: хотѣлъ отъ Артамона отбыть отъ холопства». Послѣ допросовъ еще нѣсколькихъ человѣкъ «бояря послѣ того Кирюшку распрашивали, для чего онъ запирается, и Кирюшка передъ бояры винился»; «а послѣ того онъ-же Кирюшка передъ великимъ государемъ и передъ бояры въ томъ запирался», «и для подлиннаго сыску распрашиванъ передъ великимъ государемъ и при боярехъ кузнецъ Васька»; его пытали,— «въ томъ онъ зженъ на огнѣ»,—и говорилъ онъ «прежніе свои рѣчи». Въ концѣ этого, нѣсколько безпорядочнаго, дѣла царь всѣхъ «пожаловалъ свободить» [1]). Это дѣло заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Тутъ, видимо, началомъ послужило нахожденіе какого-то подметнаго письма, какъ надо думать, затрогивавшаго такую интимную вещь, какъ избраніе царемъ невѣсты. Можетъ быть, именно въ силу такой близости къ особѣ царя инкриминируемыхъ непристойныхъ словъ и возникъ, видимо, нѣсколько особый ходъ всего дѣла: царь указалъ не учрежденію, а просто «бояромъ» изслѣдовать это дѣло; бояре тщательно принялись за дѣло, допрашивали, слѣдовали и пытали, наконецъ, мы видимъ,—это самое главное,— что часть дѣла «слѣдуется» въ присутствіи самого царя: при немъ допрашиваютъ одного обвиняемаго и при немъ-же пытаютъ другого «для подлинаго сыску». Конечно, и приговоръ по дѣлу идетъ по указу-же царя. Такимъ образомъ, здѣсь передъ нами совершенно особый порядокъ дѣлопроизводства; и мы можемъ отсюда сдѣлать если не выводъ, то вѣроятное предположеніе, что въ тѣхъ дѣлахъ по второй главѣ Уложенія, которыя близко затрогивали особу царя и тѣмъ вообще вызывали его особое вниманіе, обычный порядокъ производства нарушался; царь, поручая слѣдованіе дѣла «бояромъ» (возможно,

[1]) Дѣло это хранится въ Гос. Арх. VI, № 5.

по своему выбору) самъ непосредственно, не только направлялъ въ общемъ розыскъ, но и присутствовалъ при немъ, лично исполняя роль слѣдователя—судьи.

А обычная практика шла все прежнимъ путемъ. Въ 1677 г. въ Новгородскомъ Приказѣ велось дѣло о крестьянинѣ Климѣ Ерышевѣ, «что онъ говорилъ про твое царское величество непристойныя слова»; и по царской грамотѣ Кевроль-мезенскому воеводѣ велѣно было урѣзать виновному языкъ и бить его кнутомъ нещадно. Дѣло поднялось вновь въ 1678 году по извѣту, что воевода языка не урѣзалъ, а только для виду велѣлъ пустить кровь изъ щеки виновнаго; дѣло опять повелось въ Новгородскомъ Приказѣ; конецъ его утерянъ [1]).

Въ правленіе царей Ивана и Петра, видимо, продолжается традиція предыдущаго времени въ слѣдованіи дѣлъ по «слову и дѣлу». Позволю себѣ остановиться на слѣдующихъ двухъ извѣстіяхъ для доказательства такого положенія. Въ 1692 г. (7201) бояринъ Шереметевъ доноситъ изъ Бѣлгорода на имя царей, что подалъ ему лебединецъ Тяпка сказку на лебединскаго воеводу Ляпунова, который будто не сталъ розыскивать и скрываетъ о доносѣ, ему сдѣланномъ лебединскими стрѣльцами, на Трошку Чаплыгина, который говорилъ при народѣ многія «непристойныя слова». Въ указѣ, послѣдовавшемъ въ отвѣтъ на эту отписку, повелѣвалось дѣло это изслѣдовать и все слѣдованіе подать въ Разрядъ [2]).

Въ слѣдующемъ, 1693 г. (7202) ливенецъ Ник. Лохтіоновъ доносилъ воеводѣ, что ливенецъ же Ер. Меркуловъ при народѣ говорилъ: «я де тебѣ не братъ, я де царемъ братъ!» Воевода допрашиваетъ виновнаго, обвинителя, свидѣтелей и велѣлъ всѣхъ «держать за карауломъ», обо всемъ этомъ отписалъ въ Разрядъ на имя царей: «и о томъ великіе государи цари.... мнѣ, холопу своему, что укажете». На эту воеводскую отписку слѣдуетъ отъ государей указъ: допросить еще всѣхъ остальныхъ свидѣтелей, и всѣ допросныя рѣчи прислать, и «велѣлъ бы подать въ Разрядъ боярину нашему Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи». Воевода исполняетъ согласно указу и присылаетъ въ Разрядъ допросныя рѣчи, скрѣпленныя (какъ обычно) допрашивавшимися [3]).

[1]) Чт. въ Общ. Ист. Др. Рос. 1887 г., кн. 2, стр. 244—248.
[2]) М. А. М. Ю. Ст. Бѣлогород. ст. № 1363, л. 27—35.
[3]) М. А. М. Ю. Ст. Бѣлгородскаго ст. № 1381, л. 27—35.

Теперь перейдемъ къ царствованію Петра. Въ іюнѣ 1697 г. монахиня нѣкая. Авксентія, подала въ Новгородѣ воеводѣ бумаги отъ игуменьи Тихвина-Введенскаго монастыря, гдѣ игуменья пишетъ, что эта Авксентія «сказала за собой государево слово», почему ее и отпустили въ Новгородъ къ воеводѣ; этотъ послѣдній, Апраксинъ, немедленно допросилъ монахиню: Авксентія обвиняла, со словъ монаха Іосафа, монастырскаго архимандрита, говорившаго пріѣхавшему съ табакомъ для продажи цѣловальнику: «будь ты проклятъ, и съ тѣмъ, кто указалъ табакъ продавать!» и: «дамъ попамъ по двѣ деньги и велю проклинать у престола Божья того, кто повелѣлъ такимъ товаромъ торговать». Кромѣ того, этого архимандрита обвиняла Авксентія въ непразднованіи царскаго ангела и еще въ другихъ просто уголовныхъ преступленіяхъ. Воевода, въ силу этого доноса, начинаетъ допрашивать свидѣтелей и замѣшанныхъ лицъ, списывается съ митрополичьимъ новгородскимъ приказомъ, который ведетъ допросъ и дѣлаетъ очныя ставки въ свою очередь (до пытокъ нигдѣ не доходитъ). Послѣ долгихъ допросовъ и переписки обвиненный архимандритъ проситъ челобитьемъ на имя царя, чтобъ его взяли въ Москву въ Новгородскій Приказъ; указомъ 7207 года было повелѣно все дѣло передать въ Москву и «подать въ Новгороцкомъ Приказѣ думному нашему дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи» [1]).

Изъ этого дѣла мы видимъ, что въ самомъ началѣ царствованія Петра обычный порядокъ въ процессѣ преслѣдованія и наказанія по «слову и дѣлу» продолжался: какъ и въ началѣ XVII столѣтія, извѣты «по государеву дѣлу и слову» принимаютъ простые воеводы, также они ведутъ розыски и слѣдствіе, также потомъ дѣло переходитъ въ одинъ изъ московскихъ приказовъ, также не видно еще слѣдовъ особаго учрежденія по такого рода дѣламъ. Итакъ царствованіе Алексѣя Михайловича и послѣдующія, до XVIII столѣтія, не дали въ практикѣ преслѣдованія преступленій по «слову и дѣлу» почти ничего новаго, а въ законѣ былъ только точно закрѣпленъ старинный порядокъ. Однако у насъ есть нѣкоторое основаніе полагать, что все-таки кое-что новое, пока очень незначительное, но чреватое послѣдствіями, было внесено въ практику при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а именно: когда

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1887 г., кн. 1, стр. 193 и далѣе.

дѣло привлекало особое вниманіе царя, то оно разсматривалось «боярами» (возможно, особо назначенными) подъ непосредственнымъ контролемъ царя и при прямомъ непосредственномъ его участіи въ «слѣдованіи»; такъ дѣло, выходя изъ обычнаго, нормальнаго порядка, шло особымъ путемъ порученія при прямомъ и ближайшемъ участіи самаго царя.

Недостатокъ матеріала, въ нашихъ рукахъ имѣвшагося, конечно, не даетъ намъ еще категорическаго права утверждать, что *впервые* этотъ особый порядокъ встрѣчается въ царствованіе только Алексѣя Михаиловича, а не былъ уже извѣстенъ во времена Михаила Ѳедоровича. Но, можетъ быть, нѣкоторыя соображенія все-таки позволятъ съ извѣстнымъ предпочтеніемъ остановиться на мысли о происхожденіи такого особаго порядка именно только при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Дѣло въ томъ, что такой особый порядокъ въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ, почему-либо заинтересовавшихъ царя,—т. е. порядокъ, при которомъ дѣло поступаетъ въ непосредственное вѣдѣніе царя съ порученіемъ его особо довѣреннымъ лицамъ,—впервые встрѣчается совершенно опредѣленно выраженнымъ именно въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и порядокъ этотъ даже создалъ при царѣ особое учрежденіе: Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ, помимо всякихъ учрежденій государственныхъ, самъ царь, съ помощью имъ избранныхъ людей, разбирался въ дѣлахъ, почему-либо обращавшихъ на себя его особое вниманіе. Думается, послѣ изслѣдованія г. Гурлянда о Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, несомнѣнно выяснилась именно такая роль этого учрежденія, только при Алексѣѣ Михайловичѣ возникшаго; слѣдовательно, есть возможность предполагать, что тотъ же особый порядокъ въ примѣненіи и къ дѣламъ по второй главѣ Уложенія, по крайней мѣрѣ, если не возникъ, то наглядно проявился впервые въ то-же царствованіе; и подобно тому, какъ на ряду съ особымъ порядкомъ въ дѣлахъ другого рода спокойно продолжалъ дѣйствовать,—и главнымъ образомъ дѣйствовалъ,—обычный законный порядокъ, такъ и въ дѣлахъ по второй главѣ, на ряду съ особымъ порядкомъ, главнымъ образомъ все-таки дѣйствовалъ порядокъ нормальный во всѣхъ, не вызывавшихъ особаго вниманія царя, случаяхъ. Этотъ обычный порядокъ, какъ мы видѣли, царившій почти неизмѣннымъ во весь XVII вѣкъ, и, вѣроятно, имѣющій корни еще въ XVI вѣкѣ сводился къ слѣдующей общей схемѣ. Дѣла по «государеву

слову и дѣлу» начинались только въ порядкѣ частнаго обвиненія, начинать которое, впрочемъ, признавалось обязательнымъ для каждаго, знавшаго «государево слово» или «государево дѣло». Самое выраженіе: «государево слово», «государево дѣло» уже свидѣтельствуетъ, что имѣлись въ виду дѣла объ оскорбленіи особы государя, о покушеніи на «государскую честь». Однако, хотя общее названіе второй главы Уложенія указываетъ только на «честь» и «здоровье» государя, туда же вошли въ неразработанномъ видѣ, но опредѣленно, понятія и о преступленіяхъ противъ даннаго политическаго и соціальнаго строя вообще, т. е. понятія о преступленіяхъ государственныхъ. Такъ, видимо, изъ оберегания «здравія» (ср. Судебники), потомъ «чести» государя, понемногу осложняясь, возникаетъ понятіе о государственномъ преступленіи вообще; но старая терминологія все-таки оставалась и не умирала.

Самая форма частнаго обвиненія, ведущая къ началу процесса, состояла обычно въ томъ, что данное лицо говорило за собой «слово» или «дѣло государево», и тогда воеводы и другія власти должны были такъ говорившаго допросить, выяснить, какое за нимъ есть слово или дѣло, сыскать обвиняемаго, его допросить, сыскать свидѣтелей, отобрать письменно ихъ показанія, въ случаѣ надобности сдѣлать очныя ставки, и, когда наберется достаточный слѣдственный матеріалъ въ видѣ разнаго рода допросныхъ рѣчей, сообщить все въ Москву, въ одно изъ тамошнихъ центральныхъ учрежденій, въ одинъ изъ приказовъ. Сколько удается замѣтить, никакихъ разграниченій тутъ не существовало, и всѣ приказы обладали совершенно равными и полными правами въ изслѣдованіи дѣлъ по «слову и дѣлу». Иногда высылались въ Москву, и обвиняемые, и свидѣтели вмѣстѣ съ допросными рѣчами, и тогда дѣло оканчивалось уже въ московскомъ приказѣ. Иногда,—рѣже,—приказъ только ставилъ приговоръ на основаніи слѣдствія воеводы и въ видѣ царской грамоты присылалъ приговоръ на исполненіе воеводѣ. Къ сожалѣнію, пока является для насъ труднымъ, по недостатку матеріала, сказать положительно, чѣмъ руководились при отсылкѣ даннаго дѣла именно въ тотъ, а не иной приказъ. Какъ мы видѣли, дѣла по «слову и дѣлу» вели слѣдующіе приказы: Большого Дворца, Сыскныхъ Дѣлъ, Посольскій, Разрядъ и Новогородской чети. Ни одинъ изъ перечисленныхъ приказовъ по своимъ основнымъ

функціямъ не имѣетъ болѣе близкаго отношенія къ дѣламъ противъ второй главы, чѣмъ каждый другой изъ перечисленныхъ: предметы ихъ главнаго вѣдѣнія были почти одинаково далеки отъ вѣдѣнія государственныхъ преступленій. Отсутствіе намековъ даже на существованіе въ XVII в. какого-либо спеціальнаго учрежденія по «дѣламъ государственнымъ» съ одной стороны, распредѣленіе такого рода дѣлъ въ одинаковой пропорціи по самымъ различнымъ приказамъ—съ другой, указываетъ на дѣйствительное отсутствіе въ XVII вѣкѣ такого особаго установленія, въ спеціальномъ и исключительномъ вѣдѣніи котораго были-бы дѣла по «слову и дѣлу». Не такъ давно, однако, авторитетные ученые, какъ Бѣляевъ, Костомаровъ и еще Шлецеръ и Татищевъ, опредѣленно утверждали, что такое учрежденіе въ XVII вѣкѣ имѣлось, и называлось оно Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, учрежденный Алексѣемъ Михайловичемъ; но уже Соловьевъ, Неволинъ и Забѣлинъ высказались противъ такого взгляда на Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, а спеціально ему посвященное изслѣдованіе г. Гурлянда окончательно и безповоротно разрушаетъ представленіе объ этомъ приказѣ, какъ о спеціальномъ учрежденіи для производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ: «участіе Приказа, говоритъ г. Гурляндъ, въ дѣлахъ такого рода нисколько не было интенсивнѣе чѣмъ во всякихъ другихъ дѣлахъ управленія. Поскольку царь имѣлъ основаніе проявить особое вниманіе къ извѣту или обвиненію, постолько Приказъ и принималъ участіе въ дѣлѣ» [1]). Въ подтвержденіе мысли о несуществованіи въ XVII ст. какого-либо особаго розыскного по государственнымъ преступленіямъ учрежденія, позволю себѣ привести еще нѣкоторыя данныя. Когда въ 1676 году, по уничтоженіи Приказа Тайныхъ Дѣлъ, дѣла его разсылались въ разныя другія учрежденія по принадлежности, то были отосланы въ Разбойный Приказъ «три отписки и распросные рѣчи изъ Калуги объ извѣтѣ на тюремнаго сидѣльца на Сережку Богданова въ Государевѣ дѣлѣ разбойниковъ Гришки Вечислова съ товарищи» [2]); дѣло, посланное въ Приказъ Большого Дворца, носитъ слѣдующее заглавіе: «столпикъ, а въ немъ сыскное дѣло мурашкинскаго бобыля Илюшки Паршкова въ Государевѣ дѣлѣ и о казнѣ ему и ссылкѣ его въ Сибирь» [3]):

[1]) Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ. Ярославль. 1902. стр. 301.
[2]) Г. А. XXVII, № 364, ч. I, л. 574 об.
[3]) Ibidem л. 628 об.

дѣло-же о попѣ Косьмодемьянскомъ, говорившемъ про государя «неистовыя слова», было отправлено («поднесено») патріарху Іоакиму [1]). Если присмотрѣться къ этому отнесенію трехъ по содержанію однородныхъ дѣлъ къ тремъ различнымъ учрежденіямъ, то можно все-таки замѣтить, что руководящей мыслью при этомъ было, распредѣлить дѣла по мѣсту вѣдѣнія тѣхъ людей, которые замѣшаны: въ первомъ дѣлѣ замѣшаны разбойники и тюремные сидѣльцы, которыхъ вѣдалъ Разбойный Приказъ, слѣдовательно, въ этотъ приказъ дѣло и должно было быть передано; во второмъ случаѣ менѣе ясно, но можно предполагать что бобыль обвиняемый былъ изъ дворцоваго села или деревни, вѣдался, значитъ, Приказомъ Большого Дворца; слѣдовательно, и дѣло о немъ должно было поступить въ этотъ именно приказъ; наконецъ, въ третьемъ случаѣ дѣло касалось до священника, слѣдовательно, по мѣсту вѣдѣнія духовныхъ лицъ, дѣло было поднесено патріарху. По недостатку данныхъ нельзя утверждать, но можно съ вѣроятіемъ предполагать, что такого-же основанія держались всегда при передачѣ дѣла по второй главѣ въ тотъ или иной приказъ: руководствовались тѣмъ, какимъ приказомъ «вѣдался» обвиняемый или извѣтчикъ, сообразно этому и направляли дѣло именно въ данный приказъ. Можно еще указать на то, что уже въ 1722 году имѣлись колодники по «государевымъ дѣламъ», «которые нынѣ въ Москвѣ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и въ надворномъ судѣ до вершенія дѣлъ содержатца»; [2]) а между тѣмъ, въ то время уже и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ дѣйствовали учрежденія почти спеціализировавшіяся на государственныхъ преступленіяхъ: Тайная канцелярія и Преображенскій приказъ; значитъ, и къ 1722 году еще не совсѣмъ вывелся старый порядокъ, еще разъ указывающій на отсутствіе спеціальныхъ установленій для процессовъ по «слову и дѣлу» въ XVII вѣкѣ.

Итакъ мы видѣли, что съ самаго начала XVII столѣтія, — послѣ смутнаго времени и до послѣднихъ лѣтъ его, — въ процессахъ по «слову и дѣлу» устойчиво дѣйствовалъ одинъ и тотъ-же порядокъ; замѣтили мы и то, что во второй половинѣ этого вѣка, хотя и рѣдко, но сталъ примѣняться, кромѣ того, нѣсколько особенный порядокъ къ тѣмъ дѣ-

[1]) Г. А. XXVII, № 364, ч. III.
[2]) Цитирую по печатному экземпляру указа сената, сохранившагося въ дѣлахъ тайной канцеляріи Г. А. VII, № 6.

ламъ по «слову и дѣлу», которыя почему-либо заинтересовали самого царя.

III.

Начался XVIII вѣкъ. Именнымъ указомъ отъ 25 сентября 1702 года было повелѣно: «буде впредь на Москвѣ и въ Московскій судный приказъ учнутъ приходить какихъ чиновъ нибудь люди или изъ городовъ воеводы и приказные люди, а изъ монастырей власти присылать, а помѣщики и вотчинники приводить людей своихъ и крестьянъ; а тѣ люди и крестьяне учнутъ за собой сказывать Государево слово или дѣло, — и тѣхъ людей въ Московскомъ судномъ приказѣ не распрашивая, присылать въ Преображенскій приказъ къ стольнику ко князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Да и въ городахъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ такихъ людей, которые учнутъ за собою сказывать Государево слово или дѣло прислать къ Москвѣ, не распрашивая-жъ» [1]). Такимъ образомъ старый общій для XVII вѣка порядокъ производства дѣлъ по «слову и дѣлу» былъ нарушенъ: въ большинствѣ изъятыя изъ общей подсудности, дѣла эти были сосредоточены въ вѣдѣніи испытаннаго въ своей вѣрности слуги Петра князя Ѳедора Ромодановскаго, въ Преображенскомъ приказѣ.

Дѣла этого приказа, видимо, начинаются регулярно въ столбцахъ съ 1696 года. До 1702 года характеръ этихъ дѣлъ чрезвычайно однообразенъ; и всѣ дѣла эти опредѣленно разбиваются на четыре категоріи: во-первыхъ, «о битвѣ», «дракѣ», «кричаніи караула» между московскими обывателями, т. е. дѣла по нарушенію общественной тишины и порядка на улицахъ и площадяхъ Москвы; во-вторыхъ, — дѣла о мелкихъ взысканіяхъ по гражданскимъ искамъ, при чемъ обычно отвѣтчика приводитъ истецъ; въ-третьихъ, — о нарушеніяхъ обязательныхъ постановленій въ городѣ, т. е. или пѣніе пѣсенъ въ неуказанномъ мѣстѣ, или ѣзда тамъ, гдѣ запрещено, или оскорбленіе священнаго мѣста чѣмъ-либо, и т. п.; въ-четвертыхъ, — дѣла по «слову и дѣлу». Необходимо отмѣтить, что преобладающее количество дѣлъ относятся къ первому и третьему роду, т. е. къ дѣламъ полицейскаго характера; немного дѣлъ второго рода: дѣлъ мелкой юстиціи и мелкой расправы; чрезвычайно мало дѣлъ четвертаго рода, т. е. по обвиненіямъ по «слову и дѣлу».

[1]) П. С. З. № 1918.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно видно, что основная роль Преображенскаго приказа была чисто полицейская для гор. Москвы: на Преображенскомъ вѣдалъ Москвой князь Ѳедоръ Ромодановскій въ Преображенскомъ приказѣ, бывшемъ тогда, въ сущности, канцеляріей полицеймейстерскихъ дѣлъ Москвы и болѣе ничего, — постолько занимавшейся «словомъ и дѣломъ», поскольку это выпадало на долю всѣхъ вообще административныхъ и судныхъ учрежденій того времени. Ясной къ этому иллюстраціей служитъ слѣдующій фактъ: *для 1696 года*, изъ общаго числа (сохранившихся) дѣлъ Преображенскаго приказа, именно, около 605, по «слову и дѣлу» имѣются не болѣе 5 дѣлъ. Слѣдовательно, можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью, что въ первые годы своего существованія — до 1702 года — Преображенскій приказъ отнюдь не являлся учрежденіемъ спеціальнымъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Съ 1702 года положеніе немного измѣняется, но все-таки Преображенскій приказъ не дѣлается спеціальнымъ и исключительнымъ по предметамъ своего вѣдомства учрежденіемъ для преслѣдованія государственныхъ преступленій; указъ 1702 года только вводитъ въ вѣдѣніе исключительно Преображенскаго приказа и всѣ дѣла изъ провинцій, присылаемыя по «слову и дѣлу». Въ этомъ сказывается желаніе царя поручить близкому и довѣренному человѣку эти дѣла, принявшія, возможно, въ глазахъ Петра слишкомъ важный характеръ, чтобы ихъ можно было вести обычнымъ порядкомъ. Однако, какъ явствуетъ изъ обозрѣнія дѣлъ Преображенскаго приказа, полиція города Москвы по старому оставалась въ его завѣдываніи, да съ того-же времени хозяйственно-оружейная часть въ управленіи гвардіей, — а отчасти и арміей, — все болѣе ложилась тоже на Преображенскій приказъ. Такимъ образомъ послѣ 1702 года прибавилось къ вѣдомству Преображенскаго приказа исключительное завѣдываніе дѣлами по «слову и дѣлу», да прибавлялись понемногу дѣла по хозяйству и вооруженію гвардіи и отчасти армейскихъ полковъ; кромѣ того, по старому, въ его вѣдѣніи оставалась полиція Москвы. Такимъ образомъ и теперь Преображенскій приказъ вовсе не являлся исключительно спеціальнымъ учрежденіемъ по разслѣдованію государственныхъ преступленій. Все это въ совокупности даетъ впечатлѣніе, что Петръ, обративъ вниманіе на «дѣла государственныя» и рѣшивъ ихъ пору-

чить людямъ близкимъ и надежнымъ, въ большей части поручилъ ихъ Ромодановскому, начавшему вѣдать это порученіе на ряду съ другими, новыми и старыми, въ Преображенскомъ приказѣ.

Такое нагроможденіе разнообразныхъ дѣлъ, мало имѣющихъ общаго другъ съ другомъ, вызывало, вѣроятно, недоразумѣнія, которыя заставили Петра особымъ указомъ въ 1722 году точнѣе опредѣлить, что-же собственно подобаетъ вѣдать Преображенскому приказу. Въ этомъ указѣ Петръ пишетъ: «чтобъ дѣламъ быть въ Преображенскомъ слѣдующимъ:

«1) которые въ государственныхъ дѣлахъ, а именно: въ дурныхъ словахъ или дѣлѣ къ возмущенію и тому подобныхъ дѣлъ».

«2) полки гвардіи чтобъ вѣдомы были попрежнему».

«3) постороннихъ дѣлъ... никогда не примать», а имѣющіяся такія «отдать къ своимъ мѣстамъ»; но тутъ дѣлается исключеніе («развѣ») для крупныхъ разбойныхъ дѣлъ [1]).

Этотъ указъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что послѣ 1702 г. по крайней мѣрѣ, Преображенскій приказъ отнюдь не является спеціальнымъ по государственнымъ преступленіямъ учрежденіемъ, а это служитъ къ подтвержденію выше нами высказаннаго предположенія такого рода; во-вторыхъ, нельзя не обратить вниманія на то, что «вѣдѣніе» приказомъ дѣлъ по «слову и дѣлу» выдвигается все-таки теперь какъ-бы на первое мѣсто, а вся *мелкая* полиція (можетъ быть, и еще какія-либо къ тому времени попавшія въ вѣдомство того-же приказа дѣла) изъемлются изъ вѣдѣнія приказа, хотя важнѣйшія разбойныя дѣла должны были все-таки остаться. Если къ этому прибавить, что кн. Ив. Ромодановскій (наслѣдовавшій приказъ отъ отца) съ 1726 года, приблизительно, называется генералъ-губернаторомъ Московскимъ, т. е. высшимъ полицейско-административнымъ лицомъ Москвы, то станетъ ясно, что Преображенскій приказъ въ основѣ своей съ начала и до конца своего существованія являлся главнымъ образомъ полицейскимъ учрежденіемъ, только осложненнымъ порученіемъ слѣдовать провинціальныя дѣла по «слову и дѣлу»; да еще ему-же, были поручены и дѣла хозяйственныя преимущественно полковъ гвардіи. Въ дополненіе ко всему этому и въ связи съ завѣдываніемъ, въ извѣстномъ отношеніи, гвардіей въ Преображенскомъ приказѣ появился еще рядъ дѣлъ по

[1]) Г. А; К. П., Кн. Им. ук. за 1722 г., л. 68.

разнымъ земельнымъ и другимъ имущественнымъ тяжбамъ, что, конечно, еще болѣе загромоздило и обезформило дѣлопроизводство приказа. А произошло это послѣднее усложненіе дѣятельности приказа потому, что многіе гвардіи офицеры били приказу челомъ о невѣдѣніи нигдѣ ихъ имѣній судомъ, кромѣ Преображенскаго приказа, и, когда на это получали согласіе приказа (что бывало не особенно рѣдко), то переносили всѣ свои тяжебныя дѣла изъ разныхъ другихъ учрежденій въ Преображенскій приказъ. Такъ появился этотъ новый рядъ дѣлъ въ вѣдѣніи приказа. Не о разсылкѣ-ли именно *этихъ* дѣлъ по надлежащимъ мѣстамъ говоритъ Петръ въ вышеприводимомъ указѣ 1722 года?

Изъ вышеприведеннаго краткаго обозрѣнія вѣдомства Преображенскаго приказа съ достаточной ясностью видно, что никакъ нельзя считать этотъ приказъ первымъ въ Россіи спеціальнымъ установленіемъ по преслѣдованію и сужденію преступленій по «слову и дѣлу»; это послѣднее, какъ только одно изъ порученій, сдѣланныхъ Петромъ кн. Ромодановскому,—притомъ порученіе ограниченное и пространствомъ (Москва и провинціи), и качествомъ дѣлъ (болѣе мелкія),—входило въ составъ еще многихъ дѣлъ, въ этомъ приказѣ вѣдавшихся. Въ дополненіе къ этому не безынтересно замѣтить, что въ кабинетныхъ дѣлахъ времени Петра сохранилось за время 1702—1725 гг. многое изъ переписки съ Ромодановскимъ, и при бѣгломъ только просмотрѣ этой переписки ясно уже, что дѣла полковъ гвардіи (ихъ обмундированіе, вооруженіе, наборъ и проч.) составляютъ главнѣйшій предметъ дѣлъ Преображенскаго приказа.

Итакъ въ 1702 году Петръ сдѣлалъ крупный шагъ по старому, уже въ XVII вѣкѣ намѣченному пути: онъ передалъ, поручилъ дѣла по «слову и дѣлу» однимъ общимъ распоряженіемъ въ ихъ огромномъ большинствѣ своему близкому довѣренному человѣку, изъявъ ихъ цѣликомъ почти изъ общаго порядка «слѣдованія». Если у царя Алексѣя Михайловича побудительныя причины къ такого рода направленію «государственныхъ дѣлъ» появлялись только изрѣдка, только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ,—то у пріемника его, съ борьбой и треволненіями обрѣтшаго свою наслѣдственную власть, съ усиліями, невѣдомыми царю Алексѣю, державшаго ее въ своихъ рукахъ именно въ началѣ своего царствованія,

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очеркъ исторіи маіорскихъ розыскныхъ канцелярій Петровскаго времени.

Объединяющее названіе «маіорскія розыскныя канцеляріи» является до извѣстной степени искусственнымъ. Передъ нами есть только рядъ совершенно отдѣльныхъ учрежденій, носящихъ названія: канцелярія вѣдѣнія такого-то (напр. отъ лейбъ-гвардіи маэора Дмитріева-Мамонова), канцелярія вѣдомства такого-то, канцелярія розыскныхъ дѣлъ такого-то; а иногда, какъ увидимъ, рядомъ съ этимъ, какъ-бы личнымъ названіемъ, постепенно образуется и примѣняется другое:—«канцелярія вѣдѣнія отъ лейбъ-гвардіи маэора Ушакова» часто называется «канцелярія рекрутнаго щета», къ канцеляріи вѣдомства Дмитріева-Мамонова прилагается одновременно названіе: «сибирская канцелярія». Однако употребленіе этихъ наименованій идетъ очень безпорядочно, и часто почти рядомъ къ одному и тому-же учрежденію прилагаются разныя названія. Но въ этомъ безпорядкѣ и какъ-бы раздѣльности, при болѣе близкомъ изученіи нельзя все-таки не замѣтить чего-то общаго, дающаго право на нѣкоторое объединеніе всѣхъ этихъ канцелярій, вслѣдствіе видимаго единства основныхъ чертъ ихъ сущности. Вскрытіе и разсмотрѣніе этихъ чертъ укажетъ ясно на существованіе въ основѣ такихъ установленій если не одного тожественнаго учрежденія, то, по меньшей мѣрѣ, ряда общихъ принциповъ, могшихъ при нѣкоторомъ детальномъ развитіи, повести именно къ опредѣленной идеѣ учрежденія, какъ будто лежащей въ основѣ всѣхъ этихъ разноименныхъ канцелярій. И такого рода объединеніе не будетъ являться исключительно орудіемъ анализирующаго историка: очевидно, что однородность этихъ учрежденій, единство принциповъ въ основаніи ихъ лежащихъ, хотя и смутно, однако опредѣленно, какъ увидимъ, сознавалось ихъ создавшимъ Петромъ и въ нихъ работавшими людьми.

Все это даетъ право приступить къ разсмотрѣнію этихъ отдѣльныхъ канцелярій въ ихъ цѣломъ, въ ихъ общемъ, какъ установленій однородныхъ и подобныхъ.

Мнѣ удалось найти данныя къ исторіи «канцелярій вѣдомства» слѣдующихъ лицъ: кн. Алекс. Шаховского, кн. Мих. Волконскаго, Богд. Скорнякова-Писарева, Ив. Плещеева, кн. Вас. Вл. Долгорукова, Мих. Аѳ. Матюшкина, кн. Н. М. Голицына, А. И. Ушакова, Мих. Волкова, Ив. Ил. Дмитріева-Мамонова, Гер. Ив. Кошелева, кн. Юсупова, С. Салтыкова.

Заранѣе оговаривая неполноту матеріаловъ, имѣвшихся въ моемъ распоряженіи по исторіи этихъ канцелярій, я взялъ на себя все-таки смѣлость составленія предлагаемаго очерка ихъ дѣятельности въ виду слѣдующихъ соображеній. Основные архивные фонды частью завѣдомо сгорѣли во время пожара Московскаго сенатскаго архива въ 1737 г. (именно дѣла канцелярій Дмитріева-Мамонова, Юсупова и Матюшкина), частью видимо исчезли и разсѣялись, такъ какъ въ главнѣйшихъ архивахъ обѣихъ столицъ этихъ фондовъ нигдѣ не оказывается; такое положеніе дѣла заставило пользоваться другими архивными фондами, въ которыхъ явилась возможность найти, часто совершенно случайно туда попавшія, извѣстія о розыскныхъ канцеляріяхъ. Собранные такимъ образомъ матеріалы представляются нѣсколько освѣщающими главнѣйшія черты дѣятельности маіорскихъ канцелярій, что, казалось мнѣ, даетъ достаточное основаніе для составленія предлагаемаго краткаго очерка ихъ исторіи, очерка, имѣющаго притомъ спеціальное назначеніе, ввести въ пониманіе исторіи Тайной Канцеляріи.

I.

«1717 г. декабря въ 13 день по указу Великаго Государя, правительствующій сенатъ приказали: лейбъ-гвардіи къ господамъ офицерамъ, которые опредѣлены къ дѣламъ: генералу-маэору и полковнику князю Голицыну, маіорамъ: князю Салтыкову, Волкову, Дмитріеву-Мамонову, брегадиру и генеральному ревизору господину Зотову на приказные расходы изъ канцеляріи сената отпустить по 50 рублевъ. А когда у нихъ въ канцеляріи деньги будутъ въ сборѣ, оныя данныя деньги въ канцелярію сената возвратить» [1]). Указомъ того же

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51 л. 18.

года отъ 17-го декабря велѣно было сенатомъ «лейбъ-гвардіи къ господамъ офицерамъ въ канцеляріи» отослать изъ военной коллегіи «для караулу и посылокъ солдатъ, по сколько человѣкъ надлежитъ» [1]).

23-го декабря того-же года былъ данъ сенатомъ такой указъ: «По именному Великаго Государя указу опредѣлены къ розыскнымъ дѣламъ господа офицеры, а именно: генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи подполковникъ князь Петръ княжъ Михайловъ сынъ Голицынъ; лейбъ-гвардіи маіоры: князь Григорій княжъ Дмитріевъ сынъ Юсуповъ, Семенъ Андреевъ сынъ Салтыковъ, Михайло Яковлевъ сынъ Волковъ, Иванъ сынъ Дмитріевъ-Мамоновъ и лейбъ-гвардіи капитанъ Герасимъ Ивановъ сынъ Кошелевъ. Правительствующій сенатъ приказали: о чемъ отъ нихъ указы посылаться будутъ, а именно: о присылкѣ какихъ чиновъ людей, также и дѣлъ для розыска въ Санктпетербургъ и по тѣмъ указамъ быть послушнымъ и отпускать, чего они требовать будутъ, также и на подводы прогонныя деньги давать вездѣ безъ задержанія» [2]). А дальнѣйшими указами сената того-же мѣсяца по требованіямъ вышеназванныхъ господъ офицеровъ имъ посылались дьяки и подъячіи для веденія дѣлъ въ ихъ канцеляріяхъ [3]).

Такъ въ концѣ 1717 года былъ организованъ рядъ канцелярій для розысковъ подъ вѣдѣніемъ господъ лейбъ-гвардіи офицеровъ. Однако, какъ увидимъ, не сразу и не съ этого именно момента явились описываемыя учрежденія, хотя этимъ временемъ опредѣляется особенно широкое ихъ возникновеніе. Постараемся разобраться въ матеріалахъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, о каждой изъ такихъ канцелярій въ отдѣльности.

1. Въ 1713 году Петръ именнымъ указомъ изъ кабинета посылаетъ отъ гвардіи офицера Ивана Ильича Дмитріева-Мамонова на Вологду для изслѣдованія о недозволенной изъ Архангельска продажѣ купецкими людьми юфти и пеньки за границу [4]). И Дмитріевъ-Мамоновъ еще былъ въ Вологдѣ, въ томъже еще году, а Петръ за своимъ подписаніемъ уже шлетъ ему второй указъ: «по полученіи сего указу ланрихтера Ивана Нахалова такожъ противъ приложенной при семъ имянной росписи наборщиковъ, которые рекрутъ набирали, такъже прикащиковъ и старостъ, сыскавъ, возмите за караулъ; а какое до нихъ дѣло, и о томъ немедленно будемъ къ вамъ писать» [1]), и при письмѣ своемъ отъ 3-го декабря того-же года Петръ, говоря о «сказкахъ» доносителей на злоупотребленія наборщиковъ рекрутъ, пишетъ, что посылаетъ при этомъ копіи съ этихъ «сказокъ»,—«противъ которыхъ вамъ розыскать и, кто приличны будутъ, тѣхъ пытать и розыскивать; тѣхъ наборщиковъ, которые явятся по розыску во взяткахъ, возмите сюды съ собой за карауломъ... И розыскать накрѣпко, и тотъ розыскъ и ихъ Нахалова и Кузмена тогда, какъ вы сюда поѣдете, возьмите» [2]).

«Въ 1717 году Царскаго Величества именнымъ указомъ повелѣно отъ лейбъ-гвардіи маіору Дмитріеву-Мамонову имѣть канцелярію, въ которой управлять дѣла по пунктамъ Царскаго Величества», «а ко онымъ дѣламъ въ той канцеляріи надлежитъ быть подъячимъ» всего 13 человѣкамъ, съ требованіемъ которыхъ, а также чернилъ, бумаги, сургучу, помѣщенія и т. д., Дмитріевъ-Мамоновъ обращается въ сенатъ [3]). И уже въ январѣ слѣдующаго 1718 года эта канцелярія находится въ полномъ дѣйствіи.

Въ письмѣ отъ 18 января къ Петру за подписью Ив. Дмитріева-Мамонова, Ив. Лихарева, Егора Пашкова и Ив. Бахметьева, съ просьбой указанія по одной мелочи розыска, подписавшіе въ началѣ говорятъ: «по данному отъ Вашего Величества указу повелѣно намъ изслѣдовать по фискальскому доношенію о Евреиновыхъ» [4]); видимо, Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ дѣйствуетъ въ поручаемыхъ розыскахъ не одинъ, а коллегіально. Въ томъ-же году «имяннымъ Царскаго Величества указомъ повелѣно намъ отъ гвардіи офицерамъ изслѣдовать о бытности въ Сибири господина подполковника Бухалта» [5]), при чемъ, надо замѣтить, эту бумагу подписываетъ однако *одинъ* Дмитріевъ-Мамоновъ (апрѣль 1718 г.). Дѣло кн. Гагарина, сибирскаго губернатора, было тоже слѣдовано канцеляріею Дмитріева-Мамонова въ томъ же году и тянулось впродолженіе четырехъ лѣтъ, до 1721 года; лихоимство, злоупотребленія властью и

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51, л. 40.
[2]) П. С. З., № 3138.
[3]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51, напр., л. 105.
[4]) Г. А., К. П. Кн. Им. Ук. 1713 г. л. 77

[1]) Г. А., К. П., Кн. Им. Ук. 1717 г., л. 79.
[2]) Г. А., К. П. Кн. Им. Ук. 1713 г. лл. 82—83.
[3]) М. А. М. Ю., сен кн. 51/51 л. 3, 4 и др
[4]) Г. А., К. П. Кн. 36, л. 56
[5]) Ibidem, л. 58.

взяточничество, словомъ, преимущественно преступленія «противъ третьяго пункта» указа 1715 года были «розыскиваемы» въ дѣлѣ кн. Гагарина.

Такимъ образомъ къ 1718 году около Дмитріева-Мамонова образовывается канцелярія его вѣдомства, во главѣ которой стоитъ нѣсколько офицеровъ отъ гвардіи, но истиннымъ начальникомъ которой все-таки остается Дмитріевъ-Мамоновъ, извѣщавшій Петра въ то время о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ кн. Юсупову «изъ канцеляріи *врученной мнѣ*, нижайшему рабу Вашему» [1]). Хотя иногда прибавлялось еще имя Лихарева, и канцелярія получала названіе: «канцеляріи вѣдѣнія лейбъ-гвардіи мазоровъ Дмитріева-Мамонова и Лихарева съ прочими офицеры» [2]), однако названіе «канцелярія вѣдѣнія Дмитріева-Мамонова» видимо преобладаетъ, и въ цѣломъ рядѣ доношеній-писемъ Петру съ отчетами о суммахъ, бывшихъ у него по разнымъ дѣламъ, Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ о канцеляріи «вѣдѣнія его» [3]). Были случаи, когда писали безъ упоминанія о канцеляріи; напримѣръ: «вѣдѣніе изъ ближней канцеляріи лейбъ-гвардіи господамъ мазорамъ Ивану Ильичу Дмитріеву-Мамонову, Ивану Лихареву съ товарищи» [4]). Въ 1719 году въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ поступаетъ дѣло по подметному письму о тобольскихъ жителяхъ, что есть среди нихъ противники указовъ о нѣмецкомъ платьѣ и бритьѣ бороды. Тайная канцелярія пересылаетъ это дѣло «для слѣдованія и учиненія по нихъ указа» въ канцелярію вѣдѣнія Дмитріева-Мамонова, «въ канцелярію вашего вѣдѣнія», а адресъ указа: «брегадиру и лейбъ-гвардіи мазору Ивану Ильичу Дмитріеву-Мамонову и протчимъ офицерамъ». Этотъ переносъ дѣла мотивированъ тѣмъ, что доноситель «сказалъ, что о томъ о всемъ, о чемъ онъ въ помянутой канцеляріи роспросомъ показалъ, въ канцеляріи вашего (т. е. Мамонова) вѣдомства показано-жъ», поэтому «государь указалъ» и все дѣло переслать Дмитріеву-Мамонову [5]). Наконецъ, въ январѣ уже 1724 г. есть «опредѣленіе» Тайной Канцеляріи за подписью Ушакова о нѣкоемъ Козминѣ, сказавшемъ ложно «слово и дѣло», о которомъ опредѣлено отослать его «въ канцелярію вѣдѣнія

[1]) Г. А., К. П. Кн. 36, *лл.* 53—55.
[2]) Г. А., К. П. II, 62, л. 1259.
[3]) Г. А., К. П. II, кн. 62, л. 1274—1375.
[4]) Г. А. XXVI, № 200.
[5]) Г. А., VII. № 37.

генерала-мазора господина Дмитріева-Мамонова, къ слѣдованію о каналехъ, что въ Кронштатѣ, понежѣ онъ показалъ на Самарина о похищеніи казны, что къ той канцеляріи прилично, и о томъ въ означенную канцелярію послать промеморію» [1]).

Слѣды существованія канцеляріи послѣдній разъ попадаются въ 1725 году, откуда, конечно, не слѣдуетъ заключать объ ея уничтоженіи въ это время; однако, въ 1737 г. дѣла ея находились уже въ Сенатскомъ Московскомъ Архивѣ, и всѣ сгорѣли во время пожара, бывшаго въ этомъ году въ Москвѣ [2]). Въ это время они уже достигли большихъ размѣровъ: всѣ дѣла были переплетены въ 191 книгу [3]).

Такимъ образомъ, поручивъ мазору отъ гвардіи Дмитріеву-Мамонову нѣсколько розыскныхъ дѣлъ, Петръ снабжаетъ его, какъ довѣренное лицо, большими полномочіями: «кто приличны будутъ» къ дѣлу—«пытать и розыскивать», и розыскивать накрѣпко. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ порученій,—дѣло разрастается, и у Дмитріева-Мамонова является рядъ помощниковъ-офицеровъ, образуется канцелярія; эти офицеры являются его «товарищами»; канцелярія иногда называется ихъ общаго какъ-бы вѣдѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ глава учрежденія, всегда фигурируетъ Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ: онъ одинъ ведетъ переписку съ Петромъ по дѣламъ канцеляріи; онъ одинъ иногда подписывается за всѣхъ; передача дѣлъ часто адресуется на его имя:—въ письмѣ къ нему отъ 12-го августа 1721 года Макаровъ, передавая ему доношеніе Нестерова о злоупотребленіяхъ дьяковъ въ Москвѣ, пишетъ: «и оное доношеніе указалъ Его Царское Величество для рѣшенія отослать *къ вамъ*» [4]). Все это производитъ впечатлѣніе, что нѣчто похожее на коллегіальное начало существовало въ канцеляріи между Мамоновымъ и его товарищами; но Мамоновъ все-таки былъ главой, первоприсутствующимъ этой коллегіи въ зачаткѣ; при чемъ едва-ли были строго намѣчены границы единоличнаго и коллегіальнаго рѣшеній; да и самая коллегія была въ части своей неустойчива, случайна: въ нее, видимо, входили иногда разные «штапъ-и оберъ-офицеры». Ушаковъ въ одномъ письмѣ къ кн. Михаилу Голицыну, сообщая о неимѣніи у него указовъ царскихъ о томъ, какъ судить въ нѣкоторомъ случаѣ,

[1]) Г. А., VII, № 29 (II кар.).
[2]) Опис. Моск. Архива Мин. Юст. Т. V, стр. 23.
[3]) Ibidem.
[4]) Г. А., IX, № 2 карт. 3, л. 151 въ книгѣ за 1721 г.

писалъ: «уповаю я, что такіе указы имѣются въ канцеляріи вѣдомства генерала-маэора Дмитрѣва-Мамонова, *ибо когда мы во оной канцеляріи съ прочими лейбъ-гвардіи штатъ-и оберъ-офицерами обще слушали дѣлъ, упоминались такіе указы»* [1]).

Мы видѣли, что сферу дѣятельности этой коллегіальной канцеляріи опредѣлить можно съ внѣшней стороны словомъ «розыскъ», точнѣе,—производство розысковъ—слѣдованій по дѣламъ, поручаемымъ по мѣрѣ надобности самимъ Петромъ; при чемъ, входя во все ближайшимъ образомъ, самъ Императоръ слѣдилъ за дѣлами канцеляріи, на что ясно указываетъ рядъ писемъ Мамонова непосредственно къ Петру по разнымъ, часто мелкимъ, дѣламъ [2]) и дошедшій до насъ рядъ именныхъ указовъ Петра по Гагаринскому дѣлу, данныхъ по Мамоновской канцеляріи. Иногда Государь и самъ бывалъ въ канцеляріи, такъ какъ мы имѣемъ указаніе на «Указъ Великаго Государя изъ канцеляріи» вѣдѣнія Дмитріева-Мамонова [3]) данный. Если «розыскиваніе» и «слѣдованіе» являлись обычно главнымъ дѣломъ канцеляріи, то полномочія ея въ рѣшеніи и направленіи дѣлъ были до чрезвычайности шатки, завися, видимо, отъ каждаго даннаго случая, отъ каждаго даннаго «порученія»; по крайней мѣрѣ, отсылая одно дѣло (о злоупотребленіи московскихъ дьяковъ) Мамонову «для рѣшенія», Макаровъ пишетъ: «ежели же о томъ рѣшенія учинить собой не можете, и по тому вамъ доложить Его Царскому Величеству» [4]). Какъ будто сами «присутствующіе», самъ Мамоновъ долженъ рѣшать въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ-ли онъ здѣсь обойтись безъ Государевой воли, или нѣтъ; такая простота станетъ болѣе понятной, если не забывать постоянный и близкій надзоръ самого Императора.

Выяснивъ въ предыдущемъ, по возможности, общій видъ канцеляріи и въ общихъ чертахъ кругъ ея вѣдомства, остановимся немного на способахъ ея дѣйствованія. Какъ мы уже видѣли, прямые указы Петра опредѣляли задачи канцеляріи въ каждомъ конкретномъ случаѣ; словомъ, дѣйствовало въ чистомъ видѣ «порученіе», иногда даже даваемое черезъ третье лицо. Какъ давались эти порученія, и въ какія рамки обычно ставили дѣятельность канцеляріи, съ нѣкоторой наглядностью

[1]) Г. А., VII, № 8, ч. 1.
[2]) См. Г. А., К. П. Кн. 62, л. 1275 и др. К. П. Кн. 36, л. 56 и 58.
[3]) Г. А., XXVI, № 200.
[4]) Г. А., IX № 2, карт. 3, л. 151 об.

видно изъ слѣдующаго документа. Въ канцеляріи въ 1718 г. слѣдовалось большое дѣло по доносамъ (всяческимъ) бывшаго фискала Санина: попало оно въ канцелярію Мамонова послѣ слѣдующаго письма Бутурлина: «Благородный господинъ маэоръ и господа капитанъ Лихаревъ, капитанъ порутчикъ Пашковъ, порутчикъ Бахметевъ! Прошедшаго мая въ 28-й день Царское Величество, слушавъ доносительныхъ пунктовъ бывшаго фискала Санина, который нынѣ у васъ, указалъ по имянному своему Великаго Государя указу по онымъ пунктамъ о нѣкоторыхъ дѣлехъ изслѣдовать и розыскать о всемъ, какъ по указомъ Его Величества подлежитъ, вамъ; а ежели о немъ, Санинѣ, по тѣмъ дѣламъ прежде сего слѣдованіе было, или рѣшеніе есть, а оный доноситъ, возобновляя, хотя отбыть каторги, то о томъ о всемъ отослать извѣстіе тебѣ, господину мазору, за своею рукою къ князу Ивану Ромодановскому для указаного рѣшенія, понеже онаго Санина повелѣно взять къ розыску по такимъ-же дѣламъ ему князь Ивану; и о томъ имяннымъ-же Его Царскаго Величества указомъ отъ меня къ нему писано. А о какихъ дѣлехъ слѣдовать и розыскивать, тому при семъ прилагается реестръ. Слуга вашъ Иванъ Бутурлинъ» (16-го іюня 1718 г.) [1]). Мы видѣли выше, что и кабинетъ-секретарь Макаровъ подобными письмами передавалъ по именнымъ указамъ разныя дѣла Дмитріеву-Мамонову; мы видѣли, что это дѣлалось и прямыми указами Императора Дмитріеву-Мамонову; другихъ путей, которыми-бы поступали дѣла въ канцелярію Мамонова, повидимому, не бывало:—личное порученіе Императора—единственный существовавшій путь. Вотъ еще письмо Бутурлина къ «благородному господину маэору Дмитріеву-Мамонову гвардіи Семеновскаго полку съ товарищи». «Благородный господинъ маэоръ и господа капитанъ Лихаревъ, капитанъ порутчикъ Пашковъ, порутчикъ Бахметевъ! Бывшій Ярославецъ купецкій человѣкъ Иванъ Рукавинъ, который сидѣлъ въ канцеляріи по порукѣ въ подрядномъ дѣлѣ у полковника Кошелева и отъ него отданъ бить сваи за вину свою, и оный сказалъ за собою государево слово и подалъ мнѣ письма доводныя, а тѣ ему письма отдалъ бывшій фискалъ Санинъ; и оный Санинъ по тѣмъ письмамъ взятъ съ каторжнаго двора; и сего дня по имянному Царскаго Величества указу къ тебѣ въ канцелярію отсылаю съ тѣми его

[1]) Г. А., VII № 79.

письмами, изволь его разспросить обстоятельно и по тому дѣлу слѣдовать; и будетъ по распроснымъ его рѣчамъ, кто какого чина ни есть,—духовныхъ и мирскихъ,—доведутся, взять къ тому дѣлу здѣсь въ Петербурхѣ или изъ иныхъ городовъ, также и изъ деревень, изволь посылать и брать; а что въ томъ дѣлѣ будетъ являться, изволь доносить Его Величеству; да по Его же Царскаго Величества указу посылаю къ тебѣ помянутаго Рукавина, изволь приказать его держать съ колодниками до указу; изволь твое благородіе съ товарищи по сему чинить» (8-го апрѣля 1718 г.) [1]). Такимъ образомъ въ Мамоновскую канцелярію вступали дѣла путемъ порученія отъ лица Императора въ томъ видѣ и такимъ образомъ, какъ то предписывалъ указъ для каждаго конкретнаго случая.

Когда дѣло поступало въ канцелярію, и были, откуда слѣдовало, присланы обвиняемые, то обычно бывалъ имъ распросъ: «И апрѣля во 12 нынѣшняго году передъ маіоромъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ съ товарищи присланной съ каторжнаго двора Иванъ Рукавинъ распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ»... и далѣе идутъ показанія обвиняемаго, обычно скрѣпленныя его подписью. За этимъ зачастую слѣдуютъ пытки и запись пыточныхъ рѣчей. Когда такого рода матеріалъ соберется, то происходитъ въ канцеляріи передъ маіоромъ и ассессорами чтеніе всѣхъ показаній, и въ результатѣ часто слѣдуетъ приговоръ о какихъ-либо распоряженіяхъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго розыска. «1718 года, іюля въ день по указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича... (титулъ)... лейбъ-гвардіи маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, капитанъ-порутчикъ Егоръ Ивановичъ Пашковъ, порутчикъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, слушавъ распросныхъ рѣчей Ефима Санина и реестру. приговорили: дѣла, которыя по тому реестру велѣно слѣдовать, взять въ Санктъ-Питербурхъ, и о взятіи тѣхъ дѣлъ къ господину маіору Ушакову писать; а которые люди по тѣмъ дѣламъ надлежатъ, тѣхъ допросить» [2]). При этомъ приговоры обычно подписывали ассесоры съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, но не всегда въ одинаковомъ числѣ; повидимому, не было установленнаго числа подписей: «слушали и приговаривали», смотря по обстоятельствамъ,

[1]) Г. А., VII, № 79, л. 41.
[2]) Г. А., VII, № 79, л. 44.

всѣ или нѣкоторые только изъ «присутствующихъ господъ офицеровъ». Дѣлались приговоры «по указу» Государя, вѣроятно, не фиктивному; часто можно встрѣтить, что «распросныя рѣчи» докладывались Императору, а онъ, «слушавъ доносительныхъ пунктовъ», «указалъ» [1]). Такія указанія Петра обычно заносились въ указную книгу канцеляріи въ такомъ видѣ: «1718 года, іюля въ 3 день по указу Великаго Государя и Царя и Вел. Кн. Петра Алексѣевича... и т. д. Л.-гв. маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, капитанъ-порутчикъ Егоръ Ивановичъ Пашковъ, порутчикъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ приказали Его Великаго Государя указъ въ канцеляріи ихъ вѣдомства записать въ книгу, что по именному Его Царскаго Величества *изустному* указу велѣно послать отъ гвардіи порутчика Аврама Шамордина въ Сибирь» и т. д. Идутъ подписи всѣхъ, въ началѣ помянутыхъ, офицеровъ [2]). Эти изустные указы Императора встрѣчаются довольно часто; они, видимо, дѣлаются или при присутствованіи Петра въ канцеляріи, или при докладѣ выписокъ Мамоновъ выслушиваетъ ихъ отъ Царя лично; въ одномъ письмѣ къ Макарову Мамоновъ говоритъ, что «вчерашняго дня въ военной коллегіи докладывалъ я Царскому Величеству» [3]). Иногда эти указы касаются даже самыхъ мелочей розыска; напримѣръ, этотъ самый Шамординъ присылаетъ изъ Сибири рядъ, часто мелкихъ, вопросовъ, какъ ему вести розыскъ; и всѣ они докладывались Петру, который или давалъ такіе «изустные» указы, или, иногда, прямо писалъ свои резолюціи на докладныхъ выпискахъ [4]). Иногда, хотя рѣдко, указы передавались и третьими лицами, напримѣръ: «1721 г. ноября 25 дня въ канцеляріи вѣдѣнія бригадировъ и лейбъ-гв. маіоровъ Дмитріева-Мамонова и Лихарева съ прочими офицеры, Его Императорскаго Величества денщикъ Василій Петровъ сынъ Поспѣловъ объявилъ словесно Его Императорскаго Величества указъ: что Е. И. В. указалъ по именному своему словесному указу князя Матвѣя Гагарина съ висѣлицы изъ петли снявъ, и здѣлавъ желѣзную цепь, поднять на той цѣпи на той же висилецѣ, гдѣ онъ нынѣ былъ. И сей Его Императорскаго Величества именной указъ лейбъ-гвардіи маіоръ господинъ

[1]) Г. А. VII, № 79.
[2]) С. А., Кн. Им. ук., № 25 (первый указъ).
[3]) Ibidem.
[4]) С. А., Кн. Им. Ук. № 25.

Дмитріевъ-Мамоновъ приказалъ въ канцеляріи вѣдомства своего записать въ книгу» [1]). Дмитріевъ-Мамоновъ и подписалъ. Такимъ образомъ постоянно, въ разныхъ стадіяхъ дѣла Петръ вмѣшивался и самъ направлялъ ходъ дѣла далѣе своею властною рукою. Однако каково-бы ни было постоянное вмѣшательство Императора, все-таки въ общихъ чертахъ ходъ дѣла всегда оставался неизмѣннымъ. Когда кончался собственно розыскъ, когда были произведены въ надлежащемъ присутствіи всѣ распросы и очныя ставки, тогда составлялись обычно докладныя выписки, которыя и подносились царю. Мы уже выше приводили выдержку изъ письма Макарова къ Мамонову, гдѣ дѣло посылалось на рѣшеніе; но, если Дмитріевъ-Мамоновъ не «можетъ» рѣшить, то пусть доложитъ Императору. Изъ этого видно, что иногда канцелярія могла сама вершить дѣло по указу своимъ приговоромъ, иногда за это не бралась, а прямо докладныя по произведенному розыску выписки представляла царю. Приводился-ли приговоръ въ исполненіе въ первомъ случаѣ безъ утвержденія Петра? Прямого отвѣта намъ на это найти не удалось, но разъ Императоръ такъ непосредственно иногда входитъ даже въ мелочи, то трудно допустить, чтобы приговоры приводились въ исполненіе безъ его санкціи, хотя бы и примитивной по формѣ. Въ заключеніе замѣтимъ, что канцелярія сносилась съ коллегіями—«промеморіями», съ сенатомъ и кабинетомъ—«доношеніями»; въ ея распоряженіи были денежныя суммы, конфискуемыя имущества; и наконецъ, подъ ея вѣдѣніемъ содержались колодники, «принятые» по дѣламъ въ ней слѣдовавшимся. Таковы основныя черты способа дѣйствованія Мамоновской канцеляріи, насколько возможнымъ явилось ихъ установить по скуднымъ матеріаламъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Къ сожалѣнію, до насъ дошло мало свѣдѣній о составѣ собственно канцеляріи, т. е., о количествѣ дьяковъ и подъячихъ, мы знаемъ только, что въ мартѣ 1718 г. въ канцеляріи было всего 13 подъячихъ [2]).

Предметы вѣдѣнія канцеляріи, какъ мы уже замѣтили, каждый разъ опредѣлялись тѣмъ или инымъ порученіемъ; хотя и по количеству дѣлъ, и по указу, «розыскныя» дѣла составляли основной предметъ вѣдѣнія Мамоновской канцеляріи: таковы дѣла на Вологдѣ, ему порученныя, таково дѣло сибирскаго губернатора кн. Гагарина, наконецъ повелѣно было указомъ за подписью собственноручною Петра «лейбъ-гвардіи мазоромъ Ивану Ильичу Дмитріеву-Мамонову, Ивану Михайловичу Лихареву съ прочими офицеры изслѣдовать дѣла по фискальскимъ доношеніямъ» [1]). Такимъ образомъ, видимо, сферой дѣятельности канцеляріи служили дѣла «противъ третьяго пункта», или «интересныя», какъ они тогда именовались, т. е. дѣла, касающіяся нанесенія ущерба казенному интересу.

[1]) С. А., Кн. Им. Ук. № 25.
[2]) М. А. М. Ю., сент. кн. 51/51.

Въ реестрѣ вершеныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи за 1719 г., однако, есть слѣдующая запись: «отпускъ Указа изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ въ канцелярію вѣдомства господина брегадира и гвардіи мазора Дмитріева-Мамонова», а этотъ указъ—по дѣлу Выморкова, по поводу его «слова и дѣла» [2]); при чемъ, дѣло о Выморковѣ слѣдовалось въ канцеляріи Мамонова, откуда уже было переслано въ Тайную Канцелярію [3]). Это дѣло о Выморковѣ дошло до насъ цѣликомъ. Изъ канцеляріи полицеймейстерскихъ дѣлъ былъ присланъ въ Тайную Канцелярію подъячій якутскій Семенъ Выморковъ, какъ сказавшій за собой «слово и дѣло». Но при распросѣ его оказалось, что онъ показалъ «по сибирской губерніи о похищеніи его государевой казны», «а по распросамъ ихъ Выморкова и Немитинова касающейся къ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ важности не явилось»; въ результатѣ этого «великій государь указалъ того подъячаго Выморкова и съ его доношеніемъ и помянутаго Немитинова и съ распросными его рѣчами изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ для слѣдованія послать въ канцелярію вашего вѣдомства», т. е. вѣдомства Ив. Дмитріева-Мамонова съ прочими офицеры, куда и адресованъ указъ изъ Тайной Канцеляріи; эта отсылка дѣлается «для того», говорится далѣе въ томъ же указѣ, что «*по сибирскимъ дѣламъ слѣдуетца въ той канцеляріи*». Вчитываясь въ эту мотивировку, не трудно замѣтить, что канцелярія вѣдомства Дмитріева-Мамонова начинаетъ пріобрѣтать, хотя и смутный, но несомнѣнный районъ вѣдѣнія: имъ являлись «сибирскія дѣла» противъ казеннаго интереса. Такъ, повидимому, канцелярія «порученій» въ силу обстоятельствъ иногда начинаютъ пріобрѣтать извѣстную ограниченную сферу дѣятельности, пріобрѣтать черты, въ

[1]) Г. А., XXVI, № 200.
[2]) Г. А., VII, № 6 (карт. 2).
[3]) Ibidem (карт. 3).

зародышѣ пока, учрежденія; и не только положительно, но какъ-будто и отрицательно намѣчается кругъ дѣятельности Мамоновой канцеляріи. При дальнѣйшемъ слѣдованіи дѣла о Выморковѣ, этотъ послѣдній заявилъ «словесно» «при немъ господинѣ брегадирѣ» въ канцеляріи Мамонова о «словѣ государевѣ, о которомъ въ помянутой канцеляріи слѣдовать не возможно», почему «великій государь... указалъ... отослать въ въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ» все цѣликомъ дѣло о Выморковѣ. Это написано въ указѣ за подписью Дмитріева-Мамонова. Поэтому дѣло вновь поступаетъ въ вѣдѣніе Тайной Канцеляріи. Все это дѣло относится къ 1719 и 1720 годамъ. — Такимъ образомъ дѣла «противъ первыхъ двухъ пунктовъ» канцелярія Мамонова какъ-бы выгораживаетъ изъ своего вѣдѣнія. Такъ, видимо, изъ ряда разнородныхъ порученій понемногу возникаетъ въ учрежденіи стремленіе къ отграниченію рода ему присущей дѣятельности.

Хотя и отгораживалась канцелярія Дмитріева-Мамонова отъ дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, все-таки какое-то отношеніе къ нимъ она время отъ времени имѣла. Въ одной записи о вершеныхъ дѣлахъ по поводу дѣла объ «измѣнѣ» упоминается канцелярія вѣдѣнія Дмитріева-Мамонова (1724 годъ [1]); 8-го марта 1725 года послано изъ Тайной Канцеляріи «письмо» къ Дмитріеву-Мамонову въ Москву «по секретному важному дѣлу». Резюмируя все вышеизложенное по вопросу о предметахъ вѣдѣнія канцеляріи, можно кратко сказать, что преступленія противъ третьяго пункта указа 1715 года (а также и первыхъ двухъ?) составляли совершенно преобладающій, если не единственный предметъ вѣдѣнія канцеляріи Дмитріева-Мамонова.

Канцелярія вѣдомства Дмитріева-Мамонова замерла, исживъ свои задачи и имѣвшіяся стремленія, до извѣстной степени все-таки опредѣлившіяся; но если-бы эти задачи не только не исживались въ своемъ частномъ, временномъ характерѣ, а, наоборотъ, возрастали-бы въ своемъ жизненномъ для государственнаго механизма значеніи, тогда личная канцелярія не перешла-ли бы въ концѣ концовъ въ опредѣленное учрежденіе?

2. Въ 1715 г. Макаровъ по повелѣнію Петра препровождаетъ полк. Кошелеву подъячаго, доносителя на злоупотребленія по рекрутскимъ наборамъ, «для надлежащаго противъ

[1]) Г. А., VII, 6 (карт. 3).

доношенія изслѣдованія» [1]). Въ 1716 году 27 января Петръ даетъ указъ Кошелеву и дьяку Воронову «принять вамъ дѣла Курбатова съ Соловьевымъ и розыскивать самой правдой, и, когда то все изслѣдовано будетъ, о томъ къ намъ писать и безъ указу тѣхъ дѣлъ не вершить» [2]).

9-го декабря 1717 году Петръ указомъ передавалъ въ канцелярію Кошелева рядъ дѣлъ «по доношенію фискальскому», убѣждая честно вести розыскъ, съ полномочіями пытать и всячески слѣдовать. Указъ этотъ заканчивается такъ: «о врученныхъ дѣлахъ прежде не доносить, пока все розыскано будетъ, и на всякой пунктъ преступленія подписанъ будетъ приговоръ, чему кто будетъ достоинъ; тогда доносить, а самому безъ докладу никакихъ дѣлъ не кончать и экзекуцій не чинить; и понеже устава земскаго полнаго и порядочнаго не имѣемъ, того ради всякихъ чиновъ людей, какого-бъ чину ни былъ, судить по правамъ воинскимъ. Къ сему розыску въ ассессоры, также приказныхъ людей, сколько надобно, брать указъ въ сенатъ, гдѣ безъ препятствій оные указы не письмомъ только, но и дѣломъ исправлять подъ опасеніемъ жестокаго отвѣту. Петръ» [3]).

Такъ вокругъ Кошелева образуется канцелярія; она явилась благодаря порученію Петромъ Кошелеву важнаго розыска, для выполненія котораго и повелѣно было брать, сколько надобно, приказныхъ людей, а также и ассессоровъ. Однако это разрѣшеніе, по отношенію къ ассессорамъ, находилось подъ строгимъ контролемъ самаго Императора, и эти ассессоры назначались имъ самимъ. Когда Кошелеву были вручены дѣла Курбатова и Соловьева (злоупотребленія въ Архангельскѣ), то Кошелевъ посылаетъ Императору слѣдующій «меморіалъ».

«Всемилостивѣйшій Государь! доношу Вашему Величеству: именнымъ Вашего Царскаго Величества указомъ прошедшаго 717 году декабря въ 9-й день по данному мнѣ реестру отъ Вашего Величества опредѣленъ я сверхъ старыхъ на меня положенныхъ многихъ подрядныхъ и другихъ дѣлъ къ розыскнымъ дѣламъ, а имянно къ дѣламъ Курбатова съ Соловьевымъ и на другихъ во многихъ разныхъ дѣлахъ по доношеніямъ фискальскимъ больше ста дѣлъ: и къ тѣмъ дѣламъ дано мнѣ помощниковъ: два подпорутчика Преображенскаго полку Языковъ,

[1]) Г. А., VII. № 2. л. 39 об.
[2]) С. А., Кн. Ин. Ун., № 27
[3]) Ibidem.

да Семеновскаго полку Ивановъ; и изъ тѣхъ дѣлъ многія дѣла по слѣдованію нашему пришли къ розыску, а иныя—и къ окончанію; и оныхъ дѣлъ мнѣ съ вышеписанными моими помощниками одному къ рѣшенію въ докладъ Вашему Величеству привесть не можно, понеже есть многія важныя дѣла. Прошу Вашего Величества Государя, дабы повелѣно было сообщить меня къ слушанію моихъ дѣлъ для подписанія сентенцы или приговоровъ съ офицеры Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, которые опредѣлены къ такимъ-же дѣламъ къ генералу мазору Голицыну и тѣхъ полковъ къ мазорамъ Юсупову и Салтыкову и Дмитріеву-Мамонову съ офицеры, которые имъ къ тѣмъ дѣламъ подданы; и дабы повелѣно было къ тѣмъ офицеромъ опредѣлить Вашего Величества указомъ; а у вышеписанныхъ офицеровъ по данному Вашего Величества реестру дѣлъ передъ моими—малое число» [1]). По этому меморіалу Петру докладывалъ Ушаковъ, который и извѣщаетъ Кошелева письмомъ, гдѣ пишетъ, что Петръ «указалъ: между положенными на Васъ дѣлами о Курбатовѣ съ Соловьевымъ выписокъ, чтобъ господамъ офицерамъ слушать не повелѣлъ, а изволитъ оную слушать Его Величество самъ; и покамѣстъ слушанья той выписки не будетъ, до тѣхъ мѣстъ ни которымъ розыскивать не указалъ», и какъ по здоровью Кошелеву будетъ возможно, пусть самъ привезетъ выписки Царю [2]). Такъ было отклонено ходатайство Кошелева. Этотъ меморіалъ и отвѣтъ на него хорошо характеризуютъ, между прочимъ, ту близость и своеобразіе отношеній, которыя устанавливались между Петромъ и Кошелевской канцеляріей. Такъ именно дѣло и шло: выписки о слѣдованіи и розыскѣ представлялись царю; онъ дѣлалъ по поводу нихъ замѣчанія и резолюціи, которыя вносились въ указную книгу; канцелярія по нимъ чинила исполненіе и потомъ опять представляла «выписки», при чемъ, видимо, и ассессоры,—Языковъ и Ивановъ,—иногда самостоятельно докладывали ихъ; указы же обычно записывались такъ: «1718 г. декабря въ 18 д. Царское Величество, слушавъ сего реестру (или «выписокъ»), указалъ по именному своему Великаго Государя указу»... идетъ предметъ указа, а въ концѣ обычно приписывалось: «сей указъ Его Величества записать въ книгу». Затѣмъ подписи или Кошелева, или ассессоровъ.

[1]) С. А., Кн. Ук., № 27, лл. 77 и далѣе.
[2]) С. А., Кн. Ук., № 27, л. 79.

Часто подавались Петру и реестры по производящимся дѣламъ съ вопросами, которые Петръ тоже разрѣшалъ своими указами.

Въ августѣ 1718 года дьякъ Палехинъ получаетъ письмо слѣдующаго содержанія: «Государь мой Тимоѳей Осиповичъ! имяннымъ царскаго величества указомъ и по опредѣленному реестру *повельно розыскать дѣло* по доношенію фискала Михаила Андреева на комисара Власова и дьяка Скурихина и на прочихъ въ подрядѣ амуниціи *господину полковнику Герасиму Ивановичу* (*Кошелеву*, какъ выясняется изъ отвѣтнаго письма Палехина), и для того розыску и слѣдованія оное дѣло прислано *въ розыскную канцелярію* изъ канцеляріи князя Василія Володимеровича Долгорукова»..., но недостаетъ нѣсколькихъ нужныхъ писемъ и просятъ Палехина поискать ихъ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи [1]). Это письмо подписалъ Ѳедоръ Захаровъ. По содержанію его несомнѣнно, что оно идетъ изъ розыскной канцеляріи вѣдѣнія Гер. Ив. Кошелева, а подписалъ, вѣроятно, дьякъ этой канцеляріи.

Въ октябрѣ того-же года Тайная Канцелярія дѣлаетъ постановленіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ одного ландрата: «отослать подполковнику Кошелеву при письмѣ, по которому слѣдовать ему Кошелеву, понеже во ономъ доношеніи объявлено, что по указу изъ канцеляріи Сената велѣно о томъ изслѣдовать ему Кошелеву» [2]). А въ ноябрѣ 1718 г. Кошелевъ уѣзжая «для нужнѣйшихъ Его Величества дѣлъ», сообщилъ ассессорамъ, что «въ небытность мою указалъ Его Величество вѣдомства моего розыскной канцеляріи дѣла вѣдать и слѣдовать по данному намъ указу отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку господину мазору Юсупову» [3]); но уже 15 марта 1719 года слѣдуетъ указъ за подписью Кошелева о передачѣ всѣхъ дѣлъ, вѣдавшихся «въ розыскной канцеляріи, которая подъ вѣдѣніемъ... Кошелева..., въ канцелярію, которая подъ вѣдѣніемъ П. М. Голицына»; и Кошелевъ письмомъ извѣщаетъ объ этомъ Голицына [4]). Такъ закончила свое существованіе канцелярія вѣдѣнія Кошелева.

Мы видѣли, какъ, при какихъ условіяхъ образовалась около Кошелева канцелярія; мы видѣли, насколько это оказалось доступнымъ, способъ дѣйствованія канцеляріи; мы видѣли,

[1]) Г. А., VII, № 15.
[2]) Г. А., VII, № 18.
[3]) С. А., Кн. Им. Ук., № 27, л. 104.
[4]) Ibidem., лл. 194 и 195.

что предметы вѣдѣнія этого учрежденія опредѣлялись царскимъ указомъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ; однако, изъ разсмотрѣнія реестра дѣлъ, сдѣланнаго при сдачѣ дѣлопроизводства кн. Голицыну, видно, что розыскныя дѣла противъ 3-го пункта указа 1715 года, т. е., о похищеніи казеннаго интереса, являлись почти единственными дѣлами вѣдѣнія Кошелевской канцеляріи, нерѣдко именуемой «канцеляріей розыскныхъ дѣлъ» [1]).

Личный составъ приказныхъ людей въ 1718 году въ канцеляріи Кошелева состоялъ изъ одного дьяка (Иванъ Васильевъ), 3 старыхъ подъячихъ, 7 среднихъ, 3 молодыхъ подъячихъ; да кромѣ этихъ, постоянныхъ какъ бы, были 2 среднихъ и 2 молодыхъ подъячихъ изъ С.-Петербургской губернской канцеляріи и изъ Старой Русы. Значитъ, всего дьяковъ и подъячихъ было въ канцеляріи 18 человѣкъ.

3. Въ книгѣ сенатскихъ дѣлъ, посвященной сношеніямъ сената съ образованными въ 1717 году маіорскими розыскными канцеляріями, среди этихъ послѣднихъ упоминается канцелярія князя Юсупова [2]); это даетъ возможность съ вѣроятностью пріурочить образованіе Юсуповой канцеляріи къ тому же 1717 году; во всякомъ случаѣ до насъ дошло дѣлопроизводство этой канцеляріи по «бахмуцкому дѣлу», которое ею начато слѣдованіемъ въ 1717 году. Это большое розыскное дѣло, тянувшееся слѣдованіемъ до 1721 года, возникло по доношеніямъ бахмуцкаго баталіона капитана Чирикова о кражахъ при фуражировкѣ полка въ бытность его въ Малороссіи въ 1713 и 1714 годахъ. Къ слѣдствію былъ привлеченъ громадный матеріалъ въ видѣ отчетности и разныхъ оправдательныхъ документовъ, видимо, усердно изучавшихся въ Юсуповой канцеляріи: кромѣ того въ канцеляріи допрашивались свидѣтели и обвиняемые, а въ случаѣ нужды для розыска посылались на мѣста отъ канцеляріи сержанты.

Среди чисто розыскного матеріала въ этомъ дѣлѣ попадаются прямые указы Петра, свидѣтельствующіе, что Царь нерѣдко самъ наблюдалъ за производствомъ слѣдствія; напримѣръ: «1719 г. марта въ 21 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ»... и т. д. «указалъ именнымъ своимъ государевымъ указомъ противъ доношенія»... далѣе идетъ предметъ указа, а въ концѣ: «и сей его великаго государя указъ

[1]) С. А., Кн. Им. Ув., № 27, л. 161, 162 и др.
[2]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51.

записать въ книгу. Маэоръ Юсуповъ» (подпись).—Время отъ времени результаты розыска въ видѣ выписокъ предлагались для приговора коллегіи Юсуповой канцеляріи, которая и приговаривала; напримѣръ: «1719 года апрѣля въ 8 день по указу великаго государя брегадиръ и лейбъ-гвардіи маэоръ князь Юсуповъ княжево, поручикъ Украинцевъ, слушавъ съ выписки, приговорили»... идетъ приговоръ, скрѣпленный подписями Юсупова и Украинцева [1]). Кромѣ этого Украинцева ассессорами Юсуповой канцеляріи были капитанъ Ѳедоръ Скорняковъ-Писаревъ и поручикъ Бибиковъ. Однако необходимо отмѣтить слѣдующій фактъ: въ дѣлахъ, несомнѣнно слѣдовавшихся въ канцеляріи Юсупова, находимъ два такихъ приговора: «1720 г. марта въ 28 день по указу великаго государя лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеры, слушавъ сей выписки, приговорили»... идетъ самый приговоръ, а въ концѣ слѣдуютъ подписи Волкова, Дмитріева-Мамонова, Ушакова, Салтыкова, Пашкова, Голенищева-Кутузова, Бахметева, Языкова, Иванова, и уже въ самомъ концѣ стоятъ подписи Юсупова, Украинцева, и Бибикова, т. е. офицеровъ, принадлежащихъ собственно къ постоянному составу Юсуповой канцеляріи [2]). Въ 1719 году состоялся еще такой-же по формѣ «приговоръ» за подписью тоже *цѣлаго ряда* гвардіи штабъ-и оберъ-офицеровъ (около 16 лицъ), и между ними были Ушаковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Салтыковъ, кн. П. Голицынъ, и уже опять въ самомъ концѣ подписался Юсуповъ [3].—Такимъ образовъ, кромѣ постоянной коллегіи, стоявшей во главѣ канцеляріи и чинившей приговоры, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (вѣроятно, болѣе важныхъ) для слушанія дѣлъ призывались другіе штабъ-и оберъ-офицеры изъ тѣхъ, какъ видно по подписямъ, которые тоже находились «у розыскныхъ дѣлъ» и имѣли свои розыскныя канцеляріи (какъ Салтыковъ, Ушаковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Волковъ), или являлись постоянными «ассессорами» какой-либо другой изъ канцелярій (какъ Пашковъ, Языковъ, Ивановъ, Голенищевъ-Кутузовъ и пр.).

Въ ноябрѣ 1718 года полк. Кошеловъ былъ посланъ Петромъ для «нужнѣйшихъ дѣлъ», и на время его отсутствія Петръ указалъ его розыскной канцеляріи дѣла вѣдать и слѣ-

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 3/219 и 6/222.
[2]) М. А. М. Ю., сен. кн. 2/218.
[3]) М. А. М. Ю., сен. кн. 6/222, л. 187.

довать «лейбъ-гвардіи преображенскаго полку господину маэору Юсупову» [1]). Участіе Юсупова слабо замѣчается въ дѣлахъ этой ему ввѣренной канцеляріи. Въ 1719 году «декабря въ 5 день лейбъ-гвардіи маэоръ и Его Царскаго Величества генералъ-адъютантъ господинъ Румянцевъ объявилъ, что Царское Величество указалъ имяннымъ своимъ указомъ канцелярію, которая была подъ вѣдѣніемъ генерала маіора и лейбъ-гвардіи оборштъ-вахтъ-мейстера Михаила Аѳанасьевича Матюшкина вѣдать нынѣ господину брегадиру и лейбъ-гвардіи оборштъ-вахтъ-мейстеру господину князю Юсупову княжево» [2]). Но, видимо, это завѣдованіе продолжалось недолго, ибо уже въ сентябрѣ 1720 г. идутъ указы за подписью Матюшкина [3]), хотя имѣется нѣсколько указовъ за подписью Юсупова и нѣсколько реестровъ по дѣламъ, представленнымъ имъ царю. 5 февраля 1720 года въ Тайную Канцелярію было прислано доношеніе изъ «канцеляріи вѣдѣнія брегадира и лейбъ-гвардіи маэора господина князя Юсупова княжево». Въ доношеніи этомъ говорится, что дѣла, которыя слѣдовалъ въ Кіевѣ по указу именному кап. Головкинъ, «объ излишнихъ сборехъ» и о притѣсненіяхъ жителей, «именнымъ его царскаго величества указомъ приняты въ канцелярію нашего вѣдѣнія»,... «и о помянутыхъ дѣлахъ Головкина, въ томъ числѣ по выпискѣ о излишнихъ сборехъ докладовано Царскаго Величества, и Его Царское Величество указалъ именнымъ своимъ указомъ» разослать эти дѣла по разнымъ коллегіямъ [4]). Доношеніе это помѣчено мартомъ 1720 г. Въ ноябрѣ 1720 г. Макаровъ письмомъ требуетъ свѣдѣній отъ князя Юсупова по «канцеляріи вѣдѣнія вашего» [5]), а въ 1722 году былъ указъ съ распоряженіемъ о деньгахъ, имѣвшихся «по канцеляріи вашей», т. е. Юсупова [6]); упоминаніе о канцеляріи кн. Юсупова встрѣчаемъ еще въ 1723 году [7]).

Количествомъ дьяковъ и подъячихъ Юсуповская канцелярія немного отличалась отъ другихъ розыскныхъ канцелярій: въ 1718 г. количество приказныхъ людей, въ ней бывшихъ, колебалась въ предѣлахъ 13—16 подъячихъ всѣхъ трехъ статей [8]).

[1]) С. А. Кн. Им. Ук., № 27, л. 104
[2]) Ibidem, л. 346-356.
[3]) Ibibem, л. далѣе.
[4]) Г. А., VII, № 64, л. 34-35.
[5]) Г. А., XI, № 2 (карт. 4).
[6]) Г. А., К. П. Книги Указ. 1722 г., 33 л.
[7]) Г. А., К. П. кн. 64. л. 934.
[8]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51.

4. Письмомъ сенату отъ 12 декабря 1717 года кн. П. М. Голицынъ объявляетъ, что царскимъ указомъ отъ 9 декабря того-же года за собственноручнымъ подписаніемъ Петра «повелѣно намъ о дѣлахъ, о которыхъ при ономъ указѣ объявлено, слѣдовать и розыскивать», въ виду чего Голицынъ требуетъ отъ сената опредѣлить подъячихъ для этихъ дѣлъ и ихъ «прислать къ намъ въ канцелярію» [1]). Существовала-ли канцелярія Голицына ранѣе, этого мы, къ сожалѣнію, установить не могли. Въ реестрѣ врученныхъ ему въ то время дѣлъ помѣчены слѣдующія пять лицъ, о взяткахъ и превышеніи власти которыхъ «долженъ былъ слѣдовать» Голицынъ: «1) московскій губернаторъ Нарышкинъ: 2) вице-губернаторъ князь Путятинъ; 3) Александръ Кикинъ; 4) свѣтлѣйшій князь; 5) Яковъ и Василій Корсаковы» [2]). Почти все дѣло о Корсаковыхъ (начатое по доношенію фискала Поповцева) дошло до насъ; тянулось оно до 1721 г., когда «слѣдованіе» по немъ канцеляріей Голицына обрывается. Изъ разсмотрѣнія этого дѣла очевидно, что въ канцелярію, во-первыхъ, поступили и въ ней изслѣдовались всѣ документы, относящіяся къ дѣлу; во-вторыхъ, допрашивались и давали объясненія обвиняемые и свидѣтели обычно въ присутствіи ассессоровъ-офицеровъ канцеляріи, которые, во главѣ съ Голицынымъ, на основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ, или «по указу великаго государя» «приказывали» о дальнѣйшихъ шагахъ въ слѣдствіи, или, «слушавъ сей выписки», приговаривали, т. е. ставили приговоры – рѣшенія; каждое изъ такихъ опредѣленій канцеляріи подписывалось Голицынымъ и «ассессорами» [3]).

Въ апрѣлѣ 1718 г. канцелярія Голицына принимаетъ нѣкоторое участіе въ розыскѣ по дѣлу цар. Алексѣя и его сообщниковъ. Мы имѣемъ «опредѣленіе» Тайной Канцеляріи объ отдачѣ писемъ, забранныхъ поручикомъ Козловымъ у Кир. Нарышкина, обратно этому Козлову, «ассессору» Голицынской канцеляріи [4]).

Въ 1719 году 15-го марта состоялся указъ Петра о передачѣ всѣхъ дѣлъ, вѣдавшихся «въ розыскной канцеляріи, которая подъ вѣдѣніемъ Кошелева... Петру Михайловичу Го-

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51., л. 11.
[2]) Ibidem. л. 16.
[3]) М. А. М. Ю., сен. кн. 4/666.
[4]) Г. А., VII, № 60, л. 2.

лицыну» [1]); объ этомъ Кошелевъ особымъ письмомъ извѣщаетъ Голицына. По реестру передачи видно, что къ Голицыну попадали дѣла о розыскахъ по взяткамъ, кражамъ казеннаго имущества и т. п., т. е., по 3 пункту указа 1715 г. [2]). Однако 4-го мая того-же года Голицынъ изъ своей канцеляріи всѣ эти дѣла передаетъ Матюшкину при слѣдующемъ письмѣ: «Государь мой Михайла Аѳанасьевичъ! Прошедшаго марта 24-го дня сего 1719 года полковникъ господинъ Кошелевъ письменно мнѣ предложилъ, что того-жъ марта 15-го дня Царское Величество имяннымъ своимъ государевымъ указомъ указалъ: розыскныя дѣла, которыя въ его вѣдомствѣ были для изслѣдованія, отдать въ канцелярію вѣдомства нашего; при которомъ письмѣ тѣмъ дѣламъ и реестръ присланъ; а прошедшаго апрѣля 10-го дня Его-жъ Величество, слушавъ помянутаго реестра, указалъ по именному своему государеву указу тѣмъ дѣламъ въ вѣдѣніи быть у васъ, и о чемъ и вы Его Величества имянной указъ имѣете; и того ради для извѣстія вамъ онымъ дѣламъ подлинный помянутый присланный реестръ и письмо полковника Кошелева при семъ къ вамъ посылаю. Слуга Вашъ кн. П. Голицынъ». 4-го мая 1719 г. [3]).

Изъ немногихъ выше приведенныхъ данныхъ можно заключить, что канцелярія князя П. М. Голицына вѣдала, во-первыхъ и преимущественно,—дѣла «интересныя», т. е. противъ третьяго пункта, а во-вторыхъ,—дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ (дѣло сообщниковъ цар. Алексѣя) указа 1715 г. Во главѣ учрежденія стоялъ, видимо, самъ кн. Голицынъ: его именемъ въ доношеніи Петру называется канцелярія; съ нимъ переписывается Макаровъ по дѣламъ канцеляріи. Кромѣ Голицына, въ канцеляріи были «присутствующіе гвардіи оберъ-офицеры»; вотъ какое свѣдѣніе мы имѣемъ объ одномъ такомъ офицерѣ: «апрѣля 24-го числа посланъ я, нижеименованный, изъ канцеляріи вѣдѣнія нашего, которая подъ именемъ князь Петра Михайловича въ домѣ Кирилла Нарышкина». Доношеніе, такъ начинающееся, подписалъ гвардіи поручикъ Иванъ Козловъ; а опредѣленіе Тайной канцеляріи, по поводу этого доношенія, кончается слѣдующей фразой: «тѣ письма отданы (дѣло идетъ о письмахъ, взятыхъ при обыскѣ у Кир. Нарышкина) помя-

[1]) С. А., Кн. Пм. Ук., № 27, лл. 194, 195 и др.
[2]) Ibidem.
[3]) С. А., Кн. Им. Ук. № 27, л. 256.

нутому поручику Козлову въ канцелярію вѣдомства князь Петра Михайловича Голицына съ *товарищи, въ которой онъ Козловъ ассессоромъ*» [1]). У Голицына были «товарищи», офицеры гвардіи, которые присутствовали съ нимъ въ канцеляріи, были «ассесорами», участвовали въ рѣшеніи дѣлъ и иногда даже именовали Голицынскую канцелярію,—канцеляріей *ихъ* вѣдѣнія, которая только *подъ именемъ Голицына*. Однако, личнымъ докладчикомъ царя былъ почти исключительно кн. Голицынъ. Изъ вышеприводимаго письма Голицына къ Матюшкину видно, что Петръ «слушалъ» въ личномъ ему докладѣ кн. Голицына дѣла его канцеляріи и чинилъ по нимъ резолюціи. Кромѣ того, кн. Голицынъ велъ переписку съ Петромъ, какъ мы уже замѣтили, по дѣламъ канцеляріи, а потому и являлся фактическимъ начальникомъ этого учрежденія, стоявшимъ однако подъ непосредственнымъ контролемъ самого императора. Свѣдѣній о составѣ приказныхъ людей канцеляріи намъ встрѣтилось мало: въ 1718 году, однако, въ канцеляріи числилось 3 старыхъ подъячихъ, 4 – средней статьи и 5 молодыхъ подъячихъ, а всего 12 подъячихъ [2]).

5. Свѣдѣнія о канцеляріи вѣдѣнія Михаила Волкова скудны. Можно предполагать, что она образовалась тоже въ декабрѣ 1717 года [3]).

Въ сентябрѣ 1720 года на имя Макарова Волковъ пишетъ: «Государь мой Алексѣй Васильевичъ! *въ Канцеляріи вѣдѣнія моего* обвиненъ Елизаръ Петровъ въ пяти тысячахъ осьмистахъ рублехъ; а съ онаго взято малое число и держанъ въ *канцеляріи моей* за тѣ деньги жестоко, а взять съ него нечего», и далѣе проситъ Макарова написать въ Камеръ-Коллегію о пріемѣ арестованнаго заграничнаго вина у этого Елизара Петрова, а то писемъ его, Волкова, тамъ не слушаютъ [4]). Вслѣдъ за этимъ помѣщается большой листъ, на которомъ такой заголовокъ: «*въ канцеляріи вѣдѣнія брегадира и лейбъ гвардіи мазора и господина Волкова* приказныхъ людей, которые взяты изъ разныхъ канцелярій и изъ губерній»; далѣе идетъ именной ихъ списокъ [5]). Это извѣстіе тоже слѣдуетъ отнести къ 1720 году. Въ это время въ канцеляріи

[1]) Г. А., VII, № 60, л. 2.
[2]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51.
[3]) М. А. М. Ю., сен. кн. № 51/51 л. 3.
[4]) Г. А., К. П., кн. 45, л. 252.
[5]) Ibidem, л. 255.

Волкова было, по крайней мѣрѣ, 13 приказныхъ людей; канцелярія занималась, видимо, какими-то начетами, вѣроятно, по соблюденію казенныхъ интересовъ, т. е. розысками «противъ третьяго пункта». Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ извѣстій о ней найти не удалось.

6. Канцелярія маэора Сем. Салтыкова начала свое существованіе, вѣроятно, съ 1717 году; въ этомъ году въ канцеляріи уже числилось 18 подъячихъ [1]), тогда же Салтыковымъ слѣдовалось дѣло «по доношенію дьяка Чашникова на вице-губернатора Колычева, что во всей Азовской губерніи у плательщиковъ данныя имъ отписи избираетъ, и о другихъ интересныхъ дѣлахъ» [2]). Дѣло это Салтыкову было передано изъ канцеляріи сената по сенатскому приговору. За громаднымъ количествомъ счетныхъ записей и другихъ къ слѣдствію привлеченныхъ документовъ, въ оставшихся отъ этого розыска бумагахъ очень мало видно слѣдовъ дѣйствованія самой канцеляріи. Всякія рѣшенія и приговоры канцеляріи, видимо, носили коллегіальный характеръ и облекались въ слѣдующую форму: «1717 сентября въ 12 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича... (титулъ)... лейбъ-гвардіи маэоръ Салтыковъ, капитанъ Панинъ, капитанъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ, слушавъ вышеписаннаго доношенія, приказали учинить» [3])... Панинъ и Голенищевъ-Кутузовъ являлись очевидно ассессорами канцеляріи. Въ 1720 г. по указу Петра Салтыковская канцелярія препровождаетъ Ревизіонъ-Коллегіи всѣ ея дѣла, «вершеныя и невершеныя», касающіяся государственнаго интереса; изъ реестра видно, что въ это время такихъ дѣлъ находилось у Салтыкова въ канцеляріи болѣе 10 (доношенія Нестерова на гр. Апраксина, дѣло вице-губернатора Колычева, дѣла по доношенію ланрихтера Григорьева и проч.) [4]).

Наконецъ о канцеляріи вѣдѣнія генерала маэора и лейбъ-гвардіи маэора Салтыкова есть слѣдующее извѣстіе, относящееся къ 1724 году. Сохранилась черновая «промеморія изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ въ канцелярію вѣдомства господина генерала маэора и лейбъ-гвардіи маэора Салтыкова съ протчими офицерами. Въ прошломъ 1723 и въ

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 51/51.
[2]) М. А. М. Ю., сен. кн. 5/221.
[3]) Ibidem, л. 125.
[4]) М. А. М. Ю., сен. кн. 5/221.

нынѣшнемъ 724 год(ѣхъ?) изъ помянутой канцеляріи требовано въ оную Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярію промеморіями о присылкѣ подлиннаго извѣстія по дѣлу о Перекрестовыхъ пожиткахъ, какъ показано въ тѣхъ промеморіяхъ пунктами, такое слѣдствіе по тому дѣлу было-ль? и ежели было, рѣшено-ль? и по тѣмъ промеморіямъ изъ канцеляріи вашего вѣдомства отвѣтствовано»... и идетъ изложеніе дѣла; въ концѣ промеморіи написано: «и сего ноября дня по Его Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ [1] о господинѣ генералѣ адмиралѣ графѣ Апраксинѣ; [2] о Степанѣ Колычевѣ, что оные брали нѣкоторые изъ пожитковъ бывшихъ полковникова Перекрестова вещи, а о томъ въ канцеляріи вашего вѣдомства изслѣдовано, и Его Императорскому Величеству докладывано, и на докладной выпискѣ Его Величество изволилъ подписать тако: выслушать въ сенатѣ, и приговоръ учиня, прислать для конфирмаціи къ Его Величеству; того ради оному дѣлу въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ слѣдовать не подлежитъ, и то дѣло отослать паки въ канцелярію вашего вѣдомства по прежнему,... которое и послано при сей промеморіи» [1]). Дѣло Перекрестова—это дѣло о расхищеніи конфискованныхъ имѣній полковника Перекрестова, при чемъ въ расхищеніи принималъ участіе Апраксинъ, и повидимому, не былъ тутъ безгрѣшенъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. По этому-же дѣлу, далѣе, Тайная Канцелярія пишетъ доношеніе въ сенатъ, испрашивая «указного рѣшенія», ибо дѣло было уже «изслѣдовано» «въ Канцеляріи генерала маэора Салтыкова» и сдѣлана резолюція Петра [2]). Изъ этихъ данныхъ мы узнаемъ о существованіи канцеляріи вѣдомства Салтыкова, вѣдавшей крупныя «интересныя» дѣла, при чемъ ея «слѣдованія» шли непосредственно на усмотрѣніе Петра въ видѣ (обычномъ) докладной выписки.

Во главѣ канцеляріи стоялъ Салтыковъ, но не одинъ, а, какъ и въ другихъ канцеляріяхъ, «съ протчими офицерами». Недостатокъ извѣстій, къ сожалѣнію, заставляетъ ограничиться только этими штрихами въ обрисовкѣ канцеляріи Салтыкова.

Таковы свѣдѣнія, которыя удается получить о розыскной дѣятельности канцелярій всѣхъ тѣхъ офицеровъ, имена которыхъ были упомянуты въ указахъ сената 1717 г. Такимъ образомъ

[1]) Г. А., VII, № 63.
[2]) Ibidem.

является основаніе полагать, что, во-первыхъ, въ этихъ указахъ 1717 г. Петръ, хотя какъ-бы частными случаями, однако опредѣленно, констатируетъ нарожденіе новаго учрежденія: ряда однородныхъ канцелярій, устроенныхъ для розыскныхъ дѣлъ и находящихся «подъ вѣдѣніями» различныхъ близкихъ Петру людей, гвардіи офицеровъ; а, во-вторыхъ,—всякая иная того времени канцелярія «вѣдѣнія» отъ гвардіи офицеровъ, не помянутыхъ въ указахъ 1717 г., и притомъ занятая розыскными дѣлами, заставляетъ подозрѣвать въ себѣ учрежденіе совершенно подобное вышеописаннымъ. Разборъ такихъ, не упомянутыхъ въ указахъ 1717 г., канцелярій «вѣдомства» или «вѣдѣнія» и сопоставленіе полученныхъ результатовъ даетъ возможность точно установить правильность нашего предположенія. Къ этому разбору мы теперь и обратимся.

II.

1. 25 іюля 1713 г. Петръ даетъ слѣдующій указъ маэору князю Волконскому: «ѣхать ему къ городу Архангельскому и, пріѣхавъ туда, противъ даннаго ему экстракта... розыскать имянно, и, буде дойдетъ кто до пытки, и пытать; и какъ розыскано будетъ, тогда то розыскное дѣло и тѣхъ, которые... виноваты будутъ, взять съ собой привесть къ намъ въ Санктъ-Петербургъ» [1]). Волконскій ѣдетъ въ Архангельскъ и ведетъ порученный ему розыскъ по дѣлу «интересному» Курбатова съ Соловьевымъ; въ этомъ дѣлѣ имѣемъ такую запись: «1715 г. февраля въ день на Вологдѣ въ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ отъ гвардіи передъ маэоромъ княземъ Михайломъ Ивановичемъ Волконскимъ подъячій Ив. Борисовъ сказалъ»... и далѣе въ дѣлѣ постоянно выраженіе: «канцелярія розыскныхъ дѣлъ» [2]). Изъ вышеизложеннаго ясно, что Петръ вручилъ Волконскому важное розыскное дѣло, и, выполняя это порученіе, Волконскій образовалъ вокругъ себя цѣлую розыскную канцелярію. Весь этотъ розыскъ велся при непосредственномъ участіи царя. Волконскій въ рядѣ большихъ писемъ доносилъ, въ мелочахъ часто, о ходѣ слѣдствія и на все получалъ отвѣты и подробныя указанія Петра, часто въ своеручныхъ его письмахъ [3]). Но уже

[1]) С. А., Кн. Им Ук., № 27.
[2]) Г. А., XXVI, № 193, Карт. 1 (3 пачка).
[3]) С. А. Кн. Им Ук. № 27.

въ концѣ 1715 г. для Петра выясняются преступленія Волконскаго по этому розыску, и въ январѣ 1716 г. розыскъ этотъ передается полк. Кошелеву. Канцелярія Волконскаго только начала свою дѣятельность, только образовалась, какъ прекратила свое существованіе, перейдя въ руки Кошелева. Однако, вглядываясь въ переписку Волконскаго съ Петромъ по этому дѣлу, можно заключать, что Волконскій былъ только какъ-бы исполнителемъ воли Петра; онъ не только сообщалъ царю докладныя выписки о имъ произведенномъ слѣдствіи, но даже сообщалъ и о частностяхъ веденія его, дѣйствовалъ возможно непосредственно подъ личнымъ руководствомъ Петра.

2. 9 мая 1714 г. былъ данъ Петромъ «указъ маэору отъ лейбъ-гвардіи господину Ушакову: розыскивать по челобитной, которую подалъ намъ артиллеріи фурьеръ Семенъ Кузнецовъ и для того розыску взять отсель съ собою тѣхъ, на которыхъ тотъ извѣтъ былъ, и ежели еще въ томъ дѣлѣ явятца изъ письм(а), и тѣхъ брать и розыскивать;... ежели явятца... дѣла симъ подобныя и будутъ доводитъ, розыскивать же» [1]). Далѣе: «въ прошломъ 1715 г. по имянному Царскаго Величества указу велѣно по ратушскимъ дѣламъ, которыя иманы въ Санктпетербургъ по доношенію фискала Михаила Андреева, слѣдовать въ Москвѣ отъ лейбъ-гвардіи маэору Ушакову» [2]). А въ дѣлѣ объ этомъ ратушскомъ розыскѣ находимъ слѣдующую замѣтку: «а ко управленію оныхъ дѣлъ (т. е. этихъ ратушскихъ, и розыска по нимъ) взять часть приказныхъ людей изъ ближней канцеляріи, о чемъ на доношеніи помянутаго фискала подписано собственною Его Царскаго Величества рукою» [3]). Такъ, видимо, начала составляться канцелярія при А. И. Ушаковѣ, и къ 1715 г. мы уже знаемъ, что существуетъ «канцелярія вѣдомства брегадира и лейбъ-гвардіи маэора господина Ушакова»: въ нее былъ взятъ тогда по нѣкоторому дѣлу одинъ человѣкъ, бывшій впослѣдствіи колодникомъ Тайной Канцеляріи [4]). А въ 1718-же году указомъ отъ 19 января повелѣно «о третьемъ пунктѣ, о похищеніи казны, пока Его Царское Величество будетъ на Москвѣ, подавали бъ маіору отъ гвардіи Ушакову» [5]). Въ декабрѣ 1719 г.

[1]) Г. А., П. Книг. Указ. за 1714 г., л. 31.
[2]) Г. А., XXVI, № 196 карт. 1.
[3]) Г. А., XXVI № 196 (1 карт.).
[4]) Г. А. VII, № 52.
[5]) П. С. З., № 311.

имѣлось «въ канцеляріи вѣдѣнія брегадира и лейбъ-гвардіи мазора Андрея Ивановича Ушакова по справкѣ въ прошломъ 1718 году нижегородской губерніи бывшіе подъячіе доносители Тимофей да Иванъ Поповы Его Царскому Величеству въ Преображенскомъ во время божественныя литургіи подали доношеніе, въ которомъ написали о похищеніи въ нижегородской губерніи денежной казны и о утаенныхъ отъ перепищиковъ крестьянскихъ дворахъ и о другомъ тому-же подобномъ»; и за то что подали *не* Ушакову, какъ по указу надобно, а самому Петру,—биты кнутомъ и отосланы въ Преображенскій Приказъ, такъ какъ сказали за собою «слово и дѣло» [1]). И одинъ изъ этихъ Поповыхъ на допросѣ уже въ Тайной Канцеляріи сказалъ: «въ прошломъ 718 году *въ канцеляріи вѣдомства брегадира и лейбъ-гвардіи мазора Андрея Ивановича Ушакова, которая въ Москвѣ на потѣшномъ дворѣ*. держанъ онъ былъ» [2]).— До насъ дошла тетрадка изъ нѣсколькихъ листовъ писчей бумаги, въ заголовокѣ которой стоитъ слѣдующее: «въ канцеляріи вѣдомства генерала мазора и лейбъ-гвардіи мазора Андрея Ивановича Ушакова выписано», и далѣе идутъ въ краткомъ изложеніи указы, этой канцеляріей полученные: «въ 20 (апрѣль 1718 года) на поданное отъ него господина генерала мазора доношеніе о взятьѣ вмѣсто бѣглыхъ и умершихъ рекрутовъ другихъ плательщиковъ», затѣмъ имѣется еще много указовъ по рекрутскимъ дѣламъ, данныхъ также по представленію Ушакова (отъ 29-го апрѣля, 31-го апрѣля, 4-го декабря того же года; 22-го марта, 2-го августа, 21-го іюля, 30-го авг., 16-го авг., 2-го ноябр., 5-го и 13-го дек. 1720 года и т. д.). Такъ, дѣла по рекрутскому набору и снаряженію вѣдались Ушаковской канцеляріей. Затѣмъ, дѣла по корабельному строенію (доставка лѣса, надзоръ, доставка рабочихъ и проч.) входили тоже въ компетенцію Ушаковской канцеляріи: по этому отдѣлу ея вѣдомства имѣется цѣлый рядъ указовъ (отъ 5-го апр., 4-го іюня, 9-го дек. и т. д. 1720 и др. годовъ); вотъ образчикъ такого указа отъ 15-го іюня 1720 года: «на поданное его господина генерала мазора доношеніе, по которому требовано для достройки кораблей съ оловецкаго уѣзду и изъ другихъ городовъ плотниковъ 300 человѣкъ, велѣно требовать указу изъ каморъ-коллегіи». Кромѣ

[1]) Г. А. VII, № 53.
[2]) Ibidem.

того, тутъ же встрѣчаются слѣдующіе указы: отъ 13-го сентября 1718 году: «о бытіи изъ царедворцевъ стольнику Ивану Дурному по прежнему въ канцеляріи вѣдомства его господина генерала мазора у дѣлъ, и о высылкѣ въ Санктпетербургъ для смотру царедворцевъ же»; и отъ 15-го января 1719 года: «о изслѣдованіи въ Москвѣ по доношенію подъячего Кириллова человѣка Протопопова Василья Федорова о государевѣ интересѣ по розыску противъ того доношенія» [1]). Такимъ образомъ дѣла по придворному вѣдомству и по розыскамъ тоже попадали въ Ушаковскую Канцелярію.

И розыски по «интереснымъ» дѣламъ, и корабельное строеніе, и рекрутскіе наборы, и кое-что изъ дворцовыхъ дѣлъ— все это попадало въ канцелярію вѣдѣнія А. И. Ушакова. Однако, въ 1723 году въ письмѣ къ Ушакову кн. Мих. Голицынъ пишетъ: «надѣюсь что съ 714 году *въ канцеляріяхъ вашихъ* такія дѣла въ слѣдованіи были» [2]). Въ 1724 году Макаровъ спрашиваетъ Ушакова о количествѣ денегъ по «канцеляріямъ» Ушакова [3]), т. е. къ этому времени въ вѣдѣніи Ушакова оказываются нѣсколько канцелярій; если вспомнить, что одна изъ нихъ звалась «канцелярія рекрутскаго счета», то можно предполагать, что эти многія канцеляріи произошли путемъ выдѣленія изъ одной общей канцеляріи «вѣдѣнія» Ушакова, путемъ ея дробленія по мѣрѣ накопленія разныхъ порученій—дѣлъ. Отмѣтимъ одно интересное извѣстіе: Макаровъ въ письмѣ Ушакову отъ 4-го марта 1721 года пишетъ: «Ея Величество Государыня Царица Екатерина Алексѣевна указала отослать къ вамъ челобитную кн. Андрея Кольцова-Масальскаго, по которой извольте учинить рѣшеніе. А ежели вамъ одному онаго рѣшить невозможно, о томъ извольте предложить всѣмъ господамъ штапнымъ офицерамъ, выписавъ изъ примѣровъ...; ежели, паче чаянія, и въ присутствіи всѣхъ штапныхъ рѣшить того будетъ немочно, о томъ извольте доложить Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ» [4]). Значитъ, въ приговорахъ и рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ поручаемыхъ Ушакову дѣлъ участвовали присутствовавшіе «штапные» офицеры, т. е. существовала какая-то коллегіальность. При этомъ, видимо, дѣятельность канцеляріи Ушакова стояла въ непосредственной близости

[1]) Г. А., VII, № 8, ч. 1.
[2]) Г. А., ibidem
[3]) Г. А. IX, № 2, карт. 5.
[4]) Г. А., IX, № 2, карт. 3. (кн. за 1721 г.).

къ самому Петру; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ апрѣля 1721 г. къ Макарову Ушаковъ, говоря о дѣлѣ «по канцеляріи моего вѣдѣнія», какъ онъ пишетъ, испрашиваетъ указа царя по поводу крестьянъ, доносящихъ на своихъ господъ въ укрывательствѣ рекрутовъ, сидящихъ пока за карауломъ: «изволь о семъ доложить Его Царскому Величеству, что мнѣ съ ними чинить» [1]), а въ письмѣ отъ ноября 1717 года Макаровъ пишетъ Ушакову: «письма ваши моего государя исправно я получилъ и по онымъ, о чемъ принадлежало, Его Царскому Величеству доносилъ» [2]).

И такъ можно предполагать, что съ 1714—1715 годовъ у Андр. Ив. Ушакова образовалась (едва-ли не въ связи съ «ратушскимъ» дѣломъ) канцелярія его вѣдѣнія, при чемъ первоначально она занята была особенно розыскными дѣлами; но усложненіе дѣятельности Ушакова повело за собой усложненіе, и въ силу этого—раздробленіе, одной его вѣдѣнія канцеляріи на нѣсколько; при этомъ одна изъ канцелярій получила названіе «Канцеляріи рекрутнаго счета». Однако, начало составляла канцелярія вѣдѣнія Ушакова, подобная нами уже разсмотрѣннымъ.

3. Въ именномъ указѣ Петра отъ 13-го марта 1716 года на имя полк. Кошелева написано: «понеже во отбытіи нашемъ канцелярія, которая вѣдѣнія подполковника нашего *князя Долгорукова* въ Санктъ-Петербурхѣ никому вѣдать не приказана, того ради оную канцелярію въ небытіе его вѣдай ты; и по которымъ дѣламъ такожъ и по даннымъ пунктамъ дьяку Воронову надлежитъ слѣдовать, чтобъ онъ то исполнялъ безъ опасенія; тако-жъ и его, дьяка Воронова, въ обиду никому не давать» [3]). —Значитъ, въ 1716 году въ вѣдѣніи кн. Долгорукова находилась уже канцелярія, поручаемая по его отъѣздѣ попеченію полк. Кошелева. Около этого-же времени мы находимъ упоминаніе указа о взятіи нѣкоторыхъ дѣлъ у архангельскаго вице-губернатора Колычева (по дѣлу Курбатова-Соловьева), указа, посланнаго съ сержантомъ отъ «Канцеляріи вѣдѣнія генерала кавалера и отъ гвардіи подполковника его сіятельства кн. Василія Володимеровича Долгорукова» [4]). Въ кабинетныхъ дѣлахъ (Кабинета Петра) остался такой черновикъ

[1]) Г. А., К. П., кн. 54, л. 558.
[2]) Г. А., IX, № 2, карт. 1.
[3]) Г. А., К. П., книг. указ. за 1716 г., л. 45 об.
[4]) Г. А., XXVI, № 193 I карт. (8 пачка).

(или копія): «Въ канцеляріи господина генерала князя Долгорукова за отсылкою въ остаткѣ невершеныхъ дѣлъ: до свѣтлѣйшаго князя касаютца»: «о вотчинахъ свѣтлѣйшаго князя, которыя даны ему въ Ингріи и потомъ розданы разночинцамъ, и которыя ему даны взамѣнъ оныхъ, и что съ нихъ какихъ денежныхъ доходовъ въ годъ сходилось», «о ревельскихъ деньгахъ, что издержаны на покупку хлѣба», и о посылкѣ этихъ денегъ свѣтлѣйшему князю; далѣе перечисляются дѣла по тяжбамъ свѣтлѣйшаго князя съ частными лицами по его заводамъ и по поводу бѣглыхъ людей. Потомъ идутъ дѣла по челобитьямъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ, о взяткахъ, о грабежахъ казеннаго имущества (т. е. противъ третьяго пункта); далѣе дѣло: «объ отдачѣ туленину Никитѣ Демидову безъ оброку сибирскихъ же лѣсныхъ заводовъ и о поставкѣ въ казну желѣза дорогою цѣною, и о продажѣ безпошлино, и о свидѣтельствованіи всѣхъ желѣзныхъ заводовъ»; далѣе «о позволеніи торгу всякихъ чиновъ людемъ, кромѣ купечества, которые торгуютъ, десятой деньги по препорціи съ торговъ не платятъ, отчего купечеству обида, и оный сборъ въ потеряніи». Потомъ дѣла: о подрядахъ провіанта, по фискальскимъ доношеніямъ, «о раздачѣ питей съ каменнаго мосту безденежно Алексѣемъ Курбатовымъ» [1]).—Таково разнообразіе дѣлъ, вѣдавшихся Долгоруковской канцеляріей. Здѣсь можно намѣтить двѣ группы: во-первыхъ, дѣла «интересныя»—противъ третьяго пункта, и во-вторыхъ, дѣла, видимо, случайныя (напр. о Никитѣ Демидовѣ, по челобитьямъ, жалобы купечества о десятой деньгѣ). Но есть одно указаніе, что дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ не были чужды Долгоруковской канцеляріи. Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи есть дѣло о капитанѣ Кзензіанѣ, обвинявшемся въ поношеніи государя непристойными словами, о чемъ донесли его сослуживцы по полку; за это указомъ Петра его повелѣно сослать въ Сибирь, а указъ этотъ «приписалъ Долгорукой»; Долгоруковъ же письмомъ извѣщаетъ объ этомъ сенатъ; дѣло было въ 1715 году [2]).

Такимъ образомъ, обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что, кромѣ случайныхъ, главное количество дѣлъ вѣдѣнія Долгоруковской канцеляріи принадлежало къ дѣламъ противъ «пунктовъ» указа 1715 года; но, конечно, отнюдь не слѣдуетъ

[1]) Г. А., К. П. кн. 53, лл. 252—256.
[2]) Г. А., VII, № 2.

упускать изъ виду, какъ случайно попадали и самыя разнородныя дѣла въ ту-же канцелярію кн. Долгорукова. Дѣла обычно поручались царемъ, очень близко стоявшимъ къ канцеляріи; выписки дѣлъ посылались зачастую Петру: «и по тому дѣлу Царское Величество, слушавъ выписки, словеснымъ своимъ указомъ изволилъ сказать, что» [1]).... (идетъ распоряженіе). Обо всемъ Долгоруковъ доносилъ письмами Петру-же; Макаровъ (въ 1718 г.) пишетъ Долгорукому: «письма вашего сіятельства всѣ исправно я получилъ,... что-же изволили писать объ оставшихъ дѣлахъ въ Вашей канцеляріи, о томъ я Его Царскому Величеству доносилъ, на что изволилъ сказать, что о тѣхъ дѣлахъ рѣшеніе будетъ тогда, когда Его Величество изволитъ возвратиться въ Санктпетербургъ» [2]).

Петръ самъ непосредственно, значитъ, входилъ въ дѣла канцеляріи.—Къ сожалѣнію, слѣдовъ объ «ассессорахъ» или «товарищахъ» не нашлось. Въ заключеніе можно прибавить, что уже въ мартѣ 1719 года Долгоруковской Канцеляріи не существовало: въ числѣ подъячихъ Тайной Канцеляріи былъ нѣкто Русиновъ, взятый «отъ дѣлъ канцеляріи князь Василья Долгорукова, которая раскасована» [3]). Этимъ исчерпываются наши свѣдѣнія о Долгоруковской канцеляріи.

4. Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи сохранились упоминанія о «канцеляріи вѣдомства господина Плещеева»: шли сношенія съ нею по поводу отписныхъ пожитковъ бывшаго ростовскаго епископа ростриги [4]); потомъ въ реестрѣ бумагъ по дѣлу царевича Алексѣя записано: «писмо отъ господина Плещеева, что (за ?) взятые Лопухина пожитки вырученныхъ денегъ отъ цѣловальниковъ въ канцелярію его ничего не отдано» [5]).

Въ 1718 году въ Тайную Канцелярію поступаетъ дѣло по «доношенію» Плещеева изъ «Канцеляріи вѣдомства моего» (т. е. Плещеева); дѣло это – о взяткахъ маіора Фуникова при пріемѣ подрядовъ по обмундированію; такъ какъ часть замѣшанныхъ въ это дѣло лицъ сидѣла подъ карауломъ въ Тайной Канцеляріи, то Плещеевъ счелъ нужнымъ и все дѣло, у него имѣющееся, передать въ Тайную же Канцелярію. Въ письмѣ на имя дьяка Тайной Канцеляріи Тим. Палехина нѣкто Петръ... (подпись не разобрана) пишетъ: «изъ канцеляріи вѣдомства полковника и отъ лейбъ-гвардіи капитана поручика господина Плещеева посланъ былъ въ описной домъ, который описанъ по розыскнымъ тайнымъ дѣламъ, окольничего... Собакина... дьякъ Ѳедоръ Сорокинъ»; найденныя тамъ цифирныя письма были отправлены при этомъ письмѣ Палехину. Это было въ іюнѣ 1719 года [1]).

1) Г. А., К. П., кн. 53, л. 253.
2) Г. А., IX, № 2, ч. I, л. 343.
3) Г. А., VII, № 8.
4) Г. А., VII, № 6, ч. 1.
5) Г. А., VI, № 76.

Изъ вышеприведеннаго видно, что въ канцеляріи Плещеева состоялъ дьякъ, въ данное время Ѳ. Сорокинъ.

Въ 1720 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, Макаровъ письмомъ къ Плещееву передаетъ мелкое распоряженіе Петра по «интересному дѣлу», бывшему въ канцеляріи вѣдѣнія Плещеева, «въ канцеляріи вашей», какъ выражается Макаровъ [2]).

Въ 1722 году Плещеевъ пишетъ изъ канцеляріи своего вѣдѣнія доношенія въ Тайную Канцелярію, съ требованіемъ прислать ему содержащагося въ Тайной Канцеляріи колодника Чюбарова «по обрѣтающемуся въ канцеляріи вѣдомства моего раскольному дѣлу» [3]). Въ этомъ же дѣлѣ находимъ слѣдующій указъ сената Тайной Канцеляріи: «Указъ Его Величества Императора и Самодержца всероссійскаго изъ Сената въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Іюля 10-го дня нынѣшняго 1722 году въ поданномъ въ Сенатъ доношеніи герольдмейстера Плещеева написано: по Его Императорскаго Величества указу вѣдалъ онъ раскольническія дѣла, а сего 1722 году мая 10-го дня по именному Императорскаго Величества указу опредѣленъ онъ къ герольдмейстерскимъ дѣламъ, а о пріемѣ у него раскольническихъ дѣлъ изъ Сената въ Св. Прав. Синодъ вѣдѣніе послано, и по тѣмъ дѣламъ колодниковъ и поднесь у него не принято; и между тѣми дѣлами касаетпа важное дѣло до стольника Ивана Савельева сына Чюбарова, который содержится въ Санктъ Петербургѣ въ Тайной Канцеляріи, о которомъ его Чюбаровѣ дѣлѣ извѣстенъ Его Императорское Величество, и указалъ имъ Чюбаровымъ розыскивать, и чтобъ онаго Чюбарова дѣло повелѣно было принять въ Сенатъ, или отослать въ Тайную Канцелярію» [4]). Этимъ указомъ дѣло это отсылалось въ Тайную Канцелярію.

1) Г. А., VII, № 41.
2) Г. А., IX, № 2 карт. 4, л. 49.
3) Г. А., VII, № 85.
4) Г. А., VII, № 84.

Всѣ выше изложенныя данныя о канцеляріи вѣдомства Плещеева позволяютъ намъ установить фактъ ея существованія въ періодъ отъ 1718 до 1722 года, когда она была ликвидирована съ назначеніемъ Плещеева герольдмейстеромъ. О способахъ дѣйствованія и устройствѣ этой канцеляріи мы можемъ только заключать, что въ ней былъ дьякъ (Сорокинъ). Предметы вѣдѣнія канцеляріи, очевидно, были—«розыскныя дѣла»; изъ нихъ главныя—дѣла раскольничьи; попадали и дѣла по первымъ двумъ пунктамъ (дѣло Чюбарова), были дѣла и противъ третьяго пункта (дѣло Фуникова).

5. Михаилъ Аѳанасьевичъ Матюшкинъ въ 1697 году въ числѣ другихъ былъ отправленъ за границу для изученія воинскаго дѣла. Возвратившись, былъ въ Преображенскомъ полку, гдѣ въ 1706 году числился уже капитаномъ; въ концѣ царствованія Петра онъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ, при чемъ въ десятыхъ и первыхъ годахъ XVIII ст. посылался Петромъ съ порученіями по набору рекрутовъ [1]) и по другимъ воинскимъ дѣламъ; напримѣръ, въ мартѣ 1715 г. ему приказано было произвести осмотръ «протазановъ» въ оружейной палатѣ на Москвѣ [2]), въ цѣляхъ выясненія ихъ годности. Въ сенатскомъ архивѣ хранится, подъ № 27, книга съ именными Высочайшими указами, озаглавленная такъ: «принятая изъ бывшей канцеляріи вѣдѣнія генерала-лейтенанта Матюшкина именные блаженной и вѣчно достойной памяти Государя Императора Петра I указы»... «приняты той канцеляріи у канцеляриста Андрея (фамилія не разобрана) генваря 26 дня 1730 г.» и были «отданы въ канцелярію Высокаго Сената». Въ срединѣ этой книги есть слѣдующій указъ: «1719 г. апрѣля въ 10 день Царское Величество указомъ по имянному своему Великаго Государя указу Канцелярію Розыскныхъ Дѣлъ, которая была подъ вѣдѣніемъ полковника лейбъ-гвардіи капитана господина Кошелева и лейбъ-гвардіи оборъ-офицеровъ вѣдать генералъ-маэору и лейбъ-гвардіи маэору Михаилу Аѳанасьевичу Матюшкину обще съ тѣми-же гвардіи оборъ-офицеры» [3]); кн. Голицынъ, у котораго временно была въ завѣдованіи канцелярія Кошелева, сообщилъ объ этомъ Матюшкину [4]).

---

[1]) Бумаги Петра Вел., т. IV, 532—533 стр. и ibidem 12 стр.
[2]) Р. А., VII, № 2, 27 л.
[3]) С. А., Кн. Им. Ук., № 27, л. 235.
[4]) См. это письмо на стр. 48-й.

Такимъ образомъ въ 1719 году Матюшкинъ именнымъ указомъ ставится во главѣ той канцеляріи, которая до этого времени была въ вѣдѣніи Кошелева, при чемъ ассессоры оставляются прежніе. Очевидно поэтому, что старые пріемы дѣйствованія въ канцеляріи продолжали оставаться. Однако, если форма указовъ сохраняется и старая – напримѣръ: «1719 г. мая въ 14 день великій государь, слушавъ противъ челобитья дѣтей Ѳ. Соловьева, указалъ»... идетъ указъ самый... «И сей царскаго Величества имянной указъ записать въ книгу. Лейбъ-гвардіи маэоръ Матюшкинъ» [1]) (подпись); съ другой стороны, въ дальнѣйшемъ слѣдуютъ указы съ нѣсколько иной формой, именно: «1719 мая въ 25 день по указу великаго Государя царя... (титулъ)... генералъ маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ Михайло Аѳанасьевичъ Матюшкинъ съ присутствующими гвардіи оборъ офицеры приказалъ.., (идетъ предметъ приказа)... и сей великаго государя указъ записать въ книгу» [2]) Эта разница формъ указываетъ на перемѣну въ способѣ дѣйствованія: при Кошелевѣ Царю подавался голый слѣдственный матеріалъ, просто «выписки» по слѣдствію; теперь же, очевидно, выносилось коллегіальное рѣшеніе, приговоръ—«сентенца», и уже этотъ приговоръ—результатъ коллегіальнаго обсужденія—представлялся какъ-бы на утвержденіе Императору, въ силу чего и становится постепенно обычной въ канцеляріи Матюшкина такая форма: «1720 октября въ 5 день, по указу великаго государя.... и т. д.... генералъ маэоръ и лейбъ гвардіи маэоръ Михайло Аѳанасьевичъ Матюшкинъ съ присутствующими лейбъ гвардіи оборъ офицеры, слушавъ вышеписанной вѣдомости (или «выписку», или «доношенія») приговорили»... идетъ самый приговоръ; въ концѣ слѣдуютъ подписи «присутствующихъ». И этотъ переходъ формы окончательно утвердился, когда старые присутствующіе оберъ-офецеры,—Языковъ и Ивановъ,—были отстранены отъ дѣлъ по доношеніямъ оберъ-фискала Нестерова; и «указалъ Его Величество вмѣсто ихъ быть другимъ лейбъ-гвардіи оборъ офецеромъ», и «вмѣсто ихъ быть въ присудствіи у тѣхъ дѣлъ капитану Александру Бредихину, капитану лейтенанту князю Алексѣю Шеховскому, ундеръ лейтенанту Алексѣю Захарину» [3]). Надо полагать, что по приговорамъ докладывалось

---

[1]) С. А., Кн. Им. Ук., № 27, л. 288/228.
[2]) Ibidem, л. 306—316.
[3]) С. А., Кн. Им. Ук. № 27.

Петру, и, видимо, до этого приговоръ въ исполненіе не приводился; это видно изъ слѣдующаго: «1721 г. марта 10 дня по приговору генерала лейтенанта Матюшкина съ протчими присудствующими лейбъ-гвардіи оберъ-офицеры велѣно взять на немъ Ѳедоровѣ, только не взяты, и въ правежѣ оныхъ денегъ Ѳедоровъ не держался для того: прежде онаго приговору по докладу бывшихъ въ оной канцеляріи ассессоровъ Иванова и Языкова на меморіяхъ объ ономъ Ѳедоровѣ подписано Его Императорскаго Величества собственною рукою: «учинить приговоръ къ слушанью», и по оному учиненному приговору Его Величеству за неполученіемъ времени не докладывано» [1]). Приговоръ не приведенъ въ исполненіе потому, что о немъ по недостатку времени не было докладывано Петру. Впрочемъ, иногда Петръ, прослушавъ докладъ о дѣлѣ, предоставлялъ его оканчивать самой канцеляріи; въ представленномъ ему реестрѣ, противъ нѣкоторыхъ слѣдованіемъ оконченныхъ дѣлъ имѣется помѣта царя: «вершить» [2]). Приговоры обычно ставились и «присудствующими оборъ-офицерами», при чемъ иногда ассессоры Ивановъ и Языковъ писали письма по дѣламъ канцеляріи за своею только подписью, употребляя выраженіе «канцелярія вѣдѣнія нашего» [3]). Тутъ какъ-будто мелькаетъ указаніе на существованіе, хотя и неполно проведеннаго, принципа коллегіальности въ управленіи канцеляріей. Однако, эта коллегіальность проводилась нѣсколько своеобразно; съ одной стороны, какъ-будто она отнюдь не всегда имѣлась на лицо, и дѣла иногда могли рѣшаться и единолично Матюшкинымъ. Макаровъ въ письмѣ отъ 20-го августа 1720 года пишетъ Матюшкину по поводу одной челобитной: «и для того тое ево челобитную посылаю къ вашему превосходительству, по которой извольте учинить рѣшеніе; а ежели одни вы по тому дѣлу рѣшенія учинить не можете, то извольте рѣшеніе о томъ учинить обще съ другими господами штапными офицерами» [4]). О дѣлѣ по челобитью вдовы ген. м. Яковлева Макаровъ писалъ Матюшкину: «чтобъ по дѣлу ея, которое слѣдуется въ Канцеляріи вашего вѣдѣнія, учинили рѣшеніе ваше превосходительство только что касается до нея; а ежели вамъ того

[1]) С. А., Кн. Ин. Ув., № 27, л. 497/497.
[2]) Ibidem, л. 498/498.
[3]) Ibidem, напримѣръ, л. 336/346.
[4]) Г. А., IX, № 2, картонъ 3.

дѣла рѣшить за чѣмъ не возможно, то указалъ Его Величество помянутое дѣло сообщить всѣмъ штапнымъ господамъ отъ гвардіи и рѣшить оное обще съ ними» [1]).

Съ другой стороны, изъ этихъ-же Макаровскихъ писемъ видно, что коллегіальность могла расширяться произвольно и неопредѣленно. Къ характеристикѣ этого мы имѣемъ слѣдующій фактъ, отлично иллюстрирующій фразу Макарова: «ежели одни вы... рѣшенія учинить не можете, то извольте рѣшеніе о томъ учинить обще съ другими господами штапными офицерами».— Генералъ Сомовъ пишетъ къ Матюшкину, что при наказаніи за дерзости гулящій человѣкъ Иванъ Ивановъ началъ кричать: «есть за мной государево слово и дѣло!» Потомъ, послѣ пытки онъ отказался отъ «слова и дѣла», но когда вторично приступили къ наказанію его батогами, онъ опять кричалъ «слово и дѣло», послѣ чего Сомовъ и отправляетъ его Матюшкину: «послалъ, пишетъ онъ, помянутаго Ивана Иванова подъ карауломъ до вашего высокоблагородія, и объ ономъ какъ ваше высокородіе соблаговолитъ». Дата бумаги—27 декабря 1722 г. «1722 года декабря 27-го дня *въ канцелярію генеральныхъ дѣлъ господина генерала и лейбъ гвардіи мазора Матюшкина* противъ вышеписаннаго извѣстнаго письма генерала гевалдшера Сомова приводный крестьянинъ Иванъ Ивановъ допрашиванъ по пунктамъ». Далѣе приводится этотъ допросъ, а послѣ него идетъ слѣдующее: «Декабря въ 31 день вышеозначенной Бранной слободы тяглецъ Иванъ Ивановъ распрошанъ въ застѣнкѣ и пытанъ въ томъ, что имѣетъ-ли онъ какое за собою государево слово и дѣло; а въ распросѣ до пытки сказалъ, что государева слова и дѣла никакого онъ не имѣетъ; а сказалъ онъ то государево слово и дѣло, не стерпя побои»; послѣ «перемѣнныхъ» словъ на этомъ утвердился, и «дано ему 15 ударовъ». Послѣ этого идетъ приговоръ; сначала излагается все дѣло, какъ оно было, потомъ такой конецъ: «за вышеписанныя его Ивановы продерзости учинить ему наказанье: бить кнутомъ нещадно, водя по рынкамъ, и по улицамъ, и по торгамъ для того, что онъ Иванъ, какъ выше сего объявлено, сказалъ государево слово и дѣло трижды, а никакого не показалъ, дабы, видя оное наказанье, другимъ такихъ продерзостей чинить было неповадно; и учиня ему Ивану то

[1]) Г. А., IX, № 2, карт. 3.

наказанье, освободить его на волю. Петръ Толстой. Михаила Матюшкинъ» [1]).

Какъ мы видимъ, «рѣшеніе» тутъ Матюшкинъ одинъ учинить не могъ, т. е. не осмѣлился, и постановилъ «обще» съ другимъ «штапнымъ офицеромъ», по этимъ дѣламъ спеціалистомъ—Петромъ Толстымъ, т. е. какъ ему предписывалось въ письмѣ Макарова. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія, что теперь, въ 1722 году, канцелярія носитъ названіе канцеляріи *генеральныхъ* дѣлъ; не значитъ ли это, что компетенція канцеляріи вѣдѣнія Матюшкина къ тому времени разрослась, и всякія дѣла (на что указываетъ терминъ «генеральный») стали туда попадать? Однако, компетенція Матюшкинской канцеляріи все-таки въ основѣ «розыскная». Мы видѣли, что она звалась «канцеляріей розыскныхъ дѣлъ»; весь реестръ дѣлъ, съ которыми она начала свою дѣятельность, перешедшій къ ней изъ Кошелевской канцеляріи, сплошь состоитъ изъ розысковъ по «интереснымъ дѣламъ», т. е. противъ 3-го пункта указа 1715 года; совершенно такого-же характера было дѣло Соловьева съ Курбатовымъ; того-же типа были и дѣла «по фискальскимъ доношеніямъ», напр., дѣло военнаго коммиссаріата секретаря П. Скурилина по доношенію фискала Михаила Косова. Кромѣ того, бывали и дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ указа 1715 года; на это ясно и опредѣленно указываетъ дѣло, нами выше приводимое, приговоръ по которому вмѣстѣ съ Матюшкинымъ подписываетъ П. А. Толстый. Говоря короче, дѣла по преступленіямъ противъ пунктовъ указа 1715 года были предметомъ вѣдѣнія Матюшкинской канцеляріи, причемъ безусловно преобладали дѣла противъ третьяго пункта этого указа.

Послѣднія извѣстія о канцеляріи Матюшкина относятся къ 1724 г. Въ реестрѣ дѣлъ, поданномъ въ этомъ году Петру отъ канцеляріи, противъ группы дѣлъ «не изслѣдованныхъ и ко окончанію не приведенныхъ» стоитъ резолюція Петра: «отослать въ тѣ мѣста, гдѣ которому дѣлу быть прилично» [3]). На этомъ книга указовъ и кончается, что дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что этимъ реестромъ ликвидировалась дѣятельность канцеляріи. Если принять это предположеніе, то тогда

[1]) Г. А., VII, № 29 (1 картонъ, № 10).
[2]) Г. А., IX, № 2, кн. за 720, л. 275.
[3]) С. А., Кн. Им. Ук., № 27, л. 488/498.

можно ясно намѣтить хронологическіе предѣлы существованія Матюшкинской канцеляріи: съ 1719 по 1724 годъ.

6. Въ 1719 году Богдану Скорнякову-Писареву былъ данъ слѣдующій указъ Петра: «ѣхать тебѣ въ Астрахань и тамъ противъ данныхъ тебѣ доношеній о преступленіяхъ астраханскаго коменданта» и другихъ начальствующихъ въ Астрахани... «розыскать»... «и которые въ свидѣтеляхъ и прочіе, которыхъ сей розыскъ касается, привези съ собой за карауломъ къ намъ въ Санктпетербурхъ» [1]). Повинуясь этому указу, Скорняковъ-Писаревъ ѣдетъ въ Астрахань и производитъ тамъ розыскъ, при чемъ постоянно сносится письмами съ Петромъ черезъ Макарова, пересылая добытыя имъ данныя («съ приложеніями» письма); а Макаровъ, въ свою очередь, постоянно ему отписываетъ, что «Его Царское Величество указалъ» даже по мелкимъ деталямъ розыска; особенно интенсивно эта переписка идетъ въ іюлѣ 1719 года [2]). Въ результатѣ опись дѣлъ по этому розыску занимаетъ объемистую книгу листовъ въ 200, исписанныхъ некрупнымъ почеркомъ [3]). Главное количество этихъ дѣлъ—всякія злоупотребленія должностныхъ лицъ города Астрахани; но къ нимъ примѣшиваются и другого рода дѣла: объ извѣтахъ, объ измѣнѣ и о «чести Его Царскаго Величества». Таково дѣло по извѣтамъ солдата Костромитинова, начатое слѣдованіемъ у Скорнякова-Писарева. Это дѣло, дошедшее до насъ въ цѣломъ видѣ, раскрываетъ намъ, какъ Скорняковъ исполнялъ порученіе Императора. «1719 году ію(ня) въ 5 день въ *канцеляріи розыскныхъ дѣлъ лейбъ-гвардіи передъ господиномъ капитаномъ Скорняковымъ-Писаревымъ*» доносителю Костромитинову «дана очная ставка» съ обвиняемымъ имъ Петромъ Кресниковымъ (самаго начала дѣла не имѣется; оно, вѣроятно, сгнило). Костромитиновъ же многихъ, и между прочими Кресникова, обвинялъ въ говореніи словъ объ измѣнѣ или «о чести Его Царскаго Величества». Дѣло велось обычнымъ путемъ допросовъ, очныхъ ставокъ и пытокъ; въ одномъ мѣстѣ дѣла читаемъ: «послѣ того какъ онъ Кирило Костромитиновъ выздоровѣлъ, привоженъ въ *канцелярію господина капитана Скорнякова-Писарева*, а при томъ были брегадиры Карлусъ Эваницкій, полковникъ Данило Титовъ, поручики Михаило Тра-

[1]) Г. А., К. П. Кн. Им. Указ. за 1719 г., л. 5—6.
[2]) Г. А., IX, № 2, карт. 2.
[3]) Г. А., VII, № 9 (вложена внутри).

винъ, Александръ Кожинъ», и передъ ними допрошенъ: дѣло это было «въ Астрахани», какъ объ этомъ точно говорится въ приговорѣ о Костромитиновѣ при изложеніи его допросовъ; то же подтверждаетъ одинъ изъ напрасно оговоренныхъ Костромитиновымъ въ своей челобитной: «въ бытность, пишетъ онъ, отъ гвардіи капитана... Богдана Скорнякова-Писарева *въ Астрахани* взвелъ на мена поклеповъ напрасно... бѣглый драгунъ Кирило Костромитовъ»; въ реестрѣ же «астраханскихъ дѣлъ», подъ № 1 занесено именно это дѣло по извѣтамъ Василія Костромитинова [1]). Изъ всего вышеизложеннаго не трудно заключить, что порученіе царя Скорняковъ выполнялъ при посредствѣ «канцеляріи отъ гвардіи капитана Скорнякова-Писарева»; что эта канцелярія именовалась и «канцеляріей розыскныхъ дѣлъ»; что вѣдала она розыскъ, въ который входили дѣла «интересныя» и отчасти, во-вторыхъ, дѣла «противъ первыхъ двухъ пунктовъ»; что въ этой канцеляріи были «присутствующіе оберъ-и штабъ-офицеры». Такъ, видимо, было въ Астрахани; интересна дальнѣйшая ея судьба. Какъ мы замѣтили, реестръ съ дѣлами ея попалъ въ дѣла Тайной Канцеляріи, и вершеніе дѣлъ, по крайней мѣрѣ очень многихъ, происходило съ дальнѣйшимъ ихъ слѣдованіемъ уже въ Тайной Канцеляріи, гдѣ они стали помѣщаться подъ рубрику: «астраханскія дѣла». По дѣлу Костромитинова одинъ указъ гласитъ такъ: «1721 марта въ 9 день Великій Государь..., будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, указалъ... Костромитинова... розыскивать... за то, что онъ... въ канцеляріи передъ брегадиромъ Эваницкимъ и полковникомъ Титовымъ и передъ другими офицерами говорилъ, что... поклепалъ напрасно, а въ Петербурхѣ съ розысковъ утверждается».

Такимъ образомъ выходитъ, что канцелярія розыскныхъ дѣлъ Богдана Скорнякова Писарева, выросшая изъ личнаго порученія Петра Скорнякову-Писареву, просуществовавъ въ Астрахани, по пріѣздѣ Скорнякова въ Петербургъ уничтожаясь, поглощается Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріей Такъ до насъ доходятъ слѣды существованія еще одной канцеляріи «вѣдѣнія», и тутъ мы ясно видимъ, что причиной ея образованія служило розыскное дѣло, порученное Петромъ одному изъ «отъ гвардіи офицеровъ».

7. Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться на одномъ небольшомъ извѣстіи, однако интересномъ для насъ. Въ дѣлахъ

[1]) Г. А., VII. № 9.

Тайной Канцеляріи сохранилась слѣдующая «опись»: «опись дѣлу коммисара Василья Филиппова, которое изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отдано въ канцелярію вѣдомства полковника и отъ лейбъ-гвардіи отъ бонбардиръ капитана-порутчика Григорья Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину». Въ этой описи подъ нумеромъ 4 значится: «великаго государя указъ: 17 дня 719 года за подписаніемъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера Петра Андреевича Толстого, брегадира и отъ лейбъ гвардіи маэора Андрея Ивановича Ушакова, по которому велѣно тѣ подлинныя его Ѳилиппова доношенія и допросъ изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ для изслѣдованія отдать къ подлиннымъ о томъ дѣламъ въ канцелярію вѣдомства полковника и отъ лейбъ-гвардіи отъ бонбардиръ капитана порутчика Григорія Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину съ роспискою» [1]). Такимъ образомъ передъ нами еще одна розыскная канцелярія: вѣдомства Гр. Гр. Скорнякова-Писарева; къ сожалѣнію, о ней мы имѣемъ только это одно незначительное извѣстіе, изъ котораго, впрочемъ, видно, что въ канцеляріи вѣдомства Скорнякова-Писарева былъ дьякъ и въ данное время—Осипъ Метлинъ.

8. Также одно только извѣстіе, одинъ только намекъ имѣемъ мы о канцеляріи кн. Шаховского. Въ мартѣ 1723 г. Макаровъ получаетъ отъ кн. Алексѣя Шаховского письмо, въ которомъ этотъ послѣдній пишетъ: «въ канцелярію вѣдѣнія нашего писано, дабы прислать на Генеральный Дворъ изъ канцеляріи нашего вѣдѣнія вѣдомость о наличныхъ деньгахъ» [2]). Изъ этого извѣстія можно только сдѣлать выводъ, что въ 1723 г. существовала канцелярія вѣдѣнія кн. Алексѣя Шаховского.

Вотъ свѣдѣнія, которыя намъ удалось найти по исторіи ряда отдѣльныхъ канцелярій, вѣдавшихся различными офицерами, какъ будто стоявшихъ внѣ связи съ указами 1717 г. Едва-ли можно отрицать нѣкоторую общность всѣхъ этихъ установленій между собою, какъ связанныхъ указами 1717 года, такъ и стоящихъ отъ нихъ особнякомъ. Хотя канцеляріи и создавались по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ, однако въ родѣ ихъ дѣятельности, въ способахъ ихъ дѣятельности, въ ихъ компетенціи и управленіи оказывается много общихъ чертъ, роднящихъ ихъ другъ съ другомъ. Если эти установленія не

[1]) Г. А. VII, № 39.
[2]) Г. А., К. П., кн. 64. л. 931 -932.

были юридически и практически тожественны между собою, не будучи явленіями единаго законодательнаго замысла, то, выросши въ одинъ историческій моментъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ историческихъ условій, въ достиженіи однородныхъ насущно нужныхъ результатовъ, фактически они являются очень близкими другъ другу, что какъ будто чувствовалъ и самъ Петръ, во-первыхъ, часть ихъ объединивъ до извѣстной степени въ началѣ этого очерка приведенными указами 1717 г., а, во-вторыхъ, еще разъ ихъ объединяя въ слѣдующемъ указѣ 1723 года:

«Указъ (таковъ своеручный отданъ по указу въ Вышній судъ). Всѣ дѣла, которыя по *канцеляріямъ мазорскимъ*, разослать куда которое пристойно, а именно: ежели есть важныя,—въ сенатъ, доимочныя,—въ ревизіонъ-контору, и протчее; какъ вышеписано, сіе учинить въ будущемъ генварѣ 1724 г. Петръ» [1]). Въ дополненіе, приводимъ еще слѣдующій указъ за собственноручной подписью Петра: «1724 г. генваря въ 22 день Его Императорское Величество, будучи въ Судѣ, указалъ: изъ *мазорскихъ канцелярій* всѣ дѣла отослать въ Сенатъ и въ Коллегіи, гдѣ которому быть пристойно; а по которымъ изъ оныхъ дѣлъ надлежитъ на комъ взять какіе денежные штрафы или доимку, въ сенатскую ревизіонъ-контору отдавать со учиненными вѣдомостьми; и въ томъ брать отъ судей реверсы по прежнему указу» [2]). Такъ въ 1724 году Петръ стремится уничтожить маіорскія канцеляріи въ виду того, что теперь имѣются учрежденія, куда уже можно «пристойно» размѣстить всѣ дѣла. Что это за «мазорскія канцеляріи»? Думается, возможно предполагать ихъ тожество съ нашими Канцеляріями «вѣдѣнія», такъ какъ *никакихъ* другихъ учрежденій подъ именемъ майорскихъ канцелярій мы не знаемъ въ царствованіе Петра, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, въ большинствѣ канцеляріи «вѣдѣнія» имѣли во главѣ именно майоровъ, при чемъ кругъ вѣдомства этихъ нами разсмотрѣнныхъ канцелярій точно обнимается намѣченными «важными» и «доимочными» дѣлами указа 1723 года. Такимъ образомъ, или мы должны предполагать существованіе двухъ отдѣльныхъ родовъ канцелярій, занимавшихся однимъ и тѣмъ-же дѣломъ и имѣвшихъ майоровъ во главѣ, какъ тѣ, такъ и другія, при чемъ о существованіи однѣхъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ; или же предположить, что въ этихъ

[1]) Г. А., К. П., Книг. Ин. Указ. 1723 г., л. 8 об.
[2]) С. А., Кн. Ин. Ук. № 28, л. 54.

указахъ Петръ имѣетъ въ виду тѣ именно учрежденія, которыя мы разсматривали. Мы рѣшительно склоняемся къ отожествленію майорскихъ канцелярій указовъ 1723 и 1724 гг. съ канцеляріями «вѣдѣнія» отъ гвардіи офицеровъ, только-что нами разсмотрѣнными. Если наше предположеніе вѣрно, то изъ разсмотрѣнія этихъ указовъ видно, что Петръ самъ уже объединялъ, считая однородными учрежденіями всѣ розыскныя майорскія канцеляріи «вѣдѣнія» различныхъ отъ гвардіи офицеровъ; а это еще усугубляетъ наше право разсмотрѣть ихъ совокупно, выяснить и опредѣлить ихъ общія черты и формы.

III

Итакъ, въ первой половинѣ десятыхъ годовъ XVIII столѣтія случались иногда дѣла, по которымъ надо было «розыскивать», и которыя близко интересовали самого Петра. Для этихъ розысковъ Петръ выбиралъ надежныхъ людей изъ среды его окружавшихъ офицеровъ и, давая имъ большія полномочія, посылалъ ихъ въ качествѣ слѣдователей, при чемъ самъ постоянно и пристально наблюдалъ за слѣдствіемъ, получая самыя точныя доношенія и распоряжаясь часто даже мелочами розыска. При этомъ обычно давался указъ этимъ слѣдователямъ набирать себѣ нужный штатъ приказныхъ людей, а также давались «ассессоры»-помощники тоже изъ среды «гвардіи офицеровъ». Такъ возникали учрежденія—канцеляріи розыскныхъ дѣлъ вѣдѣнія такого-то офицера. Этимъ путемъ въ 1713—1715 годахъ возникли канцеляріи кн. Волконскаго, Ушакова, Дмитріева-Мамонова, Кошелева. Если сравнить между собой тѣ указы, которыми Петръ клалъ основаніе канцеляріямъ этихъ лицъ, не трудно видѣть чуть-ли не полное тожество даже ихъ формы (ср. указы Дмитріеву-Мамонову, Кошелеву, Волконскому, приведенные выше).

Образовавшіяся такимъ путемъ канцеляріи прежде всего состояли подъ ближайшимъ наблюденіемъ, руководствомъ царя; розыскивая порученное дѣло, сама такая канцелярія обычно стояла въ тѣни; все шло какъ-бы отъ ея главы, отъ того офицера, которому указомъ былъ врученъ розыскъ; но его компетенція была очень своеобразна, такъ какъ онъ былъ скорѣе въ положеніи исполнителя и докладчика о результатахъ выполненія даннаго приказа; а этотъ приказъ, т. е. вся иниціа-

тива и направленіе дѣла, зависѣли отъ непосредственныхъ указовъ Императора, которые обычно записывались въ особую книгу за подписью главы канцеляріи, или его помощниковъ-ассессоровъ; низшій персоналъ канцеляріи уже совершенно обращался въ механическихъ исполнителей. Компетенція канцелярій въ общемъ заключалась въ розыскахъ по преступленіямъ противъ «пунктовъ» указа 1715 года, хотя основнымъ стимуломъ ихъ дѣйствованія было *только* порученіе, и потому, какъ исключеніе, но бывали случаи, когда имъ поручались дѣла и не розыскныя (вспом. канц. кн. Долгорукова). Такъ въ грубыхъ общихъ чертахъ намѣтились основныя формы канцелярій вѣдѣнія, три ихъ составныя части: глава канцеляріи, ассессоры и штатъ приказныхъ людей. Однако, дѣло канцелярій постепенно разросталось, а число ихъ становилось все больше; уже Кошелевъ жалуется, какъ мы видѣли, на обремененность свою дѣлами, насчитывая этихъ дѣлъ болѣе ста. Естественно, что непосредственность и прямота отношеній канцеляріи—вѣрнѣе, стоящихъ во главѣ офицеровъ—къ Императору становилась все менѣе и менѣе удобна; уже тотъ-же Кошелевъ проситъ объ образованіи при немъ коллегіи, которая бы ставила приговоры и помогала ему въ направленіи слѣдованій; Петръ ему отказываетъ и принимаетъ на себя «слушаніе» слѣдственнаго матеріала, докладныхъ выписокъ по важнѣйшему дѣлу Кошелевской канцеляріи. Вѣроятно, все-таки сила обстоятельствъ дѣлала свое дѣло и понемногу измѣняла тотъ первоначальный характеръ канцеляріи, который мы только что стремились грубо очертить.

Если сначала главы канцелярій, напримѣръ, Волконскій, Кошелевъ, вели дѣятельныя сношенія съ самимъ Императоромъ именными письмами по всякимъ мелочамъ и получали отъ Петра нерѣдко на всѣ эти свои запросы собственноручныя, подробныя часто, письма, то уже въ послѣдующій періодъ эти отношенія измѣняются: во-первыхъ, далеко нѣтъ той интенсивности въ перепискѣ (стоитъ только сравнить Волконскаго съ Матюшкинымъ и друг.); во-вторыхъ, эта переписка ведется уже больше черезъ посредство Макарова, который передаетъ, «докладываетъ» письма Петру, и уже отвѣчаетъ не царь, а Макаровъ, передавая указы Петра начальнику канцеляріи; и уже эти указы болѣе общи, не такъ детальны; при чемъ въ большинствѣ ужъ не письма, какъ было у Волконскаго, а докладныя выписки поступали къ царю черезъ Макарова, т. е. уже результаты извѣстной довольно сложной работы болѣе канцеляріи, чѣмъ только ея начальника. Такъ измѣняется отношеніе канцелярій къ царю. Если ранѣе, до конца 1718 года, Петръ все рѣшалъ лично и потому не видѣлъ необходимости ни въ какихъ нормахъ, долженствовавшихъ гарантировать правильность дѣйствій канцелярій, то позднѣе, когда силою обстоятельствъ онъ сталъ дальше отъ канцелярій, и личное его вмѣшательство въ дѣло канцелярій было значительно слабѣе, и уже потому не являлось достаточной гарантіей правильности ихъ дѣйствія, онъ принужденъ былъ подумать о подысканіи другихъ гарантій, замѣнивъ свою личную волю какой-либо объективной нормой; это Петръ и сдѣлалъ въ указѣ отъ 8-го декабря 1718 года. Но недостаточно было указать нормы, надо было гарантировать правильность и неуклонность ихъ приложенія, ради чего Петръ обратился къ любимой имъ коллегіальности. Такъ съ 8-го декабря 1718 года,—даты юридической,—начинается второй періодъ въ исторіи розыскныхъ маіорскихъ канцелярій: въ сферѣ чистаго личнаго порученія монарха начинаютъ вырисовываться нѣкоторыя объективныя нормы дѣятельности учрежденій порученія въ сферѣ руководящихъ принциповъ и способа ихъ дѣйствованія.

Вотъ полностью этотъ указъ 8-го декабря; онъ помѣщенъ въ указной книгѣ Матюшкинской канцеляріи, поэтому едва ли могутъ быть сомнѣнія, что онъ касается именно майорскихъ розыскныхъ канцелярій. «Копія съ имяннаго Царскаго Величества указу писаннаго Его Величества собственною рукою: всѣ дѣла, которыя были до указу 1714 году декабря по 24 число, вершить господамъ офицерамъ и помѣчать оныя всѣмъ вмѣстѣ; а судить оныя и наказывать по Уложенію. Петръ. Въ 8 декабря 1718» [1]).

Итакъ, въ конечномъ своемъ образованіи розыскныя маіорскія канцеляріи состояли какъ-бы изъ трехъ частей. Во главѣ канцеляріи обычно стояло одно лицо, отъ гвардіи офицеръ (въ большинствѣ случаевъ—маіоръ); его именемъ обычно называлась канцелярія; ему вручались дѣла императоромъ; онъ докладывалъ рѣшенія по канцеляріи; онъ получалъ отъ Петра

[1]) С. А., Кн. Им. Ук., № 27, л. 106 и д. Надо полагать, что здѣсь имѣется въ виду указъ отъ 12-го марта 1714 г. (П. С. З. № 2828) о рѣшеніи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ по уложенію, а не по особымъ сепаратнымъ указамъ.

приказы и инструкціи; ему ввѣрялась довольно большая, хотя совершенно неопредѣленная, дискреціонная отчасти, власть въ дѣлахъ канцеляріи, однако, будучи подъ наблюденіемъ самого царя, съ большой осторожностью долженъ былъ онъ опредѣлять размѣры своей компетенціи; часто совершенные пустяки идутъ за разрѣшеніемъ къ императору, а иногда сравнительно важное рѣшается самимъ начальникомъ канцеляріи единолично, вѣроятно, въ зависимости отъ разныхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особенныхъ, обстоятельствъ. Чинъ и званіе, видимо, роли не играли въ выборѣ начальника канцеляріи; просто выбирался подходящій человѣкъ изъ лицъ, окружавшихъ Петра въ данный моментъ.

Коллегія «ассессоровъ» или вообще «присутствующихъ» офицеровъ является второй составной частью розыскныхъ майорскихъ канцелярій. Можно предполагать, что въ началѣ, въ первый періодъ, ассессоры были исключительно только помощниками «слѣдователя», начальника канцеляріи; такъ ихъ въ своемъ меморіалѣ называетъ Кошелевъ; такое именно имъ значеніе какъ-будто придается въ указахъ Петра Волконскому и Дмитріеву-Мамонову. Но во второй періодъ значеніе ихъ возрастаетъ; они начинаютъ самостоятельно докладывать царю (Языковъ и Ивановъ); къ нимъ иногда обращаются съ указами; они называютъ канцелярію, гдѣ состоятъ ассессорами, «канцеляріей нашего вѣдѣнія» (канц. кн. Голицына); указъ 1718 г., нами вышеприводимый, окончательно оформливаетъ и укрѣпляетъ ихъ это значеніе. Однако, кромѣ этихъ, какъ-бы постоянныхъ ассессоровъ, иногда «присутствовали» въ канцеляріи и рѣшали дѣла другіе «оборъ-и штапъ-офицеры» отъ гвардіи. Это мы видимъ, во-первыхъ, изъ письма Ушакова, нами приводимаго, къ кн. Голицыну, изъ котораго ясно, что Ушаковъ иногда присутствовалъ и рѣшалъ дѣла въ канцеляріи Дмитріева-Мамонова; во-вторыхъ, мы видѣли, что въ дѣлѣ Матюшкинской канцеляріи подъ приговоромъ стоитъ подпись П. А. Толстого, тоже присутствовавшаго при разборѣ даннаго дѣла въ канцеляріи Матюшкина, и наконецъ то-же явствуетъ изъ приведенныхъ нами «приговоровъ» по канцеляріи князя Юсупова. Такимъ образомъ, можно, кажется, различать въ извѣстной степени два рода присутствующихъ офицеровъ: одни были постоянными сотрудниками въ дѣлахъ канцеляріи, ея ассессорами, цѣликомъ съ ней связанными, выросшими, такъ сказать, изъ

простыхъ помощниковъ главы канцеляріи; другіе же присутствующіе были обычно равными по положенію (а иногда и выше: Матюшкинъ и Толстой) начальникамъ канцеляріи и, видимо, приглашались неопредѣленно, въ зависимости и для какого-либо конкретнаго дѣла. Трудно сказать, по какому принципу ставились рѣшенія и выносились приговоры этой коллегіей «присутствующихъ». Можно даже думать, что это было совершенно не установлено, но во *всякомъ* составѣ коллегія могла ставить приговоры, при чемъ подписавшіе и являлись всенѣло отвѣтственными за данный приговоръ; по крайней мѣрѣ, подъ разными приговорами встрѣчается очень разное количество подписей: отъ одной до полнаго комплекта. Были ли приговоры и рѣшенія канцелярій окончательны, или нѣтъ? Къ сожаленію, отвѣтить на этотъ вопросъ точно нельзя по недостатку данныхъ; во всякомъ случаѣ очень многіе приговоры подвергались просмотру и утвержденію Петра путемъ докладныхъ выписокъ, личнаго доклада, или во время личнаго присутствованія Петра въ канцеляріи.

Третьей составной частью канцелярій являлись дьяки и подъячіе,—словомъ всѣ ея приказные люди. Едва-ли можно полагать, чтобы въ канцеляріяхъ были какіе-либо опредѣленные штаты. Мы видѣли, какъ набирались приказные люди: ихъ просто брали изъ разныхъ мѣстъ (указы Ушакову, Дмитріеву-Мамонову), сколько надобно было въ данный моментъ:—вотъ, вѣроятно, стимулъ, лежащій въ основаніи штатовъ маіорскихъ канцелярій. Намъ удалось найти извѣстія о штатахъ приказныхъ людей почти всѣхъ канцелярій. Въ канцеляріи Волкова приказные дѣлились на двѣ части: «изъ разныхъ канцелярій и изъ губерній» набранные, во-первыхъ, и подъячіе, «которые взяты изъ губерній, а были въ Санктпетербургѣ при дѣлахъ на время», во-вторыхъ; такимъ образомъ подъячихъ брали даже при дѣлахъ, которыя бывали въ розыскѣ, и брали на время. Волковская канцелярія около 1720 года состояла въ общей сложности изъ одного дьяка, шести подъячихъ старыхъ, четырехъ подъячихъ средней статьи и двухъ подъячихъ молодыхъ; всего было тридцать приказныхъ людей [1]). Въ 1719 году канцелярія Кошелева состояла изъ одного дьяка, трехъ старыхъ подъячихъ, семи средней статьи и трехъ молодыхъ, да кромѣ того, были тамъ два средней статьи и два молодыхъ подъячихъ,

[1]) Г. А., К. П., кн. 45, л. 250—255.

взятыхъ изъ Санктпетербургской губернской канцеляріи и изъ Старой Русы; словомъ, весь штатъ приказныхъ Кошелевской канцеляріи достигалъ пятнадцати человѣкъ [1]). Штатъ Канцелярій Кошелева и Волкова,—12—15 человѣкъ,—можно принять за болѣе или менѣе нормальный для маіорскихъ канцелярій. Таковы были маіорскія розыскныя канцеляріи въ ихъ внутреннемъ составѣ.

Вопросъ о сферѣ дѣятельности, о предметахъ вѣдѣнія этихъ канцелярій точно рѣшается формулой: исполненіе даваемыхъ порученій; но видъ, родъ порученій, ради которыхъ онѣ собственно создавались, отводилъ имъ болѣе или менѣе опредѣленный раіонъ дѣйствованія,—розыски по преступленіямъ противъ пунктовъ (главнымъ образомъ, третьяго) указа 1715 года. Однако, на примѣрахъ канцелярій Ушакова и Дмитріева-Мамонова мы видѣли, какъ кое-гдѣ и не совсѣмъ твердо, но опредѣленно стало появляться стремленіе къ ограниченію и уясненію, болѣе точному, нѣкоторыми канцеляріями сферы ихъ дѣятельности. Такъ появляется у маіоровъ розыскныхъ канцелярій тенденція перехода къ прочнымъ учрежденіямъ отъ чисто личныхъ канцелярій по порученіямъ.

Если дѣла противъ третьяго пункта оказалось возможнымъ, съ утратой ихъ остроты, передать въ Ревизіонъ-контору и въ другія дѣйствительныя учрежденія, начавшіяся образовываться къ тому времени, то дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ, не только не утратившія своей остроты, а наоборотъ,—съ 1718 года, съ дѣла царевича Алексѣя,—принявшія еще большую важность, некуда было передавать, такъ какъ, во-первыхъ, при способѣ канцеляріи «вѣдѣнія» Петру было удобнѣе всего держать столь важныя и даже личныя дѣла подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ; а во-вторыхъ, и не было основаній создавать какое-либо прочное, постоянное учрежденіе еще потому, что въ сознаніи Петра всѣ эти дѣла, хотя и важныя, представлялись временными: они должны были скоро исчезнуть; для разныхъ-же мелкихъ «государевыхъ дѣлъ» существовалъ уже Преображенскій приказъ; мы впослѣдствіи убѣдимся совершенно ясно въ существованіи такого представленія у Петра. И потому, когда другія канцеляріи «вѣдѣнія», постепенно прекращая свое существованіе, исчезли съ горизонта, канцелярія

[1]) С. А., Кн. Им. Ук. № 27.

вѣдѣнія П. А. Толстого оставалась въ прежнемъ видѣ, приняла названіе «Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи» и постепенно переходила въ настоящее учрежденіе, формально сохраняя свой временный характеръ до своего перваго, формальнаго уничтоженія въ 1726 году. Установленіемъ и выясненіемъ этого процесса мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Происхожденіе Тайной Канцеляріи.

Тайная Канцелярія или Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ стала извѣстна съ 1718 г., т. е. уже во второй половинѣ царствованія Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ это учрежденіе съ небольшимъ перерывомъ просуществовало до 1762 г., а потомъ, переименованное въ Тайную Экспедицію при Сенатѣ, функціонировало вплоть до начала XIX столѣтія. Въ періодъ, когда Тайная Канцелярія, въ срединѣ XVIII вѣка, окончательно установилась въ предметахъ своего вѣдѣнія и способахъ дѣйствованія, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что то было учрежденіе, имѣвшее спеціальнымъ своимъ назначеніемъ преслѣдованіе такъ называемыхъ государственныхъ преступленій. Если идеи, болѣе или менѣе сформировавшіяся, о государственныхъ преступленіяхъ можно найти изъ законодательныхъ актовъ впервые въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, если спеціальная подсудность и разборъ такого рода дѣлъ очень слабо, но намѣчались уже тамъ, если при Петрѣ Великомъ, съ 1702 г., Преображенскій Приказъ отчасти, какъ-бы на одну треть своей дѣятельности, принялъ характеръ спеціальнаго учрежденія по государственнымъ преступленіямъ, то первымъ установленіемъ *всецѣло* посвященнымъ такого рода дѣламъ является Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія. Замѣчательно, что вопреки рѣшительнымъ попыткамъ Петра I, потомъ Екатерины I къ уничтоженію этого учрежденія, оно, принимая иныя формы, не только не исчезало, но наоборотъ, окончательно укрѣплялось и пріобрѣло большое, хотя и нѣсколько своеобразное, значеніе въ государственномъ механизмѣ Россіи XVIII столѣтія. Послѣдняя, рѣшительная, попытка Петра III уничтожить это учрежденіе тоже не удалась, и Тайная Канцелярія возродилась подъ именемъ Тайной Экспедиціи при Сенатѣ.

Такимъ образомъ, Тайная Канцелярія не можетъ быть разсматриваема какъ случайное, малозначительное учрежденіе

Петровскаго времени. Однако, литературы по ея исторіи можно сказать, не существуетъ, почему является неудивительнымъ, что по вопросу о происхожденіи ея мы не находимъ болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, кромѣ нѣсколькихъ, случайно брошенныхъ, замѣчаній въ статьяхъ и сочиненіяхъ, прямой темой которыхъ служатъ совсѣмъ иные вопросы русской исторіи. Три историка въ краткихъ замѣчаніяхъ высказываютъ предположенія о происхожденіи Петровской Тайной Канцеляріи. По времени болѣе раннее изъ нихъ принадлежитъ П. Иванову въ его «Описаніи Государственнаго архива старыхъ дѣлъ», коего цензурная помѣта относится къ 1848 г. Вотъ какъ представляется Иванову происхожденіе Тайной Канцеляріи: «тайная канцелярія учреждена была Императоромъ Петромъ I по причинѣ случившихся въ 1718 г. чрезвычайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которыя и состояли, какъ полагать должно, частію въ завѣдываніи князя Ромодановскаго, а частію — гр. Толстого. Въ послѣдствіи времени именнымъ Высочайшимъ указомъ 1726 года, мая 28, даннымъ на имя д. т. с. гр. Толстого, велѣно быть этой канцеляріи въ одномъ завѣдываніи т. с. кн. Ромоданскаго, къ коему указано отсылать доставляемыхъ арестантовъ въ Приказъ Преображенскій» [1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Иванова, случились какія-то чрезвычайныя розыскныя дѣла, по причинѣ которыхъ и создалось учрежденіе Тайная Канцелярія подъ главенствомъ Ромодановскаго и Толстого; причемъ въ 1726 году Канцелярія оказывается въ *одномъ* завѣдываніи *только* Ромодановскаго. Здѣсь есть неточности: во-первыхъ, *никогда*, *никакою* отношенія, до 1726 г., Ромодановскіе къ Тайной Канцеляріи, — ни отецъ, ни сынъ, — не имѣли, и ни о какомъ завѣдываніи ихъ Тайной Канцеляріей не можетъ быть и рѣчи. Во-вторыхъ, актъ «учрежденія» этой канцеляріи доселѣ неизвѣстенъ; въ-третьихъ, происхожденіе «по причинѣ чрезвычайныхъ розыскныхъ дѣлъ» намѣчаетъ связь происхожденія Тайной Канцеляріи съ этими дѣлами, но и только; а отнюдь не объясняетъ, не выводитъ оттуда этого происхожденія. Такъ замѣчаніе Иванова, грѣша крупными неточностями, мало даетъ положительнаго.

С. Петровскій въ своемъ изслѣдованіи «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», вышедшемъ въ 1876 году, бросаетъ мысль, что Тайная Канцелярія получила «свое суще-

[1]) *Ивановъ* «Описаніе Гос. Архива Старыхъ Дѣлъ» М. 1850 г., стр. 91.

ствованіе съ извѣстнаго дѣла царевича Алексѣя Петровича» и неизвѣстно, когда уничтожена [1]). Эта мысль о связи Тайной Канцеляріи въ моментъ ея учрежденія съ дѣломъ царевича Алексѣя высказывалась въ послѣднее время Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ въ его статьѣ о П. А. Толстомъ, гдѣ онъ считаетъ Тайную Канцелярію «учрежденной первоначально для розыска по дѣлу Алексѣя Петровича и затѣмъ сохраненной въ качествѣ постояннаго учрежденія» [2]). Послѣ мы увидимъ, что эта мысль о тѣсной связи между дѣломъ царевича и возникновеніемъ Тайной Канцеляріи правильно указываетъ на одинъ изъ основныхъ моментовъ въ вопросѣ о происхожденіи Канцеляріи.

Должны сознаться, что намъ не удалось ничего болѣе отыскать въ ученой литературѣ по этому вопросу. Съ такими скудными литературными указаніями мы приступили къ архивному матеріалу, стремясь въ немъ найти данныя къ рѣшенію нашего вопроса о происхожденіи Тайной Канцеляріи.

31-го января 1718 года, послѣ почти полугодового пребыванія за границею, возвратился въ Москву П. А. Толстой, а съ нимъ царевичъ Алексѣй. Порученіе Петра было выполнено блестяще: царевичъ привезенъ въ Россію. Сейчасъ-же начался «розыскъ» при ближайшемъ участіи и подъ непосредственнымъ руководствомъ самого царя. Уже 4-го февраля Петромъ были предложены Алексѣю «пункты», написанные рукой П. А. Толстого. Изъ просмотра дѣлъ этого московскаго (перваго) розыска сразу видно, что вся по нему переписка направлялась по адресу Петра Андреевича Толстого; никакихъ другихъ адресатовъ не встрѣчается; причемъ, видимо, только одинъ Толстой сносился непосредственно съ Петромъ по дѣламъ царевичева розыска; а все это указываетъ, что весь розыскъ былъ, — главнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, — въ рукахъ именно Петра Андреевича.

Внимательное разсмотрѣніе дѣлъ этого розыска укажетъ еще, что ближайшимъ помощникомъ въ веденіи собственно дѣлопроизводства былъ у Толстого дьякъ Тимофей Палехинъ: большая часть дѣлъ была за скрѣпой этого дьяка; можно, впрочемъ, еще замѣтить одно лицо, тоже причастное къ розыску. Въ декабрѣ 1717 г. Макаровъ писалъ въ Москву Андрею

[1]) Опис. дов. и бум. Моск. Арх. Юстиціи, т. III, стр. 253—254.
[2]) Рус. Біограф. Словарь, см. «Толстой, гр. Петръ Андреевичъ», стр. 12.

Ивановичу Ушакову: «Царское Величество указалъ къ вамъ отписать, чтобы хоромы Его Величества въ Преображенскомъ велѣли вы немедленно починить, дабы къ пришествію Его Величества были совсѣмъ готовы» [1]). Такимъ образомъ уже передъ пріѣздомъ Петра въ Москву тамъ былъ А. И. Ушаковъ, имѣвшій въ Преображенскомъ, видимо нѣкоторую власть, потому тамъ и распоряжавшійся; а, какъ извѣстно, московскій розыскъ шелъ именно въ Преображенскомъ. Съ другой стороны, дьякъ Палехинъ былъ взятъ изъ канцеляріи рекрутскихъ дѣлъ [2]), бывшей цѣликомъ въ вѣдѣніи Ушакова, какъ и еще многіе приказные къ тайнымъ дѣламъ были взяты оттуда же [3]); указъ поручику Потеневу, везшему дѣла розыска въ Петербургъ, отъ 20-го марта 1718 г., былъ данъ за рукою А. И. Ушакова [4]); въ то же время Ушаковъ пишетъ оберъ-коменданту Бахметеву о присылкѣ солдатъ для сопровожденія дѣлъ по розыску царевичеву, пересылаемыхъ изъ Москвы въ Петербургъ [5]). Изъ этого видно, что Ушаковъ тоже принималъ, и близкое, вѣроятно, участіе въ розыскѣ.

Такимъ образомъ, главнымъ лицомъ при розыскѣ въ Москвѣ являлся Толстой, второстепеннымъ — Ушаковъ; приговоры этого розыска имѣютъ нѣсколько неопредѣленную форму; напримѣръ: «1718 году марта въ 14 день по указу Великаго Государя министры, слушавъ сея выписки, приговорили»... и затѣмъ идетъ самый приговоръ; эта форма стереотипно повторяется въ приговорахъ по московскому розыску. Названіе «министры», въ то время, видимо, новое на Руси, ничего опредѣленнаго не обозначало, да и по подписямъ можно установить, что составъ этихъ министровъ, хотя и однородный, былъ однако не всегда одинаковъ: или кого-нибудь нѣтъ, или подписался кто-нибудь лишній; никакихъ намековъ на учрежденіе найти намъ не удалось. Итакъ, во главѣ розыска стоялъ Петръ Толстой, ему помогалъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ; ставили же приговоры «министры», довольно неопредѣленный контингентъ людей, близкихъ Петру.

3 февраля 1718 г. изъ Преображенскаго былъ данъ слѣдующій указъ Петра капитану-поручику Гр. Гр. Скорнякову-

[1]) Г. А., IX, № 2 карт. I, л. 328.
[2]) Г. А., VI, № 34.
[3]) Ibidem.
[4]) Г. А., VI, № 31, л. 1.
[5]) Г. А., VI, № 77, л. 79 об.

Писареву: «Указъ бомбардирской роты капитанъ-поручику Писареву. Ѣхать тебѣ въ Суздаль и тамъ въ кельяхъ бывшей жены моей и ея фаворитовъ осмотрѣть письма, и ежели найдутся подозрительныя, по тѣмъ письмамъ, у кого ихъ вынулъ, взять за арестъ и привесть съ собою купно съ письмами, оставя караулъ у воротъ. Петръ. Въ Преображенскомъ въ 9 день февраля 1718 г.» [1]).

Этотъ указъ весь собственноручно писанъ Петромъ. Замѣтимъ, что такого рода указъ не является въ практикѣ Петра исключительнымъ; наоборотъ, надо думать что форма его была обычна въ дѣлахъ по розыскамъ; въ 1719 г. былъ, напримѣръ, данъ указъ Богдану-Скорнякову по простому розыскному дѣлу, а между тѣмъ онъ совершенно тожественъ по формѣ съ выше нами приведеннымъ: «Ѣхать тебѣ въ Астрахань и тамъ противъ данныхъ тебѣ доношеній о преступленіяхъ астраханскаго коменданта» и другихъ начальствующихъ... «розыскать», «и которые въ свидѣтеляхъ и прочіе, которыхъ сей розыскъ касается, привези съ собой за карауломъ къ намъ въ Санктпетербурхъ» [2]). Этотъ указъ, какъ мы знаемъ, положилъ начало канцеляріи «вѣдѣнія» Б. Скорнякова-Писарева.—12 февраля 1718 года Петръ писалъ, тоже собственноручно, слѣдующее письмо Григорію Скорнякову-Писареву. «Мой господинъ! Письма твои получилъ, на которыя отвѣтствую: бывшую жену мою и кто при ней также и кто ея фавориты, и платье ея привези сюды, а перво разыщи, для чего она не пострижена, и кто тому причина, и какой былъ указъ въ монастырь, какъ ее Семенъ Языковъ привезъ, и кто въ то время былъ, и кто о семъ вѣдаетъ, всѣхъ забери и привези съ собою» [3]). Гр. Скорняковъ-Писаревъ точно выполнилъ порученіе: преступники были доставлены въ Москву, и присоединенъ былъ ихъ «розыскъ» къ общему дѣлу о побѣгѣ царевича; а Петръ жилъ тогда въ Москвѣ въ Преображенскомъ, самъ, видимо, всѣмъ руководя.

Итакъ къ Толстому и Ушакову прибавился еще одинъ «слѣдователь» по тому-же почти дѣлу: капитанъ-поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ. Въ концѣ московскаго розыска, значитъ, во главѣ слѣдствія стоялъ непосредственно Петръ, фактически руководилъ П. А. Толстой съ

[1]) Г. А., V № 6, л. 16.
[2]) Г. А., К. П. Кн. Им. Ук. за 1719 г., л. 5—6.
[3]) Г. А., V. № 6, лл. 17—18.

помощью А. И. Ушакова, при близкомъ участіи Гр. Гр. Скорнякова-Писарева, вѣдавшаго ближайшимъ образомъ собственно «суждальскій» розыскъ; но этотъ розыскъ былъ частью цѣлаго. Приговоры ставила неопредѣленнаго состава коллегія «министровъ»; замѣтимъ, что ни Толстой, ни Ушаковъ, ни Скорняковъ-Писаревъ въ составъ этихъ «министровъ» не входили.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ именно Толстой сталъ во главѣ розыска; до насъ не дошло никакого указа, въ которомъ-бы поручалось П. А. Толстому вести московскій розыскъ. Но надо замѣтить, что указъ Скорнякову-Писареву дошелъ до насъ совершенно случайно: онъ находится въ книжкѣ, переплетеный съ другими указами Петра Писареву; эта книжка была въ рукахъ Писарева, и уже только въ XIX в., *случайно* сохранившаяся, была передана на храненіе въ Государственный Архивъ. Никакихъ слѣдовъ этого указа не сохранилось болѣе нигдѣ (по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ не попадается); не сохранись случайно эта книжка, мы совершенно не знали-бы, какимъ образомъ Скорняковъ-Писаревъ попалъ въ Суздальскій розыскъ. Есть, значитъ, основаніе допускать такую возможность по отношеніи и къ Толстому: хранимые Толстымъ собственноручные указы Петра, видимо, пропали безслѣдно, и мы сейчасъ не можемъ точно возстановить, какъ розыскъ по дѣлу царевича перешелъ въ руки П. А. Толстого.

Возвращаясь къ указу, данному Скорнякову-Писареву, нельзя не отмѣтить то сходство даже формы, которое есть въ этомъ указѣ, хотя-бы съ вышеприводимымъ нами указомъ Богдану Скорнякову-Писареву по простому розыскному дѣлу, или съ указомъ нами ранѣе приведеннымъ, даннымъ Ив. Дмитріеву-Мамонову тоже по простому розыску. Такимъ образомъ, собственно «слѣдованіе» по царевичеву дѣлу имѣетъ видъ намъ знакомаго порученія довѣренному лицу произвести «розыскъ», но только розыскъ важный; мы видѣли, какъ при исполненіи даже и не такихъ важныхъ розысковъ при довѣренныхъ лицахъ обычно бывали канцеляріи ихъ вѣдѣнія: вспомнимъ канцеляріи Волкова, Ушакова, Бог. Скорнякова-Писарева. Вспомнимъ, какъ составлялся штатъ этихъ канцелярій «вѣдѣнія»: именно, изъ дьяковъ и подъячихъ, набираемыхъ какъ-бы на время изъ разныхъ мѣстъ; о царевичевомъ розыскѣ до насъ дошло и въ этомъ совершенно параллельное извѣстіе: «въ

прошломъ 1718 году въ февралѣ мѣсяцѣ взяты въ Москвѣ въ Преображенское на генеральный дворъ къ тайнымъ розыскнымъ дѣламъ изъ канцеляріи рекрутныхъ дѣлъ съ потѣшнаго двора дьякъ Тимофей Палехинъ, изъ посольскаго приказу старый подъячій Иванъ Клишинъ, изъ сенатской канцеляріи молодой подъячій Иванъ Григорьевъ, да для письма изъ канцеляріи-жъ рекрутныхъ дѣлъ молодые подъячіи: Григорій Павловъ, Тимофей Силинъ, Иванъ Остафьевъ; и изъ Москвы они при тѣхъ дѣлахъ взяты въ Санктпетербурхъ и были при оныхъ по окончаніи тѣхъ дѣлъ» [1]).

18-го марта 1718 г. Петръ выѣхалъ въ Петербургъ; слѣдомъ за нимъ были пересланы всѣ дѣла по розыску царевича: 20-го марта былъ данъ указъ пор. Потеневу о перевозкѣ всѣхъ дѣлъ изъ Преображенскаго въ Петербургъ [2]), а съ дѣлами поѣхали въ Петербургъ и всѣ къ тайнымъ дѣламъ взятые въ Москвѣ подъячіе [3]), съ Палехинымъ во главѣ [4]); и значитъ, въ срединѣ 20-хъ чиселъ марта все было уже въ Петербургѣ; а тутъ везшему дѣла поручику было велѣно по пріѣздѣ «объявить ихъ (т. е. дѣла) генералу Ивану Ивановичу Бутурлину» и кому онъ ихъ «принять прикажетъ» [5]). Такимъ образомъ въ Петербургѣ прибавляется еще одинъ довѣренный человѣкъ Петра; и съ этого времени въ розыскномъ царевичевомъ дѣлѣ слѣдствіемъ завѣдуютъ четверо: П. А. Толстой, И. И. Бутурлинъ, А. И. Ушаковъ и Г. Г. Скорняковъ-Писаревъ; но во главѣ все-таки стоитъ, видимо, Толстой: 26-го мая Петръ посылаетъ къ царевичу Толстого и Бутурлина, а 22 іюня одному Толстому Петръ письмомъ велитъ съѣздить допросить царевича по пунктамъ, составленнымъ собственноручно Петромъ [6]); и опять вся важнѣйшая переписка по розыску идетъ на имя П. А. Толстого; Бутурлинъ остается какъ-то въ тѣни.

Мы видѣли, что нѣтъ указаній на прямое установленіе въ Москвѣ при розыскѣ какого-либо учрежденія по дѣлу царевича Алексѣя; не то стало въ Петербургѣ. Мы приводили стереотипную форму, въ которую выливались всѣ приговоры по московскому розыску; въ петербургскомъ розыскѣ мы ви-

[1]) Г. А. VI, № 34.
[2]) Г. А. VI, № 31, л. I.
[3]) Г. А. VI, № 34
[4]) Г. А. VI, № 77.
[5]) Г. А. VI, № 31, л. I.
[6]) *Устряловъ*, Исторія Петра, VI т., стр. 257 и 273.

димъ такую-же стереотипную форму приговора, но существенно уже отличную отъ московской: «1718 году ноября въ 19 день, по указу великаго государя Правительствующій Сенатъ, будучи въ Санктъ-Петербурхѣ въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, слушавъ вышеписанныя выписки,... приговорили» [1]). А въ записной книгѣ Санктпетербургской крѣпости встрѣчаются записи, 1718 г., такого рода: «въ 5-ое іюня съѣхались въ гварнизонъ пополуночи въ 10 часу въ Губернаторскій домъ, гдѣ учреждена Канцелярія Его Государственныхъ Тайныхъ Дѣлъ, господа сенаторы и министры» [2]). Такимъ образомъ тайное розыскное дѣло нынѣ, при петербургскомъ розыскѣ, уже вѣдалось въ опредѣленномъ учрежденіи, въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ; а Сенатъ, тамъ засѣдая, по «выпискамъ» ставилъ приговоры.

Итакъ, въ Петербургѣ царевичевъ розыскъ съ дѣлами и подъячими попалъ въ учрежденіе: «Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ». Есть замѣтка въ одной указной книгѣ Тайной Канцеляріи о «министрахъ Тайной Канцеляріи», «за руками» которыхъ, какъ гласитъ эта замѣтка, идетъ въ книгѣ, рядъ дальнѣйшихъ указовъ. При просмотрѣ этихъ указовъ не трудно установить, что «министрами» Тайной Канцеляріи являлись: Толстой, Бутурлинъ, Ушаковъ и Гр. Скорняковъ-Писаревъ, т. е. in pleno и исключительно «слѣдователи» по царевичеву розыску. Просмотръ указанной книги за годы, ближайшіе къ 1718, кромѣ того, ясно свидѣтельствуетъ, что почти исключительнымъ занятіемъ Тайной Канцеляріи былъ розыскъ по дѣлу царевичеву, а также тамъ находились и вѣдались далѣе дѣла по всему и преждебывшему царевичеву розыску. Мы уже видѣли, что дѣла по московскому розыску были отправлены со всѣми подъячими при нихъ бывшими, въ Петербургъ; и тамъ указную книгу уже *Тайной Канцеляріи*, какъ она именуется, скрѣпляетъ дьякъ Тимофей Палехинъ, а старшій подъячій Иванъ Клишинъ именуется уже канцеляристомъ Тайной Канцеляріи: Ушаковъ такъ его называетъ въ письмѣ своемъ къ петербургскому генералъ-полицеймейстеру по поводу отвода имъ («канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляристы Иванъ Клишинъ и прочіе») квартиры [3]). Такимъ образомъ

[1]) Г. А. VI, напр. № 47.
[2]) Биб. Акад. Наукъ „Журн. С.-Пб. Крѣп.", л. 30 об.
[3]) Г. А., VI. № 77.

мы видимъ, что весь составъ лицъ, бывшихъ при розыскѣ въ Москвѣ по дѣлу царевича, является въ Петербургѣ уже въ видѣ учрежденія, именуемаго Канцеляріей Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ.

Въ виду вышеприводимыхъ фактовъ становятся возможными два предположенія: или названіе Тайной Канцеляріи въ 1718 году въ Петербургѣ получило то учрежденіе, которое сформировалось, главнымъ образомъ, въ Москвѣ около слѣдователей по царевичеву розыску, и, преимущественно, вокругъ Толстого; или,—второе возможное предположеніе, —всѣ дѣла по московскому розыску, слѣдователи и приказные люди, вошли въ Петербургѣ въ составъ бывшаго тамъ уже учрежденія—Тайной Канцеляріи, какъ-бы совершенно собой заполнивъ это учрежденіе. Второе изъ этихъ предположеній мы вынуждены откинуть, потому-что мы точно знаемъ, что «канцелярія тайныхъ дѣлъ начало свое возымѣла» съ 1718 г., какъ объ этомъ ясно сказано въ одной «выпискѣ» этой Канцеляріи, относящейся къ 1723 году; и въ той-же самой выпискѣ говорится, что Тайная Канцелярія это свое начало возымѣла «въ Москвѣ» [1]); слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о существованіи въ Петербургѣ, и ранѣе 1718 года, какой-либо Тайной Канцеляріи, въ составъ которой, съ сплошнымъ какъ-бы заполненіемъ ея, вошли бы слѣдователи и дьяки съ подъячими, завѣдовавшіе московскимъ царевичевымъ розыскомъ, а также и самыя дѣла по розыску. Слѣдовательно, въ виду приведенныхъ данныхъ, силу факта принимаетъ для насъ первое предположеніе, именно, что Тайной Канцеляріей съ 1718 года, – съ момента, приблизительно, перенесенія въ Петербургъ дѣла царевича Алексѣя,—стало называться учрежденіе, вѣдавшее это дѣло еще въ Москвѣ. Однако, у насъ, кажется, есть возможность пойти немного далѣе, глубже, и подмѣтить слѣды того учрежденія, изъ котораго начала выростать Тайная Канцелярія еще въ Москвѣ, благодаря дѣлу царевича Алексѣя.

При разсмотрѣніи московскаго розыска намъ не удалось подмѣтить никакого названія того учрежденія, которое вело розыскъ; однако при разсмотрѣніи этого розыска мы уже пытались отмѣтить признаки существованія «порученія» ро-

[1]) См. Г. А. VII, № 150 л. 153 послѣдней пачки. Вотъ этотъ отрывокъ: «въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ выписано: въ прошломъ 1718 году по его императорскаго величества именному указу канцелярія тайныхъ дѣлъ начало свое возымѣла съ того году въ Москвѣ, а въ ней окладныхъ приходовъ»...

зыска и его частей довѣренному человѣку по точному примѣру тѣхъ «порученій», изъ которыхъ выростали маіорскія розыскныя канцеляріи «вѣдѣнія», а теперь можно указать на вѣроятное существованіе канцеляріи вѣдѣнія П. А. Толстого, главы всего царевичева розыска. Въ записной книгѣ Петербургской крѣпости за 1718 г. мы имѣемъ слѣдующую запись: «ордеръ за подписаніемъ его-жъ свѣтлости о присылкѣ къ его превосходительству тайному совѣтнику и кавалеру господину Толстому *въ канцелярію его вѣдѣнія* подполковника Белоутова для допросу во свидѣтельствѣ» [1]); эта запись—подъ 28 апрѣля 1718 года. Потомъ, въ ноябрѣ уже 1718 года, Макаровъ писалъ Толстому: «понеже дѣла Василія Филиппова собраны всѣ *въ канцеляріи у вашего превосходительства*, того для посылаю при семъ вашему превосходительству его Вас. Филиппова письмо, которое онъ подалъ Его Царскому Величеству» [2])... Впрочемъ, эти извѣстія допускаютъ и иное, вполнѣ возможное, толкованіе. Генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ въ одной бумагѣ къ П. А. Толстому пишетъ между прочимъ: «писали мы къ вашей милости о матросѣ Иванѣ Яковлевѣ, содержащемся въ *канцеляріи вѣдомства нашего*» [3]), а между тѣмъ, очевидно, Девіеръ такъ называетъ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ», т. е. учрежденіе, очень мало имѣющее общаго съ извѣстными намъ маіорскими розыскными канцеляріями «вѣдѣнія»; тѣмъ болѣе, что и Тайную Канцелярію однажды дьякъ Тормасовъ въ одномъ письмѣ къ Ушакову, въ 1719 году, называетъ: «въ канцеляріи вѣдѣнія вашего (т. е. Ушакова)» [4]). По этимъ примѣрамъ вполнѣ возможно, что также и къ Тайной Канцеляріи въ нашемъ извѣстіи приложили такое наименованіе «вѣдѣнія» Толстого, именно въ этомъ смыслѣ; а вовсе мы не имѣемъ тутъ указанія на существованіе спеціальной канцеляріи вѣдѣнія Толстого въ чистомъ видѣ. Однако есть слѣдующія данныя, какъ будто указывающія на правильность скорѣе прямого пониманія вышеприведеннаго извѣстія.

Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи сохранилось дѣло *1715 года*, возникшее изъ жалобы Петру на злоупотребленія Кудрявцева при отправкѣ имъ корабельнаго лѣса, причемъ въ жалобѣ—просьба Петру прислать для разслѣдованія «отъ лица своего»

[1]) Рукопис. Отд. Биб. Им. Академіи Наукъ. „Журн. С.-Пб. кр.", л. 28.
[2]) Г. А., IX. № 2, карт. I.
[3]) Г. А., VII. № 29, картонъ 26.
[4]) Г. А., VII. № 28.

Петра Андреевича Толстого [1]). Кромѣ того, сохранилось въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи подлинное челобитье купца Фельтена, который просилъ Императора разрѣшить ему безпошлинно провезти рейнское вино для торговли имъ въ Петербургѣ; и подъ предлогомъ новости этого дѣла Фельтенъ просилъ привиллегіи; на прошеніи—собственноручная разрѣшительная надпись Петра. и она съ копіей прошенія занесена въ *Указную книгу Тайной Канцеляріи* [2]); нельзя не замѣтить, что прошеніе Фельтена было подано въ 1718 году, а указъ Петра послѣдовалъ по этому прошенію *24-го мая этого года*; еще обратимъ вниманіе, что указъ Петра по челобитью Фельтена былъ «за рукою тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого» [3]), т. е., значитъ, дѣло шло черезъ Толстого. Наконецъ еще позднѣе, въ августѣ 1718 года, Петръ пишетъ *Толстому* слѣдующее письмо, занесенное въ *Указную книгу Тайной Канцеляріи*: «мой господинъ, понеже явились въ кражѣ магазейновъ нижепоименованные, того ради, сыскавъ оныхъ, возми за караулъ; а именно мазоръ Скулской»... и т. д. идетъ перечисленіе по именамъ. «На томъ-же указѣ,—прибавлено въ указной книгѣ,—при запечатаніи подписано такъ: господину тайному совѣтнику Толстому» [4]).

Далѣе,—Тайной Канцеляріей слѣдовалось съ начала и до конца дѣло о «дѣвкѣ Марьѣ Гамонтовой» (т. е. Маріи Гамильтонъ), и слѣдованіе это протекло въ промежутокъ съ 14 марта по 27 ноября 1718 года, т. е. оно началось даже до перевоза дѣла царевича въ Петербургъ, значитъ, когда названіе «Тайная Канцелярія» еще не существовало,—съ одной стороны, а съ другой стороны надо замѣтить, что дѣло это, какъ извѣстно, совершенно никакого отношенія къ дѣлу царевича не имѣло, и при всемъ этомъ также несомнѣнно, что именно Тайная Канцелярія его вела; это прямо слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія дѣлопроизводства по этому процессу [5]).

Такимъ образомъ всѣ эти дѣла, съ одной стороны, *прочно*, видимо, входятъ въ дѣлопроизводство Тайной Канцеляріи, но, съ другой стороны, являются *ранѣе* того, чѣмъ Тайная Канцелярія собственно приняла свое названіе, какъ мы видѣли,

[1]) Г. А. VII, № 3.
[2]) Г. А., VII, № 6. (первый указъ).
[3]) Г. А., VII, № 6.
[4]) Г. А., VII, № 6, ч. II, л. 40. (№ 27).
[5]) См. Г. А. VI, № 150.

въ связи съ петербургскимъ розыскомъ по царевичеву дѣлу; а иногда эти дѣла совершенно чужды розыску, т. е. эти дѣла принадлежали нѣкоторому учрежденію *совершенно* родственному, но не тожественному по характеру Тайной Канцеляріи, съ одной стороны, и ранѣе ея, въ основѣ ея существовавшему, съ другой стороны. Это могла только быть канцелярія вѣдѣнія Петра Андр. Толстого, и вотъ почему: не трудно замѣтить, что только-что изложенныя данныя объ этихъ дѣлахъ, оказавшихся въ Тайной Канцеляріи, ясно указываютъ, что, во-первыхъ, объединяющимъ въ нихъ является *единственно* личность Толстого, къ которому они попадали; во-вторыхъ, путемъ исключительно *личнаго порученія* Толстому со стороны царя эти дѣла попадали въ вѣдѣніе Толстому; причемъ, въ-третьихъ, эти порученія, являясь болѣе или менѣе случайными, имѣли *разнообразный характеръ*. Всѣ эти черты въ ихъ характерной совокупности мы встрѣчаемъ только въ однихъ учрежденіяхъ того времени: въ майорскихъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріяхъ «вѣдѣнія» того или иного отъ гвардіи офицера. Вспомнимъ, что, насколько вѣдомство этихъ учрежденій было объединено *единственно* именемъ ихъ вѣдавшаго офицера, особенно рельефно проглядываетъ въ канцеляріи вѣдѣнія кн. Долгорукова, гдѣ наблюдается большое разнообразіе дѣлъ; съ другой стороны, стремленіе къ выдѣленію изъ такого разнообразія болѣе опредѣленнаго района вѣдомства съ теченіемъ времени замѣтно особенно въ канцеляріи вѣдѣнія Дмитріева-Мамонова, что въ Тайной Канцеляріи мы наблюдаемъ въ быстромъ сравнительно переходѣ благодаря порученію ей такого важнаго всепоглощающаго розыска, какъ царевичевъ. Столь-же характерно и дѣйствованіе канцелярій «вѣдѣнія» подъ давленіемъ почти исключительно прямыхъ указовъ царя; не менѣе можно наблюдать на канцеляріяхъ «вѣдѣнія» образованіе ихъ такимъ-же путемъ, какъ въ большой мѣрѣ образовывалась, какъ мы видѣли, Тайная Канцелярія: при порученіи отъ гв.-офицеру какого-либо важнаго розыска—дѣла, у него для веденія розыска образовывалась канцелярія его «вѣдѣнія»; такъ именно было въ канцеляріяхъ вѣдѣнія Ушакова, Бог. Скорнякова-Писарева, Ив. Дмитріева-Мамонова.

Также было и въ Тайной Канцеляріи. Мы уже частью видѣли это при веденіи царевичева розыска въ Москвѣ, а теперь въ дѣлахъ Канцеляріи мы находимъ еще и слѣдующую «справку»: «По-

именному Его Царскаго Величества указу велѣно дѣйствительному тайному совѣтнику и отъ лейбъ-гвардіи капитану Петру Андреевичу Толстому по розыскному дѣлу... (подробное его изложеніе)... изслѣдовать немедленно и донесть о томъ его Величеству, *для котораго изслѣдованія велѣно быть дьяку Ивану Сибилеву да подъячимъ старымъ 2; молодымъ 6 человѣкомъ.* И по тому Его Царскаго Величества указу во оную канцелярію къ помянутымъ дѣламъ взяты: изъ городовой канцеляріи... Кондратовъ, изъ помѣстнаго приказу отъ дѣлъ соляного правленія... Остафьевъ, молодой М. Дорофѣевъ и Кирилловъ изъ канцеляріи... подъ вѣдомствомъ кн. Долгорукова..., да молодые же изъ Канцеляріи Сената—Шурловъ, отъ камиссарства—Мастинскій». Вслѣдъ за этой выпиской имѣемъ такое опредѣленіе Тайной Канцеляріи: «1719 года, марта въ 14 день по указу... и т. д.... Толстой... Бутурлинъ... Ушаковъ, слушавъ сея выписки, приказали: подъячимъ, которые взяты къ дѣламъ въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ изъ разныхъ канцелярій, за ихъ приказный трудъ на сей 719 годъ Его Великаго Государя жалованіе по окладамъ ихъ... (идетъ перечисленіе, кому сколько)... да за хлѣбъ деньгами... (идетъ разсчетъ, сколько)... выдать въ тѣхъ канцеляріяхъ, кто откуда взятъ *для того, что оные подъячіе взяты въ помянутую канцелярію на время*» [1]). Замѣтимъ кстати, что дьякъ Сибилевъ занимался *всякими*, между прочимъ, и тайными, дѣлами въ Тайной Канцеляріи, а отнюдь не только адмиралтейскимъ, для котораго былъ сначала взятъ; многіе-же подъячіе, тутъ упоминаемые,—Шурловъ, Кондратовъ, Кирилловъ,— остаются навсегда, переименовываясь въ канцеляристовъ Тайной Канцеляріи, какъ мы это уже наблюдали на примѣрѣ Ив. Клишина. Изъ приведеннаго ясно видно, что всѣ приказные Тайной Канцеляріи, набираемые изъ разныхъ мѣстъ, *временно* только брались для исполненія даннаго порученія; эта мысль все первое время не покидала управлявшихъ Тайной Канцеляріей министровъ. Только ужъ впослѣдствіи, какъ мы видѣли, какъ-бы силой обстоятельствъ, дьяки, взятые на время, превращались въ настоящихъ постоянныхъ приказныхъ Тайной Канцеляріи: да и то не совсѣмъ. Въ іюнѣ 1718 года Ан. Ив Ушаковъ пишетъ «доношеніе» «превосходительнымъ и высокорожденнымъ господамъ тайному совѣтнику Петру Андреевичу Толстому, генералъ-поручику Ивану Ивановичу Бутурлину», и въ доношеніи ходатайствуетъ объ обратномъ отпускѣ дьяка Палехина къ нему въ канцелярію. «Дьякъ Палехинъ, который былъ при дѣлахъ въ канцеляріи, порученныхъ отъ царскаго величества мнѣ, взятъ *къ тайнымъ розыскнымъ дѣламъ къ вашему благородію, которыя дѣла нынѣ произошли уже къ окончанію*», а между тѣмъ «Палехинъ былъ у меня въ канцеляріи въ правленіи всѣхъ дѣлъ». Іюля въ 3 день 1718 года. «Толстой и Бутурлинъ» постановили отпустить дьяка Палехина, согласно просьбѣ Ушакова, въ Москву «съ указомъ по прежнему» [1]). И если просмотрѣть «книгу именныхъ указовъ», гдѣ помѣщены указы «за руками Тайной Канцеляріи министровъ» [2]), то всѣ «приписки» до 30-го іюля 1718 г. по *всякаго* рода указамъ и бумагамъ Тайной Канцеляріи сдѣланы Палехинымъ; послѣдняя приписка относится къ 30-му іюля 1718 года; изъ этого видно, что согласно вышеизложенному Палехинъ къ этому времени покинулъ Тайную Канцелярію. Палехинъ былъ «взятъ къ тайнымъ розыскнымъ дѣламъ», сталъ уже дьякомъ Тайной Канцеляріи, но порученіе приходитъ къ концу, «произошло къ окончанію», а поэтому и чиновники—дьяки должны быть водворены на старыя мѣста, ибо тутъ было порученіе важнаго розыска по бывшимъ примѣрамъ. а отнюдь не образованіе, сформированіе какого-либо опредѣленно дѣйствующаго новаго учрежденія въ общей системѣ государственныхъ установленій. Такова, видимо, точка зрѣнія въ первое время дѣятельности Тайной Канцеляріи на это учрежденіе со стороны имъ правившихъ «министровъ».

Замѣтимъ еще, что майорскія канцеляріи, болѣе спеціализируясь, носили иногда названіе «канцеляріи розыскныхъ дѣлъ», видимо родственное съ названіемъ «канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ», если припомнить, что основныя дѣла въ Канцеляріи,—дѣло царевича, суздальское и кикинское,—являлись по современной терминологіи «тайными» дѣлами. Наконецъ, позволю себѣ привести указаніе, очень опредѣленное, на то, что связь Тайной Канцеляріи съ розыскными канцеляріями «вѣдѣнія» устанавливалась самими «министрами» Тайной Канцеляріи. Въ опредѣленіи своемъ отъ 6-го мая 1720 года Тайная Канцелярія постановляетъ, чтобы старымъ и молодымъ подъячимъ, въ ней служившимъ, выдать жалованіе изъ суммъ

[1]) Г. А., VII, № 8, ч. IV.

[1]) Г. А., VII, № 36.
[2]) Г. А., VII, № 6, ч I.

Тайной Канцеляріи, «записавъ въ расходъ, съ роспискою, для того: по именному Его Великаго Государя указу дьякамъ и подъячимъ, которые взяты изъ разныхъ канцелярій въ канцеляріи-жъ подъ вѣдѣніями лейбъ-гвардіи офицеровъ у розыскныхъ дѣлъ Его Великаго Государя жалованые и за хлѣбъ деньги на сей наступающій годъ давать изъ денегъ, какія въ тѣхъ канцеляріяхъ нынѣ на лицо есть» [1]). Эта мотивировка распоряженія, идущаго отъ коллегіи «министровъ» Канцеляріи, ясно указываетъ, что министры Тайной Канцеляріи приравнивали Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярію къ канцеляріямъ «подъ вѣдѣніями» офицеровъ «у розыскныхъ дѣлъ», такъ что и считали для себя обязательными указы, направленные опредѣленно въ эти именно учрежденія. Слѣдовательно, мы имѣемъ современное и вполнѣ авторитетное указаніе на то, что связь и единство, непосредственное и непорванное, Тайной Канцеляріи съ розыскными майорскими канцеляріями признавалась и проводилась при случаѣ на дѣлѣ людьми, создававшими это учрежденіе. Позволю себѣ въ подтвержденіе этой мысли привести еще одинъ фактъ. Въ 1723 году Сенатъ указомъ предписываетъ въ виду уплаты Швеціи денегъ по мирному договору «червонные ефимки, которые въ Санктъ-Петербургѣ въ розыскныхъ канцеляріяхъ, тѣ отдать въ рентерею». Указъ этотъ былъ посланъ и въ Тайную Канцелярію, изъ чего видно, что Сенатъ считаетъ ее одной изъ розыскныхъ канцелярій; а въ своемъ опредѣленіи по этому указу Тайная Канцелярія, передавая его содержаніе, выражаетъ эту мысль еще рельефнѣе, именно: «Пр. Сенатъ приказалъ: червонные ефимки, которые въ Санктпетербургѣ въ розыскныхъ канцеляріяхъ, *въ томъ числѣ* и изъ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ, отдать въ рентерею» [2]).

Такимъ образомъ указаніе на существованіе канцеляріи вѣдѣнія Толстого, легшей въ основаніе Тайной Канцеляріи, какъ-будто имѣетъ большое вѣроятіе;—какъ-будто послѣ передачи столь важнаго розыска Толстому, все-таки долго еще на Тайную Канцелярію смотрѣли, какъ на канцелярію «вѣдѣнія», которой можно было поручать все попадавшееся подъ руку (вспомнимъ—«ревельское адмиралтейское дѣло»), и которая всецѣло, въ составѣ служащихъ, зависѣла отъ количества и качества имѣвшихся въ данный моментъ порученій.

[1]) Г. А., VII, № 8, ч. IV.
[2]) Г. А., VII, № 150.

Все это даетъ основаніе полагать, что Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія явилась въ 1718 году, образовалась изъ канцеляріи вѣдѣнія П. А. Толстого,—вѣроятно, находившейся въ довольно зачаточномъ состояніи, когда царевичевъ розыскъ, попавши въ руки Толстого, превратилъ эту едва оформившуюся канцелярію въ самую могучую изъ розыскныхъ канцелярій «вѣдѣнія», сгруппировавъ въ ней столь сильныхъ своимъ положеніемъ ассессоровъ, каковы были Бутурлинъ, Ушаковъ, отчасти Гр. Гр. Скорняковъ-Писаревъ. Важность порученія дѣлала важнымъ, значительнымъ самое учрежденіе, поддерживала и укрѣпляла его.

Такъ изъ канцеляріи вѣдѣнія Петра Андреевича Толстого выросло учрежденіе: «Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обзоръ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Тайной Канцеляріи.

I.

Прежде чѣмъ приступать къ основной задачѣ нашего изслѣдованія,—собственно исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени,—я позволю себѣ предварительно остановиться возможно подробно на выясненіи вопроса, какіе матеріалы мы имѣемъ для этого въ нашемъ распоряженіи, каково ихъ происхожденіе, ихъ несомнѣнность, и оттуда ихъ цѣнность и достаточность для достиженія намѣчаемой цѣли. Начну съ матеріаловъ архивныхъ.

Темна исторія русскихъ архивовъ; но если тутъ все-таки кое-гдѣ и мелькнетъ просвѣтъ, то безпросвѣтна темна исторія отдѣльныхъ архивныхъ фондовъ, входящихъ въ составъ разныхъ архивовъ; если не ошибаюсь, въ этомъ направленіи не сдѣлано ничего; нельзя хотя-бы составить себѣ представленія болѣе или менѣе яснаго (по печатнымъ источникамъ), гдѣ въ архивахъ и что можно найти хотя-бы изъ матеріала къ освѣщенію исторіи того или иного (крупнѣйшаго, конечно) архивнаго фонда. Намъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этой трудностью: нашъ пришлось возстановлять исторію архивнаго фонда Тайной Канцеляріи, хранящагося въ С.-Петербургѣ въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д. Мы сдѣлали, что могли въ этомъ направленіи въ надеждѣ, что намъ не поставятся въ большую вину тѣ недомолвки, которыя, къ сожалѣнію, встрѣчаются въ предлагаемой главѣ; смѣемъ надѣяться, однако, что недомолвки эти не столь значительны, чтобы могли причинить ущербъ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, которые мы тутъ дѣлаемъ.

Въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится сравнительно большое количество документовъ, зарегистрированныхъ подъ общимъ названіемъ: «Дѣла Тайной Канцеляріи и Экспедиціи»; ими заполненъ весь VII разрядъ

Архива. Бѣглый просмотръ описи этого разряда свидѣтельствуетъ, что въ первой части его мы имѣемъ передъ собой дѣлопроизводственный матеріалъ учрежденія, называвшагося Канцеляріей Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, или проще—Тайной Канцеляріей; продолжая просмотръ описи, не трудно далѣе замѣтить, что всѣ документы-дѣла первой части VII разряда дѣлятся на три группы: во-первыхъ,—дѣла Петровской Тайной Канцеляріи (до 1726 г.), во-вторыхъ,—дѣла слушавшіяся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ промежутокъ 1727—1730 г.г., однородныя по содержанію между собой и дѣлами Тайной Канцеляріи, и въ-третьихъ,—дѣлопроизводство Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, учрежденной въ 1731 году и просуществовавшей до 1762 года.

Дѣлопроизводственные документы первой изъ этихъ трехъ группъ, т. е. относящіеся къ дѣятельности Тайной Канцеляріи Петровскаго времени (1718—1726 г.), состоятъ, во-первыхъ, изъ дѣлопроизводственныхъ формъ (книги указовъ, книги протоколовъ, приходо-расходныя книги, книги челобитій и проч.), а во-вторыхъ, изъ отдѣльныхъ «дѣлъ» о разныхъ лицахъ по разнымъ ихъ обвиненіямъ. Далѣе, во второй группѣ мы имѣемъ только отдѣльныя «дѣла», въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ производившіяся. Наконецъ, имѣемъ въ третьей группѣ дѣлопроизводство Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, въ 1731 г. вновь учрежденной. Всѣ эти дѣла въ извѣстной мѣрѣ являются очень попорченными и разборъ ихъ, только недавно оконченный, былъ сопряженъ съ большими неудобствами.

Среди этого матеріала преобладающая часть безусловно принадлежитъ именно къ дѣлопроизводству Тайной Канцеляріи; придется только выдѣлить (очень условно) дѣла второй группы, т. е. дѣла, бывшія въ производствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта; но дѣла эти были найдены въ сундукахъ вмѣстѣ съ дѣлами Тайной Канцеляріи; такимъ образомъ, видимо, Канцеляріей второго періода (1731—1762 г.) эти дѣла были приняты, и сочтены относящимися къ ея вѣдомству.

Нѣкоторое сомнѣніе могутъ возбудить и нѣсколько дѣлъ, не носящихъ никакихъ слѣдовъ ихъ отношенія къ Тайной Канцеляріи и по времени къ ней не могущихъ быть отнесенными; однако, опять дѣла эти были найдены среди дѣлъ Тайной Канцеляріи, какъ они были уложены, можетъ быть, еще въ самой Тайной Канцеляріи; значитъ, это пріуроченіе нельзя

прямо объяснить случайностью. Громадное-же, совершенно преобладающее количество документовъ носитъ несомнѣнные слѣды своей принадлежности къ дѣлопроизводству Тайной Канцеляріи; объ этомъ говорятъ прямыя заглавія книгъ и формы приговоровъ, указовъ, повелѣній; въ самыхъ дѣлахъ мы находимъ подлинные указы Тайной Канцеляріи за подписаніемъ ея «министровъ»; всѣ распросы и бумаги скрѣплены секретарями Тайной Канцеляріи; почти вездѣ прямыя указанія, что дѣло ведется въ Тайной Канцеляріи; переписка за руками и приписаніемъ секретарей, дьяковъ, подъячихъ и самихъ министровъ,—все это въ связи съ еще многими, болѣе мелкими признаками не оставляетъ сомнѣнія, что передъ нами находится подлинное дѣлопроизводство Тайной Канцеляріи, каковымъ оно понималось и считалось въ самомъ этомъ учрежденіи. Въ дѣлахъ, вѣдавшихся Тайной Канцеляріей мы имѣемъ слѣдующіе (можно сказать, исчерпывающіе) роды ихъ: дѣла о непристойныхъ выраженіяхъ объ особѣ Государя; объ измѣнѣ государственной; о покушеніи на здравіе Государя; о раскольникахъ; о непристойныхъ рѣчахъ о высшихъ государственныхъ сановникахъ (Меншиковѣ, Бахметьевѣ, напр.); о непристойныхъ рѣчахъ о престолонаслѣдіи; дѣла по «слову и дѣлу»; дѣла о непристойныхъ рѣчахъ и поступкахъ по отношенію къ царскимъ указамъ; дѣло, напримѣръ, по обвиненію, что смѣялся въ день погребенія цар. Петра Петровича; или о распространеніи іезуитами «ложныхъ ученій»; или о взяточничествѣ высокопоставленныхъ лицъ (Апраксинъ и др.); или о «лживыхъ толкахъ» по поводу нововведеній Петра; дѣла по обвиненіямъ въ волшебствѣ (рѣдкое), о неслуженіи молебновъ и непразднованіи царскихъ дней, о лживыхъ предсказаніяхъ про Императора Петра; дѣло по обвиненію въ самозванствѣ (называлъ себя братомъ государя). Во второмъ періодѣ, какъ видно изъ описи, дѣла идутъ исключительно уже «противъ первыхъ двухъ пунктовъ».

Этотъ краткій перечень дѣлъ заставляетъ насъ сдѣлать выводъ, что главной обязанностью Тайной Канцеляріи перваго періода, какъ также и второго, являлось преслѣдованіе такъ называемыхъ государственныхъ преступленій.

Итакъ мы имѣемъ передъ собой собраннымъ въ Государственный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, въ VII его разрядъ, въ I-й части, дѣлопроизводство учрежденія, именовавшагося

Тайной Канцеляріей или Канцеляріей Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, существовавшей, видимо, съ 1718 г. по 1726 г. и возобновленной съ 1731 года, въ спеціальномъ вѣдѣніи которой находились преслѣдованія по дѣламъ о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ.

Таковы общіе выводы, получаемые непосредственно, изъ поверхностнаго просмотра архивнаго матеріала. Чтобы можно было получить болѣе полное и точное представленіе объ этомъ матеріалѣ, нужно прослѣдить исторію его храненія. Думается, только послѣ этого можно будетъ достаточно полно отвѣтить на вопросъ о возможности возстановленія по вышеочерченному матеріалу исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго періода.

16 іюня 1724 г. «для собранія дѣлъ въ Архивъ по тайной канцеляріи за покупные два сундука мѣрою въ длину полтора аршина, въ ширину по тринадцати вершковъ... рубль семьдесятъ копѣекъ, записавъ въ расходъ, выдать съ роспискою»[1]); а немного ранѣе,—11 января того-же года, «вынесенъ изъ судейской свѣтлицы ящикъ съ тайными дѣлами второго нумера и поставленъ въ казарму, которая за печатью иностранной коллегіи: при томъ были той иностранной коллегіи архиваріусъ Алексѣй Почайновъ... и тое печать у ящика онъ архиваріусъ осматривалъ»[2]). Такимъ образомъ еще въ первый періодъ существованія Тайной Канцеляріи время отъ времени старыя дѣла ея заключались въ сундуки—ящики, и за печатями помѣщались на храненіе въ архивъ иностранной коллегіи, причемъ, видимо, архивъ этотъ помѣщался въ казармахъ (куда ставили сундуки Тайной канцеляріи), находившихся, какъ увидимъ далѣе, въ предѣлахъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ помѣщалась и сама Тайная Канцелярія въ то время.

Въ 1726 г., когда происходила ликвидація дѣятельности канцеляріи перваго періода, то, согласно резолюціи Имп. Екатерины I, рѣшеныя дѣла были отданы за печатями «судей» и «кабинетной» въ архивъ въ «коллегію иностранную»[3]), т. е. судя по предыдущему, дѣла были упакованы въ сундуки и поставлены въ одну изъ казармъ крѣпости, съ наложеніемъ на дверь казармы печати «иностранной коллегіи». Видимо, таковъ былъ обычный способъ архивнаго храненія дѣлъ Тайной Канцеляріи.

---

[1]) Г. А., VII, № 6, «Протоколы» за 724 г. л. 54—55.
[2]) Ibidem, л. 11.
[3]) Г. А. VII, № 6, карт. 3.

Итакъ дѣла Тайной Канцеляріи перваго періода были запечатаны въ сундукахъ подъ номерами и положены въ казарму въ крѣпости.

Въ 1732 году былъ данъ слѣдующій указъ: «1732 году іюня 7 дня въ походной канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку (Андрея) Ивановича Ушакова... Ея Императорское (Величество)... соизволила указать: (изъ) преждебывшей Тайной Канцеляріи (дѣла), которыя положены въ санктъ-петербургской крепости, взять нынѣ въ поход(ную т)айную канцелярію» [1]).

По этому указу походная Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія опредѣлила: «преждебывшей Тайной Канцеляріи дѣла, которые содержаны были за печатьми въ Санктпетербургской крѣпости и велѣно хранить... бывающимъ при санктпетербургскомъ гарнизонѣ оберъ-комендантомъ, взять въ походную Тайную канцелярію, и о томъ въ военную походную канцелярію господина генералъ фельтъмаршала и кавалера графа фонъ-Миниха послать указъ; и для отдачи оныхъ дѣлъ требовать Санктпетербургской гарнизонной канцеляріи секретаря Алексѣя Щеглова; и какъ означенный секретарь присланъ будетъ, то велѣть ему означенныя дѣла всѣ, въ чемъ они хранились, сда(ть) въ походной тайной канцеляріи немедленно»; и эти дѣла, «принявъ, хранить въ походной тайной канцеляріи». Въ отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ постановленіи гр. Миниху,—за подписью Ушакова посланное,—Минихъ отвѣчалъ, что сдѣлано распоряженіе согласно этому постановленію Тайной Канцеляріи «о посылкѣ для сдачи вышеписанныхъ дѣлъ реченнаго секретаря Щеглова». 12 іюля 1732 г. этотъ секретарь Щегловъ явился въ Тайную Канцелярію и далъ слѣдующія показанія при допросѣ. Онъ былъ «взятъ къ секретнымъ дѣламъ» изъ гарнизонной канцеляріи только въ 1727 году. До него «въ какомъ смотреніи и у кого» были «оставлены» дѣла Тайной Канцеляріи, онъ не знаетъ; только въ апрѣлѣ 1731 года по приказу «бывшаго плацъ-майора» вскрыли караульные офицеры печати на казармахъ, гдѣ хранились дѣла Тайной Канцеляріи «для того, что въ нижней казармѣ отъ снѣгу набралась вода, а въ верхней отъ гнилости

[1]) Въ скобкахъ поставлены слова и отдѣльныя буквы, которыя пришлось возстановлять, такъ какъ подлинный документъ сильно попорченъ водой.

полъ обломился, и письма—въ водѣ; и по распечатываніи въ тѣхъ казармахъ имѣющіеся сундуки и ящики, и коробки съ письмами мокрыми перенесены въ другую казарму, и тое-же казарму запечатали они... своими печатьми». Объ этомъ было донесено сенату, который въ сентябрѣ 1731 года прислалъ указъ: «дѣла преждебывшей Тайной Канцеляріи, которыя имѣютъ въ Санктпетербургской крѣпости въ казармахъ и отъ прибылой воды подмокли, пересушить ему генералъ маэору секретно, причемъ велѣно быть и ему Щеглову; и пересуша, запечатавъ печатью своею, поставить въ удобное мѣсто; и по тому указу октября 5 дня того-жъ году оныя дѣла, которыя подмокли и погнили, пересушили; а нѣкоторыя находились сухія, и тѣ не перебирали; а пересуша оныя дѣла, положили въ новые сундуки [понеже старые были ветхи], и потомъ перенесены въ другую сухую казарму, которая имѣется въ Санктпетербургской же крѣпости отъ Петровскихъ воротъ подъ нумеромъ 59» за печатью ген. Порошина. Послѣ этой переноски дѣла оставались лежать несмотрѣнными до іюля 1732 года, когда однажды новый комендантъ Есиповъ призвалъ къ себѣ Щеглова, который засталъ у Есипова прап. Мазовскаго, посланнаго Минихомъ съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ къ нему секр. Щеглова. Тотчасъ-же и Мазовскій, и Щегловъ отправились къ Миниху, который, сначала освѣдомившись о службѣ Щеглова, спросилъ, имѣется-ли дѣло по розыску о царев. Алексѣѣ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, на что Щегловъ отвѣтилъ, что не знаетъ этого, такъ какъ дѣлъ онъ не пересматривалъ, а только «при пересушкѣ усмотрѣно, что многія изъ оныхъ дѣлъ были порваны, изгнили и помокли; ежели ихъ разобрать, то онъ Щегловъ мыслитъ, что и разобрать ихъ невозможно». Однако Минихъ, ссылаясь на личное желаніе Императрицы, потребовалъ поискать и доставить ему письма царевича Алексѣя, если они найдутся.

Тогда Щегловъ съ комендантомъ Есиповымъ начали осмотръ сундуковъ, и, осмотрѣвъ сперва четыре, нашли въ нихъ «дѣла драные и гнилые», однако, въ одномъ ящикѣ нашли пачку цѣлыхъ писемъ царев. Алексѣя и доставили ихъ Миниху, а этотъ послѣдній, взявъ съ собой Щеглова, отвезъ ихъ къ Императрицѣ, которой въ руки и были переданы эти письма.

Изъ этого ясно, въ какомъ видѣ находились дѣла «преждебывшей Тайной Канцеляріи» уже въ началѣ 30-ыхъ годовъ

XVIII вѣка. При показаніи Щеглова приложена опись дѣлъ, но только описанъ внѣшній видъ сундуковъ, въ которыхъ хранились дѣла; этихъ сундуковъ было восемь.

16 іюля того-же года (1732) вслѣдствіе всего вышеизложеннаго «въ походную Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ приняты подъ охраненіе преждебывшей Тайной Канцеляріи дѣла и письма въ сундукахъ и въ ящикахъ по объявленной тѣмъ сундукамъ и ящикамъ отъ секретаря Щеглова описи; и оные сундуки и ящики при томъ Щегловѣ и при... капралѣ Савѣ Краснопѣвовѣ запечатаны печатью Тайной Канцеляріи, и оставлены тѣ сундуки и ящики въ той-же казармѣ, гдѣ имѣлись, подъ присмотромъ онаго Краснопѣвова» [1]). Итакъ дѣла продолжали опять лежать на старомъ мѣстѣ, въ крѣпостной казармѣ, запакованныя въ сундукахъ, уже въ части сильно попорченныя и сгнившія отъ сырости. Перемѣна надзиравшаго вѣдомства и ближайшее порученіе «смотрѣнія» другому человѣку ничего не измѣнило: дѣла продолжали по-прежнему гнить въ своихъ сундукахъ. Въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ отъ Санктпетербургской гарнизонной канцеляріи было прислано слѣдующее доношеніе, помѣченное 8 декабря 1738 года, т. е. черезъ шесть лѣтъ послѣ всего только-что нами изложеннаго. Вотъ это доношеніе: «сего декабря 5 дня въ поданномъ въ оную гварнизонную канцелярію отъ опредѣленнаго къ Санктпетербургскому гварнизонному цейхаузу копорскаго гварнизоннаго полка отъ поручика Ѳедора Прозоровскаго доношеніи написано: бывшій въ Санктпетербургскомъ гарнизонномъ цейхаузѣ у приходу и расходу (оружья), мундирныхъ и амуничныхъ и прочихъ вещей копорскаго полку капитанъ Петелинъ по описи между прочими вещами при смѣнѣ сдалъ ему, Прозоровскому, двадцать два сундука, въ этомъ числѣ восемь сундуковъ съ дѣлами за печатью канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ; и оные де сундуки имѣются въ казармѣ, въ которой содержатца неокладныхъ гарнизонныхъ доходовъ денежная казна; а въ той де казармѣ, какъ зимою такъ и лѣтомъ, имѣется не малая течь, отчего тѣмъ дѣламъ можетъ учиниться трата. И требуетъ поручикъ Прозоровскій тѣмъ доношеніемъ, дабы повелѣно было оные восемь сундуковъ

[1]) Спѣшу выразить искреннюю благодарность Владиміру Владиміровичу Цитовичу за любезное сообщеніе имъ мнѣ дѣла (изъ только-что разобранныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи), на основаніи котораго я излагаю разсказъ Щеглова.

положить въ удобное мѣсто, гдѣ-бы помянутой Тайной Канцеляріи дѣламъ не могло учиниться какой траты, и того-бъ на немъ не взыскалось. И Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ о томъ какъ соблаговолитъ». Подписалъ эту бумагу полк. Ѳед. Норовъ. Но въ Тайной Канцеляріи не спѣшили; прошло полъ-года, и, не получая никакого отвѣта, полковникъ Норовъ снова пишетъ «доношеніе» почти въ такихъ-же выраженіяхъ, говоря, что по предыдущей по этому поводу бумагѣ «рѣшенія учинено не было». Къ сожалѣнію, окончаніе этой переписки до насъ не дошло, но, какъ сейчасъ увидимъ, дѣла и далѣе по прежнему продолжали храниться въ казармахъ крѣпости, а условія такого храненія нисколько не измѣнились: бумаги продолжали гнить, мочимыя дождемъ и снѣгомъ. Въ 1744 году, т. е. еще черезъ пять лѣтъ, Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія получаетъ слѣдующую «промеморію»: «Изъ государственной военной коллегіи изъ конторы въ Тайную канцелярію... писано: сего де іюля 1 дня въ поданной во оную канцелярію отъ дежуръ-мазорскихъ дѣлъ вѣдомости написано: минувшаго іюня 26 дня въ присланномъ сообщеніи отъ даточнаго двора отъ конторы за рукою секундъ мазора Ивана Вралова къ дежуръ-мазорскимъ дѣламъ объявлено: имѣютца съ казеннымъ виномъ по правую сторону Петровскихъ воротъ третья казарма [1]);... надъ тою де казармой въ верхней... и по осмотру той конторы... (на) полу явилось нѣсколько ветхихъ... баулъ и скатула и протчее; а котораго оные вѣдомства и съ чѣмъ оные-жъ баулы и скатула имѣются, о томъ въ той конторѣ отъ даточнаго двора неизвѣстно: и сегожъ іюля по опредѣленію Санктпетербургской гарнизонной канцеляріи велѣно имѣющуюся по правую сторону отъ Петровскихъ воротъ третію верхнюю казарму, (въ) которой стоитъ вѣдомства каморъ-конторы вино, дежуръ-мазору Игнатьеву при гарнизонномъ фискалѣ Фуфаевѣ и обрѣтающемся на даточномъ дворѣ секундъ-мазорѣ Враловѣ, также и инженерной команды при... Ельчаниновѣ осмотрѣть, и что по осмотру въ той казармѣ явится, отписать и въ гварнизонную канцелярію репортовать». По осмотру-же этими чинами оказалось: «казармы запечатанныя, а чьи печати—неизвѣстно, и съ чѣмъ закрыты, или стоятъ пусты, о томъ въ Санктпетербургской гарнизонной канцеляріи извѣстія не имѣется»,

[1]) Подлинникъ этого документа полусгнилъ, потому нѣкоторыя мѣста его прочтенію не поддаются.

а у «многихъ» казармъ «лѣстницы сгнили и полы обвалились». Въ виду этого, канцелярія требуетъ, чтобы конторой военной коллегіи «представлено было куда надлежитъ, дабы тѣ казармы, у которыхъ чьи имѣются печати, какая поклажа неизвѣстно, кому надлежитъ, осмотрѣть». Вслѣдъ за этимъ приписана слѣдующая черновая справка: «По справкѣ съ имѣвшимся въ приказномъ столѣ 1732 года іюля 7 дня о бывшемъ Санктпетербургской гарнизонной канцеляріи секретарѣ Алексѣѣ Щегловѣ дѣломъ явилось, что въ Санктпетербургской крѣпости *имѣется одна казарма, въ которой хранятся преждебывшей Тайной Канцеляріи дѣла подъ смотрѣніемъ* (....?) гарнизонной канцеляріи, и о обстоятельствѣ отдачи оныхъ дѣлъ подъ (сохраненіе?) въ той гарнизонной канцеляріи извѣстіе имѣется, а кромѣ того другихъ казармъ тайной конторы ни съ какими поклажами не имѣется». Тогда, видимо, было приказано отобрать свѣдѣнія, за руками у всѣхъ служащихъ Тайной Канцеляріи, не имѣются-ли у кого «дѣла Тайной Канцеляріи», оставленныя въ крѣпости; а если есть, то «сколько именно» и «чьими печатями запечатаны». Изъ всѣхъ служащихъ только «встопники, обрѣтающіеся въ Тайной Канцеляріи.... объявили, что сначала опредѣленія ихъ въ Тайную Канцелярію подъ смотрѣніемъ ихъ имѣется въ Санктпетербургской крѣпости одна казарма, состоящая близь старыхъ Тайной Канцеляріи покоевъ, въ которой казармѣ до перевода Тайной Канцеляріи изъ оныхъ старыхъ покоевъ въ сенатскіе покои въ... Тайная контора состоитъ, жили они истопники въ той... безъ печати токмо за замкомъ имѣются многія письма (Тай)ной К(анцеля)ріи (и) ключъ отъ оной казармы въ храненіи имѣется у нихъ;... а какія именно оныя письма, и у кого изъ приказныхъ служителей по повытьямъ имѣются, о томъ де они не знаютъ, понеже дѣ тѣ письма во оной казармѣ имѣются издавна». Въ виду этого извѣстія въ октябрѣ того-же 1744 г. Тайная Канцелярія пишетъ опредѣленіе, въ которомъ сначала передается запросъ военной коллегіи, нами приведенный, затѣмъ приводится «справка», то-же нами уже приводимая, и заканчивается это опредѣленіе такъ: «понеже тѣ письма во оной казармѣ имѣются издавна, а Тайной конторы канцеляристы и служители подписками объявили, что въ оной казармѣ повытій ихъ по дѣламъ писемъ и дѣлъ никакихъ не имѣется, того ради означенныя, имѣющіяся по объявленію помянутыхъ истопниковъ письма изъ означенной казармы забрать всѣ безъ

остатку, перенесть въ Тайную Контору и въ той конторѣ онымъ письмамъ, осмотря, учинить надлежащую опись; и ежели тѣ письма по описи явятся по дѣламъ Тайной Канцеляріи, объ оныхъ у канцелярскихъ служителей взять еще подписки и, у кого имянно тѣ письма по повытьямъ имѣлись, и что по описи по подпискамъ явится, о томъ доложить немедленно». Соотвѣтственно этому опредѣленію была написана «промеморія» въ военную коллегію, и въ результатѣ — «имѣющіяся въ казармѣ письма всѣ безъ остатку забраны и въ Тайную контору перенесены и осматриваны, а по осмотру явились по большей части по рѣшеннымъ Тайной Канцеляріей дѣламъ всякія черныя и къ дѣламъ ненадобныя, и также многое число разныхъ годовъ разбитые сдаточные караульныхъ оберъ и ундеръ-офицеровъ, но токмо между оными явились нижеслѣдующія подлинныя дѣла», и за этимъ идетъ длинная опись, наполовину сгнившая; всѣ дѣла, тамъ помѣченныя, относятся до дѣятельности Тайной Канцеляріи второго періода, такъ какъ начинаются съ 1732 года. А дѣла прежде бывшей Тайной Канцеляріи все продолжали находиться въ прежнемъ положеніи. Прошло еще семь лѣтъ. Наконецъ въ концѣ 1752 г. кн. Ѳ. Мещерскій прислалъ въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ «доношеніе» съ напоминаніемъ о сундукахъ (восьми счетомъ) и съ ссылками на вышеприведенныя доношенія Прозоровскаго объ этихъ сундукахъ въ декабрѣ 1738 г. На это доношеніе Тайная Канцелярія опредѣляетъ: «оные (т. е. сундуки) распечатать и имѣвшія въ нихъ дѣла, осмотря, учинить надлежащую опись, хранить въ Тайной Канцеляріи; буде жъ паче чаянія по осмотру... дѣла къ описи неспособны, то оные, не описывая, поставить въ тѣхъ же сундукахъ въ Архивъ Тайной Канцеляріи». — Проходитъ еще годъ; въ декабрѣ 1753 г., въ отвѣтъ на это опредѣленіе Канцеляріи, секретарь Набоковъ донесъ, что онъ осмотрѣлъ и открылъ сундуки, которые «явились» преждебывшей Тайной Канцеляріи, но дѣла въ нихъ «весьма отъ мокроты погнили и описать ихъ никакимъ образомъ невозможно». Конца этой переписки, къ сожалѣнію, не имѣется, и чѣмъ въ данномъ случаѣ дѣло кончилось, остается неизвѣстнымъ. [1]).

Все вышеизложенное отлично характеризуетъ общіе пріемы храненія дѣлъ, даже важнѣйшихъ, въ Санктпетербургской крѣпости; черезъ 10—12 лѣтъ дѣла, засунутыя въ сундуки и по-

[1]) Г. А. VII. № 1530.

ставленныя въ жилыхъ казармахъ, случайно оказываются совершенно забытыми, и съ трудомъ возстановляютъ принадлежность этихъ дѣлъ тому или иному учрежденію; а въ крѣпости оказывается было не мало хранилищъ дѣлъ, совершенно забытыхъ, полусгнившихъ, о которыхъ никто не зналъ, кому они принадлежатъ, и кто ихъ помѣстилъ въ казармы, гдѣ кругомъ лилась вода, гдѣ часто сгнили и потолки и крыши, гдѣ сундуки съ дѣлами то мочились дождями, то гнили въ снѣгу. Въ такомъ-же положеніи были между прочимъ и дѣла Тайной преждебывшей Канцеляріи; уже полусгнили они въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка, и хотя были перенесены въ другую казарму, но тамъ заперты и оставлены на дальнѣйшую порчу, о чемъ черезъ 2 года писалъ полк. Норовъ. Такъ дѣла Петровскаго періода Тайной Канцеляріи лежали, по крайней мѣрѣ, до 1754 года. Дѣла-же Тайной Канцеляріи второго пеіода, частью бывшія въ крѣпости и тамъ начавшія гнить, были всѣ перевезены «въ сенатскіе покои», и, видимо, архивъ Тайной Канцеляріи этого періода былъ въ дальнѣйшемъ хранимъ въ новомъ помѣщеніи Тайной Канцеляріи, «въ сенатскихъ покояхъ».

Проходитъ еще около десяти лѣтъ. Что претерпѣли за это время дѣла «преждебывшей Тайной Канцеляріи», несмотря на приложенныя усилія, намъ выяснить не удалось, но съ февраля 1768 года дѣла эти значатся уже хранящимися въ I отдѣленіи Архива Кабинета Императорскаго Двора. Въ одномъ изъ реестровъ этого архива (отъ 6 февраля 1768 г.), подписанномъ кн. М. И. Щербатовымъ, помѣчены два ящика съ дѣлами неизвѣстнаго содержанія. Въ Архивѣ Кабинета эти ящики такъ не раскрытыми и оставались. Когда со вступленіемъ на престолъ Имп. Николая Павловича Министръ Императорскаго Двора кн. Волконскій представилъ ему описи дѣлъ кабинетскаго Архива въ ноябрѣ 1826 г., то между прочими дѣлами подъ № 5 значились «два сундука большихъ съ неизвѣстными дѣлами, запечатанные»; собственноручной резолюціей Императора Николая было поручено с.с. Блудову распечатать, осмотрѣть и донести. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія Блудовъ, по приглашенію кн. Волконскаго, 8 декабря 1826 г. прибылъ въ Кабинетскій Архивъ и съ помощью двухъ чиновниковъ вскрылъ эти ящики, разобралъ и описалъ въ нихъ имѣющіяся дѣла, и описи эти за своею подписью подвесъ на

Высочайшее благоусмотрѣніе. Изъ этой составленной Блудовымъ описи ясно видно, что въ распечатанныхъ сундукахъ онъ нашелъ, во-первыхъ, дѣла по царевичеву розыску, и во-вторыхъ, дѣла Тайной Канцеляріи Петровскаго времени, какъ прямо и гласили этикеты на сундукахъ, найденныхъ имъ внутри ящиковъ, причемъ ясно было, что кто-то уже рылся и хозяйничалъ въ лежавшихъ тамъ дѣлахъ.

По представленію Блудова, Высочайше было повелѣно перенести всѣ эти дѣла на храненіе въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, куда они и поступили въ 1827 году. Съ образованіемъ Государственнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ 1836 г., дѣла эти были отнесены къ этому Архиву, и съ того времени составляютъ I-ую часть VII разряда названнаго Архива, хотя частью (главнымъ образомъ, дѣло царевича Алексѣя и къ нему примыкающія) были отнесены и къ VI разряду Архива. Къ сожалѣнію, остается неяснымъ, откуда кн. Щербатовъ взялъ эти ящики съ дѣлами Тайной Канцеляріи. Мы знаемъ, что еще въ 1754 г. дѣла эти находились въ казармахъ Санктпетербургской крѣпости, а уже въ 1768 г., т. е. черезъ 14 лѣтъ они кн. Щербатовымъ намѣчены находящимися въ Архивѣ Кабинета; однако, есть основаніе полагать, что кн. Щербатовъ извлекъ ихъ именно изъ крѣпостныхъ казармъ.

Что-же изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи дошло до насъ въ этихъ Блудовымъ разобранныхъ ящикахъ? Мы видѣли, что все ихъ количество сначала помѣщалось въ восьми отдѣльныхъ сундукахъ; Блудовъ уже имѣлъ собственно только три сундука, вложенные въ два ящика; мы видѣли, что дѣла Тайной Канцеляріи одинъ разъ, въ 1732 году, перекладывались въ новые сундуки, причемъ не знаемъ размѣровъ этихъ сундуковъ, такъ что при бывшихъ, можетъ быть, неоднократно перекладкахъ изъ сундуковъ разныхъ размѣровъ трудно установить, насколько дѣла въ сохранности дошли до нашего времени. Съ другой стороны, мы видѣли, что они гнили и гнили сильно: уже секр. Щегловъ говорилъ, что многія дѣла такъ смоклись, что стали тогда еще недоступны для разбора. Все это даетъ указанія, что дошедшее до насъ собраніе бумагъ является значительно пострадавшимъ. Съ другой стороны, въ 1726 году, когда дѣла Тайной Канцеляріи передавались въ Преображенскую Канцелярію кн. Ромодановскому, то число «вершеныхъ дѣлъ» было помѣчено около 280—290 (невершеныхъ-же пере-

давалось въ Преображенскую Канцелярію всего не болѣе трехъ); тутъ не считались дѣла по царевичеву розыску, кикинскія и суздальскія [1]). Трудно теперь точно возстановить «дѣла» въ первоначальномъ ихъ составѣ; однако, по сдѣланнымъ на «дѣлахъ» современнымъ нумерамъ эту реставрацію до извѣстной степени произвести можно; и въ результатѣ ея можно принять, что мы теперь имѣемъ около 225-ти «дѣлъ» изъ тѣхъ 280—290, которыя числились въ 1726 году, какъ составлявшія весь архивный фондъ Петровской Тайной Канцеляріи. Такимъ образомъ оказывается, что нынѣ не досчитывается приблизительно 60—70 «дѣлъ», т. е менѣе даже 1/4 всего бывшаго архивнаго фонда «дѣлъ» является утраченной; нельзя не признать такой процентъ сохранившихся «дѣлъ»,— т. е. основныхъ, важнѣйшихъ дѣлопроизводственныхъ документовъ,—очень высокимъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что, съ другой стороны, до насъ, очевидно, дошла лишь очень небольшая часть другихъ дѣлопроизводственныхъ формъ даннаго архивнаго фонда, именно, всякаго рода книгъ, этого, если такъ можно выразиться, производнаго уже дѣлопроизводственнаго матеріала, содержаніе котораго въ сущности имѣется въ отдѣльныхъ дѣлахъ; я имѣю тутъ въ виду книги протоколовъ, книги указовъ, (эти, впрочемъ, дошли въ большой сохранности), книги по приходорасходнымъ дѣламъ, книги по челобитьямъ разнымъ, книги по отправленію курьеровъ въ разныя мѣста, книги по мелкимъ хозяйственнымъ дѣламъ и т. п. Утрату этой части архивнаго фонда можно считать не такъ существенной, принявъ еще во вниманіе, что важнѣйшее этой части, — книги указовъ и протоколовъ,—дошли сравнительно очень исправно (только небольшіе пробѣлы за нѣкоторые года).

Все предыдущее изложеніе позволяетъ сдѣлать слѣдующіе три вывода: 1) весь основной фондъ «дѣлъ» Тайной Канцеляріи Петровскаго времени хранится нынѣ въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ VII его разрядѣ; 2) вся утрата сравнительно очень небольшой части этого фонда должна быть приписана уничтоженію бумагъ подъ вліяніемъ плохихъ условій ихъ храненія въ XVIII вѣкѣ; 3) утраченная часть производнаго дѣлопроизводственнаго фонда Тайной Канцеляріи является по существу не особенно важной, возстановляясь —

[1]) Г. Л., VII, № 6, карт. 3-ій.

притомъ въ извѣстной мѣрѣ изъ сохранившихся «дѣлъ» Тайной Канцеляріи.

Эти выводы даютъ намъ возможность притти къ слѣдующему заключенію: имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени, заключающійся въ Гос. Архивѣ, является основнымъ, достаточно полнымъ и единственнымъ фондовымъ матеріаломъ Тайной Канцеляріи, на который поэтому можно увѣренно опираться и которымъ возможно довольствоваться, при выясненіи исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени.

Съ такимъ выводомъ мы можемъ уже приступить къ выясненію исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго періода, остановившись однако предварительно на существующей о Тайной Канцеляріи литературѣ.

II.

Литература по исторіи Петровской Тайной Канцеляріи почти отсутствуетъ. Намъ извѣстны только двѣ статьи, которыя трактуютъ спеціально о Тайной Канцеляріи; но одна изъ нихъ касается канцеляріи Елизаветинскаго времени [см. Руская Старина, 1875 г., № 3 (стр 523—539): «Тайная Канцелярія въ царствованіе Елизаветы Петровны (1741 -1761 г.)]», т. е. совершенно не относится къ нашей темѣ, а другая была написана Н. М. Карамзинымъ въ 1803 году и трактовала вообще о Тайной Канцеляріи. Съ этой статьи мы и начнемъ обзоръ скудной литературы по исторіи Петровской Тайной Канцеляріи.

Статья эта носитъ заглавіе: «О Тайной Канцеляріи» [1]). Приводя извѣстіе Левека, что царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ Тайную Канцелярію, и презрительно замѣчая, что, при способѣ писанія исторіи французами, такого рода утвержденіе не удивительно, Карамзинъ нападаетъ на Шлецера за его такое-же мнѣніе объ учрежденіи Тайной Канцеляріи Алексѣемъ Михайловичемъ; но, установивъ, что источникомъ Шлецеровой ошибки было аналогичное утвержденіе, дѣлаемое Татищевымъ, Карамзинъ соглашается, что, дѣйствительно, «Тайная Канцелярія, точно, была при Алексѣѣ Михайловичѣ», но слово «тайный» тогда значило «домашній» или «приватный»;

[1]) Сочиненія Карамзина, т. I стр. 419—426. Изд. Смирдина, 1848 г.

оспаривая Татищева далѣе, Карамзинъ говоритъ: «она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ». «Имя тайной обмануло Татищева», заключаетъ Карамзинъ свои возраженія. На послѣдней страницѣ этой статьи знаменитый историкъ пытается дать свое рѣшеніе вопроса о Тайной Канцеляріи: «обратимся къ Тайной Канцеляріи; желаете-ли видѣть ея *первую* сцену? Подите въ село Преображенское; тамъ Великій Императоръ, преобразуя отечество и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодарныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ былъ* для своей и государственной безопастности основать сіе ужасное судилище. Такъ Петръ Великій былъ его учредителемъ». Изъ вышеизложеннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что русская исторіографія до Карамзина включительно безнадежно путалась въ вопросѣ о Тайной Канцеляріи, соединяя такія разнородныя учрежденія, какъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, Преображенскій Приказъ, Петровскую Тайную Канцелярію и ей родственную Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ 1731 г.; только у Карамзина мы видимъ, что онъ уже сумѣлъ выдѣлить хотя-бы Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, однако все остальное рисуется знаменитому историку чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ; говоря объ учрежденіи собственно Преображенскаго Приказа, онъ думаетъ, что говоритъ объ учрежденіи Тайной Канцеляріи.

Изданіе Полнаго Собранія Законовъ и нѣсколько помѣщенныхъ тамъ указовъ, касающихся Тайной Канцеляріи, позволили Неволину пролить уже большій свѣтъ на исторію этого учрежденія. Руководствуясь, видимо, исключительно указами Полнаго Собранія, названный историкъ такими общими штрихами набрасываетъ исторію Тайной Канцеляріи: «она была въ С.-Петербургѣ и имѣла здѣсь такой-же предметъ вѣдомства, какъ Преображенскій Приказъ послѣднее время въ Москвѣ. Она учреждена была для нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, случившихся въ то время (П. С. З. № 4892). Но по окончаніи ею своего дѣла, существованіе ея продолжалось (П. С. З. № 4494). Въ 1729 г., при уничтоженіи Преображенскаго Приказа, (П. С. З. № 5379) Тайной Канцеляріи, кажется, уже не было. Впрочемъ, въ 1731 г., для дѣлъ по преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, было опять учреждено особенное мѣсто, подъ названіемъ «Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ». [1])

[1]) Неволинъ. Собр. сочиненій, т. VI, стр 233—234.

Эта схема исторіи Петровской Канцеляріи страдаетъ большой туманностью и нѣкоторыми погрѣшностями. Однако, тутъ уже ясно для историка, что Тайная Канцелярія—учрежденіе особенное, и смѣшивать его въ одно съ Преображенскимъ Приказомъ нельзя; болѣе того,—Неволинъ уже тутъ намѣчаетъ раздѣльность Петровской Канцеляріи отъ Канцеляріи 1731 года.

Все это уже большой шагъ впередъ, сдѣланный благодаря выходу въ свѣтъ Полнаго Собранія Законовъ. Но при всемъ томъ встрѣчаются въ этой схемѣ Неволина и неточности, и неясности; не совсѣмъ точно, какъ увидимъ, утвержденіе, что Тайная Канцелярія «была въ Петербургѣ», и что предметъ ея вѣдомства былъ «такой-же», какъ у Преображенскаго Приказа послѣднее время; неяснымъ остается, что это могли быть за «чрезвычайныя тайныя розыскныя дѣла», ради которыхъ Канцелярія была учреждена; обходитъ Неволинъ молчаніемъ и вопросъ о времени этого учрежденія; упустилъ изъ виду Неволинъ и указъ, напечатанный тоже въ Полномъ Собраніи Законовъ, о передачѣ въ 1726 г. Тайной Канцеляріи въ вѣдѣніе кн. Ромодановскаго; замѣтно еще нѣкоторое колебаніе въ вопросѣ о тожествѣ или раздѣльности Петровской Канцеляріи и Канцеляріи 1731 года.

Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» совершенно обходитъ вопросъ о Петровской Тайной Канцеляріи, иногда упоминая ея названіе по какому-либо поводу,—и только [1]). Въ позднѣйшее время, сколько намъ извѣстно, никакихъ болѣе или менѣе подробныхъ самостоятельныхъ изложеній исторіи Петровской Тайной Канцеляріи не появлялось. Встрѣчаются только кое-гдѣ въ литературѣ указанія и мнѣнія по вопросу о происхожденіи канцеляріи, но объ этомъ мы говорили въ предыдущей главѣ спеціально. Однако, дѣлами этой Канцеляріи пользовались многіе, начиная съ Соловьева, но пользовались ими, какъ матеріаломъ для бытовой и частью соціальной исторіи Петровскаго (и болѣе поздняго) времени; М. И. Семевскій, А. Арсеньевъ и Г. В. Есиповъ использовали дѣла Канцеляріи именно съ этой точки зрѣнія, совершенно оставляя въ сторонѣ исторію самого учрежденія, почему на трудахъ названныхъ историковъ намъ останавливаться не приходится.

Этимъ мы и заканчиваемъ обзоръ литературы по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. Не беря на себя смѣ-

[1]) Напр. кн. IV, стр. 797. изд. второе.

лости думать, что мы исчерпали всѣ указанія, въ нашей литературѣ встрѣчающіяся, по исторіи Тайной Канцеляріи, надѣемся однако, что все главнѣйшее и болѣе существенное въ этой области нами отмѣчено.

Поразительная бѣдность литературы по исторіи Канцеляріи бросается въ глаза; по даннымъ этой литературы является очень труднымъ возстановить хотя бы въ общихъ чертахъ исторію Тайной Канцеляріи. Такое положеніе дѣла и заставило насъ обратиться въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи непосредственно и всецѣло къ архивному матеріалу, обслѣдованіе котораго, какъ мы видѣли, показало полную его способность дать достаточно полные и точные отвѣты на большинство основныхъ вопросовъ, возникающихъ при разработкѣ исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Императоръ и Тайная Канцелярія.

Тайная Канцелярія съ переходомъ розыска по дѣлу царевича Алексѣя изъ Москвы въ Петербургъ, окончательно, какъ мы видѣли, образовалась и приняла названіе: «Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ»; это случилось во второй трети 1718 г. Если вся весна и лѣто этого года были заняты для Канцеляріи почти исключительно вторымъ царевичевымъ розыскомъ, то понятно, что взаимоотношенія Императора и Канцеляріи были въ это время чрезвычайно тѣсны; можно сказать, что тогда истиннымъ начальникомъ Канцеляріи являлся самъ Петръ, во все непосредственно входившій лично.

Но наступила осень; лихорадочная, экстренная дѣятельность Канцеляріи мало по малу стихала; болѣе спокойное, болѣе обычное производство дѣлъ стало на ея мѣсто; и вмѣстѣ съ этимъ Петръ долженъ былъ уже нѣсколько отдалиться отъ дѣлъ Канцеляріи, а «министры» Канцеляріи начали дѣлаться поэтому дѣйствительными ея руководителями, какъ и вся дѣятельность учрежденія начала укладываться въ болѣе постоянныя, какъ-бы нормальныя, формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали укладываться въ нѣсколько иныя формы и отношенія Императора къ Канцеляріи. Если Петръ естественно сталъ отъ нея въ большемъ сравнительно отдаленіи, то съ другой стороны, онъ отнюдь не порвалъ съ нею непосредственной связи, которая перешла отнынѣ только въ болѣе устойчивыя и опредѣленныя формы; это случилось, вѣроятно, въ октябрѣ—ноябрѣ 1718 года; и уже въ концѣ ноября этого года совершенно опредѣлилось: 25 числа этого мѣсяца кабинетъ-секретарь Макаровъ писалъ слѣдующія тожественныя письма, одно—П. А. Толстому, другое Ив. Ив. Бутурлину: «Государь мой милостивый! Понеже Его Величество для слушанія розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи Вашей изволилъ опредѣлить одинъ день въ недѣлѣ, а именно—понедѣльникъ,

и для того изволите о томъ быть извѣстны»; и въ эти дни должны всѣ министры являться въ Канцелярію въ 4 часа пополуночи; но въ данную недѣлю, такъ какъ понедѣльникъ уже прошелъ, то «Его Царское Величество изволитъ къ Вамъ быть для слушанія дѣлъ завтра, то есть въ четвертокъ» [1]). Такимъ образомъ, какъ обычный и постоянный порядокъ, устанавливалось, что разъ въ недѣлю, именно въ понедѣльникъ, Петръ лично бывалъ въ Канцеляріи, гдѣ въ присутствіи всѣхъ «министровъ» выслушивалъ доклады и ставилъ резолюціи по дѣламъ Канцеляріи. Въ такія общія внѣшнія рамки вошло участіе царя въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи съ ноября 1718 г. Трудно прослѣдить, насколько аккуратны были эти присутствованія»; однако, въ дѣлахъ постоянно встрѣчаются указанія на нихъ: въ одномъ указѣ отъ 11 марта 1721 г. говорится: «великій государь... Петръ Алексѣевичъ... будучи въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, указалъ» [2]); былъ Петръ и 9 марта этого года въ Тайной Канцеляріи [3]), былъ 3 ноября 1723 г. [4]) и т. д. Есть помѣты о присутствованіи Петра въ Канцеляріи и въ записныхъ книгахъ Канцеляріи: напримѣръ, въ такомъ видѣ: «его царское величество изволилъ быть своею высокою особою въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ и слушалъ дѣлъ» [5]).

Это «слушаніе дѣлъ» Петромъ въ Канцеляріи, повидимому, обычно заключалось въ докладѣ ему сырого матеріала слѣдствія, на основаніи котораго онъ и клалъ свой приговоръ; напримѣръ: «1718 г. ноября въ 27 день великій государь... Петръ Алексѣевичъ, будучи въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, слушавъ вышеписанныхъ писемъ... и его, Резанова, о томъ распросу, указалъ» [6]). Докладывались царю также уже готовые по дѣламъ экстракты, даже съ заготовленнымъ приговоромъ, поставленнымъ министрами Тайной Канцеляріи. Однако не всегда Тайная Канцелярія рѣшалась ставить приговоры: часто вопросъ, «что чинить», оставлялся открытымъ до царскаго указа. Иногда приговоры Канцеляріи не находили себѣ одобренія Императора; въ громадномъ-же большинствѣ случаевъ они санкціонировались. Позволяю себѣ привести нѣкоторыя характерныя выдержки изъ одного до насъ дошедшаго такого экстракта. На одной сторонѣ листа, видимо, обычно писались докладные пункты, а противъ нихъ ставились, на другой сторонѣ листа, резолюціи; напримѣръ: «подъячему Калугину по тому съ Курзанцевымъ дѣлу, — писалось въ экстрактѣ, — за то, что онъ, Калугинъ, оное важное доношеніе велѣлъ списывать и держалъ у себя въ домѣ многое время, а о томъ не доносилъ, — опредѣлено приговоромъ: кнутомъ и на 10 лѣтъ на каторгу»; противъ этого резолюція: «бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, послать на каторгу въ вѣчную работу»; въ данномъ случаѣ приговоръ Канцеляріи былъ Петромъ нѣсколько измѣненъ: но это бывало сравнительно не часто. По дѣлу фискала Санина, напримѣръ, состоялось опредѣленіе объ учиненіи ему смертной казни, и «оное утверждено собственною Его Величества высокою рукою тако: учинить по сему» [1]) (это было въ 1723 году). Есть въ экстрактѣ такія-же краткія замѣтки о винѣ колодника, но приговора Канцеляріи не приводится, а вмѣсто этого стоитъ фраза: «и по тому дѣлу что чинить?» т. е. здѣсь Канцелярія сама не осмѣливалась ставить даже проекта приговора; противъ именно такого мѣста въ нашемъ экстрактѣ стоитъ приговоръ-резолюція: «послать для рѣшенія въ Сенатъ и, что приговорятъ, по тому чинить». Всѣ эти резолюціи въ данномъ экстрактѣ скрѣплены подписями Толстого, Ушакова и Скорнякова-Писарева, а сдѣланы рукою Толстого; за послѣдней изъ резолюцій слѣдуетъ такая приписка: «вышеписанная размѣтка рукою Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого учинена въ 9 числѣ марта 1721 году по Его Царскаго Величества именному указу, будучи въ Канцеляріи Тайной» [2]).

Иногда Петръ клалъ свои резолюціи собственноручно. Мы имѣемъ одинъ такой экстрактъ съ личными помѣтами Петра; это — «экстрактъ» по «ревельскому адмиралтейскому дѣлу», которое слѣдовалось Тайной Канцеляріей; дѣло это было «противъ третьяго пункта», т. е. о взяткахъ и похищеніи казеннаго имущества. Экстрактъ по нему почти совершенно подобенъ вышеизложенному; также слѣдуютъ одно за другимъ краткія изложенія винъ каждаго преступника; а Петръ помѣчалъ собственноручными надписями о родѣ наказанія каждаго преступника; кромѣ того, тутъ-же Тайной Канцеляріей поставленъ

---

[1]) Г. А., VII, № 6, ч. I; а также: К. П., кн. 58, л. 41.
[2]) Г. А., VII, № 6, ч. II (л. 102).
[3]) Г. А., VII. № 6, ч. II (л. 101).
[4]) Г. А., VII, № 172 (л. 5).
[5]) Г. А., VII, № 7 карт. 13.
[6]) Г. А., VII, № 18.

[1]) Г. А., VII, № 79 (245).
[2]) Г. А., VII № 83.

былъ рядъ вопросовъ по разнымъ сторонамъ этого розыска; и Императоръ также своеручными резолюціями разрѣшалъ и эти вопросы; все это относится къ 1720 г. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности рѣшить, было-ли это сдѣлано Петромъ во время одного изъ его присутствованій въ Канцеляріи, или въ другомъ мѣстѣ, при другихъ условіяхъ [1]). Вышеприводимый экстрактъ скрѣпленъ подписью Ушакова и занесенъ въ указную книгу Канцеляріи.

Съ другой стороны, царь часто только выражалъ въ разговорѣ свои мнѣнія, которыя уже послѣ министры записывали въ томъ или иномъ видѣ и поступали по нимъ, какъ по указамъ его царскаго величества.

Въ письмѣ Палехину, дьяку Тайной Канцеляріи, Толстой, дѣлая нѣкоторыя распоряженія, пишетъ между прочимъ, что колодника Костромитинова надо пытать, и до смерти можно, «ибо памятно, какъ царское величество изволилъ о немъ говорить, когда изволилъ быть въ Тайной Канцеляріи» [2]).

Такимъ образомъ, при своихъ посѣщеніяхъ Тайной Канцеляріи Петръ слушалъ подносимые ему экстракты по дѣламъ, въ большинствѣ уже съ приговорами Канцеляріи, и ставилъ свои резолюціи тутъ-же, на поляхъ экстракта, заносимыя или руками министровъ, или царемъ собственноручно; кромѣ того, министры, видимо, подробно устно докладывали царю о разныхъ вопросахъ по розыскамъ, требовавшихъ разрѣшенія ихъ Петромъ; въ разговорахъ по поводу такихъ докладовъ Петръ давалъ указанія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, прекращалъ или продолжалъ розыскъ, давалъ директивы для приговоровъ. Иногда же Петръ принималъ участіе и въ самомъ процессѣ розыска-слѣдованія, если это вызывалось какими-либо обстоятельствами, или особымъ интересомъ къ дѣлу императора; напримѣръ, въ 1723 году фузелеръ Марковъ сказалъ, что онъ только самому Петру объявитъ доносъ, и «того-же ноября 3 дня *при присутствіи Его Императорскаго Величества* вышеписанной же фузелеръ Дороѳей Марковъ вторичнымъ распросомъ показалъ»...[3]). Въ 1718 году «извѣстно царскому величеству учинилось», что архимандритъ Тихвинскій привезъ съ собой въ Петербургъ какую-то, якобы чудотворную икону и тайно служитъ желающимъ передъ ней молебны; тогда «декабря въ седьмой день посылалъ Его Царское Величество къ Тихвинскому архимандриту» гардемарина Каблукова, который долженъ былъ просить архимандрита пропѣть ему молебенъ передъ иконой; и, когда на другой день, въ присутствіи Каблукова, монахъ пѣлъ этотъ молебенъ, то предупрежденный объ этомъ Петръ самъ «изволилъ притти и образъ Пресвятыя Богородицы взять съ собой и того архимандрита за караулъ», и «онаго архимандрита и при немъ служителей указалъ забрать; которые забраны и присланы въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ; и указалъ Его Царское Величество» обо всемъ этомъ «изслѣдовать и розыскивать въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ». Обвиняемые были спрашиваны «въ присутствіи въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Его Царскаго Величества», и при Петрѣ-же одинъ обвиняемый былъ спрашиванъ «въ застѣнкѣ съ прещеніемъ» [1]). Въ томъ-же 1718 году полякъ Носовичъ подалъ Петру доношеніе, по которому слѣдовать Петръ велѣлъ Тайной Канцеляріи, и самъ присутствовалъ на допросахъ: «и потомъ *предъ царскимъ Величествомъ по вопросу* онъ Носовичъ никакой измѣны не показалъ» [2]).

Таковъ былъ нормальный, прямой путь, которымъ Императоръ входилъ въ дѣла Канцеляріи; однако, указы—инструкціи Петра шли въ Тайную Канцелярію и другими путями. Иногда дѣла Тайной Канцеляріи докладывались Петру, когда онъ сидѣлъ въ какомъ-нибудь другомъ учрежденіи. Вѣроятно, удобство, неотложность дѣла, желаніе царя являлись причинами такого порядка. «1724 генваря въ 23 въ протоколѣ написано: Его Императорское Величество, будучи въ Канцеляріи Вышняго Суда, изволилъ читать экстракты: 1) по новогородскому дѣлу, 2) по вологоцкому; и указалъ Его Величество тѣ дѣла рѣшить по Уложенію» [3]).

Въ 1723 году Петръ даетъ указъ по дѣламъ Тайной Канцеляріи (за скрѣпою Ушакова), «будучи въ Зимнемъ Домѣ» [4]). Иногда экстракты Петръ слушалъ и въ сенатѣ, если сенаторы отказывались безъ него ставить приговоры, когда одинъ изъ министровъ Тайной Канцеляріи «предлагалъ» какое-либо дѣло сенаторамъ. Гр. Скорняковъ-Писаревъ въ письмѣ къ Ушакову говоритъ,

[1]) Г. А., VII, № 6, ч. II, № 67.
[2]) Г. А., VII, № 8, карт. 16.
[3]) Г. А., VII, № 172 (л. 5).

[1]) Г. А., VII, № 21.
[2]) Г. А., VII, № 24 (л. 540).
[3]) Г. А., VII, № 103 (л. 278).
[4]) Г. А., VII, № 6, ч. II, (л. 116).

между прочимъ, что онъ получилъ доношенія по Тайной Канцеляріи, а «когда Его Величество въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ изволитъ быть, то по онымъ доношеніямъ Его Величеству я доложу» [1]).

Кромѣ того, очевидно, часть докладовъ и экстрактовъ Петръ слушалъ по докладамъ министровъ просто, гдѣ придется. Въ маѣ 1721 года Бутурлинъ пишетъ Толстому, бывшему при Петрѣ, что посылаетъ ему экстракты по Тайной Канцеляріи для доклада Императору, «его царскаго величества доложить», и «какой будетъ указъ и о прочемъ, что чинить прошу покорно вашего превосходительства ко мнѣ отписать» [2]). Въ томъ же году, отвѣчая Ушакову, Толстой пишетъ изъ Риги о нѣкоторыхъ дѣлахъ, что «по онымъ я его царскому величеству не доносилъ, а когда донесу, и какая резолюція будетъ, о томъ не оставлю васъ безъ извѣстія» [3]).

Въ письмѣ Толстому Бутурлинъ пишетъ отъ 29-го мая 1721 г., что онъ прилагаетъ при письмѣ «экстрактъ» по дѣламъ Канцеляріи, и прибавляетъ, чтобы «о чемъ надлежитъ», Толстой доложилъ Петру, «и какой будетъ указъ и о прочемъ что чинить», пусть Толстой ему напишетъ [4]). Въ одномъ изъ писемъ Толстого того-же года написано, что докладывалъ Его Превосходительство, т. е. Толстой, Царскому Величеству, на которое указалъ: «въ Тайную Канцелярію писать о архимандритѣ Гедеонѣ, чтобъ о немъ объявить... въ Синодѣ... и когда съ него то (санъ) сымутъ, указалъ Его Величество накрѣпко его пытать» [5]). Въ одномъ дѣлѣ есть запись: «и декабря въ 26 день 718 году *по именному великаго государя указу, каковъ учиненъ по подлинномъ о томъ дѣломъ*, велѣно...» Далѣе идутъ мелкія указанія о дальнѣйшемъ розыскѣ [6]).

Я позволю себѣ привести отрывокъ изъ переписки П. Толстого съ А. Ушаковымъ въ 1722 г., полно и ясно характеризующій, какъ происходили эти доклады дѣлъ министровъ Канцеляріи Петру.

«Милостивый государь мой Петръ Андреевичъ, писалъ Ушаковъ Толстому въ началѣ мая 1722 года, понеже его им-

[1]) Г. А., VII, № 139 (л. 11).
[2]) Г. А., VII, № 111 (л. 16).
[3]) Г. А., VII, № 111 (л. 3).
[4]) Г. А., VII, 111
[5]) Г. А., VII, № 8.
[6]) Г. А., VII № 30 (л. 4)

ператорское величество при отсутствіи своемъ въ походъ изволилъ быть въ непрестанныхъ дѣлѣхъ, и того ради не имѣлъ я времени, чтобы по пунктамъ о Королькѣ и о прочихъ Тайной Канцеляріи дѣлѣхъ донести Его Величеству и для того оные пункты посылаю до Вашего Превосходительства при семъ, и доношу: изволь, государь мой, по нимъ донести Его Императорскому Величеству; и какой Его Величества указъ состоится, о томъ изволь, государь мой, увѣдомить меня» [1]). При этомъ письмѣ Ушаковъ прилагалъ «экстрактъ о дѣлахъ Тайной Канцеляріи», изложенный въ 8-ми пунктахъ; привожу его цѣликомъ: «1. Старцу Левину по окончаніи розысковъ какую казнь учинить, и гдѣ: въ Москвѣ-ль или на Пензѣ?—2. Онъ-же Левинъ показалъ на родственниковъ своихъ 4-хъ человѣкъ, что при нихъ въ домѣ злые слова онъ говорилъ; да вышеписанные-жъ слова говорилъ онъ въ церкви всенародно при капитанѣ да при камисарѣ.—3. Онъ-же Левинъ тѣ слова говорилъ въ дву монастырехъ на трапезахъ при игуменѣ съ братьей, да въ третьемъ монастырѣ одному игумену, да на исповѣди отцамъ своимъ духовнымъ тремъ попамъ, да старцу (у котораго онъ былъ подъ началомъ); и оныхъ два попа и старецъ молвили ему Левину: «и мы де такъ признаваемъ», а третій попъ молвилъ: «полно де, ты не грѣшишь-ли»? однакожъ причаститься ему не возбранилъ; и изъ означенныхъ одинъ попъ въ томъ себя и призналъ, а другіе, ежели признаютъ, и имъ за то что учинить?—4. По его-же Левина распросу касается нѣчто до рязанскаго архіерея, но токмо нынѣ безъ разспросу старца Прозоровскаго нельзя того явственно признать; и ежели по разспросу онаго покажетца до него архіерея важность, и его допрашивать-ли, и гдѣ: въ синодѣ-ль, или въ Тайной Канцеляріи, и какъ его содержать?—5. Свѣтлѣйшаго князя столяръ Королекъ съ разспросу и съ дву розысковъ показалъ важныя слова дому его княжева на клюшника, да на гребца, которые померли; а потомъ на исповѣди отцу духовному онъ объявилъ, что тѣ слова (токмо не всѣ) слышалъ онъ его-жъ княжева дому отъ служительницы вдовы Варвары Кубасовой, о чемъ и на очной съ нею ставкѣ тоже сказалъ; а въ распросехъ де, и съ розысковъ, и въ очной ставкѣ во ономъ запирается и въ томъ себя не признаваетъ; и ежели тотъ Королекъ съ третьяго розыску станетъ говоритъ на нее вдову, и

[1]) Г. А., VI, № 156, ч. I, л. 75.

ее въ застѣнокъ къ очной ставкѣ брать-ли, и ею розыскивать ли?—6. По важному дѣлу бабы Акулины слѣдствованіе остановилось за тѣмъ, что она больна; и ежели въ тѣхъ словахъ, на кого, что показала, она умретъ, а тѣ въ ономъ себя не признаваютъ, и ими розыскивать-ли?—7. Ежели въ Тайную Канцелярію будутъ подавать доношенія о здоровьѣ Императорскаго Величества, о бунтѣ, о измѣнѣ, и по таковымъ доношеніямъ слѣдовать-ли, или оныя отсылать въ Преображенскій Приказъ?—8. По дѣламъ Бахметева показуется, что нѣкоторый интересъ изъ окладныхъ сборовъ утраченъ, и оный по слѣдованію въ Тайную Канцелярію взыскивать, или тѣ дѣла для изслѣдованія отослать въ каморъ-коллегію?» [1]). Въ отвѣтъ на это Толстой писалъ Ушакову слѣдующее письмо: «Государь мой Андрей Ивановичъ! Присланные отъ васъ пункты Его Императорское Величество изволилъ подписать, которые при семъ прилагаю, и ваша милость изволитъ чинить по оной резолюціи; о бабушкѣ изволилъ говорить: буде Королекъ съ третьей пытки съ ней не зговоритъ, то де можно и оную попытать, и того ради на оный пунктъ изволилъ подписать, чтобъ розыскивать. О Акулинѣ для того не изволилъ ничего подписать, что можете и вы окончать, чего будетъ надлежать; чтобъ дѣло сіе отдать въ Преображенскій приказъ, я докладывалъ, на что изволилъ сказать, чтобъ вы при себѣ окончили только самую важность; по дѣлу Лебедкину и, буде коснетца до Резанскаго, чтобъ и то также при васъ окончать; и Королькова дѣло вамъ-же надлежитъ окончать; а Левина и другихъ, кого онъ оговорилъ, когда уже важности не будетъ, отослать въ Преображенскій приказъ. Однакоже о томъ нынѣ письма ко князю Ивану Федоровичу послать не изволилъ, и безъ письма, чаю, онъ не приметъ; и ваша милость изволь трудиться, какъ можно скорѣйше оныя дѣла оканчивать; буде же увидишь, что будутъ продолжаться, то изволь ко мнѣ писать, чтобъ намъ и Петербургскихъ дѣлъ не упустить. Покорный слуга Петръ Толстой, изъ Коломны мая 16 дня 1722 года». Подлинное письмо писано рукою «тайно дѣйствительнаго совѣтника кавалера графа Петра Андреевича Толстого» [2]).

При письмѣ этомъ Толстой прилагалъ и самый «экстрактъ» съ написанными на немъ своеручными резолюціями Петра;

[1]) Г. А., VI, № 156, ч. I, л. 76—78.
[2]) Г. А., VII, № 6, ч. II (№ 87).

противъ перваго пункта Петръ написалъ: «на пензе», противъ второго:—«слѣдовать и смотрѣть дабы напрасно кому не пострадать, понеже сей плутъ глупый временемъ мѣшается»; противъ третьяго:—«тоже что и Левину»; противъ четвертаго: «когда важное касаца будетъ, тогда сенату притить въ синодъ и тамъ допрашивать и слѣдовать, чему подлежитъ»; противъ пятаго пункта стоитъ резолюція: «розыскивать»; шестой, седьмой и восьмой пункты остались безъ резолюціи.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Петръ и здѣсь, какъ и при присутствіи своемъ въ Тайной Канцеляріи, слушалъ ему подносимые экстракты по дѣламъ и ставилъ свои резолюціи, а кромѣ того, въ разговорѣ точнѣе выяснялся смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ краткихъ резолюцій; тутъ-же давались указанія по вопросамъ, возникавшимъ у министровъ при веденіи нѣкоторыхъ дѣлъ; а все это въ совокупности производитъ впечатлѣніе близкаго вмѣшательства и руководства царя дѣлами Канцеляріи, даже при его отъѣздахъ изъ С.-Петербурга. Кромѣ того, тутъ-же иногда Петръ давалъ указанія и общаго характера; напримѣръ: «Его Величество изволилъ разсуждать, что съ раскольниками, которые въ своей противности зѣло замерзѣли, надобно поступать вельми осторожно, гражданскимъ судомъ» [1]). Бывало, что по прошествіи нѣкотораго времени, Петръ измѣнялъ свои резолюціи и тогда объ этомъ сообщалъ «министрамъ»; напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ Ушакову Петръ дѣлаетъ слѣдующій post-scriptum: «ежели вологоцкому попу экзекуція не учинена, то обожди ею, пока увидимся со мною» [2]). А экзекуція эта—смертная казнь—была постановлена по резолюціи самого Петра [3]). Также Петръ измѣнилъ свою резолюцію о фискалѣ Санинѣ, сначала рѣшивъ его казнить, а потомъ велѣлъ даже колесовать [4]).

Однако, видимо, этихъ вышеприведенныхъ возможностей давать Канцеляріи указы Петру всетаки не хватало, и поэтому нерѣдко онъ передавалъ эти указы съ помощью третьихъ лицъ; чаще всего это дѣлалось черезъ кабинетъ-секретаря Макарова; который обычно письмами передавалъ указы кому-либо изъ министровъ Канцеляріи,—въ большинствѣ случаевъ,—при пере-

[1]) Г. А., VII, № 8 (6 карт.).
[2]) Г. А., VII, № 127 (ч. II, л. 147).
[3]) Г. А., VII, № 127 (хотя эта резолюція имѣла форму «рѣшить по Уложенію»).
[4]) Г. А., VII, № 8.

дачѣ дѣлъ въ Тайную Канцелярію. «Благородный господинъ бригадиръ и мазоръ отъ гвардіи!—писалъ Макаровъ Ушакову въ февралѣ 1720 г.,—царское величество указалъ отослать къ Вамъ раскольщика дьякона Александра и съ его доношеніемъ, которое онъ подалъ Его Царскому Величеству; а что оный раскольщикъ въ допросѣ сказалъ, тому записка при семъ такожъ прилагается; и онаго колодника изволите приказать посадить въ городъ; а что съ нимъ надобно дѣлать, о томъ я Вамъ донесу самъ. Слуга Вашъ моего государя А. Макаровъ» [1]. И такія письма далеко не рѣдкость въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи; вотъ еще примѣръ: 1722 г. отъ 21 апрѣля Макаровъ адресуетъ Ушакову письмо, при которомъ препровождаетъ человѣка, сказавшаго за собой «государево слово», по указу Петра для слѣдованія въ Тайную Канцелярію, и въ концѣ этого письма пишетъ: «и хотя то дѣло Его Императорское Величество изволитъ считать за неважное, однако доносителева помѣщика надобно сыскать и допросить въ томъ, въ какомъ случаѣ онъ такія слова говоритъ» [2]. Но бывало, что Макаровъ устно въ Канцеляріи объявлялъ указы Петра, которые тогда за подписями министровъ записывались въ Указную книгу Канцеляріи. По поводу отдачи конюшенному двору (царскому) одного отписного двора Кикина «Его Царскаго Величества именной указъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ... объявилъ словесно кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ» [3]. Иногда передавали указы Петра о принятіи дѣла въ Тайную Канцелярію и другія лица (напр. Румянцевъ) [4].

Время отъ времени Петръ давалъ свои указы собственноручными записками, наскоро набросанными. «Дьякона пытать,—писалъ Петръ въ февралѣ 1720 г. въ Тайную Канцелярію,—къ кому онъ сюда пріѣхалъ и приставалъ, и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ; а по важныхъ пыткахъ послать съ добрымъ офицеромъ и солдаты отъ гвардіи въ Нижній, и тамъ казнить за его воровство, что мимо выбраннаго старца воровски учинилъ. Другого, Іону, пытать до обращенія или до смерти, ежели чего къ розыску не явится» [5]. Мы видимъ, что тутъ не простая резолюція, а въ краткихъ чертахъ намѣченъ весь ходъ розыска со включеніемъ, условно, и приговора.

[1]) Г. А., VII, № 57 (л. 1).
[2]) Г. А., IX, № 2 (кн. за 1722 г., л. 100 об.).
[3]) Г. А., VII, № 6, ч. II (№ 33).
[4]) Г. А., VII, № 188 (л. 1).
[5]) Г. А., VII, № 57 (л. 7).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, нельзя не прійти къ заключенію о существованіи тѣсной связи, которая, видимо, никогда не прекращалась, между Императоромъ и Канцеляріей. Если Петръ былъ въ Петербургѣ, то онъ разъ въ недѣлю въ подробномъ докладѣ, обстоятельно выслушивалъ въ Тайной Канцеляріи доклады объ ея дѣлахъ, самъ иногда просматривалъ слѣдственный матерьялъ, иногда даже принималъ въ слѣдствіи личное участіе. Если его не бывало въ С.-Петербургѣ, то онъ все-таки слушалъ присылаемые ему экстракты по дѣламъ въ докладѣ кого-либо изъ министровъ, и также подробно входилъ въ дѣла. Насколько вообще Петръ входилъ въ дѣло, видно уже изъ того, что Тайная Канцелярія иногда подготовляла только матерьялъ, а уже «что чинить?» это рѣшалъ самъ Петръ, какъ-бы въ такихъ случаяхъ вступавшій въ роль настоящаго начальника Канцеляріи, а не только играя роль высшей санкціонирующей власти; конечно, подобнаго рода роль Петра проявлялась только въ особо важныхъ дѣлахъ Канцеляріи; однако, и въ болѣе мелкихъ Петръ иногда принималъ участіе въ самомъ ихъ производствѣ.

Такимъ образомъ Тайная Канцелярія работала не только подъ непосредственнымъ контролемъ царя, но и при непосредственномъ его участіи; конечно, другой вопросъ, насколько все это гарантировало правильность и законность дѣйствія Канцеляріи, насколько даже и при такомъ способѣ Петръ могъ ручаться за отсутствіе злоупотребленій здѣсь-же, на глазахъ его.

При такомъ тѣсномъ общеніи Петра съ Канцеляріей, съ одной стороны, съ другой,—при явномъ стремленіи того времени каждое слово царя приравнивать юридически къ именному указу, понятно, что способы закрѣпленія всѣхъ даваемыхъ Петромъ указовъ являлись очень многоразличными. Конечно, если указъ являлся написаннымъ собственноручно Петромъ, хотя бы на клочкѣ бумаги въ видѣ нѣсколькихъ чрезвычайно отрывочныхъ фразъ, или на экстрактѣ, въ видѣ повелительныхъ отдѣльныхъ выраженій, или въ видѣ письма къ одному изъ министровъ,—то вопросъ закрѣпленія разрѣшался сравнительно просто: сохранялся подлинникъ, или въ указную книгу вносили точную копію за рукой министра. Сложнѣе дѣло обстояло съ изустными указаніями.

Если мы внимательно разсмотримъ указныя книги Канцеляріи, т. е. книги, на обложкѣ и корешкѣ которыхъ значится: «именные указы», то, во-первыхъ, натолкнемся на указы заранѣе, по извѣстной формѣ заготовленные, которые только подписывались собственноручно Петромъ. Сила и значеніе такихъ указовъ, конечно, совершенно несомнѣнны; и такой видъ является наиболѣе какъ-бы правильнымъ типомъ указа; но въ одной изъ указныхъ книгъ вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ такихъ указовъ, идетъ приписка: «отселѣ внизъ указы вошли за руками Тайной Канцеляріи министровъ» [1]). Изъ этого видно, что указы Петра еще могли записываться и закрѣпляться какъ-бы въ ихъ правильности руками министровъ Тайной Канцеляріи. Кромѣ того, въ этой-же книгѣ встрѣчаются указы кѣмъ-либо «объявляемые» отъ имени императора, при чемъ объявляющій министръ Канцеляріи, обычно и подписывалъ указъ съ такой, напримѣръ, прибавкой: «сей Его Царского Величества указъ въ Тайной Канцеляріи объявилъ я, Иванъ Бутурлинъ».

Такимъ образомъ указы императора или записывались имъ самимъ своеручно, внѣ всякой формы, всякихъ условностей, въ большинствѣ случаевъ безъ подписи; или ихъ по извѣстной формѣ записывали «министры» и скрѣпляли своими подписями; или написанный по той-же формѣ указъ скрѣплялся личной подписью Петра; или, пришедъ въ Тайную Канцелярію, кто-либо «объявлялъ» указъ, при чемъ онъ записывался тогда въ указную книгу за соотвѣтственной скрѣпою.

Указы, скрѣпленные самимъ Петромъ, или министрами, а также указы кѣмъ-либо «объявляемые», обычно записывались по такой формѣ: «1718 г. марта въ 15 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Россіи... указалъ по именному своему великаго Государя указу»... далѣе идетъ самый предметъ указа. Существовала еще форма: «По указу Его Императорскаго Величества (или: «по указу Великаго Государя») тайной совѣтникъ и отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку маэоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, отъ гвардіи отъ бомбандиръ капитанъ-поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, слушавъ вышеписаннаго, присланнаго въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ изъ помѣстнаго приказа доношенія, и чело-

[1]) Г. А., VII, № 6, ч. I.

битія Степана Лопухина приговорили»... идетъ текстъ самаго приговора...; «и о томъ послать въ помѣстный приказъ его великаго государя указъ». Подписали: Толстой, Бутурлинъ, Ушаковъ, Скорняковъ-Писаревъ [1]). Въ книгахъ Канцеляріи съ заглавіемъ «именные указы» мы встрѣчаемъ, видимо, съ совершенно одинаковымъ юридическимъ значеніемъ всѣ вышеизложенныя формы указовъ: они имѣли абсолютное значеніе и почитались совершенно одинаково выраженіемъ воли Императора. — Съ другой стороны, уже изъ характера тѣхъ отношеній Петра и Тайной Канцеляріи, которыя мы выше стремились очертить, несомнѣнно слѣдуетъ (вспомнимъ вышеприведенное письмо Ушакову отъ Толстого), что записывать, регистрировать всѣ тѣ мелкія мнѣнія и замѣчанія, которыя дѣлалъ Петръ по поводу разныхъ сторонъ ему докладываемыхъ дѣлъ, было крайне затруднительно, хотя-бы въ силу очень большого количества ихъ, нѣкоторой иногда условности и неопредѣленности; однако, упускать все это было невозможно, и всѣмъ этимъ надо было руководствоваться, почему, просматривая переписку министровъ, мы и видимъ, какъ тщательно и подробно министры передавали другъ другу разныя мнѣнія и замѣчанія императора, чтобы все «чинить по сему».

Однако, если отношенія Петра и Канцеляріи были такъ тѣсны, существовали-ли все-таки какія-либо нормы того, когда и для чего требовался указъ Императора, и что возможно было Канцеляріи рѣшать безъ доклада, своей властью? Разъ не существовало никакихъ общихъ положеній, пунктовъ, регламентовъ, указовъ, даже мелкихъ указаній, которые-бы какъ-либо нормировали общими положеніями дѣятельность Канцеляріи, то понятно, что никакого общаго характера отвѣта на этотъ вопросъ мы не найдемъ и не можемъ найти. Если эта норма и подразумѣвается, такъ она выходитъ, какъ частное, изъ общаго представленія Петра о его власти, какъ неограниченно самодержавной [2]); слѣдовательно, и въ этомъ отдѣльномъ случаѣ личная воля Монарха являлась высшей и въ данномъ случаѣ единственной нормой. Теоретически разсуждая далѣе въ томъ-же направленіи, нельзя не прійти къ выводу, что, при отсутствіи преподанныхъ общихъ нормъ и при близости

[1]) Г. А., VII, № 6, ч. I (л. 81).

[2]) Стр. статьи 19 и 20 „воинскихъ артикуловъ“ и толкованіе къ нимъ (П. С. З. т. V, стр. 325).

царя къ Канцеляріи, личная воля Монарха и должна была рѣшать всегда и непрестанно во *всемъ* конкретномъ ходѣ дѣятельности Канцеляріи, что должно быть доведено до нея, а что—нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ Монархъ долженъ былъ быть освѣдомленъ во *всемъ* конкретномъ содержаніи дѣятельности Тайной Канцеляріи, чтобы рѣшать, въ чемъ должна проявляться его воля, а въ чемъ нѣтъ,—и въ какихъ размѣрахъ и стадіяхъ дѣлъ это проявленіе должно наступать. Фактически, это едва-ли являлось исполнимымъ: *всего* знать, что происходило въ Тайной Канцеляріи, Петръ, конечно, не могъ и не зналъ, какъ мы убѣдимся, а потому онъ былъ вынужденъ довѣрять выбраннымъ имъ министрамъ Канцеляріи въ томъ, что во всемъ скрытомъ отъ него самого они сумѣютъ въ достаточной степени разобраться и понять, въ чемъ, съ точки зрѣнія Монарха, должна быть проявлена его воля, а что, по его-же волѣ, можетъ рѣшиться—или совсѣмъ, или отчасти—безъ непосредственнаго вмѣшательства этой воли.

Такъ воля Монарха делегировалась волѣ министровъ вслѣдствіе фактической невозможности проведенія въ чистотѣ принципа долженствованія личной волѣ Монарха во всемъ и непрестанно самой рѣшать о предѣлахъ ея прямого вмѣшательства. Постараемся доказать, что вышеприводимыя разсужденія не являются исключительно теоретическимъ выводомъ: мы сейчасъ увидимъ, что это также обобщеніе и выводъ изъ несомнѣнныхъ фактовъ исторіи Тайной Канцеляріи.

Изъ предыдущаго изложенія было ясно, какъ Петръ фактически стремился по возможности ближе подойти къ тому, чтобы каждый фактъ дѣятельности Тайной Канцеляріи не проходилъ для него скрытымъ; мы видѣли, какъ онъ подчасъ глубоко входилъ въ дѣлопроизводство Канцеляріи, какъ бы самъ стремясь, если не все знать, то, по крайней мѣрѣ, мочь обо всемъ составить себѣ представленіе.

Однако, совершенно ясно, что многое, и не очень маловажное, по дѣламъ Канцеляріи не доносилось Петру; у насъ есть прямое указаніе, что Императору доносили часто о томъ, о чемъ донести министры считали необходимымъ, а отнюдь не обо всемъ. Въ одномъ письмѣ Бутурлинъ пишетъ въ 1721 году Толстому, что онъ прилагаетъ при этомъ письмѣ экстрактъ по дѣламъ Тайной Канцеляріи «для извѣстія Вашему Превосходительству»,... «по которому *о чемъ надлежитъ, по своему*

благоразумному разсужденію хотя и Его Царскаго Величества доложить». Изъ этого ясно, что Толстой докладывалъ только то, что считалъ нужнымъ; едва-ли возможно другое толкованіе этой фразы; да и кромѣ того, имѣется еще подобное указаніе: Толстой въ другомъ письмѣ Бутурлину (1721 г.) пишетъ, что о говореніи уже осужденнымъ преступникомъ Курзанцевымъ вновь за собой «слова и дѣла», объ этомъ «мнится мнѣ, что трудить докладомъ Царскаго Величества не для чего» [1]). Такъ иногда разсуждали министры; но въ другихъ случаяхъ бывало наоборотъ; докладъ царю представлялся совершенно необходимымъ; дѣло, напримѣръ, полковника Скорнякова-Писарева «не рѣшено за неимѣніемъ времени къ докладу Его Императорскаго Величества; а безъ доклада онаго дѣла рѣшить не возможно» [2]). Въ другомъ письмѣ Ушакову Толстой пишетъ, что о дѣлѣ Санина «чаю, надлежитъ доложить Императорскаго Величества»; я позволю себѣ продолжить эту цитату: «понеже, объясняетъ Толстой, изволилъ Его Величество мнѣ повелѣть, чтобъ Санина казнить умедлить для того, что Его Величество изволилъ имѣть тогда намѣреніе самъ его Санина видѣть» [3]). Докладывать-же о Курзанцевѣ Толстой считалъ излишнимъ, «понеже онъ, отбывая смертныя казни, можетъ и часто такія бездѣльныя доношенія подавать, продолжая жизнь свою» [4]). Иначе было при тѣхъ дѣлахъ, гдѣ могъ быть заподозрѣнъ большій сравнительно къ нимъ интересъ Петра; тогда министры доносятъ обо всемъ царю подробными письмами черезъ Макарова, прося на все указовъ. Такъ, когда Петръ прислалъ въ Канцелярію дѣло о сержантѣ Кудрявцевѣ, у котораго сбѣжало съ дороги пять ссылавшихся «раскольщиковъ», то Ушаковъ въ письмахъ Макарову доносилъ и просилъ указа по этому дѣлу: «а какое имъ рѣшеніе учинить, о томъ, доложа Его Царскаго Величества, изволь меня увѣдомить» [5]), пишетъ Ушаковъ, видимо, самъ совершенно не осмѣливаясь даже и предположительное рѣшеніе представлять царю. Въ маѣ 1721 года Макаровъ по указу Петра присылаетъ къ Ушакову въ Тайную Канцелярію раскольниковъ для слѣдованія. Ушаковъ, посылая Макарову извѣстіе объ опредѣленіи, которое вынесла этимъ

[1]) Г. А., VII, № 64 (стр. 117).
[2]) Г. А., VII, № 6 (2 карт., л. 61 об. «Протоколъ 1724»).
[3]) Г. А., VII, № 103 (л. 267—269).
[4]) Г. А., VII, № 64 (л. 117).
[5]) Г. А., VII, № 66, л. 9.

раскольникамъ Тайная Канцелярія, прибавляетъ въ письмѣ: «не позволитъ-ли объ нихъ доложить Его Царскому Величеству: ежели ихъ содержать по разнымъ казармамъ, то оные не въ работѣ будутъ, и напрасно станутъ хлѣбъ ѣсть; а не лучше ли, чтобъ имъ на работу ходить, а къ ночи въ разныя-бъ казармы сажать» [1]). Вотъ какія мелочи иногда доводили до рѣшенія царя, а по гораздо болѣе существеннымъ дѣламъ,—о жизни людей,—рѣшали, что докладомъ царя трудить не для чего.

Изъ двухъ вышеприводимыхъ краткихъ мотивировокъ нежеланія доводить до свѣдѣнія Петра видно, что играли въ этихъ случаяхъ роль мотивы отнюдь не принципіальнаго характера, а во-первыхъ, интересъ, проявляемый Петромъ именно къ данному дѣлу, во-вторыхъ, «важность» дѣла. Понятно, что, въ первомъ случаѣ, надо было докладывать царю, разъ онъ самъ спрашиваетъ и интересуется всѣмъ ходомъ дѣла; а во второмъ случаѣ, если дѣло было «важное», то являлась возможность гнѣва царя за то, что не доложили ему о такомъ дѣлѣ. Изъ одного мѣста письма Ушакова опредѣленно видно, что докладывать о рѣшеніяхъ по неважнымъ дѣламъ (и не влекущимъ за собой большихъ, по понятіямъ того времени, наказаній) министры считали даже совершенно ненужнымъ; «въ канцеляріи здѣсь, пишетъ Толстому Ушаковъ, вновь важныхъ дѣлъ нѣтъ, а имѣются посредственныя, по которымъ такожъ, яко и прежде я доносилъ, что кнутомъ плутовъ посѣкаемъ, да на волю отпускаемъ» [2]). Съ другой стороны, разъ дѣло важное (въ родѣ дѣла Скорнякова-Писарева), то безъ доклада его рѣшать считается невозможнымъ, и даже слѣдствіемъ его прекратить (въ виду ожидающейся передачи дѣлъ Канцеляріи въ Сенатъ) «то мнится мнѣ, пишетъ Толстой, не безопасно намъ будетъ» [3]). Таковы были тѣ основанія, которыми руководствовались, министры Тайной Канцеляріи, вводя Императора въ дѣла Канцеляріи. Но кромѣ того, весьма часто Петръ самъ давалъ Канцеляріи указомъ при разсмотрѣніи дѣла безграничную свободу въ рѣшеніи даннаго дѣла. На докладѣ Толстого Петръ, среди другихъ указовъ, уполномочиваетъ «о князѣ Мещерскомъ и о прочихъ съ нимъ розыскивать и чинить по разсмотрѣнію» [4]). Однако это «разсмотрѣніе» въ совершенно преобладающемъ

[1]) Г. А., VII, № 87 (л. 37).
[2]) Г. А., VII, № 103, л. 165.
[3]) Г. А., VII, № 8, 5.
[4]) Г. А., VII, № 8, 2.

количествѣ случаевъ замѣнялось «уложеніемъ»; резолюціи Петра о рѣшеніи даннаго дѣла «по уложенію» встрѣчаются довольно часто. «По именному Его Императорскаго Величества указу велѣно то дѣло рѣшить по уложенію» [1]), записываетъ въ свой реестръ подканцеляристъ Тайной Канцеляріи Семенъ Шурловъ. Протодьякона Непенина и Никитина, уличенныхъ въ непристойныхъ словахъ про царское величество, указомъ Петра велѣно было судить «по уложенію» (1724 г.) [2]). Изъ того, что послѣ Петръ проситъ въ письмѣ Ушакову, «если экзекуція (надъ преступниками) не учинена, то обожди ею, пока увидимся со мной», видно, что въ случаѣ указа рѣшить по уложенію, самое это рѣшеніе по уложенію уже приводится въ исполненіе безъ особой санкціи Императора. Иногда-же Петръ указывалъ—дѣла отправлять для рѣшенія въ Сенатъ, при чемъ какъ-бы давалась заранѣе санкція сенатскому рѣшенію. «Послать для рѣшенія въ Сенатъ и, что приговорятъ, по тому чинить», кладетъ резолюцію Петръ по одному дѣлу, въ экстрактѣ представленному ему Тайной Канцеляріей [3]). По дѣлу о доношеніи дьяка Болшова на Ал. Нарышкина слѣдуетъ указъ Петра: «отослать въ Канцелярію Сената, и по тому дѣлу, что въ Сенатѣ приговорятъ, такъ тамъ и учинить» [4]). Дѣло подъячаго Курзанцева Императоръ тоже, «будучи въ Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ», указалъ «отослать въ Сенатъ и имъ Курзанцевымъ розыскивать и по тому дѣлу указъ учинить, чему надлежитъ» [5]).

Такъ обстояло дѣло въ дѣйствительности; приведенныя нами выше разсужденія, думается, въ большой мѣрѣ доказываются изложенными фактами, а отсюда получается отвѣтъ на поставленный вопросъ о нормахъ того, когда требовался указъ Императора, и когда Канцелярія могла обходиться безъ царскаго указа, и въ какой мѣрѣ? Отвѣтъ заключается въ томъ, что личная воля Монарха какъ-бы стремилась во всѣхъ дѣлахъ рѣшать все сама, что фактически свелось къ вынужденному делегированію царемъ въ извѣстной, совершенно произвольной,—въ зависимости отъ того или иного случая,—части своей власти министрамъ. Однако, всегда это делегированіе совершалось все-таки «по указу Его Императорскаго Величества».

[1]) Г. А., VII, № 7 ч. III.
[2]) Г. А., VII, № 127.
[3]) Г. А., VII, № 83.
[4]) Г. А., VII, № 6, ч. II (л. 98).
[5]) Г. А., VII, № 6, ч. II, № 79 (л. 97).

Какъ съ самыхъ первыхъ шаговъ дѣятельности Тайной Канцеляріи, такъ и въ самое послѣднее время царствованія Петра каждое рѣшеніе-приговоръ Тайной Канцеляріи облекался въ извѣстную форму за подписями министровъ; непремѣнно всѣ приговоры о наказаніяхъ оформливались такимъ образомъ, и всегда эти рѣшенія-приговоры начинаются фразой: «по указу Его Царскаго (Императорскаго) Величества». Мы только-что видѣли, что часть опредѣленій-приговоровъ въ этомъ начальномъ выраженіи заключала смыслъ не прямого конкретнаго указа, а указа общаго характера, изъ котораго собственно рѣшенія Канцеляріи пришлось уже выводить министрамъ. И этотъ конкретный выводъ являлся равносильнымъ именному указу, такъ какъ являлся (хотя-бы и фиктивно) просто необходимымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ (и не болѣе) настоящаго указа, какъ-бы только частнымъ случаемъ, который уже предусматривался въ указѣ, а «министрами» только оттуда извлекался—и болѣе ничего. Мы это видѣли на опредѣленіяхъ канцеляріи, постановленныхъ по указу царя о рѣшеніи даннаго дѣла «по уложенію». То-же знаемъ мы въ еще сильнѣйшей степени объ опредѣленіяхъ-приговорахъ Канцеляріи по дѣламъ о ложномъ сказываніи «слова и дѣла»; мы приводили отрывокъ изъ письма Ушакова о «посредственныхъ» дѣлахъ, по которымъ плутовъ просто кнутомъ посѣкали и на волю отпускали своей властью безъ всякихъ докладовъ Царю. А между тѣмъ большинство этихъ дѣлъ имѣютъ по установленной формѣ рѣшеніе: «По указу Его Императорскаго Величества Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, сего дѣла слушавъ, опредѣлила»... и т. д. [1]). Здѣсь, уже, можетъ имѣться въ виду общій указъ 1722 г. о слѣдованіи по «слову и дѣлу» въ Тайной Канцеляріи, а также вообще устанавливающаяся въ Тайной Канцеляріи тенденція рѣшать дѣла по уложенію.

Съ другой стороны, были опредѣленія, утверждавшіяся Петромъ или точнѣе санкціонировавшіяся имъ. Толстой, доложивъ Петру по письму Ушакова объ опредѣленіи по одному дѣлу, отвѣчаетъ Ушакову: «указалъ Его Царское Величество къ вамъ писать о раскольникахъ, которые *по опредѣленію вашему* посланы въ Ревель, тѣмъ быть такъ» [2]) (май 1721 г.). Иногда же опредѣленія являлись слѣдствіемъ прямыхъ по данному дѣлу данныхъ, конкретныхъ указовъ Императора. Нѣсколько дѣлъ были рѣшены Петромъ, вѣроятно, по экстрактамъ, и указъ этотъ «объявилъ въ Тайной Канцеляріи» А. И. Ушаковъ (гдѣ по обычаю онъ былъ занесенъ въ указную книгу). Въ концѣ каждаго изъ рѣшенныхъ въ этомъ указѣ дѣлъ имѣется всетаки «опредѣленіе» Тайной Канцеляріи, помѣченное нѣсколькими днями позже указа, по обычной формѣ начинающееся словами: «по указу Его Императорскаго Величества»... и здѣсь, такое выраженіе имѣетъ настоящее, всецѣло реальное значеніе. Также и по дѣлу о двухъ солдатахъ (одинъ донесъ на другого въ бунтовщическихъ словахъ) состоялся указъ Петра, объявленный Ушаковымъ, и вслѣдъ за этимъ въ дѣлѣ идетъ «опредѣленіе» Канцеляріи, точно исполяющее указъ [1]); подобное же «опредѣленіе», какъ прямое слѣдствіе указа Царя, имѣемъ мы и еще въ одномъ дѣлѣ; только это опредѣленіе вноситъ дополнительно нѣсколько распоряженій о способахъ выполненія указа (какъ отправлять ссылаемыхъ, какъ ихъ содержать и проч.) [2]). Это было въ 1723—1724 годахъ.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны въ опредѣленіяхъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ начальная фраза ихъ: «по указу» и т. д. дѣйствительно всегда обозначала подлинное существованіе такого указа, то съ другой стороны, не всегда этотъ указъ являлся непосредственнымъ, конкретнымъ основаніемъ: или онъ являлся только общимъ основаніемъ для опредѣленія наказанія данному преступнику, или онъ даже являлся общимъ основаніемъ и по отношенію къ налагаемому наказанію и по отношенію къ самому преступнику. Изъ этого ясно, что предѣлы, въ которыхъ Петръ передавалъ свою власть министрамъ, были иногда чрезвычайно широки и неопредѣленны. Но тутъ дѣйствительность заставляла Петра всетаки итти въ опредѣленномъ направленіи. Учащеніе и замѣну конкретныхъ сепаратныхъ указовъ общими какъ-будто можно наблюдать въ теченіе всего существованія Петровской Тайной Канцеляріи, и, въ результатѣ этого процесса мы видимъ, что Тайная Канцелярія, на вопросъ о новоучиненныхъ сверхъ Уложенія «особливыхъ именныхъ» указахъ, у нея имѣющихся, отвѣчала доношеніемъ, что кромѣ дѣлъ суздальскаго и кикинскаго «другія дѣла, касающіяся до его го-

[1]) Г. А., VII, № 29 (см. любое дѣло).
[2]) Г. А., VII, № 87 (л. 43).

[1]) Г. А., VII, № 160.
[2]) Г. А., VII, № 173.

сударской чести, вершены по Уложенію... и по военному Артикулу» [1]).

Такимъ образомъ, даже уже къ 1721 году Тайная Канцелярія начинаетъ дѣйствовать не черезъ сепаратные указы. Однако это утвержденіе является черезчуръ усиленнымъ. Какъ мы видѣли, въ это время очень дѣйствовали и сепаратные указы, но общая тенденція въ направленіи всей дѣятельности Канцеляріи, пожалуй, сказывается въ этомъ отвѣтѣ.

Въ моментъ образованія Тайной Канцеляріи въ Петербургѣ, во все время, пока шло царевичево дѣло и дѣла къ нему примыкающія, суздальское и кикинское, фактическимъ начальникомъ Канцеляріи является Петръ; тогда о роли его указовъ говорить не приходится: онъ цѣликомъ распоряжался ея дѣлами, но, конечно, отчасти иногда довѣрялся своимъ помощникамъ,—болѣе исполнителямъ его прямыхъ велѣній, чѣмъ дѣйствительно «министрамъ» Канцеляріи. Однако и по прошествіи этого особеннаго періода въ дѣйствованіи Канцеляріи, всетаки Петръ не хотѣлъ упускать изъ своего ближайшаго наблюденія ея дѣла и разъ въ недѣлю ѣздилъ въ Канцелярію, гдѣ министры дѣлали подробные о дѣлахъ доклады, а иногда Петръ и самъ знакомился съ слѣдственными данными и допрашивалъ колодниковъ. Когда ему приходилось уѣзжать въ путешествія, и, вѣроятно, также когда онъ былъ очень занятъ, то онъ все-таки требовалъ неуклонно къ себѣ экстракты по дѣламъ Канцеляріи, и кто-либо изъ бывшихъ при немъ министровъ докладывалъ ему, и Петръ, какъ и во время «слушанія» въ самой Канцеляріи, такъ и тутъ, стремился войти, гдѣ находилъ нужнымъ, поглубже въ дѣло, давая разныя мелкія указанія по слѣдствію; однако иногда, расширяя указанія, Петръ повелѣвалъ министрамъ «чинить по разсмотрѣнію». Между тѣмъ являлись резолюціи, чтобы дѣла рѣшать по уложенію; это, помимо сепаратныхъ объ этомъ указовъ, стало входить въ общую практику, въ принципъ дѣйствованія Тайной Канцеляріи. Не отраженіе-ли этого имѣемъ мы въ такомъ малозначительномъ собственно фактѣ: въ 1718, 1719 и 1720 годахъ Толстой, Ушаковъ, Бутурлинъ и Скорняковъ-Писаревъ звались исключительно «министрами» Канцеляріи; въ началѣ-же 20-хъ годовъ это названіе исчезаетъ, и Толстой съ товарищами уже опредѣленно и часто именуются «судьями» Тайной Канцеляріи; если въ первое время они были дѣйствительно только управлявшими Тайной Канцеляріей, властью административною—а таково для того времени вѣроятное значеніе слова «министры»,—то къ 1725 году они дѣйствительно стали властью судебною, т. е. «судьями», такъ какъ имъ самимъ была постепенно ввѣряема судебная власть, въ началѣ почти цѣликомъ бывшая въ рукахъ самого Петра. Однако, если этотъ процессъ безспорно начался, то онъ только начался, отнюдь не закончившись: мы видѣли, что въ послѣдніе годы своей жизни Петръ всетаки въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—и не особенно рѣдко,—лично входилъ по старому въ дѣла Канцеляріи.

[1]) Г. А., VII, № 69.

Такъ по мѣрѣ разростанія, въ силу многихъ совокупныхъ соображеній, делегированія Петромъ своей власти «министрамъ», они переходили въ «судей», а отсюда и вся Тайная Канцелярія измѣняла свой характеръ: выросши изъ личной канцеляріи при довѣренномъ человѣкѣ царя, въ дѣло которой постоянно и неуклонно входилъ самъ царь, въ этомъ направленіи перешедшее въ административное, непосредственно Петру подчиненное учрежденіе, понемногу Тайная Канцелярія начинала принимать характеръ судебнаго учрежденія, въ силу нѣкоторыхъ причинъ специализировавшагося на дѣлахъ по государственнымъ преступленіямъ. Такъ, взаимоотношенія Императора и Канцеляріи въ ихъ исторіи отразились на характерѣ Тайной Канцеляріи, какъ учрежденія.

Въ заключеніе этой главы я позволю себѣ обратить вниманіе на ту безусловную параллель, которая такъ сильна въ отношеніяхъ Императора къ Тайной Канцеляріи и къ тѣмъ изъ маіорскихъ канцелярій, которыхъ мы касались въ первой главѣ. Напримѣръ, относительно канцеляріи Дм.-Мамонова мы видѣли, что Петръ такъ-же бывалъ въ этой канцеляріи для слушанія дѣлъ; такъ-же иногда Мамоновъ и въ другихъ мѣстахъ докладывалъ Петру по дѣламъ канцеляріи; такъ-же Петръ слушалъ и распросныя рѣчи, и доносительные пункты; такъ-же въ это время давалъ указы, иногда устно, которые и записывались почти совершенно по такимъ-же формамъ, какъ это дѣлалось въ Тайной Канцеляріи; такъ-же Петръ входилъ иногда въ детали розыска, ему аккуратно докладывавшіяся, и дѣлалъ распоряженія о дальнѣйшемъ направленіи розыска: такъ-же иногда указы царя передавались, «объявлялись» другими лицами; наконецъ такъ-же Императору подносились докладныя выписки о дѣлахъ.

А въ канцеляріи Матюшкина мы видимъ и приговоры «по указу великаго государя», по формѣ своей тожественные приговорамъ по Тайной Канцеляріи; такъ-же дѣла въ Канцелярію передавались часто съ указами, иногда подробными, Петра черезъ Макарова; такъ-же Петръ дѣлалъ краткія собственноручныя резолюціи на представляемыхъ ему канцеляріями реестрахъ и докладныхъ выпискахъ о дѣлахъ. Словомъ, Петръ входилъ такъ-же часто и непосредственно и въ тѣхъ-же формахъ въ дѣла Тайной Канцеляріи, какъ это бывало по отношенію къ большинству (если не ко всѣмъ) маіорскимъ розыскнымъ канцеляріямъ. Все это какъ-будто еще разъ (и не послѣдній, какъ увидимъ) подчеркиваетъ и подтверждаетъ ту связь преемственности съ одной стороны и нѣкотораго тожества — съ другой, о которыхъ мы говорили во второй главѣ, между Тайной Канцеляріей и канцеляріями маіорскими розыскными.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Министры Тайной Канцеляріи.

I.

Мы видѣли въ третьей главѣ, что съ марта 1718 года, со второго розыска, когда дѣло царевича Алексѣя слѣдовалось уже въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, во главѣ слѣдствія стояли четыре лица, изъ которыхъ трое это слѣдствіе вели съ самаго его начала, — это были: Толстой, Ушаковъ и Скорняковъ-Писаревъ, — а четвертый «слѣдователь» — И. И. Бутурлинъ — былъ присоединенъ уже въ Петербургѣ указомъ Петра. Мы цитировали одну запись въ указной книгѣ Тайной Канцеляріи за 1718 г., гдѣ именно эти четыре лица названы «министрами» Тайной Канцеляріи. Слѣдя далѣе за дѣлами Канцеляріи, не трудно убѣдиться, что эти «министры» являлись главными начальствующими лицами Канцеляріи за весь Петровскій періодъ ея существованія. Достаточно сдѣлать въ краткихъ общихъ чертахъ обзоръ ихъ функцій, вскрывающихся изъ дѣлопроизводства Канцеляріи, дабы убѣдиться, что именно таково было ихъ положеніе въ Тайной Канцеляріи. Во-первыхъ, всѣ безъ исключенія, приговоры, опредѣленія, постановленія отъ имени Канцеляріи дѣлаемыя, подписаны или всѣми, или нѣкоторыми изъ этихъ четырехъ «министровъ», и болѣе никто, кромѣ нихъ, постановленій по Канцеляріи не дѣлалъ; во-вторыхъ, они, и только они, докладывали Петру дѣла по Канцеляріи, выслушивали его указы и за своими подписями записывали ихъ въ указныхъ книгахъ; въ-третьихъ, всѣ дѣла препровождались обычно на имя кого-либо изъ министровъ, и въ ихъ власти было принять дѣло, или не принять; въ-четвертыхъ, они являлись главными лицами при всемъ дѣлопроизводствѣ въ Канцеляріи: все зависѣло отъ нихъ, все разрѣшали и направляли

они, и только они; съ ними сносились всѣ дьяки Канцеляріи, имъ «репортуя» и у нихъ спрашивая «указовъ».

Такимъ образомъ, во главѣ Тайной Канцеляріи стояло четыре лица—Толстой, Ушаковъ, Бутурлинъ и Скорняковъ-Писаревъ,—непосредственно ею управлявшіе. Мы въ третьей главѣ уже разбирали, какимъ образомъ эти четыре «министра», каждый изъ нихъ въ отдѣльности, входили постепенно въ Тайную Канцелярію; ко времени-же окончательнаго образованія учрежденія (въ Петербургѣ, въ мартѣ 1718 г.) всѣ эти лица какъ бы сравнялись, ставъ во главѣ учрежденія и получивъ общее наименованіе: «министры Тайной Канцеляріи». Займемся болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ ихъ роли и дѣятельности во врученномъ имъ учрежденіи. Прежде всего остановимся на ихъ дѣятельности внутри самой Канцеляріи.

Какъ мы уже видѣли изъ письма Макарова къ Бутурлину и Толстому (см. предыдущую главу), «министры» должны были присутствовать въ Тайной Канцеляріи и докладывать царю, во время его въ ней пребыванія одинъ разъ въ недѣлю,—именно утрами по понедѣльникамъ; мы уже видѣли, что во время этихъ посѣщеній царемъ Канцеляріи министры должны были предлагать Петру «экстракты» по дѣламъ для резолюцій, при чемъ обычно о каждомъ дѣлѣ, кромѣ краткой резолюціи, видимо, еще бывали дополнительные указы, дававшіеся во время разговора; указы эти, точнѣе указанія, министры должны были точно усваивать, дабы имѣть возможность «по сему чинить». Мы видѣли, что Петръ иногда самъ присутствовалъ при розыскахъ и допросахъ, и, значитъ, министры, тоже присутствуя, распоряжались всѣмъ, какъ посвященные въ детали дѣла докладчики царя. Но министры присутствовали часто въ Тайной Канцеляріи уже въ роли ея управляющихъ, дѣлая распоряженія, подписывая опредѣленія и приговоры. Съ тѣхъ поръ, какъ (въ 1724 г.) была заведена запись всего происходящаго въ Тайной Канцеляріи, въ видѣ книги «протоколовъ», мы имѣемъ возможность точно знать по записямъ, что, напримѣръ, «того-жъ числа въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ былъ генералъ-маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ господинъ Ушаковъ, а въ бытность его опредѣлено» [1]....; или: «въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ были: господинъ тайный дѣйствительный совѣтникъ кавалеръ и отъ лейбъ-

[1]) Г. А., VII, № 6 («протоколъ» за 1724 г. л. 1 об.).

гвардіи капитанъ его сіятельство графъ Толстой, господинъ генералъ-маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ Ушаковъ, а въ присутствіи ихъ учинено» [1]...; но если, только съ 1724 года стали болѣе или менѣе правильно записываться ихъ посѣщенія, то изъ этого не слѣдуетъ, что этихъ посѣщеній ранѣе не бывало; свѣдѣнія объ нихъ мы находимъ въ дѣлахъ за все время существованія Канцеляріи въ Петровское царствованіе, какъ сейчасъ убѣдимся; и въ 1719, и въ 1720, и 1721, и въ 1722, и 1723 годахъ,—отъ всего этого времени, имѣются, хотя и отрывочныя, но точныя извѣстія о такихъ «присутствованіяхъ» министровъ въ Тайной Канцеляріи. При разсмотрѣніи этихъ извѣстій явится для насъ возможность болѣе или менѣе выяснить, чѣмъ занято было при этомъ время министровъ.

Въ 1719 г. архимандритъ Александро-Невскаго монастыря присылаетъ для слѣдованія въ Тайную Канцелярію одного монаха, сказавшаго за собой «слово и дѣло». Когда оговоренныя этимъ монахомъ лица были сысканы и доставлены въ Тайную Канцелярію, то архимандритъ этотъ былъ «спрашиванъ» «передъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ и отъ л.-гв. капитаномъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ» [2]); и потомъ еще неоднократно есть указанія въ этомъ дѣлѣ, что допросы шли иногда «передъ» всѣми, иногда передъ нѣкоторыми только министрами. Въ томъ-же году точно также допросы по другому дѣлу,—о человѣкѣ, сказавшемъ, что государю не долго жить,—велись въ присутствіи, «передъ» всѣми четырьмя министрами [3]). 1-го ноября 1720 года раскольщикъ Семеновъ въ Тайной Канцеляріи, «въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ», «о вѣрѣ въ подтвержденіе распрашиванъ» передъ П. А. Толстымъ [4]). Въ слѣдующемъ 1721 году 27-го ноября «въ Канцелярію Тайныхъ Дѣлъ во время съѣзду Его Превосходительства тайнаго совѣтника, кавалера и гвардіи капитана Петра Андреевича Толстого, да генерала маэора и гвардіи маэора Андрея Ивановича Ушакова, полковника и гвардіи маэора Григ. Григ. Скорнякова-Писарева, баба Акулина Григорьева дочь была привожена для распросу паки и увѣщанья, чтобы она по совѣсти себя въ

[1]) Г. А., VII, № 6 («протоколъ» за 1725 г. л. 60 об. См. ibidem, л. 12 об.).
[2]) Г. А., VII, № 54 (л. 7 об.).
[3]) Г. А., VII, № 43 (л. 5).
[4]) Г. А., VII, № 65 (л. 246).

томъ признала» [1]). Въ 1722 году «октября 18-го дня въ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ передъ генераломъ-маэоромъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ.... бывшій попъ Семенъ Іосифовъ обявилъ: имѣетъ де онъ».... и т. д. [2]).

Въ 1724 году «августа въ 27-й день въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ при присутствіи тайнаго дѣйствительнаго совѣтника сенатора и отъ л.-гв. капитана, превосходительнаго господина графа Толстого, генерала маэора и отъ л.-гв. маэора господина Ушакова бабамъ... въ спорныхъ межъ ими словахъ дана очная ставка» [3]); и «1725 года апрѣля въ 19 день въ Тайную Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярію при присутствіи ихъ сіятельства и превосходительства господъ министровъ ростригa Степанъ Выморковъ, во время слушанья изъ дѣла объ немъ обстоятельной выписки, взять во оную Канцелярію и со увѣщаніемъ спрашиванъ.... и онъ Степанъ сказалъ» [4]).... Не надо упускать изъ виду, что мы имѣемъ много «приговоровъ» и «опредѣленій» Тайной Канцеляріи за подписями самаго разнаго числа министровъ (отъ всѣхъ—до одного) и относящихся къ разному времени, гдѣ попадается постоянно фраза: «слушавъ сего доношенія» или «слушавъ сей выписки», министры опредѣлили или приговорили; а это «слушаніе», надо полагать, почти всегда происходило въ Тайной Канцеляріи. Мы даже имѣемъ извѣстіе, что Ушаковъ ночевалъ иногда въ помѣщеніи Канцеляріи [5]).

Всѣ вышеприводимыя данныя даютъ возможность достаточно полно уяснить себѣ предметы занятій министровъ Тайной Канцеляріи при ихъ «присутствованіяхъ». Такъ, главнымъ предметомъ занятій министровъ былъ допросъ свидѣтелей и постановленіе приговоровъ обвиняемымъ; допросы бывали съ увѣщаніемъ и, можно думать, съ пытками. Съ допросами иногда было сопряжено чтеніе министрамъ выписокъ изъ дѣла; видимо, болѣе серьезныя показанія обвиняемыхъ предъ произнесеніемъ приговора выслушивались отъ самихъ обвиняемыхъ «въ подтвержденіе»; при допросахъ дѣлались, очевидно, и очныя ставки колодникамъ, если ихъ находили нужными.

---

[1]) Г. А., VII, № 103 (л. 44).
[2]) Г. А., VII, № 121 (л. 7).
[3]) Г. А., VII, № 173 (л. 14).
[4]) Г. А., VII, № 198 (л. 139).
[5]) Г. А., VII, № 6 («протоколъ» 1724 г. л. 102).

Все это, сколько можно судить, и было главнымъ предметомъ занятій министровъ, но этимъ не все исчерпывалось; есть указаніе, какъ мы видѣли, что иногда приходили колодники Канцеляріи (т. е. точнѣе ихъ приводили по ихъ требованію), и они «объявляли» присутствующимъ министрамъ важный новый доносъ, или какое-либо важное дополненіе къ уже сдѣланнымъ признаніямъ.—Кромѣ того, иногда занимались министры и разборкой наиболѣе важныхъ поступавшихъ бумагъ, при чемъ клали свои резолюціи о дальнѣйшемъ ихъ направленіи; по крайней мѣрѣ, относительно Ушакова мы имѣемъ точное объ этомъ извѣстіе [1]). Конечно, массу разныхъ болѣе мелкихъ дѣлъ дьяки и подъячіе предлагали тутъ-же на разрѣшеніе министровъ; до насъ дошла цѣлая тетрадь подъ заглавіемъ «Записка приказамъ Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого»; всѣ его мелкіе приказы (о содержаніи колодниковъ, объ отпускѣ бумагъ и проч.) здѣсь распредѣлены по числамъ и годамъ.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность министровъ при ихъ присутствованіи въ Тайной Канцеляріи. И дѣятельность эта совершенно не зависитъ отъ количества присутствующихъ министровъ; сколько-бы ихъ ни было, и одинъ какъ и двое, какъ и всѣ,— видимо, имѣютъ формально одинаковую власть и занимаются всѣмъ нами вышеизложеннымъ при своемъ «присутствованіи» въ Канцеляріи. Получается впечатлѣніе, что всѣ министры такъ-же полномочны въ дѣлахъ и ихъ производятъ, какъ и одинъ; и это не только при «присутствованіяхъ», но и вообще при управленіи дѣлами Канцеляріи. Мы встрѣчаемъ случаи, когда одинъ министръ начинаетъ дѣло, другой его продолжаетъ; когда два министра по одному и тому-же дѣлу, въ разныхъ его стадіяхъ, шлютъ свои указы дьякамъ, которые одинаково исполняютъ приказанія обоихъ. Немного ниже, впрочемъ, мы увидимъ, что это впечатлѣніе вѣрно только съ чисто формальной стороны. Есть всетаки значительная разница между положеніемъ министровъ и въ отношеніи ихъ другъ къ другу; однако, какъ увидимъ, это—разница во вліяніи, а не въ размѣрахъ власти, какъ-либо установленныхъ какими-нибудь нормами.

Въ 1719 году по одному дѣлу о ложномъ сказываніи «слова и дѣла» опредѣленіе учинено за подписью одного Бутур-

---

[1]) Г. А., VII, № 127 (напр., л. 16).

лина, и все дѣло, очевидно, велось только при немъ [1]); въ томъ-же году слѣдовалось большое дѣло о доносѣ одного монаха на другого въ «непристойныхъ словахъ», и многочисленныя по нему опредѣленія подписывали разные министры въ разномъ составѣ; опредѣленіе о выдачѣ награды за правый доносъ подписалъ одинъ Толстой [2]). Въ 1722 г. одно дѣло (о «словѣ и дѣлѣ») все цѣликомъ ведетъ одинъ Ушаковъ, онъ одинъ подписываетъ и «опредѣленія» по нему [3]). Въ 1722-же году имѣется дѣло, тоже веденное цѣликомъ исключительно Гр. Гр. Скорняковымъ-Писаревымъ [4]). Въ слѣдующемъ, 1723, году одинъ приговоръ,—о нещадномъ битьѣ кнутомъ за ложный доносъ,—подписалъ единолично Толстой [5]); въ 1722 году одинъ колодникъ по «слову и дѣлу» былъ держанъ въ Тайной Канцеляріи, при чемъ въ началѣ дѣла «опредѣленія» подписывалъ единолично Скорняковъ-Писаревъ, а въ концѣ дѣло ведетъ Толстой, и уже одинъ онъ подписываетъ приговоры указы [6]). Еще также рельефно обнаруживается эта практика передачи однимъ министромъ начатаго дѣла другому въ одномъ дѣлѣ отъ 1722 года, начатомъ при опредѣленіяхъ одного Скорнякова Писарева, а конченномъ уже по опредѣленіямъ и приговору П. Толстого [7]). Едва-ли можно тутъ говорить о какихъ-либо различіяхъ въ сортѣ, такъ сказать, дѣла, сообразно чему изъ дѣлъ выдѣлялись-бы только нѣкоторыя, возможныя къ единоличному рѣшенію одного изъ министровъ; никакихъ слѣдовъ этого подмѣтить не удалось, что заставило склониться къ предположенію о выраженіи въ этой практикѣ только формальнаго равенства полномочій министровъ въ рѣшеніи дѣлъ Канцеляріи и отсутствія требованія коллегіальности при рѣшеніяхъ дѣлъ; далѣе встрѣтимъ намекъ на то, что эта коллегіальность понималась скорѣе потенціально и, пожалуй, иногда какъ необходимая при нѣкоторыхъ дѣлахъ, по особымъ какимъ-либо обстоятельствамъ. Бывало, какъ мы указывали, иногда такъ, что по одному и тому-же дѣлу присылали свои «ордеры» два министра, а дьяки точно исполняли ихъ. Въ имѣющемся у насъ примѣрѣ противорѣчій между этими «ордерами» различныхъ министровъ (Уша-

[1]) Г. А., VII, № 29 (карт. I, № II).
[2]) Г. А., VII, № 54 (л. 48).
[3]) Г. А., VII, № 72.
[4]) Г. А., VII, № 82.
[5]) Г. А., VII, № 167.
[6]) Г. А., VII, № 116.
[7]) Г. А., VII, № 82.

кова и Скорнякова-Писарева) не встрѣчается [1]), что вообще, вѣроятно, можетъ быть объяснено существованіемъ переписки министровъ между собой съ предварительнымъ обмѣномъ мнѣній, который, видимо, происходилъ довольно оживленно: письма министровъ другъ къ другу сохранились отрывочно во многихъ дѣлахъ Канцеляріи.

«Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ, писалъ, напримѣръ, Ушаковъ Толстому въ ноябрѣ 1722 г., о состояніи здѣшнемъ доношу: за помощію Вышняго все благополучно. Изъ Москвы отправилъ я двухъ курьеровъ до Вашего Превосходительства съ выписками по Левину дѣлу, и оные до Вашего Превосходительства прибыли-ль, о томъ я неизвѣстенъ и зѣло сомнѣваюсь, живы-ль они;... въ Канцеляріи здѣсь вновь важныхъ дѣлъ нѣтъ, а имѣются посредственныя... Только мнѣ зѣло мудрено Новгородское дѣло, ибо Акулина многовременно весьма больна... а дѣло дошло что надлежало было ее еще розыскивать, а для пользованія часто бываетъ у нея докторъ, а лекарь безпрестано. Колодниковъ имѣется по дѣламъ нынѣ 22 ч.» [2]). На это письмо Толстой отвѣчаетъ: «Государь мой Андрей Ивановичъ! письмо ваше, моего государя, отъ 20 сего января получилъ я вчерашняго числа въ цѣлости, за которое и за увѣдомленіе по ономъ благодарствую и симъ моимъ отвѣтствую. Сомнѣніемъ вашимъ, государь мой, по новгородскому дѣлу я весьма согласуюсь; и что распопа Игнатій при смерти скажетъ, на томъ можно утвердиться, и по тому его послѣднему допросу и бабамъ указъ учинить, чего будутъ достойны; и тѣмъ оное дѣло окончать» [3]). Очевидно, подобными письмами обмѣнивались и Скорняковъ-Писаревъ съ Ушаковымъ [4]). Конечно, обмѣнъ письмами происходилъ въ небытность кого-либо изъ корреспондентовъ въ Петербургѣ; но изъ этого можно заключать, что дѣла Канцеляріи, вѣроятно, всегда обсуждались предварительно министрами, и уже потомъ результаты такого обсужденія обращались въ офиціальные поступки, опредѣленія, приговоры, хотя бы и бывшіе за подписью только одного министра; однако, все-таки коллегіальности нормальной и правильной,—какъ мы ее теперь понимаемъ,—въ рѣшеніи дѣлъ Канцеляріи министрами, видимо, не существовало.

[1]) Г. А., VII № 29, карт. I (№ 29).
[2]) Г. А., VII, № 103. (л. 165).
[3]) Ibidem (л. 267—268).
[4]) См. Г. А., VII, № 139 (л. 11).

Кромѣ этой дѣятельности въ нѣдрахъ самой Канцеляріи, министры (какъ мы уже видѣли изъ 5-й главы) докладывали вообще вездѣ и всегда Императору по дѣламъ Канцеляріи, обычно извѣщая другъ друга о такихъ докладахъ. Пересылая Толстому выписки для доклада Петру по дѣламъ Канцеляріи, Бутурлинъ кончаетъ письмо: «и какой будетъ указъ, и о прочемъ, что чинить, прошу покорно Вашего Превосходительства ко мнѣ отписать» [1]). Что эти «отписыванія», самыя подробныя, имѣли мѣсто, вѣроятно, не рѣдко, образцы этому мы видѣли въ предыдущей главѣ, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ переписки, съ достаточной ясностью характеризующій, какъ подробно министры увѣдомляли другъ друга о докладахъ своихъ императору. Но не только царю дѣлали доклады министры; докладывали они, когда требовалось по дѣламъ Канцеляріи и сенату, роль котораго по отношенію къ Канцеляріи, какъ впослѣдствіи увидимъ, была ролью апелляціонной инстанціи.—Капралъ астраханскаго полка оклеветалъ офицеровъ этого полка въ томъ, что они стрѣляли въ портретъ Государя; послѣ произведеннаго по этому дѣлу Тайной Канцеляріей слѣдствія, «августа въ 27 число генералъ маэоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ по означенной выпискѣ докладывалъ правительствующему сенату, и правительствующій сенатъ, слушавъ вышеписанной выписки» [2])... и т. д. Скорняковъ-Писаревъ пишетъ Ушакову: «при семъ-же доношу, что по прежнимъ вашимъ ко мнѣ письмамъ и при оныхъ по предложеннымъ въ Сенатъ доношеніямъ изъ Володимира-рожественна монастыря о архимандритѣ Гедеонѣ, да о полъячемъ Поповѣ я предлагалъ, и они по онымъ доношеніямъ безъ Императорскаго Величества рѣшенія не учинили» [3]). Ко всѣмъ остальнымъ учрежденіямъ Имперіи Тайная Канцелярія посылала или указы, или промеморіи, а хотя въ Вышній Судъ и Синодъ писались «доношенія», однако никакой подчиненной зависимости не существовало, а потому только въ Сенатѣ и приходилось докладывать министрамъ Тайной Канцеляріи.

При отъѣздѣ «министровъ» изъ Петербурга и изъ Москвы ихъ дѣятельность по управленію Тайной Канцеляріей не прекращалась; въ такихъ случаяхъ дьяки Канцеляріи тщательно доносили имъ письмами обо всемъ въ Канцеляріи про-

[1]) Г. А., VII, № 111 (л. 16).
[2]) Г. А., VII, № 29 (карт. II, № XLI, л. 28).
[3]) Г. А., VII, № 139 (л. II).

исходящемъ; надо замѣтить, что такого рода переписка велась почти исключительно съ Толстымъ и Ушаковымъ, и чрезвычайно мало съ двумя другими министрами; къ объясненію этого преимущественнаго обращенія мы вернемся немного позднѣе. Въ одномъ дѣлѣ отъ 1721 года до насъ дошло изрядное количество писемъ министровъ къ Топилскому,—тогда секретарю канцеляріи,—со всевозможными распоряженіями о дѣлахъ канцеляріи (о пріемѣ новыхъ дѣлъ, какъ распрашивать колодниковъ, о чемъ вести допросы, какъ колодниковъ держать и проч.); все это были отвѣты на запросы, съ которыми секретарь постоянно въ длинныхъ письмахъ обращался къ министрамъ [1]). Дошелъ до насъ рядъ такихъ писемъ секретарей къ отсутствующимъ «министрамъ» Ушакову, Толстому и рѣдко Скорнякову-Писареву и отъ 1722 года; тутъ опять наглядно видно, какъ за каждой мелочью секретари обращались къ «министрамъ», обо всемъ прося «ордеровъ», а министры ставили даже приговоры на основаніи доставляемыхъ имъ отъ секретарей матеріаловъ; вотъ какъ, напримѣръ, Ушаковъ изъ Москвы въ 1722 году пишетъ Топилскому въ С.-Петербургъ: «Господинъ секретарь Топилской. Присланный изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ дому Василья Арчаковскаго женки Ирины Афанасьевой дочери, съ распросныхъ рѣчей и очныхъ ея ставокъ съ бабою Акулиною копій, слушавъ, мы опредѣлили изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ ее Ирину свободить до указу на росписку, для того спрашивана она Ирина противъ распросу Акулинина токмо въ одномъ свидѣтельствѣ, но такова свидѣтельства оная Ирина не показала и потому осталась въ показанныхъ словахъ оная Акулина съ Арчаковскою, а въ роспискѣ написать, какъ ее Ирину впредь спросять, и имъ роспищикомъ поставить ее немедленно. Слуга вашъ Ушаковъ Андрей. Февраля 23-го г. 722. Москва» [2]). А съ своей стороны секретари, въ данномъ случаѣ—Топилскій, пишутъ такія, напримѣръ, письма: «Превосходительный господинъ генералъ-маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ, милостивый государь мой Андрей Ивановичъ! Вашему превосходительству покорно доношу: по присланному ко мнѣ ордеру сего мая 22-го дня по извѣту камеръ-коллегіи вахмистра Максима Перова о словахъ князя Дмитрія Михайловича Голицина дворецкаго Михаила Подамукова я слѣдую въ чемъ явились нынѣ 5 человѣкъ, которыхъ я роспросилъ, а по тѣмъ

[1]) Г. А., VII, № 103.
[2]) Г. А., VII, № 126, л. 82.

распросамъ надлежитъ, сыскавъ, спросить разныхъ чиновъ людей еще 9 человѣкъ, и оныхъ, государь, я спрашивать буду, а разспроса, давъ имъ очныя ставки, что покажется, изъ того всего учиня выписку, вашему превосходительству донесу впредь. За рукою секретаря Ивана Топилскаго мая 24-го дня 1722 году» [1]); и цѣлымъ рядомъ писемъ, часто по болѣе даже мелкимъ поводамъ, министры и въ своемъ отсутствіи продолжали управлять Канцеляріей. Когда въ 1722 г. одинъ колодникъ Тайной Канцеляріи сказалъ за собой «слово и дѣло», Топилскій, допросивъ его, записалъ распросныя рѣчи и обо всемъ доноситъ письмомъ Ушакову, не считая себя въ правѣ дѣйствовать далѣе самостоятельно, прилагая выписку и требуя ордера «впредь о томъ что чинить» [2]).

Въ-томъ же году вахмистръ Петровъ и нѣкто Подалецкій дѣлаютъ доношеніе въ Канцелярію о важномъ дѣлѣ; допросивъ ихъ въ краткихъ чертахъ, въ чемъ дѣло, Топилскій объ этомъ доноситъ Толстому, говоря, что ничего не смѣетъ безъ его повелѣнія, на что Ушаковъ отвѣчаетъ письмомъ съ подробнымъ указаніемъ, какъ вести дѣло далѣе. Исполняя согласно даннымъ указаніямъ, Топилскій продолжаетъ обстоятельно доносить Ушакову [3]). Въ то-же время по другому дѣлу Топилскій, принявъ новое дѣло въ отсутствіе Ушакова и сообщая ему объ этомъ, пишетъ, что колодниковъ и бумаги о нихъ «въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ безъ повелѣнія Вашего Превосходительства принять не смѣю», а «принялъ я того ради, что по указу Его Императорскаго Величества... велѣно таковыхъ людей присылать въ Канцелярію Тайныхъ Дѣлъ» [4]); на это Ушаковъ приказываетъ письмомъ все дѣло «принять и изслѣдовать» [5]).—Всѣ вышеприводимыя данныя говорятъ съ достаточной опредѣленностью о томъ, насколько всегда и всюду министры Канцеляріи, путемъ письменныхъ сношеній, управляли дѣлами ввѣренной имъ Канцеляріи.

Въ такихъ общихъ чертахъ обрисовывается передъ нами дѣятельность министровъ Тайной Канцеляріи. Попавшіе въ Канцелярію еще въ періодъ ея образованія, довѣренные люди Петра, они въ начальный періодъ исторіи Канцеляріи являлись, видимо,

[1]) Г. А., VII, № 126 (л. 13).
[2]) Г. А., VII, № 79, л. 138.
[3]) Г. А., VII, № 126
[4]) Г. А., II, № 124 (л. 2 и 3).
[5]) Ibidem.

тѣми особенно приближенными отъ гвардіи офицерами, которымъ Петръ поручалъ, въ большей или меньшей степени, розыскъ по царевичеву и къ нему примыкающимъ дѣламъ. Когда сгруппированные у одного дѣла эти штабъ и оберъ-офицеры для розыскныхъ дѣлъ вошли уже въ сформировавшееся учрежденіе «Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ», тамъ они стали носить названіе «министровъ», и стали во главѣ управленія дѣлами канцеляріи. Мы видѣли въ третьей главѣ, что всѣ эти штабъ-офицеры собрались, сгруппировались въ канцелярія вокругъ наиболѣе вліятельнаго изъ нихъ и наиболѣе принимавшаго участіе въ розыскѣ, именно П. А. Толстого. Мы видѣли во второй главѣ, какъ образовывались маіорскія розыскныя канцеляріи, какъ группировались во главѣ каждой канцеляріи нѣсколько управлявшихъ ею отъ гвардіи офицеровъ, какъ дѣлами ея управляли почти на равныхъ основаніяхъ и другіе въ этой канцеляріи присутствующіе офицеры-ассессоры, а иногда эти послѣдніе даже самостоятельно докладывали Петру; однако несомнѣнный пріоритетъ, болѣе или менѣе ясно выраженный, все-таки всегда оставался за главой канцеляріи, чему еще способствовалъ сравнительно низкій чинъ и обычно меньшая приближенность къ царю ассессоровъ канцелярій. Мы уже имѣли случай говорить, что это обстоятельство въ Тайной Канцеляріи, въ виду особливости дѣла ей порученнаго, являлось нѣсколько отличнымъ: прибавленные къ Толстому для царевичева розыска отъ гвардіи офицеры по своимъ рангамъ и приближенію къ Петру различались между собой несравненно менѣе обычнаго, что, конечно, объяснялось желаніемъ Петра для такого дѣла подобрать въ число слѣдователей особо довѣренныхъ, близкихъ ему лицъ. Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: если это такъ, то, можетъ быть, хотя въ самой отдаленной основѣ Тайной Канцеляріи и лежитъ канцелярія вѣдѣнія П. А. Толстого, но въ виду особенности дѣла, потребовавшаго особенныхъ слѣдователей, отношенія между министрами, а черезъ это и все въ Тайной Канцеляріи, устанавливается такъ, что она тутъ-же, почти немедленно, теряетъ весь характеръ, лежащей въ ея основѣ «канцеляріи вѣдѣнія» и на первыхъ-же порахъ образуетъ учрежденіе, отъ этихъ канцелярій слишкомъ отличное? Такого рода вполнѣ законное сомнѣніе заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на роли «министровъ», каждаго въ отдѣльности, въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, а это

разсмотрѣніе, какъ съ одной стороны, позволитъ намъ еще глубже присмотрѣться къ внутреннему строю Канцеляріи, такъ въ особенности, съ другой стороны, дастъ возможность болѣе или менѣе разрѣшить возникшее сомнѣніе, касающееся самаго существа Тайной Канцеляріи. Я позволю себѣ не только говорить далѣе о роли каждаго министра въ дѣлахъ канцеляріи, но и попытаться нѣкоторыми біографическими данными о министрахъ болѣе широко подойти къ интересующему насъ вопросу. Начнемъ съ Петра Андреевича Толстого.

II.

Свѣдѣній о первой половинѣ жизни Петра Андреевича Толстого сохранилось очень мало. Онъ былъ сынъ стольника, а затѣмъ думнаго дворянина Андрея Васильевича Толстого; «по отечеству» и Петръ Андреевичъ получилъ чинъ стольника. Будучи связанъ родственными отношеніями съ Милославскими, Толстой принималъ участіе въ организаціи стрѣлецкаго бунта, доставившаго власть Софьѣ. И уже тогда онъ обращалъ на себя вниманіе: Матвѣевъ говоритъ объ Иванѣ и Петрѣ Андреевыхъ дѣтяхъ Толстыхъ, «въ умѣ зѣло острыхъ и великаго пронырства и мрачнаго зла втайнѣ исполненныхъ». Послѣ смерти Милославскаго, въ 1685 году, Толстой отдалился отъ сторонниковъ царевны Софьи. Въ 1693 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Устюгъ, а въ январѣ 1697 года былъ отправленъ за границу учиться вмѣстѣ съ другими стольниками, гдѣ,— именно въ Италіи,—обучаясь мореходству, пробылъ около двухъ лѣтъ. По прибытіи въ Россію, почти три года былъ не у дѣлъ; но въ 1701 году Петръ его назначилъ посланникомъ въ Константинополь. При началѣ войны съ Россіей въ 1710 г. турки посадили Толстого въ семибашенный замокъ, гдѣ онъ съ большими лишеніями провелъ почти полтора года до заключенія мира въ апрѣлѣ 1712 г. По усиленной его просьбѣ Петръ немедленно вернулъ Толстого въ Россію, куда онъ и пріѣхалъ въ 1714 году, а съ 1715 г. сталъ зваться «министромъ тайнаго чужестранныхъ дѣлъ коллегія» и принимать большое участіе въ русской дипломатіи тѣхъ лѣтъ. 1 іюля 1717 года Толстой получаетъ отъ Петра порученіе розыскать и вернуть въ Россію бѣжавшаго царевича Алексѣя; это порученіе было исполнено, несмотря на его трудность, и чинъ «дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», и

деревни на придачу явились ему за это наградой.—Затѣмъ Толстой становится во главѣ Тайной Канцеляріи, дѣлается президентомъ Коммерцъ-Коллегіи и остается до конца царствованія Петра однимъ изъ вліятельнѣйшихъ приближенныхъ царя. 8 мая 1724 г. Петръ жалуетъ ему графскій титулъ собственноручной запиской. Пользовавшійся сначала большимъ вліяніемъ при Екатеринѣ I, Толстой былъ въ концѣ ея царствованія свергнутъ Меншиковымъ и умеръ въ изгнаніи въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1729 г. Таковы краткія біографическія черты перваго министра Тайной Канцеляріи [1]). Воспитанный при дворѣ, въ атмосферѣ интригъ и заговоровъ, проведя тамъ первые годы службы и отнюдь небезстрастнымъ только свидѣтелемъ событій, Толстой затѣмъ попадаетъ въ ряды провинціальной администраціи Московской Руси, откуда на нѣсколько лѣтъ уѣзжаетъ и живетъ за границею, гдѣ, видимо, много и внимательно наблюдаетъ все его окружавшее; потомъ живетъ 12 лѣтъ въ Турціи и, по пріѣздѣ въ Россію, получаетъ долгій, хорошій дипломатическій опытъ; затѣмъ исполняетъ важное, но щекотливое порученіе въ области сыска и наконецъ становится во главѣ центральнаго учрежденія, вѣдавшаго русскую «коммерцію». Таковъ разносторонній опытъ, которымъ жизнь наградила Толстого. И въ результатѣ соединенія этого опыта съ большимъ умомъ и прирожденными способностями вышелъ замѣтный въ Тогдашней Россіи человѣкъ. Петръ Великій сказалъ разъ про Толстого: «голова, голова, кабы ты не была такъ умна, я давно бы отрубить тебя велѣлъ». Иностранцы его считали «le plus éloquent, le plus fourbe et le moins scrupuleux de toute la Russie». Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ говоритъ про Толстого, что «это человѣкъ привѣтливый, пріятный, хорошо говоритъ по итальянски»; французскій посланникъ Кампердонъ писалъ про Толстого: «это человѣкъ ловкій, способный, опытный... это умнѣйшая голова въ Россіи; не домогаясь никакого преимущества передъ своими товарищами, онъ умѣетъ со всей ловкостью хитраго политика соединять ихъ на все, о чемъ тайно соглашается съ императрицею». Сейчасъ же послѣ смерти Толстого его біографію написали французскій консулъ Вьярдо и датскій посланникъ Вестфаленъ, а англійскій посолъ немед-

[1]) При изложеніи біографіи Толстого я позволилъ себѣ преимущественно воспользоваться статьей Н. П. Павлова-Сильванскаго: «Толстой, гр. П. А.», помѣщенномъ въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ.

ленно отправилъ копію съ записки Вестфалена къ своему двору [1]).

Вспомнимъ выше нами приведенную характеристику, данную Толстому Матвѣевымъ, и станетъ яснымъ, что современники единогласно считали Толстого очень незауряднымъ человѣкомъ. Однако народная молва полагала именно его виновникомъ преждевременной смерти царевича Алексѣя, и есть возможность предполагать, что Толстой, будучи въ Константинополѣ, не задумался путемъ отравленія устранить съ своей дороги дьяка, который могъ-бы ему повредить. Кромѣ того, въ поведеніи Толстого по отношенію къ царевичу Алексѣю, когда онъ его выманивалъ изъ-за границы, не трудно видѣть стремленіе ложью и интригами запугать и сбить съ толку слабаго царевича; Толстой тутъ средствами не стѣснялся.

Если въ позднѣйшемъ представленіи потомковъ краски сгустились, и въ образъ Петра Андреевича Толстого была вложена нѣсколько романтическая подкладка: онъ былъ возведенъ въ рангъ «злодѣя» и при томъ пропитаннаго коварствомъ,—то едва-ли представляется всетаки возможнымъ отрицать, что въ фигурѣ Толстого очень ярко и выпукло выступаетъ его тонкая, привѣтливая, ловкая хитрость, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся при достиженіи намѣченныхъ цѣлей, тѣсно связанныхъ съ личными выгодами и расчетами. Былъ-ли Толстой жестокъ? едвали; скорѣе онъ былъ равнодушенъ къ жестокости; но если надо было быть жестокимъ для достиженія чего-либо, конечно, Толстой предъ этимъ отнюдь не останавливался и дѣйствовалъ.

Такова фигура этого министра «Тайной Канцеляріи», фигура, во всякомъ случаѣ, крупная. Вотъ каковъ былъ человѣкъ, ставшій во главѣ царевичева розыска и, какъ увидимъ, стоявшій также во главѣ Тайной Канцеляріи.

Едва-ли можно полагать безразличнымъ, кто именно стоялъ во главѣ учрежденія въ данномъ случаѣ; нельзя забывать, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ *личнымъ* порученіемъ, что выполненіе его, болѣе или менѣе удачное, поведетъ къ той или иной судьбѣ даннаго лица, а значитъ и того *личнаго* пока учрежденія, которое при немъ находится; мы должны имѣть въ виду, что *пока* это личное установленіе, сформировываясь,

[1]) Цитирую всѣ эти отрывки изъ вышеупомянутой статьи Н. П. Павлова-Сильванскаго.

развиваваясь и укрѣпляясь, переходитъ постепенно въ дѣйствительное, безличное какъ-бы государственное учрежденіе, что въ этотъ первый предварительный періодъ, занимающій не малый промежутокъ времени, личности, стоящія во главѣ установленія, ихъ недостатки и достоинства играютъ выдающуюся роль въ исторіи установленія; качества стоящихъ во главѣ людей могутъ прямо обусловить собой всю дальнѣйшую эволюцію этого именно установленія. Все это имѣя въ виду, немаловажнымъ становится знать, что были за люди, ставшія во главѣ Тайной Канцеляріи.

Есть рядъ указаній, что Петръ Толстой все время сохранялъ преобладающее вліяніе въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи. Мы видѣли уже, какое участіе наравнѣ съ другими «министрами» принималъ и Толстой въ дѣлахъ Канцеляріи; позволимъ себѣ въ дополненіе къ этому, чтобы еще болѣе показать, сколь мелочно и внимательно входилъ Толстой въ мелкія даже дѣла, привести цѣликомъ чрезвычайно характерное въ этомъ отношеніи письмо его къ дьяку Палехину, который, по переводѣ своемъ обратно въ Москву, постоянно исполнялъ тамъ разныя дѣла, ему поручаемыя Тайной Канцеляріей изъ Петербурга.—«Господинъ дьякъ Палѣхинъ,—пишетъ Толстой,—письма твои, отпущенныя изъ Москвы минувшаго февраля отъ 22, а именно: первое—о сыскѣ вдовы Акулины Григорьевой дочери, второе—о Федорѣ Горшкѣ; третье—о бывшемъ Пищеговской пустыни игуменѣ Симонѣ; четвертое—о подметныхъ письмахъ, которыя сожжены въ Володимірѣ; пятое—о высылкѣ Постельникова; шестое—о раскольщицахъ, кликушахъ и о Мещерскомъ; да отъ 24 дня того-же февраля о сыску помянутой-же вдовы Акулины письмо и дубликатъ, два письма о Федорѣ Горшкѣ изъ его распросу—получены сего марта 1 дня; и по полученіи сего Ивану Нарышкину и женѣ его объяви государевъ указъ, чтобъ они были въ Москвѣ изъ дому своего неотлучно до указу, а людей ихъ, которые въ домѣ при нихъ есть, въ деревни не посылали-бъ, а которые ихъ люди про бабу Акулину поручику Заозеркину сказывали, также и другихъ всѣхъ ихъ Нарышкиныхъ людей въ канцелярію подъ караулъ забери, и распроси ихъ о той бабѣ накрѣпко въ застѣнкѣ порознь, объявя имъ съ великимъ пристрастіемъ указъ; ежели кто покажетъ о ней ко отысканію, тотъ награжденъ будетъ, а кто прикроетъ, а о томъ сыщется что вѣдали, тому смерть безъ всякаго милосердія и пощады; и, какъ возможно, со всякимъ усерднымъ тщаніемъ

отыскивай немедленно; и буде къ сыску той бабы слѣду не будетъ, то Ивану Нарышкину и женѣ его объяви, ежели они вскорѣ не сыщутъ той Акулины Григорьевой дочери, взяты будутъ сюда; а людей Нарышкина, кои ее не знаютъ и не важно изъ ихъ распросовъ покажется, тѣхъ свободи, и о полученіи сего и что станетъ чиниться, о томъ почаще къ намъ пиши неукосня, дабы было безъ сомнѣнія въ полученіи писемъ; а задержанную бабу Акулину Иванову дочь изъ-за караула свободи; а по распросу Федора Горшка о присылкѣ къ тебѣ изъ Казани подлиннаго всего дѣла писали мы въ Казань къ губернатору господину Салтыкову, и какъ ты оное дѣло получишь, разсмотри его и учини выписки, подлинную и перечневую, и къ намъ пришли неумедля; а Начаткина человѣка Крюкова сыскивать и по сыску распрашивать. Петръ Толстой.

3 д. Марта 1721 году изъ Санктъ-Петербурга.

Для Бога потрудись, что бабу Акулину конечно сыскать и не слабовато поступать» [1]).

Итакъ Толстой работалъ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи какъ-бы наравнѣ и не менѣе другихъ министровъ, и родъ его дѣятельности въ общемъ не отличался отъ дѣятельности другихъ министровъ. Однако, мы имѣемъ опредѣленныя данныя, указывающія на то, что Толстой занималъ нѣсколько особое положеніе въ средѣ министровъ Канцеляріи. Въ одномъ письмѣ Толстого отъ 1721 года говорится: «и какъ мнѣніемъ въ Тайной Канцеляріи опредѣлено, тому мнѣнію и Его Превосходительство свое мнѣніе согласуетъ» [2]).

Въ 1723 г. имѣемъ такое опредѣленіе Канцеляріи: «1723 г. февраля въ 6 день по указу Его Императорскаго Величества Канцелярія Тайныхъ дѣлъ, слушавъ сего дѣла и выписки, опредѣлила»... и т. д., а въ концѣ, послѣ приговора: «и сего опредѣленія писать въ Москву къ Его Превосходительству Петру Андреевичу Толстому. Ушаковъ Андрей» [3]). Въ концѣ другого опредѣленія, тоже состоявшагося за подписью Ушакова, имѣется такой конецъ: «однакожъ о томъ требовать совѣту отъ господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника кавалера Толстого, и о томъ къ нему писать. 17 генваря 1724 году» [4]). Въ 1723 году имѣемъ слѣдующее «опредѣленіе»: «1723 г. Ап-

[1]) Г. А., VII, № 92 (л. 38).
[2]) Г. А., VII, № 8.
[3]) Г. А., VII, № 80 (л. 340).
[4]) Г. А., VII, № 103 (л. 264).

рѣля въ 4 тайный дѣйствительный совѣтникъ кавалеръ и отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой по прибытіи своемъ изъ Москвы о дѣлахъ и о колодникахъ, имѣющихся въ Тайной Канцеляріи слушавъ экстракта, и по вышеописанному дѣлу о скверныхъ сумазбродныхъ словахъ Нарвскаго пѣхотнаго полку солдата Евстрата Черкаского, учиненной тогожъ полку Ефрейтора Засыпкина записки учинилъ согласное мнѣніе, по опредѣленію Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ 22 д. генваря сего 723 году: онаго Черкасаго послать въ Каменной монастырь съ нарочнымъ и велѣть его тамо содержать скованна неисходно изъ монастыря за присмотромъ, а помянутую записку Засыпкина сжечь, а прочее все да будетъ для вѣдома въ канцеляріи. Петръ Толстой» [1]). Въ маѣ 1721 года, посылая о дѣлахъ канцеляріи Толстому экстракты, Бутурлинъ между прочимъ пишетъ объ одномъ дѣлѣ: «а наше мнѣніе, чтобы то Курзанцева доношеніе за объявленіемъ ему смертной казни весьма надлежитъ»... и т. д. идетъ изложеніе мнѣнія, а въ концѣ тотчасъ за окончаніемъ «мнѣнія» объ этомъ Курзанцевскомъ доношеніи слѣдуетъ вопросъ: «и по тому доношенію что чинить»? Такимъ образомъ одинъ изъ министровъ Тайной Канцеляріи не рѣшается привести въ исполненіе своего мнѣнія, не испросивъ на него санкціи Толстого [2]). Въ 1723 году Ушаковъ посылаетъ Толстому экстракты по Тайной Канцеляріи при слѣдующемъ короткомъ письмѣ: «Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! До вашего превосходительства предлагаю при семъ по Тайной Канцеляріи о нерѣшимыхъ дѣлахъ экстрактъ. А какіе и о чемъ, тому значитъ при семъ реестръ, по которымъ требую резолюціи, что̀ чинить; и такъ остаюсь Вашего превосходительства рабъ Ушаковъ Андрей» [3]). Когда же на вышепомянутое письмо Бутурлина, по поводу Курзанцева, Толстой отвѣтилъ «согласнымъ» мнѣніемъ: «какъ вы изволили свое мнѣніе объявить,... тому вашему мнѣнію и я согласуюсь» [4]),—то ему Бутурлинъ писалъ, что въ своемъ письмѣ Толстой благоразумно изволилъ объявить мотивировку своего согласія на мнѣніе Бутурлина, «*токмо мнѣ*, прибавляетъ Бутурлинъ, *о томъ вашему превосходительству*

[1]) Г. А., VII, № 142 (л. 71).
[2]) Г. А., VII, № 64 (л. 116).
[3]) Г. А., VII, № 8.
[4]) Г. А., VII, № 64 (л. 117).

не донести было нельзя» [1]). Въ 1721 году Ушаковъ пишетъ Толстому, что онъ видѣлъ его письмо Бутурлину и «усмотря ваше, государя моего, о дѣлахъ канцелярскихъ мнѣніе,—пишетъ далѣе Ушаковъ,—тою матерію, какъ въ письмѣ Ивана Ивановича предъявлено, исполнять будемъ» [2]). Необходимо имѣть въ виду, что при тщательномъ просмотрѣ дѣлъ Тайной Канцеляріи, абсолютно нигдѣ не удалось найти и слѣда подобнаго рода обращеній къ какому-либо другому министру Канцеляріи; только одного Толстого и спрашивали другіе министры, спрашивали его согласія всегда въ болѣе или менѣе важныхъ опредѣленіяхъ своихъ; а иногда выражая только свое мнѣніе, прямо ставили вопросъ, что чинить имъ въ данномъ случаѣ.

Съ другой стороны, нерѣдко и въ болѣе мелкихъ дѣлахъ Ушаковъ не рѣшался обходиться безъ согласія Толстого. Въ 1720 году Ушаковъ пишетъ Толстому о просьбѣ одного канцеляриста,—Гуляева—отпустить его въ отпускъ въ Казань; «того ради, пишетъ Ушаковъ, самъ государю моему доношу, повелишь-ли его Гуляева... отпустить» [3]). На это Толстой отвѣчаетъ Ушакову въ письмѣ про этого Гуляева: «изволите для докучной его просьбы по желанію его отпустить» [4]).

Всѣ вышеизложенныя нами данныя могутъ быть сведены въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: всѣ министры Тайной Канцеляріи при рѣшеніи дѣлъ,—болѣе или менѣе важныхъ,—считали себя часто обязанными доводить о своихъ мнѣніяхъ до свѣдѣнія Толстого, испрашивая, если не прямо санкціи, то «согласія» на приведеніе въ дѣйствіе ихъ «мнѣній»; Толстой принималъ это, какъ должное, и хотя въ очень осторожной, вѣжливой формѣ, но всегда отвѣчалъ на эти запросы опредѣленно, давая свою санкцію, что вовсе не дѣлалось какъ-бы частнымъ образомъ, а совершенно оффиціальнымъ порядкомъ заносилось въ книги Тайной Канцеляріи. Иногда даже министры ставили Толстому прямо вопросъ: «что чинить»? и даже по мелкимъ дѣламъ не всегда рѣшались дѣйствовать безъ его санкціи. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что и дьяки канцеляріи считали своимъ долгомъ увѣдомлять болѣе или менѣе о *всѣхъ* дѣлахъ канцеляріи *только* Толстого и Ушакова; однако, что касается

[1]) Г. А., VII, № 111 (л. 29).
[2]) Ibidem, (л. 36).
[3]) Г. А., VII, № 111 (л. 1).
[4]) Ibidem (л. 3).

до Ушакова, то мы уже видѣли его нѣсколько низшее положеніе по отношенію къ Толстому [1]).

Въ маѣ 1722 года Толстой дѣлаетъ секретарю Топилскому такое распоряженіе: «во отсутствіе мое въ походъ низовый по дѣламъ Тайной Канцеляріи, о чемъ надлежитъ, репортуй генераловъ мазоровъ и лейбъ-гвардіи мазоровъ Андрея Ивановича Ушакова, да Григорія Григорьевича Скорнякова-Писарева, а ко мнѣ писемъ уже не пиши» [2]).

Намъ думается, если постараться резюмировать въ одномъ выраженіи то положеніе среди министровъ, какое, видимо, занималъ Толстой, мы не очень ошибемся, назвавъ его «первоприсутствующимъ», а въ извѣстной мѣрѣ и главою Тайной Канцеляріи. Въ августѣ 1726 года состоялось опредѣленіе Тайной Канцеляріи о выдачѣ вознагражденія за одинъ правый доносъ; въ этомъ опредѣленіи, въ объясненіе задержанія выдачи этого награжденія, читаемъ: «означеннаго награжденія ему Комарову было не учинено для того: тайной розыскной канцеляріи членъ въ Санктпетербургѣ былъ одинъ, а *первенствующій* въ Москвѣ обрѣтался» [3]); подъ этимъ опредѣленіемъ подписались Толстой и Ушаковъ. Итакъ награжденія нельзя было учинять безъ первенствующаго, который отсутствовалъ; теперь этимъ опредѣленіемъ это награжденіе учиняется; слѣдовательно, въ опредѣленіи этомъ долженъ участвовать этотъ «первенствующій», т. е. это долженъ быть или Ушаковъ, или Толстой, подписавшіе, «учинившіе» данное опредѣленіе. Это не можетъ быть Ушаковъ, такъ какъ мы ранѣе видѣли его нѣсколько зависимое положеніе отъ Толстого; слѣдовательно, «первенствующимъ» министромъ Тайной Канцеляріи назывался Толстой. Если мы примемъ еще во вниманіе, что въ опредѣленіяхъ подпись Толстого стоитъ обычно первой (выше, или какъ-бы конкурируя съ подписью Бутурлина), то едва-ли останется сомнѣніе для заключенія, что роль Толстого, какъ министра, была отлична отъ роли другихъ министровъ: онъ былъ среди нихъ—«первенствующій». Всѣ только-что нами изложенныя данныя какъ будто прямо и согласно ведутъ къ вышеизложенному выводу; а этотъ выводъ, кромѣ всего прочаго, отвѣчаетъ на тотъ вопросъ, который былъ нами выше

[1]) См. напр., Г. А., VII, № 151 и № 29 (Карт. 1. № 2).
[2]) Г. А., VII, № 8, л. V.
[3]) Г. А. VII, № 173 (л. 12).

поставленъ: то нѣсколько исключительное положеніе, въ которое попала Канцелярія вѣдѣнія П. А. Толстого, отнюдь не измѣнило общаго положенія ею управляющихъ «министровъ»; во главѣ оставался все-таки тотъ, кто былъ и во главѣ канцеляріи «вѣдѣнія», а самостоятельность остальныхъ министровъ была немногимъ болѣе обычной самостоятельности ассессоровъ всѣхъ или многихъ канцелярій «вѣдѣнія»; вспомнимъ о канцеляріи князя Голицына и Матюшкина. Такимъ образомъ, если у «министровъ» сравнительно съ «ассессорами» и произошло нѣкоторое въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ измѣненіе, то качественно, по существу, строй Тайной Канцеляріи въ данномъ отношеніи воспринялъ въ себя цѣликомъ принципы, на которыхъ строились отношенія ассессоровъ въ канцеляріяхъ «вѣдѣнія». Тѣ-же количественныя отличія, о которыхъ мы только-что упомянули, состояли въ увеличеніи самостоятельности «министровъ» Тайной Канцеляріи сравнительно съ «ассессорами»; однако, мы видѣли во второй главѣ, какъ въ исторіи маіорскихъ канцелярій «ассессоры» изъ простыхъ помощниковъ главы канцеляріи обращались иногда въ самостоятельно управлявшихъ ею лицъ; т. е., видимо, была тенденція къ большему равноправію отдѣльныхъ членовъ коллегіи. Къ глубокому сожалѣнію, отъ дѣятельности маіорскихъ канцелярій не осталось никакихъ слѣдовъ переписки по дѣламъ канцелярій между ассессорами и главами учрежденій, что̀ позволило-бы намъ глубже заглянуть въ ихъ взаимоотношенія, какъ то мы могли сдѣлать по отношенію къ министрамъ Тайной Канцеляріи, довольно большіе отрывки переписки которыхъ сохранились въ дѣлахъ Канцеляріи.

Обратимся теперь къ Андрею Ивановичу Ушакову, роль котораго въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, какъ увидимъ, была наиболѣе значительна послѣ Толстого.

III.

Второй министръ Тайной Канцеляріи, Андрей Ивановичъ Ушаковъ или «отъ гвардіи маіоръ Ушаковъ Андрей», какъ онъ всегда подписывался, въ 1704 году вступилъ добровольцемъ-солдатомъ въ Преображенскій полкъ вмѣстѣ съ другими дворянами [1]). Въ 1707 и 1708 году уже въ чинѣ поручика

[1]) Г. А., К. П. кн. 5-я (по Устрялову· Ист. Петра В. т. VII, стр. 626—627).

мы встрѣчаемъ Ушакова на Украинѣ, гдѣ онъ исполняетъ порученія царя по Булавинскому бунту, а также по набору лошадей для войска; отъ этого уже времени до насъ дошелъ рядъ писемъ его къ Петру [1]). Въ 1714 году, по особому именному указу Петра, Ушаковъ посланъ въ Москву для розыска о пожарѣ, происшедшемъ въ Москвѣ на пушечномъ дворѣ, и еще о какой-то «бабѣ Лодыгиной» [2]). Въ томъ-же году Петръ даетъ Ушакову инструкцію провѣдать тайно въ Москвѣ: 1) о кражахъ по подрядамъ, 2) о воровствѣ въ военной канцеляріи, 3) о ратушныхъ дѣлахъ московскихъ, 4) объ утайкѣ крестьянскихъ дворовъ и 5) объ укрывающихся отъ службы [3]). Въ 1717 году, черезъ три года, Ушаковъ ѣдетъ по набору матросовъ и въ то-же время наблюдаетъ за постройкой кораблей въ Петербургѣ [4]); это наблюденіе тянется далѣе черезъ все царствованіе Петра [5]). Въ февралѣ 1718 года Ушаковъ исполняетъ порученіе о наборѣ разныхъ мастеровыхъ людей для С.-Петербурга, а также по набору рекрутовъ, и обо всемъ этомъ доноситъ письмами непосредственно самому царю [6]). Немного раньше, въ ноябрѣ 1717 года, Макаровъ писалъ Ушакову, бывшему тогда въ Москвѣ: «Государь мой Андрей Ивановичъ, письма ваши, моего государя, исправно я получилъ, и по онымъ, о чемъ надлежало, Его Царскому Величеству доносилъ, и, хотя изъ писемъ вашихъ и черезъ господина Плещеева, Вы еще описи въ Преображенскомъ Приказѣ не кончили»,... однако Петръ требуетъ скорѣйшаго его прибытія въ С.-Петербургъ [7]). Трудно сейчасъ понять, что за «опись Преображенскаго Приказу» дѣлалъ Ушаковъ; однако, въ декабрѣ того-же года (10 дек.) Макаровъ опять пишетъ въ Москву Ушакову приготовить Петру «хоромы» въ Преображенскомъ [8]).

Изъ этихъ извѣстій видно, что именно въ то время Ушаковъ былъ въ какомъ-то близкомъ отношеніи къ Преображенскому, и въ то-же время, по старому, близокъ къ царю. Въ теченіе всего этого времени, до конца царствованія Петра

[1]) Г. А., IX, № 1.
[2]) Г. А., К. П., кн. 58, л. 18.
[3]) См. Г. А., К. П. кн. 58, и Соловьевъ, IV, 180.
[4]) Г. А., IX, № 1 и Соловьевъ IV, 155.
[5]) Мат. по ист. рус. флота; ч. II, 379 и 719 стр.
[6]) Г. А., К. П. кн. 37, л. 497.
[7]) Г. А., IX, № 2, карт. I.
[8]) Г. А., IX, № 2, карт. I.

Ушаковъ завѣдуетъ корабельнымъ строеніемъ. Съ 1718 года онъ является однимъ изъ главныхъ министровъ Тайной Канцеляріи. Такъ отъ лейбъ-гвардіи маіоръ, невысокаго происхожденія, изъ солдатъ преображенцевъ становится близкимъ человѣкомъ императора, дѣятельнымъ, ловкимъ, способнымъ на всякія дѣла: и корабли строить, и розыски чинить. — Въ дальнѣйшей своей жизни, благополучно прошедши чрезъ всѣ Сциллы и Харибды во всѣ царствованія первой половины XVIII в., оказавшись всегда нужнымъ и почтеннымъ, Ушаковъ умираетъ въ чинахъ и чести въ 1747 году генералъ-адъютантомъ и графомъ.

Таковъ былъ обликъ второго министра Тайной Канцеляріи. Роль Ушакова въ Тайной Канцеляріи въ общемъ совпадала, конечно, съ общей ролью министровъ, которую мы пытались очертить въ началѣ этой главы; однако, при разсмотрѣніи дѣлъ Канцеляріи, нельзя не обратить вниманія на то, что болѣе всего распоряженій и вмѣшательства въ дѣла мы встрѣчаемъ со стороны Ушакова; болѣе всего именно онъ, видимо, распоряжался въ Канцеляріи; обо всѣхъ почти дѣлахъ доносили и писали дьяки и секретари именно ему да Толстому (по болѣе важнымъ дѣламъ), — иногда тожественными письмами, — испрашивая разнаго рода «ордеровъ». Только коегдѣ, очень рѣдко, параллельное явленіе наблюдается по отношенію къ Бутурлину и Скорнякову-Писареву; и если имѣется довольно много слѣдовъ переписки Толстого съ Ушаковымъ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, то только между этими двумя министрами мы и находимъ столь интенсивную корреспонденцію по дѣламъ Канцеляріи; письма другихъ двухъ министровъ, слѣды ихъ участія въ дѣлахъ имѣютъ исключительно спорадическій характеръ. Такимъ образомъ есть большое основаніе думать, что, дѣйствительно, ближайшимъ образомъ управляли дѣлами Канцеляріи собственно два «министра»: Толстой и Ушаковъ.

Какъ близко Ушаковъ входилъ въ дѣла Канцеляріи, можно видѣть изъ слѣдующаго письма, которое было написано Ушаковымъ секретарю Тайной Канцеляріи Топилскому; беремъ это письмо, какъ отлично характеризующее участіе Ушакова въ дѣлахъ Канцеляріи. — «Господинъ секретарь Топилскій! Сего февраля 27 дня на письма твои, отпущенныя изъ С.-Петербурга отъ 20 д. сего же мѣсяца, писалъ я къ тебѣ, чтобъ о колодникѣ бѣгломъ солдатѣ Коноваловѣ (на котораго по-

казалъ важныя рѣчи Корноуховъ) послать въ гарнизонъ промеморію, чтобъ его тамо содержать до указу за крѣпкимъ карауломъ, также и свидѣтелей, которые отъ Корноухова показаны, чтобъ сыскать въ Тайную Канцелярію и держать до письма отсюда за крѣпкимъ же карауломъ: а съ распросу помянутаго колодника Корноухова дабы ты прислалъ копію. Февраля въ 28 числѣ при письмахъ твоихъ къ его превосходительству Петру Андреевичу и ко мнѣ отъ 21 д. сего февраля присланы съ означенныхъ Корноухова распросныхъ рѣчей копіи, которыя мы смотря, симъ тебѣ даемъ знать: вышеписаннаго бѣглаго солдата Коновалова въ показанныхъ отъ Корноухова словахъ распроси съ ясностію и свидѣтельствуй, не сумазбродникъ-ли онъ какой; и буде по свидѣтельству явится, что онъ сумазбродный, то отошли его по прежнему въ гарнизонную канцелярію и вели его держать по прежнему за крѣпкимъ карауломъ, а насъ о томъ репортуй; а буде онъ явится не сумазбродный, и въ показанныхъ отъ него злыхъ словахъ станетъ стоять упорно или къ тому своему зломыслію покажетъ и другихъ согласныхъ ему, то его Коновалова и согласныхъ ему, заковавъ въ кандалы, также и распросные ихъ рѣчи пришли сюда немедленно за крѣпкимъ карауломъ; а ежели противъ распросу Корноухова и Коновалова и свидѣтелевыхъ покажется какая розыскъ, то о томъ насъ репортуй-же. Слуга вашъ Ушаковъ Андрей. Марта 2 дня году 722. Москва» [1]). — А вотъ письмо Ушакову о дѣлахъ Канцеляріи, бывшихъ въ Москвѣ, отъ секретаря Казаринова: «Превосходительный господинъ, господинъ генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ, премилостивый государь мой Андрей Ивановичъ! Вашего Превосходительства ордеръ, писанный изъ Санкт-Петербурха отъ 2 получилъ я 9 чиселъ сего мѣсяца, въ которомъ изволите объявлять, дабы по Тайной Канцеляріи присылаемыя доношенія роспечатывать, и, ежели явятца по дѣламъ, имѣющимся въ Москвѣ, тѣ доношенія, хотя и съ колодниками, принимать, и по нимъ слѣдованіе и окончаніе чинить мнѣ; а которыя доношенія по дѣламъ, имѣющимся въ Санктъ-Петербургѣ, и оные, также буде и колодники съ ними будутъ, принявъ, отправлять въ Санктпетербурхъ немедленно; и по оному Вашего превосходительства ордеру исполнять буду; при семъ же Вашему Превосходительству доношу: прошедшаго мая 14 числа при ордерѣ Вашего

[1]) Г. А., VII, № 132 (л. 17).

Превосходительства присланъ указъ въ Астраханскую губернію о сыску и о присылкѣ въ Санктпетербурхъ въ Тайную Канцелярію для допросу человѣка Михаила Чирикова Григорія Никитина; а по полученности въ Москву, чтобъ оный указъ удержать, а поискать бы его Никитина въ Москвѣ; и, ежели сыщется, прислать бы его въ Тайную Канцелярію, а буде его не сыщется, то оный указъ послать въ тою губернію немедленно; и по тому Вашего Превосходительства ордеру въ Москвѣ лейбъ-гвардіи Семеновскому полку порутчика Михаила Чирикова человѣкъ Алексѣй Григорьевъ подъ страхомъ смертныя казни сказалъ: Григорій де Никитинъ у онаго помѣщика его Чирикова былъ назначаемъ; и въ прошломъ 722 году послѣ святыя недѣли въ бытность его въ нижегороцкой оного помѣщика вотчинѣ, въ селѣ Румянцовѣ, онъ Никитинъ умре и погребенъ въ томъ селѣ у церкви Казанскія Богородицы священниками Алексѣемъ Павловымъ, Григорьемъ Степановымъ, и по оной, государь, сказкѣ означенной въ астраханскую губернію указъ я удержалъ, а для сущаго свидѣтельства о смерти помянутаго Никитина послалъ я въ Нижегороцкую губернію къ вице-губернатору господину Ржевскому указъ (а означенный присланный въ Астраханскую губернію указъ за вышеписанною сказкою удержанъ); и сего сентября 3 дня прислано изъ Нижегороцкой провинціи въ Канцелярію Тайныхъ Дѣлъ доношеніе въ пакетѣ за печатью, на которомъ подписано: о прикащикѣ Чириковѣ; и я оный пакетъ по означенному Вашего Превосходительства ордеру распечаталъ, и усмотрѣлъ, что въ немъ—свидѣтельство о помянутомъ Чириковѣ и прикащикѣ; и то свидѣтельство и означенный изъ Тайной Канцеляріи во астраханскую губернію указъ прилагаю при семъ. Вашего Превосходительства премилостиваго моего государя всепокорный и вѣрный рабъ Василій Казариновъ Сентября 10 дня 1723 году Москва» [1]). Необходимо имѣть въ виду, что ни одного письма такого характера съ подобными общими докладами о дѣлахъ Канцеляріи отъ секретарей намъ не попадалось на имя кого-либо изъ другихъ министровъ, кромѣ Толстого и Ушакова: Все это даетъ основаніе полагать, что послѣ Толстого наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ министромъ Канцеляріи былъ Ушаковъ; а если имѣть въ виду его съ Толстымъ дѣятельную по дѣламъ переписку, то получается опредѣленное впечатлѣніе,

[1]) Г. А., VII, № 164, 112—13 *лл.*

что управляли ближайшимъ образомъ Тайной Канцеляріей собственно двое: Толстой и Ушаковъ. Толстой сохранялъ за собой во все свое время высшую власть—вліяніе на дѣла, а Ушаковъ почти цѣликомъ руководилъ дѣлопроизводствомъ учрежденія.

До насъ дошла еще маленькая, небезынтересная подробность объ Ушаковѣ: въ 1722 году Ушаковъ получалъ 585 руб. 30 алтынъ 2 деньги жалованья въ треть, т. е. 1755 руб. въ годъ; жалованье это ему выдавалось изъ главнаго коммиссаріата [1]).

Такъ два выдающихся человѣка Петровскаго времени стали во главѣ управленія Тайной Канцеляріей, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ приведенныя нами біографическія данныя объ Ушаковѣ и Толстомъ; а это и помогло личному, устроенному по частному поводу установленію укрѣпиться въ своемъ положеніи и расширить районъ дѣятельности: удачное, умѣлое выполненіе возлагаемыхъ порученій заставляло Петра не оставлять безъ нихъ Тайную Канцелярію, которой все болѣе и болѣе широко поручаются дѣла впредь до указа 1722 г., когда вообще дѣла по «слову и дѣлу» должны были присылаться и въ Тайную Канцелярію. Едва-ли поэтому возможно отрицать, что подборъ министровъ обусловилъ первое время прочное существованіе Тайной Канцеляріи и постепенный переходъ ея въ настоящее учрежденіе, которое въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи, какъ таковое, конечно, уже стало внѣ личностей, а являлось закономѣрнымъ слѣдствіемъ общихъ условій историческаго процесса въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

О дѣятельности Бутурлина и Скорнякова-Писарева въ качествѣ министровъ Тайной Канцеляріи много говорить не приходится. Во всякомъ случаѣ, сравнительно бо́льшую дѣятельность проявлялъ Гр. Скорняковъ-Писаревъ. Это былъ человѣкъ изъ близкихъ въ то время Петру офицеровъ, видимо, энергичный и умный, хотя никакими способностями не выдававшійся. Начавши свою карьеру въ гвардіи, къ 1718 году онъ былъ «отъ бонбардиръ капитанъ», часто посылался Петромъ по разнымъ порученіямъ, въ большинствѣ военнаго характера, вплоть до посылки его въ Суздаль по «суздальскому розыску», послѣ чего онъ и попадаетъ въ составъ министровъ Тайной Канцеляріи. Въ 1722 году, въ бытность его уже генералъ-прокуроромъ сената у него происходитъ знаменитое столкновеніе съ бар. Шафировымъ, вслѣдствіе котораго Скорняковъ-Писаревъ

[1]) Г. А., VII, № 141.

и сошелъ съ правительственной арены. Участіе Скорнякова-Писарева въ дѣлахъ Канцеляріи идетъ вплоть до 1723 года, вплоть до его паденія. Никогда не играя значительной роли въ Тайной Канцеляріи, Скорняковъ-Писаревъ всегда подписывалъ послѣднимъ опредѣленія и приговоры Канцеляріи, какъ бы считаясь самымъ младшимъ изъ всѣхъ министровъ Канцеляріи; однако слѣды его непосредственнаго участія въ дѣлахъ кое-когда попадаются; есть даже рядъ не особенно значительныхъ дѣлъ, которыя были вершены и слѣдовались подъ прямымъ руководствомъ Скорнякова-Писарева. Кромѣ того онъ принималъ участіе и въ крупныхъ дѣлахъ; напримѣръ, мы имѣемъ его письмо къ Палехину по такъ называемому «новгородскому» дѣлу. Письмо это ясно указываетъ, что Скорняковъ-Писаревъ принималъ въ немъ частично близкое участіе [1]).

Однако слѣдовъ такого участія встрѣчается мало; не такъ часто онъ подписываетъ приговоры и опредѣленія. Въ письмахъ-же къ нему секретарей и дьяковъ Канцеляріи мы нигдѣ не встрѣтили отвѣтовъ, или вопросовъ, или донесеній

---

[1]) Позволяю себѣ привести это письмо цѣликомъ, въ виду его характерности.

«Господинъ дьякъ Палѣхинъ. Сего мѣсяца въ 20 числѣ писали мы къ вамъ о сыску въ Москвѣ нѣкоторой вдовы Акулины Григорьевой дочери, о которой нынѣ слѣдъ показывается; противъ нашихъ писемъ писалъ къ намъ изъ Новгорода гвардіи господинъ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Невельскій и прислалъ съ допросовъ копіи, съ которыхъ для подлиннаго извѣстія при семъ сообщаемъ копію, а къ Невельскому писали мы, чтобъ онъ племянника той Акулины—Ивана Гусакова съ нарочнымъ солдатомъ отъ себя отправилъ къ тебѣ немедленно, и какъ тотъ Гусаковъ къ тебѣ будетъ привезенъ и ты его вели расковать и держать въ крѣпкомъ караулѣ и до указу кормить; а о той бабѣ въ домѣ Ивана Нарышкина прежде вели увѣдать отъ себя, мимо того малого, искустно (якобы отъ сестры ея письма есть) или другимъ какимъ образомъ. Буде жъ не станутъ сказывать, то учинить посылку или и самъ съѣзди да спроси Ивана Нарышкина и жену его о той Акулинѣ, съ ними она съѣхала, нынѣ гдѣ. Мы уповаемъ, что онъ Нарышкинъ нынѣ въ Москвѣ для свадьбы дочери его. Буде жъ ихъ въ Москвѣ нѣтъ, пошли по нихъ нарочнаго тотчасъ, чтобъ были въ Москву и по прибытии спроси и, какъ возможно, благоразумно приложи трудъ и старание въ сыску оной Акулины, ибо до нея привелякія дѣла касаются; ежели жъ они, Иванъ Нарышкинъ и жена его будутъ отговариваться, что ее не знаютъ, или и знали да въ Петербургѣ, въ Москвѣ у нихъ она не бывалась, какъ можешь отыскивай ее, мы въ томъ на васъ весьма благонадежны остаемся; а какъ отыщешь и Гусаковъ скажетъ, что она та, тотчасъ ее за крѣпкимъ карауломъ, придавъ человѣка три солдатъ сюда пришли, а малаго Гусакова вели въ Новгородѣ оставить, понеже до него только и дѣла; а ежели у Нарышкиныхъ отыскать Акулины не возможно, то скажи Гусакову, чтобъ ее Акулину Гусаковъ сыскивалъ, какъ возможно и для того посылай его за крѣпкимъ карауломъ и объяви ему, Гусакову, ежели онъ не сыщетъ и за то ему жестоко учинено будетъ и что станетъ чиниться. Почаще сюда къ намъ пиши, а Гусакова за карауломъ держи. Григорій Скорняковъ-Писаревъ. 24-го января 1721 году. Изъ Санктъ-Петербурга». (Г. А., VII, № 92, лл. 4 и 5).

вообще о дѣлахъ Канцеляріи; если эти письма и есть, то всѣ они касаются только того или иного конкретнаго дѣла. Такимъ образомъ Скорняковъ-Писаревъ, видимо, мало участвовалъ въ общемъ управленіи Канцеляріей.

Совсѣмъ почти въ этомъ управленіи не участвовалъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, хотя иногда онъ подписывался подъ приговорами, даже на первомъ мѣстѣ. Необходимо замѣтить, что съ 1722 года уже не встрѣчается признаковъ участія Бутурлина въ дѣлахъ, а съ 1723 г. и Скорняковъ-Писаревъ исчезаетъ изъ числа министровъ Канцеляріи. Такимъ образомъ послѣдніе годы существованія Тайной Канцеляріи, 1724, 1725 и начало 1726 гг., ею исключительно и цѣликомъ управляли Толстой и Ушаковъ.

Итакъ Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ управлялась четырьмя министрами, четырьмя лицами близкими и довѣренными Петра; общее разсмотрѣніе дѣлъ Канцеляріи указываетъ, что управленіе это распредѣлялось между министрами, какъ между формально равноправными товарищами; однако, болѣе детальное углубленіе въ изученіе дѣлопроизводства съ достаточной ясностью указываетъ на преимущественное положеніе, которое занималъ въ этой коллегіи П. А. Толстой; его безусловное вліяніе фактически постоянно царило надъ всѣми дѣлами Канцеляріи, болѣе или менѣе заслуживающими вниманія. Кромѣ этого, «первенствующаго» министра выдѣлялся своею дѣятельностью другой министръ, Ан. Ив. Ушаковъ, являвшійся какъ-бы ближайшимъ помощникомъ Толстого. Сравнительно въ сторонѣ стояли Скорняковъ-Писаревъ, и, особенно — Бутурлинъ.

При разсмотрѣніи нами въ первомъ очеркѣ общаго состава маіорскихъ розыскныхъ канцелярій, какъ онѣ явились въ болѣе позднее время, во второй какъ-бы ихъ формаціи, мы намѣтили три главныхъ части, изъ которыхъ онѣ состояли; двѣ первыя части были: 1) лицо, стоящее во главѣ канцеляріи и 2) ассессоры — присутствующіе. Если, какъ мы видѣли, въ первое время ассессоры являлись простыми помощниками лицъ, стоявшихъ во главѣ, то позднѣе мало по малу дѣло измѣняется: ассессоры все ближе начинаютъ подходить по равноправности къ главамъ канцелярій, которые въ свою очередь однако не перестаютъ сохранять свой пріоритетъ, болѣе или менѣе сильный; въ то-же время становятся возможными рѣшенія дѣлъ и доклады о нихъ царю непосредственно самими ассессорами, которые иногда

считали, что они почти такъ-же «вѣдаютъ» канцеляріей, какъ и лицо, стоящее во главѣ ея. Я позволяю себѣ еще разъ напомнить обо всемъ этомъ въ виду того, что, послѣ разсмотрѣнія роли и значенія «министровъ» Тайной Канцеляріи, можно съ большимъ основаніемъ главу обычныхъ маіорскихъ канцелярій и ихъ ассессоровъ,—только немного измѣнившихся подъ вліяніемъ особыхъ условій, -и измѣнившихся частью въ одномъ опредѣлявшемся уже ранѣе направленіи,--считать непосредственно подобными и генетически примыкающими къ «министрамъ» Тайной Канцеляріи. Если особенность основного, перваго порученія внесла въ устройство этого учрежденія нѣкоторыя измѣненія, то эти измѣненія,—усиленіе власти отдѣльныхъ министровъ,--пошли уже въ ранѣе намѣчавшемся въ маіорскихъ канцеляріяхъ направленіи. Однако, мы не можемъ не отмѣтить еще одного измѣненія въ дѣятельности Тайной Канцеляріи, которое, видимо, тѣсно связано съ особенностью этой дѣятельности: это совершенное отсутствіе въ ея практикѣ экстренныхъ созывовъ другихъ, у розысковъ стоявшихъ, оберъ и штабъ-офицеровъ, для рѣшенія дѣлъ совмѣстно съ обычными «присутствующими» Канцеляріи. Важность и тайность дѣлъ Канцеляріи (какъ увидимъ, ревностно охраняемыя) этого отнюдь не допускали.

Итакъ, если общій строй начальствующихъ лицъ Тайной Канцеляріи нѣсколько отличался отъ того-же строя въ маіорскихъ розыскныхъ канцеляріяхъ, сравненіе, однако, ясно указываетъ на ближайшую генетическую связь ихъ, и такимъ образомъ Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія, происшедши изъ канцеляріи вѣдѣнія П. А. Толстого, восприняла въ свою организацію основныя черты маіорскихъ розыскныхъ канцелярій «вѣдѣнія».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Роль Тайной Канцеляріи, какъ учрежденія.

I.

Именнымъ указомъ изъ Сената въ сентябрѣ 1718 года повелѣно было Тайной Канцеляріи дать свѣдѣнія о колодникахъ, ею содержимыхъ по разнымъ дѣламъ. Въ реестрѣ, поданномъ объ этомъ въ Сенатъ, всѣ дѣла, бывшія тогда въ компетенціи Канцеляріи,—а вмѣстѣ и колодники, по нимъ содержащіеся,—распредѣлены были на слѣдующія группы: 1) группа по «адмиралтейскому ревельскому дѣлу»; 2) группа по «астраханскимъ дѣламъ»; 3) группа «касающихся къ расколу»; 4) группа «по тайнымъ дѣламъ»; кромѣ того, группа «безъ названія», да сверхъ того, особое дѣло (о кражѣ корабельныхъ лѣсовъ на Днѣпрѣ) [1]). Такъ намѣчались уже въ самой Тайной Канцеляріи разряды бывшихъ на ея разсмотрѣніи дѣлъ; надо замѣтить, что такую-же неизмѣнную группировку дѣлъ Канцеляріи находимъ мы и въ другихъ ея «реестрахъ» [2]). Въ реестрѣ-же дѣлъ, представленномъ въ 1726 году на благоусмотрѣніе Императрицы (при передачѣ Тайной Канцеляріи въ вѣдѣніе Ромодановскаго), дѣла, бывшія въ производствѣ въ Канцеляріи,—значитъ, уже за все время ея существованія, за весь Петровскій періодъ (1718—1726),—были распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) дѣло суздальское и кикинское; 2) дѣла секретныя противъ первыхъ двухъ пунктовъ; 3) дѣло ревельское адмиралтейское; 4) дѣло о раскольникахъ; 5) дѣла «интересныя и по прошеніямъ», и 6) «дѣла астраханскія» [3]). Сопоставляя эти реестры 1718 и 1726 годовъ, не трудно замѣтить, что группировка дѣлъ въ главнѣйшемъ осталось той-же,—значитъ, была прочной и солидной, а не случайно, нарочито и небрежно дѣлаемой

[1]) Г. А., VII, № 5.
[2]) См. Ibidem.
[3]) Г. А. VII, № 6.

каждый разъ, вслѣдствіе того или иного конкретнаго требованія. Поэтому съ достаточнымъ правомъ можно думать, что Тайная Канцелярія полагала находившимися у нея въ производствѣ слѣдующіе разряды дѣлъ: во-первыхъ, дѣло кикинское и суздальское, т. е. дѣла по суздальскому розыску о царицѣ Евдокіи, матери царевича Алексѣя, и по розыску о Кикинѣ; оба эти розыска, какъ извѣстно, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ и сливаются съ дѣломъ царевича Алексѣя. Вторую группу составляли дѣла тайныя, они же секретныя, «противъ первыхъ двухъ пунктовъ» указа 1715 г., т. е. дѣла по «слову и дѣлу». Третью группу составляетъ дѣло ревельское адмиралтейское, дѣло о разнаго рода грандіозныхъ хищеніяхъ въ военно-морскомъ вѣдомствѣ, происходившихъ въ ревельскомъ порту. Четвертую группу составляютъ дѣла раскольничьи, т. е. по преслѣдованію раскола. Пятую группу составляли дѣла «интересныя», т. е. по разслѣдованію всякаго рода хищеній и грабежей казеннаго имущества и денегъ. Наконецъ, шестую группу, какъ бы выдѣляемую, составляли «дѣла астраханскія», т. е. дѣла о всякаго рода злоупотребленіяхъ, найденныхъ и слѣдованныхъ въ Астрахани Бог. Скорняковымъ-Писаревымъ и для вершенія переданныхъ указомъ Петра въ Тайную Канцелярію.

Такъ было въ основныхъ рубрикахъ, самимъ учрежденіемъ установленныхъ, размѣщаемо и тѣмъ опредѣляемо содержаніе основного производства Тайной Канцеляріи. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ рубрикъ и группъ не трудно установить, какого рода, какого характера дѣла вѣдались Тайной Канцеляріей.

Розыскъ по дѣлу царевича Алексѣя и по всѣмъ дѣламъ, съ этимъ розыскомъ тѣсно и непосредственно связаннымъ (таково дѣло суздальское и кикинское), это во-первыхъ; а во-вторыхъ— дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ указа 1715 г.,—тайныя или секретныя,—вотъ тотъ главнѣйшій родъ дѣлъ, который находился въ вѣдѣніи Тайной Канцеляріи; что это былъ дѣйствительно главнѣйшій родъ дѣлъ Канцеляріи, видно изъ ихъ сравнительнаго количества по отношенію ко всѣмъ дѣламъ другихъ родовъ, что мы далѣе точно покажемъ.

Второй разрядъ дѣлъ, вѣдавшихся Тайной Канцеляріей, были дѣла «интересныя», т. е. розыски по всякаго рода хищеніямъ, проступкамъ противъ казеннаго интереса; таково дѣло ревельское, частью астраханскія, боровицкое и другія. Третій разрядъ составляли дѣла по преслѣдованію и наказанію раскольниковъ; надо замѣтить, что Петръ, видимо, придавалъ дѣламъ раскольничьимъ политическое значеніе въ духѣ первыхъ двухъ пунктовъ указа 1715 года. Теперь при желаніи кратко формулировать вообще предметы вѣдомства Тайной Канцеляріи, поскольку объ этомъ можно заключить по бывшимъ въ ея производствѣ дѣламъ, мы не можемъ не остановиться на той-же формулѣ, которую намъ пришлось употребить, когда рѣчь шла о предметахъ вѣдѣнія въ маіорскихъ розыскныхъ канцеляріяхъ: предметы дѣлъ Тайной Канцеляріи опредѣляются исключительно всѣми тремя пунктами указа 1715 года. Такъ еще разъ вскрывается непосредственно близкое и кровное родство «розыскныхъ канцелярій вѣдѣнія» и «Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ».

Однако мы увидимъ далѣе, что иногда совершенно со стороны, совершенно случайно попадали въ Канцелярію и такія дѣла, разныя между собою, которыя никакъ не могутъ быть подведены ни подъ одинъ пунктъ указа 1715 года; надо, впрочемъ, замѣтить, что такихъ дѣлъ было чрезвычайно мало сравнительно съ общей массой. Это явленіе ведетъ еще къ большему убѣжденію въ томъ родствѣ, о которомъ мы только-что говорили: вспомнимъ канцелярію князя Долгорукова; говоря о ней, мы имѣли случай отмѣтить тотъ безформенный агломератъ дѣлъ, который, какъ-бы внѣ всякаго соображенія съ предметомъ вѣдомства канцеляріи, ей поручался. Мы имѣли случай говорить, что это является совершенно понятнымъ въ учрежденіи, построенномъ на чистомъ принципѣ порученія.

Такимъ образомъ краткій поверхностный обзоръ разрядовъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ Тайной Канцеляріи, во-первыхъ, съ достаточной ясностью открываетъ сущность дѣлопроизводства Канцеляріи, а во-вторыхъ, опредѣленно указываетъ на новыя черты родства, и очень близкаго, Тайной Канцеляріи съ маіорскими розыскными.—Однако, является необходимымъ дальнѣйшій, болѣе подробный разборъ дѣлъ Канцеляріи, который, во-первыхъ, обнаружитъ съ большей ясностью въ *ея эволюціи* существо занятій Тайной Канцеляріи, во-вторыхъ, покажетъ, можетъ быть, кое-какія несходныя, отличныя черты Тайной Канцеляріи отъ маіорскихъ канцелярій и, пожалуй, дастъ возможность выяснить эволюцію этихъ несходныхъ чертъ; а со всѣмъ этимъ болѣе углубляясь и выясняя вообще сферу вѣдѣнія Тайной Канцеляріи, намъ, можетъ быть, удастся еще далѣе

прослѣдить, какъ канцелярія вѣдѣнія П. А. Толстого, временное установленіе для личныхъ порученій, постепенно переходила въ государственное учрежденіе.

Дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ, какъ мы уже замѣтили, являлись основными, главными въ сферѣ вѣдѣнія Тайной Канцеляріи. Мы уже знаемъ, что собственно всю свою силу и значеніе, и въ части названіе, Тайная Канцелярія получила отъ главнѣйшаго своего дѣла, — розыска по дѣлу царевича Алексѣя; а это дѣло несомнѣнно по своему характеру должно быть сопричислено къ категоріи дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Мы знаемъ, что указомъ 1722 года было повелѣно дѣла по «слову и дѣлу» отправлять непосредственно для слѣдованія ихъ въ Преображенскій приказъ и въ Тайную Канцелярію; только эти дѣла и вѣдались съ того времени Канцеляріей по общему положенію, по общему указу; всѣ-же остальныя вступали въ Канцелярію исключительно въ силу сепаратныхъ указовъ. Все это уже опредѣляетъ существованіе въ общей массѣ дѣлопроизводства Канцеляріи значительнаго преобладанія дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Это преобладаніе ясно видно и изъ слѣдующихъ прямыхъ уже данныхъ: если дѣлъ интересныхъ имѣемъ наперечетъ 5—8, если найдемъ 2—3 дѣла другого рода и не имѣющихъ никакой «важности», если есть какой-нибудь десятокъ дѣлъ о раскольникахъ, если откинуть всѣ дѣла, возникавшія вслѣдствіе и по поводу самаго дѣлопроизводства учрежденія, то по «запискѣ» 1726 года имѣлось тайныхъ вершеныхъ дѣлъ къ этому времени—280 [1]). Эта цифра даетъ вполнѣ опредѣленное указаніе на то огромное значеніе, которое играли въ Канцеляріи дѣла «важныя», противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Вступленіе такихъ дѣлъ въ дѣлопроизводство Канцеляріи шло, постепенно все усиливаясь. Съ марта и приблизительно по августъ 1718 года Тайная Канцелярія была почти исключительно занята дѣлами по царевичеву розыску. Однако, въ маѣ этого года черезъ канцелярію проходитъ дѣло о разрѣшеніи купцу Фельтену безпошленной торговли виномъ. Въ августѣ указомъ письмомъ отъ 8-го числа Петръ поручаетъ Тайной Канцеляріи (точнѣе—Толстому) ревельское адмиральтейское дѣло; съ марта по ноябрь тянется въ канцеляріи дѣло Маріи Гамильтонъ; а ко второй половинѣ 1718 года относятся пер-

[1]) Г. А., VII, № 6.

выя важныя дѣла: о князѣ Мещерскомъ, ложно приписавшемъ Государю какія-то слова про князя Долгорукова [1]); о тихвинскомъ архимандритѣ, совершавшемъ какіе-то тайные молебны предъ яко-бы чудотворной иконой [2]). Въ ноябрѣ того-же года имѣемъ дѣло по поводу нѣкихъ таинственныхъ писемъ купецкаго человѣка Резанова. Въ томъ-же году ведется въ Канцеляріи большое дѣло по доносу нѣкоего Звѣрева на маіора Фуникова въ расхищеніи имъ казенныхъ денегъ и имущества [3]); а въ декабрѣ слѣдовалось дѣло о полякѣ Носовичѣ, обвинявшемъ нашего посла въ Польшѣ—Долгорукова—и въ измѣнѣ, и въ нерадѣніи по должности, и во взяткахъ [4]). Такъ среди другихъ вступилъ въ вѣдомство Тайной Канцеляріи совершенно опредѣленно рядъ дѣлъ, имѣющихъ розыскной характеръ по общимъ преступленіямъ противъ двухъ пунктовъ.

Въ слѣдующемъ, 1719, году число важныхъ дѣлъ еще возрастаетъ, и постепенно они заполняютъ собой почти окончательно дѣлопроизводство Тайной Канцеляріи. Разсмотрѣніемъ болѣе подробнымъ ихъ содержанія мы сейчасъ и займемся.

Наибольшее количество этихъ дѣлъ можетъ быть подведено подъ понятіе о дѣлахъ объ оскорбленіи Величества. Дѣла о произнесеніи непристойныхъ и ругательныхъ или оскорбительныхъ словъ по адресу Петра и Екатерины, или-же о совершеніи оскорбительныхъ для государевой чести дѣйствій, составляютъ приблизительно около 35—40% всего количества дѣлъ, касающихся «важности».

Непристойныя слова, заключающія ругательныя обращенія по адресу царя или императрицы, говоримыя или въ раздраженіи, или въ «шумствѣ», обычно находили доносителей, которые и объявляли о непристойныхъ словахъ Тайной Канцеляріи; а тутъ дѣло никогда изъ рукъ не выпускалось: каждый доносъ влекъ за собой самое внимательное отношеніе къ нему со стороны Тайной Канцеляріи и тщательное по нему «слѣдованіе».

Не всегда эти непристойныя слова являлись простой руганью, сказанной безотчетно, въ пьяномъ видѣ. Есть нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ проглядываетъ прямо отрицательное,—не сдержанное только въ данномъ случаѣ,—постоянное отношеніе къ Петру: онъ—бусурманъ, еретикъ,—вотъ мотивъ этого от-

[1]) Г. А. VII, № 20.
[2]) Г. А., VII № 21.
[3]) Г. А., VII, № 18 и № 28.
[4]) Г. А., VII. № 24.

ношенія. Въ 1723 году одинъ крестьянинъ говорилъ громогласно, что Петръ «это—неистовый царь; никакъ онъ шведъ»; одинъ раскольникъ въ томъ же году толковалъ іезекіилево пророчество о Гогѣ и Магогѣ, «что, Гогъ—гордость султана турецкаго, Магогъ—владѣніе нашего государя», или «Магогъ—нашъ россійскій государь императоръ». Тогда-же были уличены нѣсколько бабъ, что громогласно звали царя антихристомъ. Тогда-же одна женка Маремьяна говорила своимъ знакомымъ, что «де царь не царской крови и не нашего русскаго роду, но нѣмецкаго». Въ 1719 году нѣкій архимандритъ говорилъ про царицу: «какая она царица? она нѣкая бусурманка», а о царѣ говорилъ, что «онъ христіанскую вѣру оставилъ и носитъ нѣмецкое платье, и бороду брѣетъ.... и благочинья въ немъ нѣтъ» [1]). И всѣ эти преступленія тщательно и внимательно «слѣдуетъ» Тайная Канцелярія.

Служили предметами дѣлъ Тайной Канцеляріи и выраженія про Петра или Екатерину, въ которыхъ можно усмотрѣть непочтительное къ нимъ отношеніе говорившаго. Въ 1723 г. одинъ монахъ сказалъ: «пускай государь умретъ, а царицу я за себя возьму». Въ томъ-же году колодникъ Муравщикъ говорилъ, что императоръ живетъ хуже старца, и что присягали наслѣднику, «а имянно имъ не объявлено, кого учинитъ». Нѣкій помѣщикъ Харламовъ заявилъ, что въ С.-Петербургѣ и самъ государь вретъ; въ 1723-же году разрослось громадное «вологоцкое» дѣло начавшееся извѣтомъ на протодіакона вологодской соборной церкви, будто-бы говорившаго, что «государь де у насъ..., а не подлинный царь». Въ 1722 г. донесли на войта города Королевца, что онъ будто говорилъ, что лучше-бы съ императора кожу сдирать, чѣмъ св. ризы и оклады съ образовъ, какъ, будто-бы, велѣно было сдѣлать [2]). Большое сложное, запутанное дѣло было въ 1721 году по выясненію, правда-ли, что одинъ чернецъ монастырскій «называлъ себя царемъ», «что онъ де Ѳегность—прямо царь» [3]).

Оскорбленіе Величества могло быть и въ совершеніи какихъ-либо дѣйствій, до высокой чести Его Царскаго Величества касающихся. И такого рода дѣла тоже бывали въ рукахъ Тайной Канцеляріи, при чемъ иногда были сплошнымъ курьезомъ.

[1]) Г. А., VII, №№ 183, 155, 151, 185, 54.
[2]) Г. А., VII, №№ 182, 166, 136, 127, 119.
[3]) Г. А., VII, № 103.

Въ 1720 году одинъ дьякъ донесъ Тайной Канцеляріи, что нѣкій пѣвчій Савельевъ во время одного обѣда въ частномъ домѣ, будучи нетрезвъ, «державъ у себя въ рукахъ трость и смотря на персону царскаго величества (т. е. на портретъ), поднявъ тоё трость, указывая на оную персону Его Величества, махалъ тою тростью и говорилъ «ой де ты»!, а въ какую силу, того онъ (доносчикъ) не знаетъ». Обвиняемый показалъ на допросѣ, что, увидя сидящихъ на портретѣ царя мухъ и имѣя въ рукахъ палку съ ленточками на концѣ, онъ махалъ тѣми ленточками и палкой, чтобы прогнать съ портрета мухъ. Въ результатѣ—обвиняемый былъ «битъ нещадно батоги». Въ 1719 году донесли на Степ. Лопухина, что въ день погребенія царевича Петра Петровича онъ, будучи въ церкви, смѣялся, и по дополнительному извѣту говорилъ при этомъ непонятныя слова («его де Лопухина свѣчка не угасла, будетъ де ему Лопухину и впредь время»), о которыхъ самъ доноситель заявилъ, что, «въ какую мѣру онъ тѣ слова говорилъ, того онъ, Офросимовъ (т. е. доносчикъ), не знаетъ».

Къ той-же категоріи дѣлъ по оскорбленію Величества принадлежатъ дѣла по обвиненіямъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ, могшихъ служить къ оскорбленію, умаленію и колебанію царской власти. Такъ въ 1723 году солдатъ Комкинъ объявлялъ про одного офицера и стряпчаго, будто они говорили, что императору этого года не пережить, и будетъ царствовать Меншиковъ. Около того-же времени солдатка Баженова говорила, что «государя у насъ изведутъ, а послѣ де и царицу, конечно, изведутъ, а великій князь еще малъ, стоять некому,—и будетъ де у насъ великое смятеніе»; хотя извѣтъ въ этихъ словахъ и оказался ложнымъ, но Тайная Канцелярія долго и тщательно слѣдовала это преступленіе. Въ этомъ-же 1723 году было большое дѣло по поводу якобы сказанныхъ иноземцемъ Вилкинымъ словъ, что не долго царю жить, всего одинъ годъ.

Дошло одно дѣло по доносу нѣкоего солдата, что онъ знаетъ одного человѣка въ Сибири, который «умышлялъ на здоровье Его Императорскаго Величества», хотѣлъ зарѣзать Петра на каменномъ мосту; при этомъ «шлется» на свидѣтелей. Это дѣло, конечно, было долго и серьезно разслѣдовано Канцеляріей; извѣтъ оказался ложнымъ [1]) Такимъ образомъ и дѣла о злоумышленіяхъ на здоровье Царскаго Величества тоже

[1]) Г. А. VII, №№ 59, 44, 174, 173, 157, 117.

попадали въ Тайную Канцелярію.—Если дѣла о таинственныхъ словахъ, письмахъ или дѣйствіяхъ нельзя прямо отнести въ разрядъ дѣлъ объ оскорбленіи Величества, то во всякомъ случаѣ, повидимому, постоянно при такихъ дѣлахъ заподозрѣвалась возможность объясненія этой таинственности съ точки зрѣнія существованія подъ ней какого-либо государственнаго преступленія. При слѣдованіи этого рода дѣлъ. Канцелярія ставила основной своей цѣлью добиться, не скрывается ли подъ этой таинственностью какого-либо преступленія противъ пунктовъ указа 1715 года.

Въ 1723 году дьячокъ Терентьевъ поднялъ и прочиталъ подметное письмо; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при этомъ чтеніи проговорились объ этомъ въ Преображенской Канцеляріи, откуда и было по этому поводу поднято дѣло въ Тайной Канцеляріи. Идутъ допросы и пытки, дѣло доходитъ до Сената; виноватаго опять пытаютъ, выпытываютъ что-то, именно что-то, такъ какъ письмо подметное, поднятое и прочитанное, является совершенно лишеннымъ всякаго смысла наборомъ различныхъ словъ; видимо, заподозрѣвается, что это письмо имѣетъ нѣкоторый иносказательный смыслъ [1]). Въ томъ-же году Синодъ прислалъ въ Тайную Канцелярію монаха, у котораго было найдено письмо «съ важными словами»; безуміе обвиняемаго было слишкомъ ясно: «важныя слова» письма были окончательно не понятны, такъ-что Тайная Канцелярія признала монаха безумнымъ и опредѣлила послать его въ монастырь, гдѣ держать до выздоровленія [2]). Въ 1720 году были найдены у иноземца Ланге «явившимися» на пивной бочкѣ нѣкія таинственныя литеры, точнѣе—совершенно непонятные знаки; дѣло было Петромъ передано для слѣдованія въ Тайную Канцелярію. Долго и тщательно пытались узнать, что должны были собой эти буквы обозначать, пока наконецъ обвиняемый и его жена не умерли въ заключеніи, не вынесши пытокъ. Это дѣло чрезвычайно характерно въ его эпической простотѣ [3]). Такъ-же характерно дѣло 1721 года о нѣкоемъ чернецѣ Порфиріи; этотъ чернецъ былъ присланъ изъ Малороссіи кн. Трубецкимъ въ 1721 году, и дѣло о немъ было Петромъ передано въ Тайную Канцелярію. Чернецъ Порфирій видѣлъ какое-то видѣніе

[1]) Г. А., VII, № 175.
[2]) Г. А., VII. № 153.
[3]) Г. А., VII. № 70.

и, зарисовавъ его, рисунки распространялъ; видѣніе это и эти рисунки являются лишеннымъ всякаго смысла бредомъ разстроеннаго воображенія; однако было повелѣно Тайной Канцеляріи «о томъ ложномъ видѣніи розыскать, для чего онъ то затѣялъ». Много и упорно допытывалась Канцелярія, стремясь найти отвѣтъ на предложенный вопросъ и, конечно, этого отвѣта не нашла; такъ и осталось неизвѣстнымъ, для чего то было затѣяно, но было рѣшено, что «его ложному плутовству вѣрить ни мало не подлежитъ», и былъ Порфирій, какъ «плутъ», присужденъ къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ одинъ изъ монастырей Архангелогородской губерніи [1]).

Въ октябрѣ—ноябрѣ 1718 года дѣлается Петру изъ доноса извѣстнымъ, что нѣкое письмо послано въ Ржевъ, а въ этомъ письмѣ имѣется «важность»; дѣло передается Тайной Канцеляріи; она немедленно сыскиваетъ пославшаго письмо, посылаетъ особаго нарочнаго за получателемъ; писавшаго допрашиваютъ о смыслѣ письма, такъ какъ оно оказалось написаннымъ условно; онъ объясняетъ смыслъ письма безъ всякой «важности» (по поводу отдачи въ Ржевѣ на откупъ кабаковъ); въ дѣлѣ при слѣдованіи принималъ участіе самъ Петръ [2]).

Дѣйствія таинственныя и непонятныя возбуждали, видимо, тоже подозрѣнія, и состояли такого рода дѣла—о таинственныхъ дѣйствіяхъ,—тоже въ компетенціи Тайной Канцеляріи. Когда въ 1718 году Петръ развѣдалъ про нѣкоего монаха, тайно служившаго молебны передъ какой-то имъ привезенной иконой, то «слѣдовала» объ этомъ Тайная Канцелярія. Въ 1721 году Бутурлинъ прислалъ въ Тайную Канцелярію нѣкоего Антонова; онъ подошелъ къ Петру, когда тотъ шелъ въ строю, подошелъ нетрезвый, безъ всякаго умысла; былъ тутъ арестованъ и отосланъ для розыска; у него всячески допытывались, не было-ли какого здѣсь съ его стороны умысла; въ результатѣ, ничего не добившись, Тайная Канцелярія постановляетъ послать его въ Сибирь въ вѣчную работу. Въ 1720 году Макаровъ по указу Петра присылаетъ въ Канцелярію трехъ бабъ кликушъ, которыя кричали «въ церквахъ на Москвѣ... и въ кликаньи пойманы». Этихъ несчастныхъ больныхъ сочли нужнымъ, допрашивая, жестоко пытать и бить плетьми, стремясь дознаться, не было-ли въ этомъ кликаньѣ

[1]) Г. А., VII. № 51.
[2]) Г. А., VII, № 18.

чьего-либо злого наученія. Всѣ свои отвѣты на допросахъ бабы кончали неизмѣнной фразой: «а никто ее кричать не училъ». Такъ ничего и не добились, такъ какъ, очевидно, имѣли дѣло съ больными; однако двѣ бабы все-таки были признаны въ чемъ-то виновными и отданы въ работу на прядильный дворъ [1]).

Есть въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи нѣсколько дѣлъ по (ложнымъ все) обвиненіямъ въ «измѣнѣ» разныхъ лицъ. Трудно точно сказать, какъ въ этихъ случаяхъ понималось слово «измѣна». Повидимому, всякій преступникъ закона подводился подъ это понятіе, хотя, конечно, уже въ пунктахъ указа 1715 года это понятіе суживается до понятія объ измѣнѣ интересамъ государства, Россіи, на пользу ея враговъ, при чемъ, возможно, что врагъ внутренній еще не былъ тогда исключенъ изъ понятія о врагѣ въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, дѣлъ такихъ, объ «измѣнѣ», очень немного въ дѣлахъ Канцеляріи [2]), и до извѣстной степени всѣ они являются варіаціями дѣлъ «по слову и дѣлу», возникая въ связи съ какимъ-либо извѣтомъ.

Когда, послѣ указа 1722 г., въ Канцелярію стали присылать отъ разныхъ лицъ и учрежденій людей, сказавшихъ за собой «слово и дѣло», то, конечно, часто оказывалось, что говорилось это выраженіе безъ наличности дѣйствительнаго знанія, или просто «въ шумствѣ», или въ желаніи «отбыть наказанья», или освободиться отъ чьихъ-либо притѣсненій (напр. помѣщика); такимъ образомъ образовывался рядъ дѣлъ о ложномъ сказываніи «слова и дѣла».

Дѣло царевича уже кончилось, но отголоски его встрѣчаются въ дѣлахъ Канцеляріи. Въ 1720 году по царскому указу и приговору Канцеляріи августа 28 «велѣно по доношенію володимирскаго успенскаго собору дьякона о выѣздѣ въ монастыри изъ Суздаля бывшей царицы монахини Елены о пріѣздѣ и о дѣйствахъ ея въ тѣхъ мѣстахъ и кто ей въ тѣхъ пріѣздахъ чинилъ всякую помощь, изслѣдовать накрѣпко дьяку Тимофею Палехину, а по изслѣдованію, учиня выписку, прислать въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ» [3]). Это повелѣніе точно выполняется Палехинымъ, который привозитъ

[1]) Г. А., VII, №№ 21, 99, 75.
[2]) См. Г. А., VII, № 138, 167 и др.
[3]) Г. А., VI, № 135.

изъ своей поѣздки огромное количество (сохранилось два картона) слѣдственнаго матеріала. Тайная Канцелярія соотвѣтственно этому матеріалу дѣлаетъ приговоры-опредѣленія о рядѣ лицъ, оказавшихся замѣшанными въ «пріѣздахъ» инокини Елены [1]). Даже пришлось уловить нѣкоего самозванца Боровитинова, который подъ видомъ присланнаго Тайной Канцеляріей сержанта, пріѣхавъ въ Суздаль, арестовывалъ и допрашивалъ по Суздальскому дѣлу, всѣхъ впрочемъ отпуская, видимо, за взятки [2]).

Въ 1722 году къ царскому деньщику Орлову присталъ на улицѣ пьяный бывшій служитель царевича Алексѣя, говорившій, что онъ вѣрно царевичу служилъ, «судитъ де того Богъ, кто насъ обидѣлъ». По указу Петра Орловъ препроводилъ этого человѣка для розыска и слѣдованія въ Тайную Канцелярію. По поводу драки, случившейся въ крѣпости, между бывшими служителями царевны Маріи Алексѣевны комендантъ крѣпости Бахметевъ доноситъ немедленно Толстому въ Тайную Канцелярію. Въ 1722-же году нѣкто Завѣсинъ, явившись въ канцелярію Воронежскаго надворнаго суда въ пьяномъ видѣ, говорилъ: «я де холопъ государя своего Алексѣя Петровича и за него голову свою положу, хотя де меня и распытать»! Немедленно Тайная Канцелярія вытребовала себѣ все дѣло, настаивая, чтобы даже никакихъ копій не оставлялъ у себя надворный Воронежскій судъ [3]).

Въ 1721 году прислали въ Тайную Канцелярію изъ Приказа Инквизиторскихъ Дѣлъ нѣкоего пустынника, который, какъ по распросу оказалось, былъ близокъ съ архіереемъ Досифеемъ, замѣшаннымъ по суздальскому дѣлу. Тайная Канцелярія немедленно начала розыскъ, и хотя дѣло протянулось до средины 1722 году, однако никакой «важности» въ немъ отыскать не удалось [4])

Всѣ выше разсмотрѣнныя нами группы дѣлъ могутъ быть объединены и подведены подъ понятіе дѣлъ по преступленіямъ государственнымъ, если выражаться терминологіей современной. Мы уже имѣли случай говорить, что количество этихъ дѣлъ совершенно преобладаетъ надъ количествомъ дѣлъ другихъ родовъ; положеніе это придется еще усугубить въ его силѣ,

[1]) См. Г. А., VI, №№ 139, 140, 143, 144.
[2]) Г. А., VI, № 136.
[3]) Г. А., VII, №№ 137, 134, 115.
[4]) Г. А., VI, № 138.

если признать, что дѣла о раскольникахъ въ глазахъ Петра тоже въ сильной мѣрѣ носили окраску дѣлъ государственныхъ. Если дѣла этого рода и поступали всегда исключительно по сепаратнымъ указамъ Петра, то все-таки ясно видно, что Тайная Канцелярія раскольничьи дѣла считала всегда и опредѣленно подлежащими не случайно ея компетенціи, хотя-бы поступленіе ихъ и было въ извѣстной степени какъ-бы случайно. Это видно и изъ того, что въ Канцеляріи имѣлась большая коллекція утвержденныхъ Петромъ приговоровъ синода по раскольничьимъ дѣлахъ, хранившаяся очевидно для руководства Канцеляріи [1]); а уже въ 1725 году синодъ опять присылаетъ въ Канцелярію новый указъ о раскольникахъ, и этотъ указъ протоколомъ Канцеляріи принимается къ свѣдѣнію. Особенно большое поступленіе раскольничьихъ дѣлъ въ Тайную Канцелярію мы имѣемъ въ періодъ 1720— 1721 годовъ.

Всѣ дѣла о раскольникахъ носятъ характеръ чистыхъ дѣлъ о вѣрѣ: сохранилось только одно дѣло,—правда большое,—въ которомъ, обвиняемый монахъ былъ не чуждъ раскола и въ то-же время обвинялся въ томъ, что громогласно на площади въ Пензѣ называлъ царя антихристомъ [2]), такъ что тутъ является замѣшаннымъ и «слово и дѣло»; но во всѣхъ прочихъ дѣлахъ о раскольникахъ, бывшихъ на рѣшеніи въ Тайной Канцеляріи, не пришлось замѣтить указанія на существованіе какого-либо государственнаго преступленія. Въ 1720 г. бриг. Воейковъ присылаетъ на имя императора раскольниковъ съ донесеніемъ о ихъ раскольническомъ образѣ мыслей; дѣло передается въ Тайную Канцелярію, гдѣ начинаются допросы этимъ раскольникамъ съ пытками. Къ сожалѣнію, конца дѣла не сохранилось. Въ октябрѣ былъ присланъ въ «канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ» раскольникъ Абакумовъ; онъ быстро при допросѣ отъ раскола отрекся, и Тайная Канцелярія опредѣлила помѣстить его для исправленія «въ монастырь, куда надлежитъ». Иначе дѣло кончалось, если раскольникъ упорствовалъ; тогда слѣдовалъ приговоръ: «бить кнутомъ нещадно и сослать въ Соловецкій монастырь въ земляную тюрьму для покаянія, и быть ему тамъ до кончины жизни его неисходно» [3]). Въ послѣднемъ дѣлѣ мы встрѣчаемся

[1]) Г. А., VII, № 196.
[2]) Г. А., VI, № 156.
[3]) Г. А., VII, №№ 42, 68, 65.

съ интересной подробностью, которая еще разъ свидѣтельствуетъ, что это раскольничье дѣло было чисто дѣломъ о вѣрѣ; «и ноября въ 1, читаемъ мы въ этомъ дѣлѣ, нынѣшняго 1720 году въ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ передъ... (титулъ)... Толстымъ да *передъ невскимъ архимандритомъ Ѳеодосьемъ* присланный отъ двора Его Царскаго Величества раскольникъ Яковъ Семеновъ *о вѣрѣ* въ подтвержденіе распрашиванъ»: такъ какъ дѣло шло именно о вѣрѣ, то Толстой приглашалъ лицо свѣдущее въ этомъ, каковымъ несомнѣнно являлся невскій архимандритъ.

Въ маѣ 1721 года опять нѣсколько раскольниковъ было прислано въ Тайную Канцелярію отъ двора Его Царскаго Величества, и когда имъ былъ постановленъ приговоръ, то Ушаковъ съ выписками отправилъ этотъ приговоръ Толстому, который доложилъ обо всемъ царю и такъ отвѣчалъ въ письмѣ Ушакову: «указалъ Его Царское Величество о раскольникахъ, которые по опредѣленію вашему посланы въ Ревель, тѣмъ быть тамъ (рѣчь идетъ объ упорствующихъ), а обратившихся двухъ извольте отослать въ духовный синодъ, чтобъ тамъ опредѣлили оныхъ по своему разсмотрѣнію»; а по опредѣленію всѣ нераскаявшіеся раскольники были посланы въ Ревель «въ вѣчную галерную работу». Такого-же характера было дѣло «о вѣрѣ» въ 1721 году, слѣдованное Тайной Канцеляріей [1]). Надо имѣть въ виду, что количество этихъ раскольничьихъ дѣлъ все-таки сравнительно было очень незначительно и едва-ли доходитъ въ общей сложности до одного десятка.

Дѣла «интересныя», т. е. касающіяся похищенія (всякаго вида) казеннаго имущества, какъ мы видѣли, въ первые годы занимали большое мѣсто въ дѣлопроизводствѣ Канцеляріи; ихъ было немного по числу, но всѣ они были велики своими размѣрами,—таково было дѣло ревельское адмиралтейское, въ большей своей части дѣла астраханскія, и дѣло Перекрестовыхъ. Такимъ образомъ, получается впечатлѣніе, что въ Тайную Канцелярію направлялись только тѣ интересныя дѣла, которыя представляли особое значеніе. Это заключеніе какъ будто подтверждается, если обратить вниманіе на содержаніе всѣхъ такихъ дѣлъ, слѣдовавшихся Тайной Канцеляріей. Громадное ревельское адмиралтейское дѣло началось, какъ мы видѣли, собственноручнымъ письмомъ—указомъ Петра Толстому, кото-

[1]) Г. А., VII, №№ 87, 93.

рый показываетъ, что Петръ близко къ сердцу принималъ это дѣло; да и выписки и экстракты по нему, иногда съ вопросами о «слѣдованіи», какъ мы тоже имѣли случай видѣть на одномъ примѣрѣ, представлялись царю на его разсмотрѣніе. Не менѣе значительно было и дѣло о расхищеніи имѣній полковника Перекрестова, хотя бы потому, что въ этомъ расхищеніи были замѣшаны такія близкія Петру лица, какъ Меншиковъ и Апраксинъ. Дѣло это тянулось съ 1720 по 1724 годъ; началось оно съ доноса, который по этому поводу подалъ Петру пѣвчій Ѳ. Кирилловъ въ іюлѣ 1720 г. Осталось много черновыхъ бумагъ по слѣдованію Тайной Канцеляріей о «непорядочныхъ поступкахъ» малороссійскаго полковника Полуботка, генеральнаго судьи Черныша и др.; дѣло это по именному указу было передано для слѣдствія въ Тайную Канцелярію, откуда поступило для учиненія рѣшенія въ Вышній Судъ, что произошло тоже по указу царя. Кромѣ того въ дѣлахъ Канцеляріи сохранились еще бумаги (и въ большомъ количествѣ) по дѣлу о взяткахъ и расхищеніи нѣкіимъ маіоромъ Фуниковымъ казеннаго имущества и денегъ [1]).

Какъ видимъ, мелкихъ, ничтожныхъ дѣлъ «интересныхъ» въ производствѣ Тайной Канцеляріи не встрѣчается; при этомъ необходимо замѣтить, что только самые первые годы дѣла такого рода бывали въ Тайной Канцеляріи; позже Канцелярія опредѣленно считала «интересныя» дѣла не входящими вообще въ сферу ея компетенціи.

Въ заключеніе обзора дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи необходимо отмѣтить нѣсколько дѣлъ совершенно особенныхъ, не подходящихъ ни подъ какія рубрики. Въ одномъ письмѣ къ Меншикову Толстой пишетъ: «поручикъ Ѳедоръ Друковскій, который присланъ отъ Вашей Свѣтлости въ Канцелярію Тайнымъ Розыскныхъ Дѣлъ съ хлопцемъ Даниломъ Свиружевскимъ (?) для розыску въ подпискѣ подъ руку Вашей Свѣтлости и въ поддѣлкѣ печати, который у насъ въ томъ съ розыску винился; для учиненія ему указу оный Друковскій и, съ хлопцемъ, и съ подлиннымъ о немъ дѣломъ такожъ для крезрехта (кригсгерихта?) посланъ при семъ до Вашей Свѣтлости» [2]). Такъ, видимо, по частному порученію—просьбѣ Меншикова Тайная Канцелярія слѣдовала случайно дѣло, до

[1]) Г. А., VII, №№ 63, 179, 28.
[2]) Г. А., VII, № 17

нея совершенно не относящееся. Дошло до насъ также извѣстіе, что уже даже въ 1723 году Тайная Канцелярія имѣла въ своемъ вѣдомствѣ и слѣдовала дѣло по обвиненіямъ придворнаго попа и пѣвчаго «въ непотребствахъ», отнюдь ничего общаго съ «важностью» не имѣющихъ [1]). Конечно, если присылка дѣла была «отъ двора Его Царскаго Величества», то Тайная Канцелярія и подавно совершенно подчинялась велѣнію, хотя-бы и присылаемое дѣло было абсолютно ей чуждо. Такъ, въ 1721 году на Царицыномъ лугу къ Петру подошелъ одинъ человѣкъ съ заявленіемъ, что у него есть дѣло до царя; Петръ отправилъ этого человѣка въ Тайную Канцелярію; по распросамъ оказалось, что человѣкъ этотъ жаловался на Бергъ-коллегію которая не хочетъ дать ему средствъ сдѣлать имъ изобрѣтенные станки для дѣланія денегъ. Дѣло это, до конца веденное Тайной Канцеляріи [2]), служитъ хорошей иллюстраціей, какъ даже въ 1721 году сильно чувствовалось происхожденіе Тайной Канцеляріи: она была все-таки канцеляріей для царскихъ порученій вѣдѣнія Толстого «съ товарищи». Въ декабрѣ 1718 г. Тайная Канцелярія слѣдуетъ по одному доношенію фискала, что купцы отправили за границу плѣнныхъ шведовъ подъ видомъ проводниковъ при живыхъ медвѣдяхъ. Въ розыскѣ по этому поводу близкое участіе, очевидно, принималъ самъ Петръ; въ дѣлѣ имѣется запись: «декабря въ 26 день 718 году по имянному великаго государя указу, *каковъ учиненъ по подлинномъ о томъ дѣломъ* (?) велѣно»... и далѣе идутъ мелкія указанія о дальнѣйшемъ розыскѣ [3]). Это тоже дѣло «особенное» для Тайной Канцеляріи.

На этомъ мы и окончимъ обзоръ дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи. Постараемся теперь подвести нѣкоторые итоги всему вышеизложенному. Дѣла, бывшія въ производствѣ Тайной Канцеляріи, могутъ быть подѣлены на слѣдующіе разряды: I) дѣла по преступленіямъ государственнымъ (оскорбленіе величества, измѣна въ широкомъ смыслѣ слова, всѣ дѣла подозрительныя въ этомъ отношеніи и др.); II) дѣла по преступленіямъ противъ казеннаго «интереса» (взятки и хищенія казеннаго имущества); III) дѣла раскольничьи (въ извѣстной связи съ дѣлами по преступленіямъ государственнымъ); IV) дѣла,

[1]) Г. А., VII, № 6, карт. 2 л. 85.
[2]) Г. А., VII, № 104.
[3]) Г. А., VII, № 30.

попадавшія болѣе или менѣе случайно. Въ количественномъ отношеніи громадное преобладаніе безусловно на сторонѣ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ всѣхъ родовъ и всякой важности, и большой и малой; ихъ смѣло можно считать около 75% всего количества дѣлъ Канцеляріи. Дѣла раскольничьи развѣ немногимъ превышаютъ десятокъ въ своей общей сложности; но попадаются они въ дѣлопроизводствѣ за все время существованія Тайной Канцеляріи и считаются, видимо, до ея вѣдѣнія относящимися. Дѣла «интересныя» тоже очень малочисленны; надо отмѣтить ихъ сравнительную значительность: среднія и мелкія отсутствуютъ въ дѣлопроизводствѣ Канцеляріи. Дѣлъ какъ-бы случайныхъ попадается меньше десяти въ канцелярскомъ производствѣ, т. е. процентъ къ общему количеству совершенно ничтожный. Слѣдуетъ еще въ дополненіе отмѣтить, что дѣла интересныя попадали въ канцелярію не далѣе 1720 г.,— позднѣе они исчезаютъ, Дѣла раскольничьи имѣются и послѣ 1721 г., но ихъ остается крайне мало (собственно одно). Дѣла случайныя почти исключительно приходятся на первое время дѣятельности Канцеляріи; дѣла-же по государственнымъ преступленіямъ, проходя основной струей черезъ все дѣлопроизводство Канцеляріи, въ послѣдніе годы ея дѣятельности почти исключительно остаются въ ея производствѣ.

II.

Какъ мы уже говорили, до 1722 г. намъ не встрѣтилось ни одного указа или повелѣнія, въ которомъ-бы, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя-бы и въ части только, намѣчались тѣ дѣла, которыя должны были бы обычнымъ постояннымъ порядкомъ идти на разрѣшеніе, на «слѣдованіе» въ Тайную Канцелярію. Попытаемся путемъ наблюденія того, какимъ образомъ каждое изъ дѣлъ поступало въ вѣдѣніе Канцеляріи, установить, какъ регулировалась дѣятельность Канцеляріи въ этомъ отношеніи.

Около 50% дѣлъ, производившихся до 1722 г., и въ которыхъ оказалось возможнымъ прослѣдить исторію ихъ передачи въ вѣдѣніе Тайной Канцеляріи, поступали въ Канцелярію отъ двора или кабинета Его Царскаго Величества, обычно при письмѣ Макарова, гдѣ говорилось всегда объ указѣ Петра для этой передачи; иногда, впрочемъ, въ дѣлѣ нельзя опредѣлить,

было-ли прислано оно съ письмомъ; письма эти обычно адресовались одному изъ министровъ Канцеляріи. «Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Съ доносителемъ сего съ маіоромъ Норовымъ, писалъ Макаровъ Толстому въ 1719 году, колодниковъ, присланныхъ съ Москвы, прикажите принять въ Тайную Розыскную Канцелярію; а какія до нихъ дѣла, о томъ я донесу вамъ самъ. Слуга вашъ моего милостиваго государя А. Макаровъ». И въ слѣдующемъ письмѣ, изложивъ дѣло, Макаровъ кончаетъ: «допросъ прилагается при семъ подлинной, и Его Царское Величество указалъ вамъ о томъ свидѣтельствовать, чего для оный сержантъ и достальные присланные съ нимъ солдаты посылаются къ вамъ. Слуга вашъ Алексѣй Макаровъ» [1]). Или въ мартѣ 1720 года Макаровъ писалъ Толстому: «Царское Величество указалъ дѣло дворянъ Бароновыхъ и протчихъ, къ которымъ приказано было спускать суда на Боровицкихъ порогахъ, отослать для розыску въ Тайную Канцелярію къ Вашему Превосходительству; и объ отсылкѣ того дѣла къ оберъ-секретарю Щукину писано; и когда оное пришлется, тогда извольте Ваше Превосходительство приказать оное дѣло принять и по оному изслѣдовать».—И цѣлый еще рядъ такого характера писемъ Макарова къ министрамъ Тайной Канцеляріи дошелъ до насъ за 1720 г. (см. Г. А. IX, № 2, карт. 4, лл. 66, 265, 270, 377 и др.). - Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ царь черезъ Макарова самъ лично направлялъ дѣла въ Канцелярію. Иногда это дѣлалось и черезъ кого-либо другого изъ приближенныхъ царя; напримѣръ, въ 1722 году дѣло было начато такъ: «и о томъ докладывалъ онъ Орловъ Его Императорскому Величеству, и Его Императорское Величество указалъ о томъ изслѣдовать въ Тайной Канцеляріи». Иногда Петръ непосредственно передавалъ колодника, или доношеніе, для «слѣдованія» кому-либо изъ министровъ Канцеляріи; въ 1721 г. Ушаковъ прислалъ подъ карауломъ окольничаго Никиты Акинфіева человѣка Тим. Бархатова, который «подходилъ къ Его Царскому Величеству». Въ томъ-же году Бутурлинъ присылаетъ въ канцелярію еще одного человѣка, осмѣлившагося подойти къ царю, когда онъ шелъ въ строю Преображенскаго полка. Въ маѣ 1718 года, по поводу дѣла о полякѣ Носовичѣ, Толстой писалъ: «сего 1718 году мая 6 дня подалъ Его Царскому Величеству доно-

[1]) Г. А., VII, № 66, лл. 1—2, 20.

шеніе полякъ Григорій Носовичъ,.. по которому Его Царское Величество изволили повелѣть... изслѣдовать намъ въ Канцеляріи Тайныхъ и Розыскныхъ Дѣлъ». Въ 1719 году Петръ прислалъ въ канцелярію «изслѣдовать и розыскивать» объ одномъ архимандритѣ, котораго Петръ лично арестовалъ, уличивъ въ тайномъ служеніи молебновъ передъ какой-то таинственной иконой. И дѣло объ убѣжавшихъ плѣнныхъ шведахъ было, вслѣдствіе фискальскаго доношенія, передано въ Тайную Канцелярію самимъ Петромъ, который послѣ не переставалъ входить лично въ это дѣло [1]). Едва-ли мы ошибаемся, если скажемъ, что до 1722 года около 70% всѣхъ дѣлъ, поступившихъ въ Тайную Канцелярію, поступали по сепаратнымъ прямымъ указамъ Петра, и что никакихъ слѣдовъ общихъ директивъ, выяснявшихъ и опредѣлявшихъ порядокъ поступленія дѣлъ, до 1722 года не существовало. Въ тотъ-же промежутокъ времени, однако, есть рядъ дѣлъ, поступавшихъ въ Тайную Канцелярію отъ другихъ учрежденій непосредственно: въ большинствѣ случаевъ эта передача совершалась «по указу Его Императорскаго Величества»; вопросъ только въ томъ, насколько тутъ ссылка на указъ является ссылкой на сепаратный о данномъ случаѣ указъ, а не просто общимъ выраженіемъ. Надо замѣтить, что въ нѣсколькихъ, хотя и не многихъ, случаяхъ это выраженіе совсѣмъ отсутствуетъ, и передача совершается какъ бы въ обычномъ установленномъ порядкѣ; всѣ дѣла, такъ переданныя, являются дѣлами по оскорбленію Величества, противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Въ такихъ случаяхъ передача дѣлъ совершалась обычно при письмѣ отъ кого-либо изъ власть имѣющихъ къ одному изъ министровъ Канцеляріи. Въ 1719 году Дивіеръ отсылаетъ колодника, сказавшаго за собой «слово и дѣло», въ Тайную Канцелярію при письмѣ на имя Ив. Бутурлина, гдѣ пишетъ, между прочимъ: «того ради оный каторжной невольникъ при семъ посылается до вашего превосходительства для изслѣдованія дѣла, *понеже оное слѣдуетъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ вѣдомства Вашего Превосходительства*». Дѣло было принято Канцеляріей. Въ 1720 г. Дмитріевъ-Мамоновъ при письмѣ на имя Бутурлина присылаетъ «сказку» солдата о «словѣ и дѣлѣ», что тоже принимается къ слѣдованію и рѣшенію [2]). Нѣкоего Михаила

[1]) Г. А., VII, №№ 137, 98, 99, 24, 21, 30.
[2]) Г. А., VII, № 29, карт. I, № 4 и № 11.

Маслова при письмѣ на имя П. А. Толстого присылаетъ въ Тайную Канцелярію свѣтл. князь Меншиковъ по поводу сказаннаго этимъ Масловымъ за собой «государева слова» [1]). Такого рода присылки дѣлъ наводятъ на мысль, что въ концѣ 1719 года обычай и практика заставляли понемногу все болѣе смотрѣть на Тайную Канцелярію, какъ на учрежденіе спеціально предназначенное для сужденія преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ, почему и отправлялись туда дѣла этого рода, разъ они гдѣ-либо возникали. Никакого другого рода дѣла въ Тайную Канцелярію такъ не присылались; по крайней мѣрѣ, намъ не встрѣтилось ни одного такого случая. Это наблюденіе подтверждаетъ наши выводы о предметахъ вѣдѣнія Канцеляріи. — Такимъ образомъ, если большинство дѣлъ поступало въ Канцелярію по прямымъ сепаратнымъ указамъ царя, то уже къ 1719 г. учрежденія начали присылать дѣла непосредственно въ Тайную Канцелярію, исключительно при этомъ дѣла «противъ первыхъ двухъ пунктовъ»; такъ было до 1722 года. Указъ, помѣченный 28-го апрѣля этого года, предписалъ всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ присылать дѣла противъ двухъ пунктовъ и въ Тайную Канцелярію, на ряду съ Преображенскимъ Приказомъ. Съ этого времени всѣ дѣла, за рѣдкими исключеніями, стали поступать въ вѣдѣніе Канцеляріи исключительно этимъ путемъ, согласно велѣнію указа, хотя старые способы и не исчезли совершенно. Дѣло объ одномъ «жителѣ гостинной сотни», возбуждавшемъ подозрѣнія Петра, было уже въ концѣ 1724 года передано въ Тайную Канцелярію такимъ письмомъ: «Государь мой Андрей Ивановичъ! Его Императорскаго Величества указомъ, будучи въ Москвѣ, отданъ мнѣ арестантъ.., и я объ немъ его величеству докладывалъ, и его величество изволилъ указать онаго Шапошникова отдать къ вамъ; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять въ свое вѣдомство»... Письмо это подписалъ А. Румянцевъ [2]).

Такимъ образомъ иногда имѣла мѣсто старая практика; однако это оставалось въ видѣ рѣдкихъ исключеній: учрежденіе постепенно переставало дѣйствовать по порученію, а указнымъ путемъ пріобрѣтало опредѣленную компетенцію; эта компетенція впервые была формально закрѣплена именно указомъ 1722 г.

[1]) Г. А., VII, № 46.
[2]) Г. А., VII, № 188 (л. 1).

Постараемся теперь прослѣдить тотъ путь, какимъ изъ сферы вѣдомства по порученіямъ Тайная Канцелярія пріобрѣла опредѣленный, какъ-бы предустановленный кругъ компетенціи. Вспомнимъ прежде всего тяготѣніе, которое намъ пришлось замѣтить въ маіорскихъ розыскныхъ канцеляріяхъ (Дм.-Мамонова и Плещеева), тяготѣніе къ образованію все болѣе и болѣе опредѣленной сферы вѣдомства канцелярій. Если этому стремленію было трудно сравнительно развиваться, когда порученія, слишкомъ разнообразныя заполняли производство канцелярій, то тамъ, гдѣ почти съ самаго начала характеръ порученій—и очень значительныхъ—является вполнѣ опредѣленнымъ, естественно такому стремленію къ точному выясненію сферы компетенціи выразиться въ особенно рѣзкой формѣ и быстрѣе перейти въ практику, это-то и можно наблюдать на Тайной Канцеляріи, разсмотрѣніемъ чего мы сейчасъ и займемся.

Мы уже приводили выдержку изъ письма Дивіера къ Бутурлину, гдѣ Дивіеръ говоритъ, что отсылаетъ колодника, сказавшаго «слово и дѣло», къ Бутурлину именно, «понеже оное слѣдуетъ въ Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ»; въ томъ-же 1719 году Ѳеодосій, архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, посылая на имя П. А. Толстого одного монаха, сказавшаго «слово и дѣло», пишетъ въ письмѣ, въ объясненіе такой посылки, «понеже оныя дѣла ввѣрены вашему сіятельству» [1]), и Толстой не возражалъ,—дѣло было принято, слѣдовано и рѣшено Тайной Канцеляріей; Толстой какъ будто молчаливо согласился съ архимандритомъ въ опредѣленіи компетенціи Тайной Канцеляріи. Въ 1719-же году Матвѣевъ изъ Юстицъ-коллегіи пересылаетъ прямо въ Тайную Канцелярію донесеніе по «слову и дѣлу» (о непристойныхъ словахъ), и Тайная Канцелярія дѣло принимаетъ и слѣдуетъ по нему [2]). Всѣ эти факты показываютъ, что уже въ это время въ правящихъ кругахъ создалось опредѣленное представленіе, что дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ «ввѣрены» Тайной Канцеляріи Толстого. Это представленіе уже тогда какъ-бы санкціонировалось по поводу частныхъ случаевъ самимъ Петромъ. Въ 1719 году были присланы казанскимъ вице-губернаторомъ колодники, «до которыхъ касаются важныя царскаго величества дѣла»; Ушаковъ, пересылая этихъ колодниковъ и

[1]) Г. А., VII № 54.
[2]) Г. А., VII, № 72.

самое дѣло, пишетъ Ромодановскому, тогда бывшему въ Петербургѣ: «въ нынѣшнемъ 1719 году въ іюнѣ мѣсяцѣ Царское Величество указалъ по именному своему величествія указу, какъ изволилъ быть на Котлинѣ острову, по докладу д. т. с. кав. Петра Андреевича Толстого по Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, ежели впредь будутъ вновь какія дѣла касаться о здоровьѣ Его высокомонаршей чести и другія подобныя тому и оныя чтобъ примать Вашему Сіятельству и, что принадлежитъ, исполнить по правамъ его царскаго величества». Однако, это дѣло опять возвращается въ Тайную Канцелярію. «1719 года сентября въ 15 день по имянному царскаго величества указу таково дѣло изъ Преображенской Канцеляріи *за отъѣздомъ изъ Санктпетербурха въ Москву* ближняго стольника князя Ивана Ѳедоровича *Ромодановскаго* велѣно отослать для розыску и учиненія указа въ канцелярію розыскныхъ тайныхъ дѣлъ» [1]); эта передача и произошла въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, еще въ 1719 году съ санкціей Петра происходитъ сближеніе компетенцій и размежеваніе районовъ только чисто географическое въ сферахъ дѣятельности Тайной Канцеляріи и Преображенскаго приказа, т. е. уже намѣчается все то, что было закрѣплено указомъ 1722 года. И традиція такого размежеванія длится далѣе 1719 года, при чемъ, кажется, есть стремленіе у Тайной Канцеляріи стараться передавать дѣла при первой возможности Преображенскому Приказу. Въ 1723 г. Ушаковъ не принимаетъ присылаемыхъ ему колодниковъ, а отправляетъ ихъ къ Ромодановскому,—который былъ въ это время въ Петербургѣ,—мотивируя это тѣмъ, «что таковыхъ надлежитъ отсылать въ преображенскую канцелярію»; а въ 1721 г. въ Москвѣ «въ канцеляріи на потѣшномъ дворѣ»,—какъ увидимъ, бывшей исполнительнымъ органомъ Тайной Канцеляріи,—дьяки, выслушавъ отъ одного рекрута доношеніе «о царственномъ дѣлѣ», отправили его въ Преображенскій приказъ, «ибо оное надлежитъ слѣдовать въ Преображенскомъ Приказѣ» [2]); это, конечно, было сдѣлано съ одобренія Тайной Канцеляріи.

Выясненіе области вѣдѣнія Канцеляріи шло и другимъ путемъ, такъ сказать, отрицательно. Въ 1720 г. дьякъ Большой

[1]) Г. А., VII, № 29, I карт. (№ 12).
[2]) Г. А., VII, №№ 179 и 108.

громогласно обвинялъ дьяка Сибилева во взяткахъ, и когда комендантъ Бахметевъ донесъ объ этомъ въ Тайную Канцелярію, то она постановила передать дѣло въ Юстицъ-коллегію, «гдѣ по взяткамъ дѣло слѣдуются» [1]); а послѣ указа 1722 г. Канцелярія, очевидно, совершенно опредѣленно всѣ «интересныя» дѣла выключаетъ изъ своего вѣдѣнія; въ этомъ году кн. Мих. Голицынъ присылаетъ Ушакову колодника, сказавшаго «слово и дѣло», и при этомъ ссылается на указъ отъ 8 апрѣля этого года. Когда-же на допросѣ выяснилось, что колодникъ доноситъ только по «интересному» дѣлу, то Ушаковъ отправляетъ его обратно Голицыну, мотивируя это тѣмъ, что «вѣдаетъ онъ (т. е. доноситель) о похищеніи его императорскаго величества интересовъ, и по оному его вопросу къ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ слѣдованіемъ не подлежитъ» [2]). Въ ноябрѣ 1724 г. Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ шлетъ въ Кабинетъ «доношеніе» (за подписью Толстого), при которомъ пересылаетъ дѣло по челобитью фискала Терскаго въ виду того, что «о деньгахъ къ Тайной Канцеляріи не приличествуетъ» [3]). Въ 1721 году, когда адмиралтействъ-коллегія прислала «пункты» доносительные одного взятаго по «слову и дѣлу» въ Тайную Канцелярію, пункты съ обвиненіемъ оберъ-секретаря Тормасова во взяткахъ, то по опредѣленію Тайной Канцеляріи, за подписями Бутурлина и Ушакова, дѣло по этимъ «пунктамъ» не было принято, «понеже по онымъ пунктамъ къ тайнымъ дѣламъ важности не касается» [4]). Въ 1720 году одинъ солдатъ сказалъ «слово и дѣло» (и поэтому былъ отъ Двора присланъ въ Канцелярію), но тутъ «важности не явилось», а потому его отправили изъ Тайной Канцеляріи, которая отказалась «слѣдовать» дѣло [5]). Такимъ образомъ здѣсь, кромѣ уклоненія отъ дѣлъ «интересныхъ», какъ-будто есть намекъ, что Тайная Канцелярія занимается только дѣлами тайными съ важностью.

Вопросъ о «важности»—вопросъ сложный и запутанный. Когда и какъ образуется выраженіе—«важность», «важное дѣло», установить трудно; повидимому, понятія эти вошли въ обиходъ Тайной Канцеляріи уже въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ. Въ 1720 году въ опредѣленіи о посылкѣ одного дѣла и

[1]) Г. А., VII, № 61.
[2]) Г. А., VII, № 29 (карт. 1).
[3]) Г. А., К. П., кн. 81 л., 42.
[4]) Г. А., VII, № 84.
[5]) Г. А., VII № 29 (карт. 1).

доношенія о «непристойныхъ словахъ» въ Сенатъ, Тайная Канцелярія писала, чтобы «онаго доношенія, кромѣ Правительствующаго Сената, ни оберъ-секретарю не распечатывать, понеже въ немъ важность имѣется не малая» [1]). Изъ этого уже видно, что понятіе важности включало въ себѣ дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ указа 1715 года, и что «важность» должна вообще быть строго скрываема отъ болѣе или менѣе посторонняго взора.

Въ 1722 г., отсылая Адмиралтействъ-коллегіи дѣло о «словѣ и дѣлѣ» и колодника съ нимъ, Тайная Канцелярія писала: «вчерашняго числа изъ помянутой коллегіи въ Тайную Канцелярію присылали колодника изъ матросовъ Андрея Лебедева и съ нимъ при промеморіи распросныя его Лебедева рѣчи, гдѣ объявлена на капитана Кошелева, да на кап.-лейтенанта Ѳогенкегеля важная причина... и (этого) принимать въ оную канцелярію не подлежитъ, ибо та коллегія вступила въ дѣйство не свое, и матроса обстоятельно распрашивать не надлежало;... и не такъ, чтобъ его важность изъяснять», а дѣйствовать надо было по указу 28 апрѣля 1722 г. о говорящихъ за собой «слово и дѣло»; «а понеже въ адмиралтейской коллегіи важность изъ распросу матросскаго явна, и для того Тайная Канцелярія слѣдовать не можетъ, ибо то дѣло начало возымѣло не тайно, но многимъ явно, которымъ вѣдать было не подлежало; и распросныя рѣчи присланы въ Тайную Канцелярію незапечатаны, просто».—Отсылая все обратно, Тайная Канцелярія въ заключеніе проситъ о томъ, «что учинено» будетъ по слѣдованію объ этомъ дѣлѣ въ Адмиралтействъ-коллегіи, ее извѣстить. Коллегія аккуратно исполняетъ просьбу, извѣщая въ январѣ 1723 г., что извѣтъ оказался ложнымъ, и Лебедевъ былъ казненъ [2]).

Въ 1722 году по вопросу о дачѣ по одному дѣлу (злоумышленіе на царя) справки Ушаковъ велитъ секретарю Топилскому дать требуемую справку такъ, чтобы не говорить въ ней о сущности дѣла вслѣдствіе его важности. Тогда-же Тайная Канцелярія въ опредѣленіи своемъ дѣлаетъ замѣчаніе св. Синоду,—который осмѣлился вступать въ подробный допросъ по одному дѣлу о «словѣ и дѣлѣ»,—что ему «распрашивать не надлежало» «о слѣдованіи таковыхъ важныхъ словъ». Въ

[1]) Г. А., VII, № 64 (л. 101 об.).
[2]) Г. А., VII, № 29 (карт. I, № 33).

1723 году Тайная Канцелярія уже опредѣленно «главному магистрату имѣетъ предосужденіе», а бурмистрамъ грозитъ «учиненіемъ наказанія» «за такую продерзость», что въ допросахъ своихъ по извѣту они «самую важность открыли, чего весьма чинить имъ не подлежало». Наконецъ, въ январѣ 1725 года въ протоколѣ Канцеляріи есть слѣдующая запись: въ отвѣтъ на указъ сената о присылкѣ непосредственно по требованіямъ генералъ-фискала всѣхъ дѣлъ Канцеляріи ему на просмотръ, Канцелярія возражаетъ, что у нея есть «государственныя важныя секретныя вершеныя дѣла приличныя къ первымъ двумъ пунктамъ», «таковыхъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ къ генералу фискалу Тайная Канцелярія отдавать не смѣетъ, понеже о секретѣ и о важности оныхъ многимъ вѣдать не подлежитъ», отчего, по мнѣнію оной канцеляріи «можетъ не безъ вредности государственной быть; и о томъ изъ сената требовать указу» [1]). Толстой въ одномъ письмѣ 1724 года къ Ушакову пишетъ, что важныя дѣла, въ тотъ моментъ имѣвшіяся въ Канцеляріи, были—дѣло новгородское и дѣло Санина [2]); а оба эти дѣла, большія по своимъ размѣрамъ, являются преимущественно дѣлами противъ первыхъ двухъ пунктовъ,—объ оскорбленіи чести Его Царскаго Величества.

Всѣ эти данныя исчерпываютъ тотъ матеріалъ по рѣшенію вопроса о «важности», который имѣется въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи; изъ нихъ можно только вывести, что къ дѣламъ важнымъ относятся всѣ дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ, и что тайна является непремѣннымъ условіемъ веденія «важныхъ» дѣлъ, ибо, если важность сдѣлается всѣмъ явной, то отъ этого можетъ произойти «государственная вредность». Едва-ли дальнѣйшіе поиски къ болѣе точному выясненію понятія о «важности» могутъ привести къ болѣе плодотворнымъ результатамъ. Надо полагать, что и въ то время за терминомъ этимъ не было вполнѣ опредѣленнаго значенія; понятіе о важности было, видимо, шатко. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что къ 1723—25 годамъ дѣла по преступленіямъ государственнымъ (не случайнымъ и безсознательнымъ) входили въ категорію «важныхъ» дѣлъ; въ нихъ обычно считалась присутствующей «важность», съ распространеніемъ извѣстій о сущности которой, возникала «вредность» для государственнаго строя, въ силу чего «важность» и «тайность» всегда и неизбѣжно сопутствовали, должны были сопутствовать другъ другу.

[1]) Г. А., VII, №№ 117, 123, 124, 203 (л. 3).
[2]) Г. А., VII, № 103 (л. 271).

Если такимъ образомъ дѣла интересныя изъ вѣдѣнія Канцеляріи отметались, если дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ, дѣла «важныя», обычаемъ начали присылаться въ Тайную Канцелярію, какъ въ мѣсто ихъ вѣдѣнія,—съ чѣмъ Канцелярія молчаливо какъ-бы соглашалась, принимая ихъ,—однако къ 1722 году явились, видимо, недоразумѣнія. Дивіеръ, какъ наиболѣе часто имѣвшій колодниковъ по «слову и дѣлу», началъ затрудняться, наконецъ, такой ихъ присылкой въ Тайную Канцелярію только вслѣдствіе обычая, и какъ разъ въ день указа 1722 г. (28-го апрѣля) пишетъ Толстому письмо, въ которомъ говоритъ: «и о тѣхъ (т. е. о говорящихъ за собой «слово и дѣло») куды ихъ нынѣ отсылать, требовали отъ вашей милости извѣстія, но токмо того извѣстія и по нынѣ не получили: а оные колодники и по ихъ оговорамъ другіе держатся подъ карауломъ; и въ небытность вашей милости въ С.-Петербургѣ тѣхъ колодниковъ такожъ и впредь по розыскнымъ дѣламъ въ таковыхъ же дѣлахъ является; куда отсылать, никакого повелительнаго указа не имѣемъ. Того ради васъ, моего государя, прошу, дабы меня увѣдомить: вышеозначенныхъ колодниковъ и по тѣмъ дѣламъ оговоренныхъ людей, такожъ которые и впредь за собой будутъ сказывать Его Императорскаго Величества слово, въ С.-Петербургѣ къ слѣдованію къ кому отсылать, чтобъ въ томъ какого продолженія и по ихъ оговорамъ оговорнымъ людямъ упущенія не возымѣлось». Итакъ вопросъ, очевидно, назрѣлъ; довольствоваться обычаемъ, частымъ случаемъ стало трудно; указъ состоялся въ тотъ-же день въ подтвержденіе установившагося обычая; и Толстой въ отвѣтъ на это письмо Дивіера, уже имѣя указъ, писалъ: «и на оное Вашему Превосходительству предъявляю: такихъ колодниковъ изволите отсылать въ С.-Петербургѣ въ Тайную Канцелярію, а въ Москвѣ—въ Преображенскій Приказъ» [1]). Такъ былъ окончательно рѣшенъ вопросъ, уже подготовлявшійся ранѣе, и рѣшенъ въ ранѣе опредѣлившемся направленіи: съ 28-го апрѣля 1722 года по закону уже Тайная Канцелярія имѣла своей прямой обязанностью слѣдовать дѣла по «слову и дѣлу»; къ этому-же времени она отклонилась отъ дѣлъ «интересныхъ»; дѣла случайныя теперь уже

[1]) Г. А., VII, № 29 (II карт. Дѣло о бѣглымъ матрозѣ Иванѣ Яковлевѣ, л. 125, 126 и далѣе).

въ нее почти не попадали, и Тайная Канцелярія съ этого года пріобрѣла опредѣленный обликъ учрежденія, исключительно вѣдавшаго преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ. И въ слѣдующемъ году Канцелярія тщательно и ревниво слѣдитъ за своимъ исключительнымъ правомъ слѣдованія по «дѣламъ государственнымъ», раздѣляемымъ только съ Преображенской Канцеляріей. Когда въ 1723 году Главный Магистратъ и ратуша Старой Русы осмѣлились сами допрашивать по поводу одного «слова и дѣла», то Тайная Канцелярія въ опредѣленіи своемъ написала: «бурмистры вступили не въ свое дѣйство.... и въ распросѣ того Дружинина самую важность явно открыли, чего чинить весьма имъ не подлежало», за что «Тайная Канцелярія главному магистрату имѣетъ предосужденіе», а помянутымъ бурмистрамъ, «учинено имъ будетъ за такую продерзость наказаніе» [1]). Опредѣленіе это было за подписью Ушакова. Такъ устанавливалась компетенція Петровской Тайной Канцеляріи.

III.

Когда въ 1720 году Тайную Канцелярію спросили «для лучшаго сочиненія уложенія объ указахъ», «которые о чемъ учинены особливыми имянными указы, по приличности, прежняго уложенія главъ, въ томъ числѣ ко второй главѣ», то Канцелярія отвѣчала, что «другія дѣла», кромѣ Суздальскаго и Кикинскаго, въ Канцеляріи «вершены по Уложенію второй главы и по военному артикулу третьей главы по 19-му и по 20-му артикуламъ» [2]). Такимъ образомъ уже въ концѣ 1720 года Тайная Канцелярія считала правовыми нормами своего дѣйствованія вторую главу Уложенія и параграфы Воинскихъ Артикуловъ; мы уже видѣли, что это ничуть не исключало вліянія сепаратныхъ указовъ, помимо Уложенія рѣшавшихъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, хотя бы въ общей идеѣ только, Тайная Канцелярія кладетъ все-таки въ основу своего дѣйствованія нормы Уложенія и Артикуловъ. Конечно, эти нормы дѣйствуютъ не въ самомъ процессѣ, а единственно при наложеніи наказанія. Вторая глава Уложенія по своимъ процессуальнымъ нормамъ и не можетъ ничего дать; если тамъ намѣ-

[1]) Г. А., VII, № 124.
[2]) Г. А., VII, № 69.

чены двумя-тремя чрезвычайно общими штрихами процессуальныя нормы, то даже въ этихъ общихъ штрихахъ онѣ совершенно не годятся для Тайной Канцеляріи; въ воинскихъ артикулахъ процессуальная сторона не сильнѣе. Весьма вѣроятно, что на установленіе этихъ нормъ, хотя и въ указанныхъ предѣлахъ, повліяли многочисленные указы Петра о рѣшеніи то того, то другого дѣла «по Уложенію». Съ 1722 года ссылки на Уложеніе при постановленіи рѣшеній становятся въ опредѣленіяхъ Канцеляріи чрезвычайно часты [1]) и, можно сказать, постоянны въ дѣлахъ болѣе мелкихъ, менѣе важныхъ, о которыхъ, не доводилось до свѣдѣнія Петра; съ того-же времени начинаемъ встрѣчать и сепаратные указы Петра о рѣшеніяхъ «по Уложенію». Видимо, иногда также и другія статьи Воинскихъ Артикуловъ, при надобности, пускались въ ходъ Тайной Канцеляріей; такъ въ одномъ опредѣленіи Канцеляріи отъ 1722 г. имѣется ссылка на ст. 149 Воинскихъ Артикуловъ [2]).

Однако, нормы Уложенія и Артикуловъ примѣнялись на практикѣ очень растяжимо и часто совершенно отвергались, или исправлялись, что отнюдь не считалось предосудительнымъ уклоненіемъ отъ законнаго пути. Напримѣръ, въ 1723 году въ одномъ опредѣленіи читаемъ: «по уложенью второй главы седьмонадесятой статьи надлежало было ему (преступнику) учинить смертную казнь, отсѣчь голову, а по мнѣнію генерала-маіора Ушакова смертной казни ему Корноухову не чинить, за то... (идетъ объясненіе)... а вмѣсто смертной казни... быть ему тамо (въ земляной тюрьмѣ) неисходно»; это опредѣленіе вошло въ силу послѣ того, какъ Толстой высказалъ «согласное» мнѣніе [3]). Съ другой стороны, приходившія въ голову «министрамъ» разнаго рода, иногда весьма субъективнаго характера, соображенія, видимо, считались вполнѣ умѣстными въ оправданіе того или иного приговора помимо всякихъ соображеній съ Уложеніемъ или Артикулами, и соображенія эти приводились обычно въ текстѣ «опредѣленій». По поводу присланнаго изъ Малороссіи монаха и его видѣній (совершенно безсмысленныхъ) было рѣшено, что все это со стороны монаха—нѣкое «плутовство», и «его ложному плутовству вѣрить не мало не подлежитъ», и монаха присудили

[1]) Г. А., VII, № 29, № 7, ч. III, № 167 и др.
[2]) См. Г. А., VII, № 149.
[3]) Г. А., VII, № 50.

къ вѣчной ссылкѣ въ монастырь Архангелогородской губерніи [1]). Это было въ 1721 году. Въ 1723 году Тайная Канцелярія опредѣляетъ по поводу одного малоросса, сказавшаго непристойныя слова, что, хотя свидѣтели два человѣка показали «сходно той его простотѣ, однакоже безъ наказанія отпустить той вины невозможно для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежитъ»; того ради «бить нещадно батоги» [2]). Здѣсь уже Тайная Канцелярія вводитъ свою собственную уголовную норму, что бранить никого такимъ образомъ нельзя, и что за брань такую подлежатъ виновные битью батогами. По поводу новаго доноса («слова и дѣла») одного колодника, Тайная Канцелярія опредѣляетъ не задерживать въ виду этого его наказанія и не докладывать царю, «понеже онъ (колодникъ), отбывая смертной казни, можетъ и часто такія бездѣльныя доношенія подавать, продолжая жизнь свою». По поводу доноса на нѣкоего колодника Муравщика Тайная Канцелярія пытала его много, и въ результатѣ въ опредѣленіи написано: «въ пятомъ розыску и съ огня говорилъ, что тѣхъ словъ онъ (Муравщикъ) никогда не говаривалъ, а свидѣтели стоятъ въ первыхъ своихъ словахъ», т. е. обвиняютъ Муравщика; Канцелярія имъ почему-то вѣритъ, и ссылаетъ Муравщика въ дальніе города въ работу [3]). Такъ не рѣдко личное усмотрѣніе ставилось на мѣсто закономъ установленныхъ нормъ, правда, весьма несовершенныхъ. Есть намекъ, что иногда при этомъ стремились руководствоваться «прежде бывшими примѣрами», т. е. старой практикой. Ушаковъ въ одномъ письмѣ своемъ Толстому въ 1721 году писалъ, что по одному дѣлу о раскольникахъ онъ просилъ Макарова доложить Государю, «что чинить, о томъ бы онъ, господинъ Макаровъ, доложилъ Его Царскаго Величества, а прежніе у насъ примѣры о обратившихся отсыланы въ Невскій и Соловецкій монастырь для исправленія» [4]). Здѣсь хотя и не совсѣмъ опредѣленно, но какъ-будто Ушаковъ имѣетъ въ виду придержаться того порядка, который былъ установленъ примѣрами болѣе ранними.

Такъ дѣйствовала Тайная Канцелярія; она не имѣла никакого законодательнаго акта, которымъ-бы нормировалась ея дѣятельность; да этого и не могло быть первое время, когда

[1]) Г. А., VII, № 51 (л. 26 об.).
[2]) Г. А., VII, № 170.
[3]) Г. А., VII, №№ 8, и 166.
[4]) Г. А., VII, № 111 (л. 2).

передъ нами было собственно учрежденіе для порученій. Однако, не проходитъ трехъ лѣтъ, какъ Канцелярія считаетъ своею обязанностью опираться уже на извѣстныя нормы, хотя только въ части обнимающія ея дѣятельность; этими нормами являлись Уложеніе и Артикулы. Постоянное отклоненіе отъ этихъ нормъ, стремленіе, можетъ быть, и не сознательно, даже устанавливать новыя въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ,—очевидно, все это господствовало въ практикѣ Канцеляріи во весь петровскій періодъ ея дѣятельности; иногда-же какъ будто выступала на сцену идея руководствованія старой практикой;—въ итогѣ никакихъ прочныхъ, постоянныхъ правовыхъ нормъ не лежало въ основѣ дѣятельности Тайной Канцеляріи; раціонализирующій произволъ министровъ, да конкретные указы царскіе являлись чаще всего въ видѣ правовыхъ нормъ, и лишь во второй половинѣ дѣятельности Канцеляріи Уложеніе и Артикулы были до нѣкоторой степени этими нормами; но, будучи очень несовершенны сами по себѣ, они могли, какъ мы видѣли, нормировать дѣятельность Канцеляріи только въ части о присужденіи наказаній; во всемъ-же остальномъ, во всемъ процессѣ вплоть до этого момента всякія нормы у Тайной Канцеляріи отсутствовали: своихъ собственныхъ не было въ этомъ временномъ установленіи для порученій (а именно такъ на нее смотрѣлъ Петръ во все время царствованія), со стороны-же было взять неоткуда; и только, когда Петру уже самому стало трудно слѣдить пристально за приговорами Канцеляріи, онъ стремился обезпечить правильность ихъ хотя-бы Уложеніемъ и Артикулами.

На такомъ шаткомъ правовомъ базисѣ дѣйствовала Тайная Канцелярія.

IV.

Въ средѣ современныхъ государственныхъ учрежденій Тайная Канцелярія занимала высокое мѣсто; только одинъ Сенатъ, да Кабинетъ Его Величества стояли надъ ней. По отношенію Сената Тайная Канцелярія находилась въ прямо подчиненномъ положеніи: это видно уже изъ того, что Сенатъ служилъ для Канцеляріи непосредственной апелляціонной инстанціей: онъ разсматривалъ жалобы на Канцелярію въ случаѣ ихъ возникновенія; къ нему-же на разрѣшеніе Тайная Канцелярія посылала тѣ дѣла, которыя рѣшать сама не осмѣливалась по какимъ-либо обстоятельствамъ.

Отношенія Канцеляріи къ Сенату установились издавна, съ самаго возникновенія Канцеляріи. Еще въ мартѣ 1718 года, когда Канцелярія была учрежденіемъ, занятымъ почти спеціально розыскомъ царевичева дѣла, всѣ приговоры по этому дѣлу чинилъ собственно Сенатъ, съѣзжаясь въ помѣщеніе Тайной Канцеляріи, которая только подготовляла все слѣдствіе и докладывала выписки по розыскамъ. Такимъ образомъ съ самаго возникновенія Канцеляріи, Сенатъ сталъ надъ ней; но съ другой стороны какъ разъ въ это самое время отношенія Императора къ Канцеляріи были очень близки и едва-ли позволяли имѣть Канцеляріи надъ собой еще какое-либо начальство; вѣроятно, этимъ можно объяснить, что до 1720 года Тайная Канцелярія если и входитъ въ сношенія съ Сенатомъ, то только по непосредственному указу царя; да и въ 1720 году Тайная Канцелярія входила въ Сенатъ съ дѣломъ особаго рода, и это скорѣе было дипломатическимъ шагомъ въ щекотливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ проявленіемъ дѣйствительной подчиненности Канцеляріи Сенату: какой-то подъячій Орловъ, сказавъ за собой «слово и дѣло», обвинялъ во взяткахъ и всяческихъ беззаконныхъ потворствахъ дьяковъ Преображенскаго Приказа и самого кн. Ромодановскаго; произведя объ этомъ «слѣдованіе» (приведшее къ полному обѣленію Приказа и Ромодановскаго), Тайная Канцелярія учинила только «мнѣніе» и все дѣло послала на санкцію въ Сенатъ; здѣсь съ мнѣніемъ Канцеляріи согласились, и былъ присланъ указъ: доносителю «учинить вмѣсто натуральной смерти политическую» [1]).

Не имѣлась-ли тутъ, въ виду щекотливости дѣла, затрогивающаго такого человѣка, какъ кн. Ромодановскій, возможность устраниться и снять съ себя отвѣтственность за всякія возможныя недоразумѣнія, прикрывшись сенатскимъ рѣшеніемъ? Хотя въ томъ-же 1720-мъ году Сенатъ какъ-бы закончилъ дѣло о подъячемъ Курванцовѣ, слѣдовавшееся собственно въ Тайной Канцеляріи,—однако это произошло въ силу прямого о передачѣ указа Петра, и никакого выраженія подчиненности тутъ искать нельзя; а въ 1721 году, постановивъ одинъ приговоръ о раскольникахъ, Тайная Канцелярія «требуетъ» на это изъ Сената «рѣшенія», и Сенатъ присылаетъ свой указъ, которымъ утверждаетъ постановленіе Канцеляріи («приказали....

[1]) Г. А., VII, № 48.

быть по мнѣнію Тайной Канцеляріи») [1]). Трудно выяснить, почему именно это дѣло изъ многихъ подобныхъ Тайная Канцелярія рѣшила провести черезъ санкцію Сената; быть можетъ, въ дѣлѣ были какія-либо особыя обстоятельства, заставлявшія Канцелярію искать опоры въ рѣшеніи Сената. Въ декабрѣ 1721 года Петръ именнымъ указомъ по частному дѣлу опредѣленно ставитъ Тайную Канцелярію подъ начало Сената: по указу царя «доношеніе» нѣкоего Попова, что «неправо безвинно имъ розыскивано» въ Тайной Канцеляріи,—съ дѣломъ объ этомъ Поповѣ отправляется для рѣшенія въ Сенатъ. Тайная Канцелярія пишетъ, что дѣло съ доносомъ Попова препровождается въ Сенатъ, «дабы о писанномъ учинить повелѣли по Его Императорскаго Величества указу,—пишетъ Толстой въ доношеніи Тайной Канцеляріи Сенату,—понеже о томъ въ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ слѣдовать не возможно, ибо на нее протестуютъ; для того оная канцелярія у Правительствующаго Сената проситъ, чтобъ отъ показаннаго плута Попова оборонить» [2]). Тайная Канцелярія проситъ у Сената просто защиты отъ «плутовъ»; такъ понимается,—или желательно, чтобы понимался,—указъ Петра объ изслѣдованіи жалобъ Попова на Канцелярію въ Сенатъ. Къ 1724 году эти отношенія, повидимому, перешли въ болѣе или менѣе постоянную и опредѣленную форму подчиненія и нѣкотораго контроля даже со стороны Сената; по крайней мѣрѣ Сенатъ, указомъ своимъ отъ 26-го февраля 1724 года, требуетъ отъ Канцеляріи «доношенія» о числѣ колодниковъ и «за чѣмъ кто держится и для чего онымъ рѣшеніе не учинено»; требованія, явно имѣющія въ виду нѣкоторый контроль дѣятельности Канцеляріи [3]). Уже съ 1723 года (а можетъ быть и ранѣе) Канцелярія стала обязанной доставлять Сенату «мѣсячные репорты», посылать счетныя выписки каждый мѣсяцъ въ сенатскую Ревизіонъ-Контору; видимо при этомъ не было никакихъ пререканій, и Тайная Канцелярія не протестовала противъ такого систематическаго опредѣленнаго контроля; а въ 1725 году опять «подано въ Сенатъ доношеніе съ выпискою по протесту, поданному отъ бывшаго синодскаго секретаря Герасима Семенова, по которымъ надлежитъ слѣдовать и рѣшеніе учинить въ Сенатѣ» [4]).

[1]) Г. А., VII, №№ 64 93.
[2]) Г. А., VII, № 101 (л. 3 об.).
[3]) Г. А., VII, № 6 (л. 112).
[4]) Г. А., VII, № 6 (карт. 2 и 4); № 150, ч. IV.

Итакъ Сенатъ остается не только апелляціонной инстанціей, но до извѣстной степени даже контролируетъ дѣятельность Тайной Канцеляріи; все это, повидимому, окончательно упрочивается въ 1724 и 1725 годахъ. Необходимо замѣтить, что какъ разъ въ это время Тайная Канцелярія стала очень тяготить, какъ увидимъ ниже, ея первенствующаго министра П. А. Толстого;—онъ началъ стремиться отъ нея отдѣлаться.

Въ 1725 году Сенатъ выразилъ желаніе, чтобы «по требованію генералъ-фискала» Канцелярія давала ему всѣ свои дѣла, «не требуя о томъ изъ Сената указу»; въ этомъ-же какъ-бы виднѣется попытка захватить всю власть надъ Канцеляріей для генералъ-фискала. Однако, тутъ Тайная Канцелярія дала отпоръ, говоря въ «доношеніи» Сенату, что она никакъ «отдавать не смѣетъ важныя секретныя дѣла, приличныя къ первымъ двумъ пунктамъ», почему и требуетъ о томъ указу изъ Сената; былъ-ли этотъ отвѣтный указъ, установить не пришлось; дѣла Канцеляріи, однако, въ руки генералъ-фискала не попали [1]). И все-таки, несмотря на выраженіе тутъ явнаго протеста Сенату, Тайная Канцелярія заканчиваетъ этотъ протестъ тѣмъ, что ждетъ указа, т. е. какъ-бы только представляетъ свои соображенія, а ужъ тамъ, какъ Сенатъ распорядится. Тутъ вновь несомнѣнно выраженное, хотя бы формальное только, подчиненіе Канцеляріи Сенату. И иногда долго приходилось ждать Тайной Канцеляріи, пока Сенатъ соберется принять и разобрать дѣло и дать по нему «указъ». Въ декабрѣ 1721 года было отправлено изъ Тайной Канцеляріи доношеніе о Поповѣ, и только въ февралѣ 1725 года послѣдовалъ о Поповѣ сенатскій указъ [2]). Въ 1724 году Канцелярія предложила Толстому цѣлый списокъ доношеній ея, по которымъ Сенатъ все затягивалъ дачей указовъ, такъ что Толстой «обѣщалъ въ Сенатѣ говорить и стараться о резолюціи» [3]).

Такимъ образомъ отношенія Сената и Тайной Канцеляріи съ начала и до самаго конца оставались одинаковыми по своему существу. Канцелярія была въ прямомъ подчиненіи Сенату. Если въ этомъ подчиненіи и произошла заминка, если со второй половины 1718 г. по 1720 г. это подчиненіе почти фактически аннулировалось и, можетъ быть, не безъ стремленія

[1]) Г. А., VII, № 6 карт. 4
[2]) Г. А., VII, № 101.
[3]) Г. А., VII, № 6, („Протоколъ за 1724 г.").

къ этому со стороны Канцеляріи, то позднѣе оно начинаетъ пріобрѣтать болѣе прочныя и точныя формы: и, можно думать, это облегчается охлажденіемъ къ Канцеляріи Толстого, и яснымъ уже въ началѣ 1724 г. желаніемъ его сбыть Канцелярію со своихъ рукъ. Но все-таки искать точно установленныхъ и опредѣленно формулированныхъ отношеній между этими учрежденіями едва-ли возможно, такъ какъ нельзя забывать основной характеръ Тайной Канцеляріи: это личная канцелярія, по системѣ порученія построенная.

Кабинетъ Его Величества во времена Петра Великаго не представлялъ собой учрежденія достаточно сформировавшагося, будучи какъ-бы дѣйствительно личнымъ кабинетомъ Петра, откуда выходили царевы указы и распоряженія. Конечно, по отношенію къ такому установленію Тайная Канцелярія являлась учрежденіемъ низшимъ, подчиненнымъ, хотя сношеній Кабинета съ Канцеляріей мы знаемъ очень мало; эти сношенія шли со стороны Канцеляріи, конечно, въ формѣ «доношеній». Въ 1723 году Топилскій, по приказанію Макарова, прислалъ ему сдѣланные по нѣкоторымъ дѣламъ Тайной Канцеляріи «экстракты», которые такимъ образомъ вносятся въ Кабинетъ [1]). Съ другой стороны мы видѣли, что много дѣлъ поступало въ Канцелярію по присылкѣ изъ Кабинета, «отъ двора Его Величества». Если не ошибаемся, этимъ и оканчиваются всѣ сношенія Канцеляріи и Кабинета.

«Доношеніями» сносилась Тайная Канцелярія и съ Вышнимъ судомъ [2]); но очевидно, съ нимъ не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ, будучи совершенно отъ него независима.

«Доношеніями» же писала Канцелярія и св. Синоду [3]); но по отношенію къ нему Канцелярія тоже была абсолютно независима; отношенія этихъ учрежденій были чрезвычайно рѣдки и несложны.

Довольно часты и сложны были отношенія Тайной Канцеляріи къ Преображенской Канцеляріи (или Преображенскому Приказу, какъ это учрежденіе именовалось преимущественно въ царствованіе Петра); вѣдь въ огромной области государственныхъ преступленій сферы компетенціи Преобра-

[1]) Г. А., К. П., кн. 64, 451 л. VII, № 111, л. 2.
[2]) См. Г. А., VII, № 79.
[3]) См. напр. ,Г. А., VII, № 133 («опредѣленіе») или № 85.

женской и Тайной Канцеляріи,—формально по крайней мѣрѣ,—были совсѣмъ не разграничены.

Въ 1719 году Ушаковъ при письмѣ Ромодановскому, тогда бывшему въ Москвѣ, передаетъ одно (пустяшное) дѣло, ссылаясь на указъ, который Петръ далъ Толстому,—всѣ дѣла передавать Ромодановскому; однако дѣло возвращается обратно, такъ какъ «по имянному царскаго величества указу таково дѣло изъ Преображенской Канцеляріи за отъѣздомъ изъ С.-Петербурга въ Москву ближняго стольника князя Ив. Ѳед. Ромодановскаго велѣно отослать для розыску и учиненія указа въ Канцелярію Розыскныхъ Тайныхъ Дѣлъ» [1]). Въ другой разъ въ 1720 году изъ Тайной Канцеляріи Бутурлинъ пишетъ Ромодановскому письмо, что по одному дѣлу доносчикъ показалъ на московскихъ обывателей, на тридцать человѣкъ, которые всѣ живутъ въ Москвѣ; и такъ какъ всѣхъ ихъ для допросовъ и розысковъ выписывать въ Петербургъ въ Тайную Канцелярію «государевой денежной казнѣ убытокъ будетъ не малый, а у вашего сіятельства въ Москвѣ въ Преображенскомъ Приказѣ приказные люди къ тому дѣлу, надѣюсь, повѣренные есть», то поэтому и все дѣло изъ Тайной Канцеляріи по царскому указу передается въ Преображенскій Приказъ [2]). Наконецъ еще разъ, въ 1723 году Тайная Канцелярія постановляетъ въ Москву «къ секретарю Василію Казаринову послать ордеръ: ежели откуда будутъ къ нему присылать по тайнымъ дѣламъ доношенія и колодниковъ вновь, и ихъ не принимать, и прогонныхъ денегъ не давать, понеже нынѣ въ Москвѣ Тайной Канцеляріи главныхъ судей не обрѣтается; а отсылали-бъ въ Преображенскій Приказъ» [3]).

Такимъ образомъ сферы компетенцій Тайной Канцеляріи и Преображенскаго Приказа не раздѣлялись, и дѣла направлялись туда или сюда только по соображеніямъ различныхъ, чисто внѣшнихъ, удобствъ «слѣдованія»; изъ перваго-же вами приведеннаго случая даже можно заключать, что Тайная Канцелярія не прочь была при случаѣ отдѣлываться отъ мелкихъ дѣлъ,—«посредственныхъ» по терминологіи Ушакова,—передавая ихъ Преображенскому Приказу при первомъ удобномъ случаѣ, на что были и указанія самого Петра (см. письмо Толстого на стр. 116).

[1]) Г. А., VII, № 29, I карт. (№ 12).
[2]) Г. А., VII, № 73 (л. 8).
[3]) Г. А., VII, № 164, (л. 17).

Кромѣ того, въ приведенномъ въ 5 главѣ «экстрактѣ» изъ дѣлъ [1]), поданномъ въ маѣ 1722 г. Петру, есть слѣдующій вопросъ, поставленный царю министрами Канцеляріи: «ежели въ тайную канцелярію будутъ подавать доношенія о здоровѣ Императорскаго Величества, о бунтѣ, о измѣнѣ и по таковымъ доношеніямъ слѣдовать-ли, или оныя отсылать въ Преображенскій Приказъ?» Вопросъ этотъ Петръ оставилъ безъ отвѣта въ такомъ его общемъ видѣ; это опять служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ несуществованія раздѣленія компетенцій этихъ двухъ учрежденій: вопросъ рѣшался всегда ad hoc, для каждаго отдѣльнаго случая, по различнымъ чисто практическимъ соображеніямъ, что и является, видимо, сознательно проводимымъ Петромъ отношеніемъ между Преображенскимъ Приказомъ и Тайной Канцеляріей.

Есть одно указаніе, что Тайная Канцелярія могла считаться выше по рангу, чѣмъ Преображенскій Приказъ: когда однажды въ 1720 г. возникла жалоба на Преображенскій Приказъ, то апелляціонной инстанціей явилась Тайная Канцелярія и сдѣлалась таковою по непосредственному о томъ указу Петра, передавшему слѣдованіе по доносу на Ромодановскаго именно въ Тайную Канцелярію [2]). Такимъ образомъ, какъ будто въ глазахъ Императора Тайная Канцелярія занимала мѣсто,—хотя и косвенно,—надъ Преображенскимъ Приказомъ.

Отношенія Тайной Канцеляріи съ коллегіями, въ общемъ, были отношеніями равныхъ независимыхъ; обычно переписка шла «преморіями» [3]); иногда-же, когда возникаетъ нѣкоторая пикировка, то и та и другая сторона начинаютъ прибѣгать къ указамъ [4]). Видимо, Тайная Канцелярія не считаетъ себя въ правѣ касаться дѣятельности коллегій и въ одномъ случаѣ поэтому передаетъ дѣло на разсужденіе Сената, какъ скоро оказывается, что имѣется въ дѣлѣ жалоба на Юстицъ-коллегію [5]); однажды, впрочемъ, Тайная Канцелярія прочла длинную нотацію Адмиралтействъ-коллегіи за то, что она «вступила въ дѣйство не свое», и въ нѣсколько раздраженномъ тонѣ объясняетъ коллегіи указъ 28 апрѣля 1722 года.

[1]) См. 116 стр.
[2]) Г. А., VII, № 80.
[3]) См., напр., Г. А., VII, № 29 (карт. I).
[4]) Г. А., VII, № 33.
[5]) Г. А., VII, № 47.

Изъ вышеизложеннаго обозрѣнія отношеній Тайной Канцеляріи къ прочимъ государственнымъ учрежденіямъ Петровскаго времени выясняется ея положеніе среди нихъ. Въ Россіи было единственное учрежденіе, стоявшее какъ-бы надъ Канцеляріей, это—Сенатъ; всѣ остальныя учрежденія были или равны Тайной Канцеляріи, или находились подъ ней; и во всякомъ случаѣ, только отъ Сената (частью отъ Кабинета) и зависѣла Тайная Канцелярія хотя сколько-нибудь; отъ всѣхъ-же другихъ учрежденій она стояла совершенно независимо, отдѣльно, наравнѣ съ коллегіями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Внутренній строй Тайной Канцеляріи.

I.

Постараемся теперь прослѣдить внутренній строй Тайной Канцеляріи въ его частностяхъ и деталяхъ. При сухомъ,—отчасти даже мелочномъ,—изученіи этого внутренняго строя Канцеляріи, думается, удастся съ еще большей точностью и наглядностью проникнуть въ сущность разсматриваемаго учрежденія.

Если Тайная Канцелярія принимала дѣло, то у всякаго принятаго дѣла должна была быть исходная точка, т. е. или доношеніе, или оговоръ, или устный доносъ о какомъ-либо преступленіи. Лишь только соотвѣтственныя бумаги и колодники (или только бумаги, или только колодники) имѣлись на лицо, въ Канцеляріи начиналось «слѣдованіе», т. е. допросы и очныя ставки свидѣтелей, обвиняемыхъ и доносчиковъ. Есть полное основаніе предполагать, что самые первые допросы дѣлались почти исключительно безъ присутствія министровъ, одними только секретарями; допросныя рѣчи при этомъ тщательно записывались и сопоставлялись, а въ случаѣ противорѣчій, дѣлались здѣсь-же нужныя очныя ставки.

Когда получался такой первоначальный слѣдственный матеріалъ, то, повидимому, должно было слѣдовать уже приказаніе со стороны «министровъ» о дальнѣйшихъ допросахъ, которые почти всегда сопровождались пытками. Трудно установить какія-либо правила того, какъ и когда пытки примѣнялись, и когда ихъ примѣненіе было законно; во всякомъ случаѣ, кажется, разрѣшеніе всякаго сомнѣнія, вопроса и недоумѣнія «слѣдователя» совершалось при посредствѣ пытокъ, и, конечно, личный произволъ всецѣло царилъ при этомъ. «Не надобно ему исчислять застѣнковъ, сколько бы ихъ ни было,—

пишетъ Толстой Ушакову про одного колодника,—но чаще его пытать, доколѣ *или повинится, или издохнетъ*, понеже явную сдѣлъ ложь» [1]).

При такой директивѣ со стороны первенствующаго министра ясно, какое вообще отношеніе къ пыткамъ должно было существовать въ Тайной Канцеляріи; смерть колодниковъ отъ пытокъ поэтому была явленіемъ не рѣдкимъ и проходила совершенно безслѣдно, принималась какъ нѣчто должное и естественное. Конечно, иногда обходилось и безъ пытокъ [2]), но это бывало очень рѣдко. Впрочемъ, иногда и не прибѣгали прямо къ пытанію, а сначала «въ застѣнкѣ спрашивали съ пристрастіемъ [3]) («а не пытанъ», какъ говорится далѣе въ томъ-же текстѣ про того-же колодника); надо думать, это пристрастіе заключалось, напримѣръ, въ томъ, что одну колодницу «трижды поднимали» на дыбу («а не пытали» оговорено далѣе) [4]),—колодники-же «Кудряшевъ и Городецкій вожены въ застѣнокъ и устращиваны розыскомъ, а Кудряшевъ и раздѣванъ», «а Кудряшеву сказано, что подымутъ и будутъ розыскивать имъ, и положены были руки въ хомутъ» [5]).

Пытки производились въ присутствіи министровъ, но несравненно чаще —при однихъ секретаряхъ только по «ордерамъ» министровъ. Вообще, въ первичной стадіи дѣла большую роль играли именно секретари, хотя они спрашивали детально «репортами» «указовъ» министровъ. Въ 1723 году, напримѣръ, Ушаковъ письмомъ извѣщаетъ одного изъ секретарей въ Москвѣ, что Тайная Канцелярія опредѣляетъ, чтобы онъ велъ въ Москвѣ розыски колоднику Муравщику. Исполняя опредѣленіе Канцеляріи, секретарь этотъ тщательно доноситъ о ходѣ пытокъ и о показаніяхъ, сдѣланныхъ при этомъ колодникомъ, и кончаетъ рапортъ фразой: «а онымъ, государь, Муравщикомъ что чинить, о томъ требую повелительнаго отъ вашего превосходительства ордера» [6]). Иногда, впрочемъ, министры сами руководили и первичнымъ розыскомъ; напримѣръ: «1725 генваря въ 9-й день при присутствіи ихъ сіятельства и превосходительства Тайной Канцеляріи господъ судей ростригa Ив. Прокофьевъ приведенъ

[1]) Г. А., VII, № 8 (карт. 16)
[2]) Напр., Г. А., VII, № 55.
[3]) Г. А., VII, № 30 (л. 8).
[4]) Г. А., VII, № 103
[5]) Г. А., VII, № 44 (л. 6).
[6]) Г. А., VII, № 166, (л. 21—22 и др.).

въ застѣнокъ и поставленъ въ ремень и поднятъ на дыбу и розыскивано имъ впервые» [1]).

Когда собирался достаточный матеріалъ изъ пыточныхъ рѣчей въ ихъ связи съ допросными, то составлялась секретарями по данному дѣлу «выписка», которая и докладывалась собранію присутствовавшихъ министровъ. Послѣ этого доклада ставилось «опредѣленіе», которое отнюдь не всегда являлось приговоромъ; часто имъ только указывались дальнѣйшіе шаги «слѣдованія». Во время чтенія «выписокъ» передъ тѣмъ, какъ ставить приговоръ, иногда министры дѣлали провѣрочный допросъ обвиняемымъ, —или важнѣйшимъ свидѣтелямъ, —допрашивали ихъ «въ подтвержденіе» [2]). Дальнѣйшіе шаги слѣдованія, если министры находили нужнымъ ихъ дѣлать, заключались, въ большинствѣ случаевъ, или въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей, а также вновь оговоренныхъ, или въ присужденіи дальнѣйшихъ розысковъ для большаго выясненія дѣла, или въ передачѣ всего дѣла какому-либо другому учрежденію по принадлежности. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ, т. е. когда находили нужнымъ выслушивать новыхъ свидѣтелей, то за ними обычно посылали солдата или сержанта, которые привозили свидѣтеля; послѣ снятія допроса, свидѣтелей часто отпускали изъ Канцеляріи «на росписку» за чьими-либо поруками въ томъ, что они безпрекословно по первому зову,—или даже каждый день,—будутъ являться въ Тайную Канцелярію; такія «росписки» имѣются во многихъ дѣлахъ [3]). Когда-же изъ допросовъ выясняется какой-либо новый обвиняемый, и о его приводѣ Канцелярія дѣлаетъ опредѣленіе, «слушавъ выписки»,—то тогда или посылался соотвѣтственный указъ губернатору, если было точно извѣстно мѣстопребываніе искомаго, или Канцелярія сама посылала солдата (или офицера съ солдатами) за этимъ новымъ обвиняемымъ, при чемъ обычно давалась посылаемому сержанту точная, въ пунктахъ изложенная, «инструкція», какъ онъ долженъ былъ въ деталяхъ выполнить свое порученіе; иногда въ эту-же инструкцію включался пунктъ о производствѣ обыска [4]).

Если-же «опредѣленіе» находило нужнымъ вести дальнѣйшее слѣдованіе, дальнѣйшіе розыски для выясненія неясныхъ мѣстъ «допросныхъ рѣчей», то опять пытали, опять

[1]) Г. А., VII, № 187 (л. 85).
[2]) Г. А., VII, № 198 (л. 139).
[3]) См. напр., Г. А., VII, № 121 (л. 28), № 169 (л. 65) и др.
[4]) См. Г. А., VII, № 157, (л. 11), № 121 (л. 26) и др.

розыскивали колодниками, опять выступалъ на сцену тотъ основной базисъ, на которомъ строился весь процессъ, т. е. «розыскъ», допросъ съ пытками и очными ставками.

Когда-же, наконецъ, вслѣдъ за всѣми поправками и дополненіями процесса, составлялось окончательное опредѣленіе — приговоръ Канцеляріи, и когда этотъ приговоръ вступалъ въ законную силу, то преступнику дѣлалось его «объявленіе» съ указаніемъ вины; за этимъ слѣдовало и самое исполненіе приговора, при чемъ это исполненіе обычно удостовѣрялъ одинъ изъ подканцеляристовъ Тайной Канцеляріи, присутствуя и наблюдая за исполненіемъ. Такъ въ его главнѣйшихъ и типическихъ чертахъ протекалъ обычно процессъ въ Тайной Канцеляріи.

Мы уже выше замѣтили, что основнымъ базисомъ этого процесса являлся розыскъ въ разныхъ его видахъ и формахъ; подъ этимъ понятіемъ тогда вообще подразумѣвались допросы съ пытками; допросы безъ пытокъ, хотя и играли роль въ началѣ всякаго процесса, однако рѣшающее значеніе имъ придавалось очень рѣдко; безусловное, главное значеніе имѣлъ всегда за собой «розыскъ». Мы уже говорили, что пытать можно было безъ всякихъ стѣсненій, хотя, кажется, вообще существовалъ обычай болѣе трехъ разъ не розыскивать и утверждаться на третьемъ показаніи; и можно опредѣленно замѣтить, что болѣе трехъ разъ обычно не пытали, хотя съ другой стороны это было правило со многими исключеніями, какъ видно отчасти изъ приведенной выше фразы Толстого. Допросу, сопряженному съ пыткой, было присвоено названіе «розыскъ», а допрашивать съ пыткой обозначали глаголомъ «розыскивать».

Еще въ XVII вѣкѣ битье кнутомъ на дыбѣ являлось обычной, и почти исключительно употребляемой формой пытки; такъ именно было и въ практикѣ Тайной Канцеляріи. Какъ будто даже подъ розыскомъ чаще понимался допросъ съ пыткой именно въ видѣ битья кнутомъ на дыбѣ, какъ можно заключать изъ только-что приведенныхъ цитатъ. Почти во всѣхъ дѣлахъ послѣ изложенія допросныхъ пыточныхъ рѣчей колодниковъ прибавлялась стереотипная фраза: «дано ему... (столько-то) ударовъ». Число даваемыхъ ударовъ бывало обычно двузначно, но, кажется, никогда не превышало семидесяти — шестидесяти, чаще всего колебалось въ предѣлахъ около 15—30; иногда, впрочемъ, не достигало и 10.

Отдѣльныя указанія въ дѣлахъ даютъ основаніе полагать, что пытки иногда носили болѣе изысканный характеръ: послѣ битья кнутомъ иногда пускали въ дѣло огонь, т. е. жгли или каленымъ желѣзомъ — щипцами, или горящими вѣниками; объ этомъ имѣемъ точныя указанія: «было имъ въ тѣхъ розыскахъ: Ѳедорѣ — 32, Авдотьѣ — 36 ударовъ, а потомъ онѣ, бабы, и огнемъ зжены»; «было ему во ономъ розыску 60 ударовъ и послѣ розыску зженъ огнемъ, а съ огня говорилъ». Про одного колодника было рѣшено, что его надлежитъ «пытать втретьей» и «жечь огнемъ». «Петръ Онучинъ пытанъ и зженъ клещами», жгли горящими вѣниками: бабами Ѳедорою, Авдотьею «розыскивано, зжены огнемъ вѣниками» [1]). Болѣе никакихъ формъ пытокъ не встрѣчается въ дѣлахъ, что отнюдь не говоритъ о невозможности ихъ существованіи.

Надо замѣтить, что и при содержаніи колодниковъ главнымъ образомъ, руководились «розыскными» цѣлями. О здоровьѣ колодниковъ, повидимому, заботились очень: и докторъ Севальтъ, и лекарь Волнерсъ были постоянными врачами, лечившими колодниковъ Тайной Канцеляріи; — когда Ушаковъ письмомъ жаловался Блументросту на неаккуратность врачей, то Блументростъ отвѣчалъ, что лекарь Волнерсъ «къ больнымъ арестантамъ, кои въ крѣпости содержатся, опредѣленъ», а при тяжелыхъ случаяхъ онъ обязанъ призвать доктора «господина Севальта и съ его совѣту пользовать» [2]) Но всѣ эти заботы объ арестантахъ носили очень односторонній характеръ: при болѣзни одной важной колодницы призывали докторовъ, чтобы они ее лечили «съ прилежаніемъ неослабно», «*понеже до нея касается важное царственное дѣло* [3]), т. е просто боялись, что она умретъ, и нельзя будетъ у нея выпытать всего, что надо было для окончанія розыска; а когда колодники не были нужны, о нихъ даже забывали до того, что они, не имѣя чѣмъ питаться, «умирали съ голоду»; и тогда только было велѣно давать по 4 деньги въ день на человѣка [4]). Если-же колодникъ умиралъ отъ пытокъ, то это принималось, какъ самая обычная вещь: только о такихъ смертяхъ обычно доносилъ караульный сержантъ, что такой-то арестантъ «въ ночи умре безъ исповѣди», «и тѣло его зарыто въ землю за Малою рѣкою Невою на

[1]) Г. А., VII, №№ 173, (л. 20); 106, 174 (л. 19); 80, 6 (карт. 2).
[2]) Г. А., VII, № 35.
[3]) Г. А., VII, № 103 (л. 74).
[4]) Г. А., VII, № 83.

Выборгской сторонѣ» [1]). А о побѣгахъ колодниковъ изъ Тайной Канцеляріи намъ не встрѣчалось ни одного указанія, хотя видимо. караулъ иногда за взятки допускалъ къ колодникамъ постороннихъ лицъ и передавалъ письма [2]).

На ряду съ допросами и «розыскомъ» употреблялись также и другіе вспомогательные пріемы для отысканія истины. Конечно, пользовались въ полной мѣрѣ обысками и выемками у заподозрѣваемыхъ и обвиняемыхъ лицъ. Очень часто въ инструкціяхъ сержантовъ, посылаемыхъ для привоза обвиняемыхъ, включался пунктъ о производствѣ обыска съ опечатаніемъ подозрительныхъ вещей для ихъ препровожденія въ Тайную Канцелярію; это опечатаніе вещей, а иногда и помѣщенія (напримѣръ, келіи; см. Г. А. VII. № 148), являлось обычнымъ пріемомъ дѣйствованія [3]). Если дѣло происходило въ Петербургѣ, то тогда обыски и опечатаніе поручались подканцеляристу Канцеляріи вмѣстѣ съ офицеромъ, состоявшимъ при Канцеляріи. До насъ дошелъ слѣдующій документъ: «По указу Его Императорскаго Величества отбывающему въ канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ на караулѣ Шлюшельбургскаго полку порутчику Якиму Лецицкому да подканцеляристу Семену Шурлову: прибывъ Вамъ на Васильевскій островъ ген.-фельд. кав. св. кн. А. Д. Меншикова у бывшаго крестоваго попа (что нынѣ рострига) Никиты Терентьева дворъ его на помянутомъ острову подлѣ двора его свѣтлости деревянной, собравъ всякій багажъ, что есть, въ удобныя мѣста, запечатать и поставить караулъ, и о томъ въ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ репортовать. Секретарь Иванъ Топилской» [4]).

Когда-же ни обыски, ни пытки, ни допросы не давали достаточно опредѣленныхъ данныхъ, а между тѣмъ кто-либо изъ преступниковъ въ это время, обычно изнуренный «розыскомъ», былъ недалекъ отъ смерти,—въ такомъ случаѣ призывался священникъ, которому ставили задачу на предсмертной исповѣди добиться у обвиняемаго искренняго сознанія или точныхъ, правильныхъ показаній; это практиковалось не особенно рѣдко. При такой исповѣди, бывали случаи, присутствовалъ и секретарь Канцеляріи [5]).

[1]) Г. А., VII, № 87 (л. 64).
[2]) Г. А., VII, № 130
[3]) См. также, Г. А., VII, № 157 (л. 11).
[4]) Г. А., VII, № 7 (карт. 13, ч. III)
[5]) Г. А., VII, № 103 (л. 78—80).

Болѣе успѣшному слѣдованію служили также тѣ награжденія, которыя Тайная Канцелярія почти всегда выдавала доносчику за «правый доносъ» [1]). Сумма такихъ награжденій колебалась, но въ большинствѣ случаевъ находилась въ предѣлахъ 5—30 рублей, смотря по важности доноса.

Такими мѣрами и средствами пользовалась Тайная Канцелярія при розыскахъ-слѣдованіяхъ поручаемыхъ ей дѣлъ. И несмотря на жестокую опредѣленность и рѣшительность этихъ мѣръ, отнюдь не всегда онѣ достигали своей цѣли: раскрыть истинную картину преступленія не всегда удавалось и такими средствами; иногда оговоры до того запутывали дѣло, противорѣчія даваемыхъ подъ пытками показаній доходили до такихъ размѣровъ, что окончательно являлось невозможнымъ разобрать, гдѣ и въ чемъ истина; хорошей иллюстраціей къ этому служитъ «новгородское дѣло»; даже министрамъ оно представляется мудренымъ, а уже тутъ въ пыткахъ не стѣснялись. Болѣе или менѣе опытный преступникъ могъ съ успѣхомъ оговаривать и подводить подъ пытки, кого ему заблагоразсудится [2]). Тайная Канцелярія чѣмъ тщательнѣе разслѣдовала въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе попадала въ лабиринтъ безконечныхъ взаимныхъ оговоровъ, въ которыхъ опытные «слѣдователи» Канцеляріи подчасъ, очевидно, совершенно не могли разобраться. «Сомнѣніемъ Вашимъ, Государь мой,—пишетъ Толстой Ушакову,—по Новгородскому дѣлу я весьма согласуюсь; и что распопа Игнатій при смерти скажетъ, на томъ можно утвердиться и по тому его послѣднему допросу и бабамъ указъ учинить, чего будутъ достойны» [3]). Такъ былъ найденъ выходъ,—нѣсколько искусственный,—изъ тѣхъ «сомнѣній», изъ которыхъ въ концѣ длиннаго слѣдованія и безконечныхъ пытокъ все-таки не могли выбраться опытные въ дѣлѣ розыска министры Канцеляріи.

Таковъ былъ ходъ процесса въ Тайной Канцеляріи. Прибавимъ, что дѣла Канцеляріи ближайшимъ образомъ, въ ихъ собственно канцелярскомъ веденіи распредѣлялись по «повытьямъ», какъ и въ другихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ.

У Канцеляріи были довольно значительныя денежно-имущественныя хозяйственныя дѣла по конфискуемымъ иму-

[1]) Г. А., VII. № 38, 54, 174, 180 и др.
[2]) См., напримѣръ, Г. А., VII, № 53.
[3]) Г. А., VII, № 103 (л. 267).

ществамъ и проч. Производство по такого рода дѣламъ было выдѣлено и велось особыми, на этомъ спеціально стоящими канцеляристами, назначенными «у приходу и расходу» и обязанными вести всевозможныя по установленнымъ формамъ записи. Имѣющіяся у нея деньги Канцелярія, во-первыхъ, давала въ долгъ (безпроцентный) другимъ государственнымъ учрежденіямъ (коллегіямъ и проч.) [1]), а во-вторыхъ, раздавала подъ проценты частнымъ лицамъ, въ большинствѣ случаевъ— гвардіи офицерамъ. Учрежденія, очевидно, не всегда аккуратно платили свои долги. Гвардіи офицерамъ деньги раздавались въ размѣрахъ, впрочемъ, сравнительно небольшихъ: по 100, 200—500 рублей, при чемъ бралось обычно 12% годовыхъ [2]). По всему видно, что операція эта не была совершенно случайной для Тайной Канцеляріи.

Таково въ общихъ чертахъ было дѣлопроизводство Тайной Канцеляріей въ его движеніи. Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ отражался и запечатлѣвался этотъ дѣлопроизводственный процессъ, эта внутренняя дѣятельность Канцеляріи.

II.

Мы уже имѣли случай говорить объ указахъ Императора, о ихъ роли и значеніи въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи. Мы уже останавливались на формахъ ихъ занесенія на бумагу. Какова-бы ни была эта форма, она всегда находила себѣ мѣсто въ «книгѣ именныхъ указовъ». Отъ 1718 года до насъ дошла такая книга въ хорошемъ кожаномъ переплетѣ, въ которую были подшиты всѣ подлинные указы Петра по Тайной Канцеляріи; однако, въ дальнѣйшемъ этотъ порядокъ, видимо, былъ признанъ неудобнымъ; подлинные указы стали браться къ дѣлу, а заведена была особая книга: «копіи имянныхъ указовъ», куда и вносились въ копіяхъ всѣ указы обычно за скрѣпой Ушакова и секретаря Топилскаго. Такъ образовалась одна изъ важнѣйшихъ дѣлопроизводственныхъ формъ Тайной Канцеляріи. Каждый годъ составлялась одна такая книга съ копіями указовъ, тщательно переплетаемая и хранимая Канцеляріей; можно предполагать, что копіи вносились въ эту

[1]) См. Г. А., VII, № 82; № 150 (карт. 2).
[2]) См. Г. А., VII, № 150.

книгу собственноручно секретаремъ Канцеляріи, т. е. вторымъ лицомъ Канцеляріи послѣ министровъ.

Мы уже видѣли, что опредѣленія и приговоры Тайной Канцеляріи обычно дѣлались и могли дѣлаться только министрами—судьями. Въ дѣлопроизводствѣ эти опредѣленія играли роль лишь ступенью меньшую, чѣмъ царскіе указы, и являлись стоящими такимъ образомъ на второмъ по значительности мѣстѣ въ дѣлопроизводствѣ Канцеляріи. Если императорскіе указы не подчинялись и не могли подчиняться никакимъ дѣлопроизводственнымъ формамъ, то «опредѣленія» имѣютъ въ формахъ своихъ нѣкоторую исторію.

Съ 1718 г., съ самаго начала существованія Канцеляріи, ея приговоры и опредѣленія пріобрѣтаютъ сразу болѣе или менѣе прочную форму, выливаясь въ слѣдующій шаблонъ: «1718 г. ноября въ 30 день по указу великаго государя, тайный совѣтникъ и отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, генералъ поручикъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, отъ гвардіи отъ бомбандиръ капитанъ поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, слушавъ вышеписаннаго (или «сея выписки»)... приговорили»... (идетъ самый приговоръ съ глаголами въ неопредѣленномъ наклоненіи). Если сравнимъ эту форму приговора съ формами, бывшими въ маіорскихъ розыскныхъ канцеляріяхъ (кн. П. Голицына, Матюшкина и др.), то увидимъ, что формы эти совершенно тожественны. Такимъ образомъ передъ нами опять нѣкоторая преемственность маіорскихъ канцелярій и Тайной Канцеляріи, опять намекъ на ихъ близкую кровную связь.

Опредѣленія по такой формѣ оставались неизмѣнными до 1722 г., а въ самомъ началѣ этого года происходитъ какой-то переломъ, вслѣдствіе котораго форма опредѣленія совершенно измѣняется. Впрочемъ, еще въ ноябрѣ 1721 года встрѣчаются слѣдующія опредѣленія: «1721 г. ноября во 20 день по указу Его Императорскаго Величества и по опредѣленію Тайной Канцеляріи вышеписаннаго... послать его въ Сибирь» (спѣшу замѣтить, что всѣ опредѣленія и всякаго вида всегда подписывались наличнымъ составомъ министровъ). Послѣдняго вида опредѣленія встрѣчаются въ рядѣ дѣлъ отъ ноября 1721 г. [1]); однако они вскорѣ исчезаютъ, и еще 23 декабря того-же года

[1]) Г. А., VII №№ 97, 98, 99 и пр.

мы имѣемъ опредѣленіе, писанное по старой, первой формѣ [1]). Тутъ, видимо, происходятъ какія-то колебанія въ формахъ, и въ результатѣ опредѣленіе отъ 15 февраля 1722 г. имѣетъ уже слѣдующій видъ: «по указу Его Императорскаго Величества, Тайная Канцелярія, слушавъ сей выписки, опредѣлила»... идетъ самое опредѣленіе [2]). Съ этихъ поръ до самаго конца существованія Канцеляріи опредѣленія и приговоры ея имѣютъ неизмѣнно данную форму.

Трудно при столь скудныхъ данныхъ уловить значеніе этихъ видоизмѣненій формъ, но можно полагать, сопоставивъ эти двѣ формы, что первая изъ нихъ имѣла въ виду болѣе лица, вторая-же — болѣе учрежденіе, и такая перемѣна формы, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, что къ 1722 г. Тайная Канцелярія стала больше учрежденіемъ въ сознаніи ея министровъ, чѣмъ личнымъ порученіемъ, какъ оно было раньше. Этимъ свидѣтельствуется дальнѣйшій шагъ въ переходѣ Тайной Канцеляріи изъ личнаго установленія въ государственное учрежденіе.

Первое впечатлѣніе при разсмотрѣніи опредѣленій и приговоровъ можетъ повести къ заключенію, что въ такой видъ обычно облекались распоряженія министровъ, касающіяся присужденія къ наказанію и пыткамъ колодниковъ, т. е собственно судебные приговоры Канцеляріи. Это вѣрно только отчасти: опредѣленія, хотя и въ меньшей степени, но все-таки касались и другихъ сторонъ дѣятельности Канцеляріи. Мы уже видѣли, какъ разнообразны были занятія министровъ при ихъ присутствованіяхъ въ Канцеляріи. Конечно, главнѣйшее количество времени шло на судебное разбирательство и на постановленіе приговоровъ, облекаемыхъ въ форму опредѣленій, однако, у Тайной Канцеляріи въ завѣдываніи были имущества и конфискованныя суммы; у нея былъ свой бюджетъ, который требовалъ тоже наблюденія и распоряженій; и сколько удается прослѣдить, все въ этой области дѣлалось исключительно тоже опредѣленіями, съ такимъ-же точно измѣненіемъ формъ ихъ во времени, какъ мы уже видѣли выше. Видимо, ни одинъ даже мелкій расходъ не дѣлался безъ соотвѣтствующаго опредѣленія [3]). Такимъ образомъ, сколько удалось наблюсти, въ дѣлахъ собственно суда и въ дѣлахъ денежныхъ министры обычно дѣйствовали чрезъ свои «опредѣленія», бывшія всегда за ихъ подписями и съ 1722 г. шедшія отъ имени Тайной Канцеляріи.

[1]) Г. А., VII, № 102.
[2]) Г. А., VII № 80 (ч. I, л. 277).
[3]) Г. А., VII, № 150.

Однако, въ «опредѣленія» не укладывалась дѣятельность «министровъ», и это повело къ установленію новой дѣлопроизводственной формы. Еще до ея установленія находимъ въ дѣлахъ Канцеляріи полуофиціальную форму: тетрадь съ заголовкомъ: «записка приказамъ Его Превосходительства Петра Андреевича Толстого»; внутри этой тетради записано въ хронологическомъ порядкѣ по днямъ, когда Толстой бывалъ въ Канцеляріи; скорописью набросаны тутъ всѣ его болѣе мелкія приказанія по содержанію колодниковъ, по исполненію бумагъ и проч. Тутъ-же есть и отмѣтки о пребываніи Государя въ Тайной Канцеляріи Тетрадь эта несомнѣнно не имѣла офиціальнаго значенія дѣлопроизводственной формы [1]); и эту запись всей совокупности распоряженій и занятій правящихъ Канцеляріей вызывала къ жизни практика, подъ вліяніемъ которой, повидимому, къ 1724 году эти записки частнаго характера принимаютъ видъ опредѣленной дѣлопроизводственной формы, получившей названіе «протоколы». Эти «протоколы», переплетенные въ кожаные переплеты, дошли до насъ отъ 1724, 1725 и 1726 годовъ. Протоколы велись въ двухъ видахъ: во-первыхъ: «протоколъ... года» и во-вторыхъ: «протоколъ. . года по секретнымъ дѣламъ». «Протоколъ» такого-то года заключаетъ въ себѣ въ расширенномъ видѣ то, что включалось въ «запискѣ», о которой мы только-что говорили. Это — повседневныя записи всего, что дѣлалось въ Тайной Канцеляріи, главнымъ образомъ, во время присутствованій тамъ министровъ съ отмѣтками, когда и кто изъ нихъ бывалъ въ Канцеляріи. Тутъ-же говорится о посылаемыхъ бумагахъ: о содержаніи отвѣтовъ на бумаги, какъ это содержаніе устанавливаетъ министръ, объ учиненіи новыхъ «розысковъ», объ исполненіи (въ деталяхъ) приговоровъ; здѣсь-же находимъ отмѣтки объ учиненіи наказаній и т. д.; словомъ, не только записывались болѣе мелкія приказанія министровъ, но и вообще вся жизнь Канцеляріи въ ея существенныхъ явленіяхъ вносилась въ «протоколы»; здѣсь-же отмѣчались и болѣзни колодниковъ, смерти, приводъ новыхъ арестантовъ и распоряженія по конфискованнымъ имуществамъ.

[1]) Г. А., VII, № 7 (карт. 13).

Въ «протоколахъ по секретнымъ дѣламъ» имѣются распоряженія министровъ (и секретаря) исключительно по дѣламъ секретнаго характера; будучи помѣщаемы въ общій протоколъ, они-бы нарушали «тайность». Характеръ этихъ протоколовъ совершенно одинаковый съ общими протоколами; только содержаніе другое. Какъ тотъ, такъ и другой видъ «протоколовъ» обычно скрѣплялся подписями «министровъ», и наиболѣе часто А. И. Ушакова. Такими двумя формами регистрировалась въ Тайной Канцеляріи дѣятельность ея «министровъ» — «судей».

Совокупная дѣятельность какъ бы всей Канцеляріи, всѣхъ ея дѣятелей, выливалась въ основную дѣлопроизводственную форму болѣе общаго вида, которая является господствующей въ Тайной Канцеляріи. Лишь только въ Канцелярію поступало какое-либо обвиненіе или доношеніе, Канцелярія учиняла «слѣдованіе» объ этомъ, и совокупность всѣхъ производимыхъ по этому поводу дѣйствій, заносимыхъ на бумагу, и образовала собой эту основную дѣлопроизводственную форму — то, что нынѣ принято называть «дѣло»; такое-же названіе существовало и въ то время. Озаглавливались дѣла обычно именемъ обвиняемаго, о комъ шло слѣдованіе; напримѣръ: «о Ефимѣ Санинѣ», «О Березинѣ»; иногда-же, когда дѣло было сложное, то оно получало названіе по какому-либо другому признаку, напримѣръ, по мѣсту дѣйствія; такъ было «Новгороцкое дѣло», «Ревельское дѣло». Самый способъ веденія дѣла обычно обусловливалъ и форму его.

Первую часть всякаго «дѣла» составляютъ тѣ бумаги, въ силу которыхъ дѣло началось; это — обычно или письма Макарова, или промеморія изъ какого-либо присутственнаго мѣста, или просто отмѣтка о соотвѣтственномъ приказѣ какого-либо изъ министровъ Канцеляріи; почти постоянно при этомъ доставлялись въ Канцелярію и колодники, прикосновенные къ данному дѣлу. Вторую часть дѣла обычно составляютъ допросныя и пыточныя рѣчи, т. е. записки того, что обвиняемые и свидѣтели говорили на допросахъ и пыткахъ; при этомъ рѣчи эти закрѣплялись подписями допрашиваемыхъ и пытаемыхъ. Почти постоянно изъ этихъ «рѣчей» дѣлался краткій экстрактъ — выписка, которая обычно и докладывалась министрамъ во время слушанія ими дѣлъ. Третью часть дѣла составляетъ опредѣленіе Тайной Канцеляріи, при чемъ въ его текстѣ обычно встрѣчается выраженіе: «слушавъ сія выписки», т. е. именно той, о которой

мы только-что говорили. Вслѣдъ за опредѣленіемъ-приговоромъ Канцеляріи обычно помѣщается объявленіе преступнику о его винѣ и о присужденномъ ему наказаніи. Наконецъ, въ самомъ концѣ дѣла часто помѣщается замѣтка объ исполненіи приговора.

Таковы основныя части въ ихъ послѣдовательности каждаго «дѣла» Тайной Канцеляріи. Очень немного дѣлъ выдерживаютъ въ чистотѣ такой типъ; непремѣнно въ каждомъ «дѣлѣ» имѣются первыя три части. — Часто входятъ элементы расширяющіе и усложняющіе составъ дѣла: напримѣръ, иногда послѣ выслушанія допросныхъ рѣчей Канцелярія дѣлаетъ постановленія о дальнѣйшихъ шагахъ для продолженія допросовъ и розысковъ, или о вытребованіи новыхъ лицъ, или объ измѣненіи самаго процесса (напримѣръ, о передачѣ всего дѣла въ вѣдѣніе другого учрежденія), или о наведеніи какихъ-либо справокъ въ другихъ учрежденіяхъ. Тогда дѣло сильно разростается. Наличность въ дѣлѣ послѣднихъ частей отнюдь не обязательна: онѣ очень часто отсутствуютъ. Зато довольно часто тутъ-же прилагаются письма министровъ и секретарей другъ къ другу, съ обмѣномъ мнѣній ихъ по поводу даннаго дѣла. Конечно, всегда прилагаются также къ дѣлу всѣ документы, если таковые имѣются, къ нему относящіеся, какъ-то инкриминируемыя бумаги обвиняемыхъ, письма и проч. Этимъ ограничивается, повидимому, существенныя дополненія и измѣненія, которыя встрѣчаются въ формѣ «дѣлъ» Тайной Канцеляріи.

Большое денежное хозяйство Канцеляріи требовало тоже извѣстныхъ дѣлопроизводственныхъ формъ, и онѣ, видимо, существовали. Приходъ и расходъ Тайной Канцеляріи былъ болѣе или менѣе выдѣленъ въ особое дѣлопроизводство; обычно по этой части дѣлопроизводство ввѣрялось исключительно одному изъ канцеляристовъ, который и велъ самостоятельно весь приходъ и расходъ. Какъ мы уже замѣтили, расходы, даже незначительные, производились обычно на основаніи «опредѣленій» Канцеляріи. Всѣ такого финансоваго характера «опредѣленія» переплетались, — вмѣстѣ съ приложеніемъ всей вызываемой ими переписки, — въ общія книги, отрывки которыхъ дошли до насъ. Кромѣ того, велись еще многочисленныя записки и вѣдомости приходу и расходу въ видѣ таблицъ, обычно пріурочиваемыхъ къ мѣсячному сроку. Образованію этой послѣдней формы способствовала необходимость присылки ежемѣсячныхъ вѣдомостей въ Ревизіонъ-Контору при

Сенатѣ. Эти вѣдомости звались тогда «счетныя выписки Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ денежнаго приходу и расходу» [1]). Болѣе первичными формами, по которымъ и составлялись эти «счетныя выписки», являлись ведомыя приставленными къ этому дѣлу канцеляристами, во-первыхъ «тетрадь записная расходу», во-вторыхъ «тетрадь записная приходу» за такой-то годъ, куда тщательно заносился всякій приходъ и расходъ, дѣлаемый кассой Тайной Канцеляріи [2]). Такимъ образомъ, денежное дѣлопроизводство Тайной Канцеляріи выливалось въ трехъ формахъ: 1) книги «опредѣленій» съ исполненіями по нимъ; 2) тетради (или книги) расходу и тетради приходу, и 3) «счетныя выписки».

Но кромѣ этихъ чисто денежныхъ дѣлъ у Тайной Канцеляріи были дѣла хозяйственныя, конечно, тоже связанныя съ денежными операціями. Это были, во-первыхъ, чисто хозяйственныя дѣла учрежденія (забота о помѣщеніи, о колодникахъ, выдача прогоновъ, забота о канцелярскихъ принадлежностяхъ и проч.), во-вторыхъ, веденіе дѣлъ по конфискованнымъ у преступниковъ имуществамъ. Дѣла чисто хозяйственныя тоже обычно соединялись въ особыя отдѣльныя книги, куда входило производство по выдачѣ кормовъ колодникамъ, по выдачѣ прогоновъ посылаемымъ офицерамъ и приказнымъ отъ Тайной Канцеляріи, по продажѣ и оцѣнкѣ конфискуемыхъ вещей, по выдачѣ разныхъ предметовъ канцелярскаго обихода и проч. И въ этихъ дѣлахъ безъ «опредѣленій» министровъ расходовъ и никакихъ болѣе существенныхъ дѣйствій не производится. Что касается до дѣлъ по конфискованнымъ имуществамъ, то ихъ производство было тоже выдѣлено. До насъ, по крайней мѣрѣ, дошли (хотя и въ обрывкахъ только) книги, въ которыя переплетены дѣла исключительно по конфискованнымъ имуществамъ. Подавляющее количество этихъ дѣлъ возникало по челобитьямъ разныхъ лицъ, связанныхъ съ владѣльцами конфискованныхъ имуществъ какими-либо имущественными обязательствами; вообще всякія имущественныя отношенія преступниковъ входили тоже въ эту отрасль дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи [3]).

Таковы существеннѣйшія дѣлопроизводственныя формы, которыя можно замѣтить въ дѣлопроизводствѣ Тайной Канце-

[1]) Г. А., VII, № 50.
[2]) Г. А., VII, № 150, ч. I. и II.
[3]) См. Г. А., VII, № 6 (карт. 5 и 7).

ляріи; дѣятельность Тайной Канцеляріи начала выкристаллизовываться въ нѣкоторыя устойчивыя формы ея выраженія.

III.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ самые первые годы дѣятельности Тайной Канцеляріи составъ ея «приказныхъ людей» считался чисто временнымъ; ни о какомъ постоянномъ штатѣ не могло быть и рѣчи; дьяки и подъячіе набирались изъ разныхъ мѣстъ, «на время», въ томъ числѣ, въ какомъ они требовались для даннаго количества дѣлъ въ данное время; по мѣрѣ окончанія дѣлъ приставленные къ этимъ дѣламъ приказные отсылались обратно къ старымъ мѣстамъ своей службы. Въ 1719 году Тайная Канцелярія опредѣляетъ даже и жалованье подъячимъ Канцеляріи выдавать изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они были взяты «для того, что оные подъячіе взяты въ помянутую Канцелярію на время» [1]). Многіе примѣры ясно свидѣтельствуютъ, что штатъ «приказныхъ людей» Канцеляріи былъ въ принципѣ своемъ неустойчивъ и совершенно случаенъ. Однако по мѣрѣ того, какъ кругъ вѣдѣнія Канцеляріи началъ болѣе точно опредѣляться, когда съ 1722 года Тайная Канцелярія какъ будто приняла значеніе учрежденія съ опредѣленными, до извѣстной степени, функціями.—вмѣстѣ со всѣмъ этимъ постепенно устанавливается нѣкоторый, болѣе устойчивый штатъ приказныхъ людей, и въ этомъ штатѣ проводятся нѣкоторыя границы правъ и полномочій каждаго изъ видовъ приказныхъ.

До насъ дошелъ штатъ 1723 года, т. е. какъ разъ времени наступленія сравнительной устойчивости въ строѣ Канцеляріи. По этому штату въ Тайной Канцеляріи имѣется приказныхъ служителей, секретарь Иванъ Топилской; канцеляристы: Гуляевъ, Русиновъ, Кирилловъ, Шурловъ; подканцеляристы: Вителевъ, Басовъ [2]). Всего приказныхъ людей было тогда въ Канцеляріи семь человѣкъ. Во главѣ ихъ стоялъ «секретарь», бывшій какъ-бы правителемъ дѣлъ всей Канцеляріи; слѣдующей по рангу была должность канцеляриста, и на третьемъ мѣстѣ уже стояли подканцеляристы.

Секретарь является безусловно самымъ важнымъ лицомъ въ Канцеляріи послѣ министровъ. Достаточно поверхностнаго

[1]) Г. А., VII, № 8, ч. 4 (карт. 18); № 29 (II кар. №№ 8, 3, 36).
[2]) Г. А., VII, № 84 (карт. 18).

просмотра дѣлъ Канцеляріи, чтобы ясно убѣдиться, что секретарь являлся единственнымъ докладчикомъ министровъ по всѣмъ дѣламъ и притомъ фактически руководилъ составленіемъ докладныхъ выписокъ и экстрактовъ, предлагаемыхъ въ докладъ министрамъ. «По канцеляріи тайныхъ дѣлъ, что принадлежитъ ко исправленію, о томъ до Его Превосходительства предложилъ онъ, секретарь, экстрактъ и выписки» [1]). Такую запись находимъ въ одномъ дѣлѣ, запись, кратко характеризующую вообще отношеніе секретарей къ министрамъ и ихъ роль въ дѣлопроизводствѣ Канцеляріи. Мы уже видѣли кромѣ того, что основные допросы и розыски колодникамъ производились главнымъ образомъ секретарями. Если не всѣ, то большая часть поступавшихъ бумагъ проходила черезъ руки секретаря, резолюціи котораго на бумагахъ можно встрѣтить довольно часто въ дѣлахъ; да и, кажется, все первоначальное направленіе дѣла въ сильной степени зависѣло отъ секретаря; «записать въ книгу, а колодниковъ принять подъ крѣпкій караулъ и содержать за особыми порознь часовыми, чтобъ ни съ кѣмъ разговора не имѣли» [2]), такъ пишетъ Топилской на одной вновь присланной съ колодниками въ Канцелярію бумагѣ; такого тона и содержанія резолюція ясно свидѣтельствуетъ о вліяніи и значеніи, ее писавшаго [3]).

Играя большую роль въ дѣлопроизводствѣ, секретарь юридически являлся простымъ исполнителемъ велѣній министровъ, — и только. Насколько эта точка зрѣнія опредѣленно видна изъ всего дѣлопроизводства Канцеляріи, совершенно ясно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ іюнѣ 1722 году Топилской писалъ бывшему въ отсутствіи Ушакову: «ежели откуда будетъ присылать колодниковъ, кои станутъ сказывать за собой государево слово или дѣло важное, таковыхъ мнѣ здѣсь принимать-ли? буде принимать, что съ ними чинить? и которые колодники будутъ просить пищи, кормовыя деньги давать-ли? о томъ о всемъ требую указу» [4]). Вообще безъ указу со стороны министровъ секретари не могли (или почти не могли) принимать дѣла и колодниковъ. Топилской въ одномъ письмѣ 1722 года писалъ, что нѣкоторые «извѣты и распросныя рѣчи въ Канцелярію Тайныхъ Дѣлъ безъ повелѣнія Вашего Превосходительства принять

[1]) Г. А., VII, № 79.
[2]) Г. А., VII, № 185 (л. 1).
[3]) См. такъ же Г. А., VII № 123.
[4]) Г. А., VII, № 29 (II карт.).

не смѣю» [1]). А когда однажды тотъ-же секретарь Топилской принялъ и даже допросилъ колодника безъ прямого на это указа министра, то онъ немедленно, донося о допросѣ, приноситъ въ этомъ повинную: «а что, государь мой, къ вопросу онаго Корвоухова дерзновенно и нерапортовавъ Вашего Превосходительства учинилъ, въ томъ прошу милостиваго прощенія» [2]).

Секретари не имѣли права приступать къ пыткамъ безъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приказа со стороны министровъ; но, кажется, если колодникъ принимался, то секретарь самъ производилъ ему первый допросъ, вслѣдъ за этимъ, однако, уже не могъ дѣйствовать безъ санкціи министровъ. И если министры были въ отсутствіи, то, посылая имъ (или одному изъ нихъ) докладную записку о первомъ допросѣ, секретарь спрашивалъ, «впредь о томъ что чинить» [3]). Изъ всего этого ясно, что если фактически положеніе секретаря и было сильно, то юридически секретарь являлся безсильнымъ и ничего не значущимъ самъ по себѣ въ Тайной Канцеляріи.

На второмъ мѣстѣ въ іерархіи приказныхъ людей Канцеляріи стояли канцеляристы. Въ рукахъ каждаго изъ канцеляристовъ находилось «повытье», т. е. то, что теперь называется столомъ или отдѣльнымъ дѣлопроизводствомъ. Одинъ изъ канцеляристовъ, обычно, назначался быть у приходу и у расходу, т. е. велъ денежныя дѣла Канцеляріи, былъ какъ-бы ея казначеемъ. Дѣятельности канцеляристовъ нельзя различить въ общей массѣ дѣлопроизводства; надо думать, они были заслонены секретаремъ. Получали канцеляристы, кромѣ хлѣбнаго жалованья, въ годъ 80 рублей деньгами, при чемъ полученія (бывавшія обычно по третямъ года) происходили, очевидно, крайне неаккуратно. До насъ дошло нѣсколько прошеній канцеляристовъ, направленныхъ министрамъ, гдѣ они просятъ о выдачѣ имъ жалованья, а то уже двѣ трети года, какъ они его не получали; Тайная Канцелярія опредѣлила выдать имъ просимое жалованіе «для ихъ сущей бѣдности и пропитанія» [4]). Однако, когда кто-либо изъ канцеляристовъ просилъ объ отпускѣ, то это разрѣшалось,—и видимо съ нѣкоторымъ трудомъ,—властью только министровъ [5]).

[1]) Г. А., VII, № 124 (2 л.).
[2]) Г. А., VII, № 132 (л. 3).
[3]) См. напр., Г. А., № 79 (л. 138).
[4]) Г. А., VII, № 150.
[5]) Г. А., VII, № 111, л. 2.

Подканцеляристы употреблялись чаще всего просто для переписки.

Таковъ былъ составъ приказныхъ людей Тайной Канцеляріи.

Но Тайная Канцелярія почти очевидно не была учрежденіемъ, прикрѣпленнымъ къ одному мѣсту во-первыхъ, а во-вторыхъ въ Москвѣ всегда существовала какъ-бы часть Канцеляріи, какъ-бы ея отдѣленіе, какъ это наблюдается въ устройствѣ почти всѣхъ коллегій и канцелярій. Мы уже видѣли, что въ августѣ—сентябрѣ 1718 года Палехинъ былъ по настоятельной просьбѣ Ушакова отставленъ отъ завѣдыванія дѣлами Тайной Канцеляріи и отправленъ въ Москву, чтобы тамъ быть ему «въ правленіи всѣхъ дѣлъ» рекрутской канцеляріи вѣдѣнія Ушакова. Еще раньше мы видѣли, что въ Москвѣ съ самаго начала розыска царевича, во главѣ дѣлопроизводства по нему, когда оно велось въ Москвѣ въ Преображенскомъ на потѣшномъ дворѣ, стоялъ тотъ-же Палехинъ. Такъ тѣсно Палехинъ былъ связанъ съ тайными дѣлами. И лишь только въ концѣ 1718 г. этотъ опытный и довѣренный человѣкъ опять попадаетъ въ Москву, то сейчасъ-же Ушаковъ и Толстой начинаютъ изъ Тайной Канцеляріи къ нему обращаться по поводу производства разныхъ слѣдованій и розысковъ по важнымъ дѣламъ Канцеляріи, производство которыхъ въ Москвѣ являлось болѣе удобнымъ. Уже въ началѣ декабря 1718 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Палехинъ въ Москвѣ ведетъ розыскъ по приказамъ Ушакова изъ Тайной Канцеляріи. Онъ розыскиваетъ, допрашиваетъ и пытаетъ колодниковъ, слѣдуя ордерамъ министровъ, и обо всемъ доноситъ докладными выписками. При этомъ Палехинъ сидѣлъ въ канцеляріи Ушакова на потѣшномъ дворѣ и, конечно, пользовался этой канцеляріей при веденіи поручаемыхъ ему тайныхъ дѣлъ; вотъ почему, вѣроятно, въ его докладныхъ выпискахъ онъ и пишетъ всегда, что онъ все дѣйствуетъ «изъ канцеляріи съ потѣшнаго двора отъ тайныхъ дѣлъ» [1]). А дѣла, которыя въ части, или даже цѣликомъ, удобнѣе было слѣдовать въ Москвѣ, довольно часто попадались въ производствѣ Тайной Канцеляріи. Напримѣръ, въ январѣ 1719 года Ушаковъ пишетъ Палехину, чтобы онъ сыскалъ и произвелъ допросы въ Москвѣ одному замѣшанному въ ревельскомъ адмиралтейскомъ дѣлѣ, что Палехинъ и исполняетъ.

[1]) См. Г. А., VII, № 10.

забирая колодника «въ канцелярію на потѣшный дворъ къ тайнымъ дѣламъ», гдѣ и ведетъ все слѣдованіе. Потомъ, въ 1721 г., Толстой поручаетъ Палехину произвести аресты, обыски и допросы въ Москвѣ замѣшанныхъ въ одно раскольничье дѣло; также Ушаковъ пользуется Палехинымъ, какъ своимъ довѣреннымъ агентомъ, еще въ одномъ дѣлѣ 1721 г. Въ 1720 г. Палехинъ ведетъ предварительное слѣдствіе въ Москвѣ по указаніямъ изъ Тайной Канцеляріи объ одномъ игуменѣ Симонѣ, у котораго были найдены таинственныя гадательныя тетради. Слѣдовъ такого участія Палехина въ разныхъ дѣлахъ канцеляріи можно найти еще достаточно [1]). При этомъ необходимо замѣтить, что всегда Палехинъ *исключительно* дѣйствовалъ только по прямымъ конкретнымъ приказамъ министровъ; ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-либо самостоятельности Палехина совершенно не встрѣчается.

Такимъ образомъ въ канцеляріи на потѣшномъ дворѣ въ Москвѣ, что была подъ вѣдѣніемъ А. И. Ушакова, образовался особый отдѣлъ тайныхъ дѣлъ, который велъ секретарь Палехинъ; но онъ велъ его не одинъ: однимъ изъ секретарей канцеляріи на потѣшномъ дворѣ былъ въ то время Василій Казариновъ, видимо, тоже имѣвшій отношеніе къ тайнымъ дѣламъ, какъ и другой секретарь той-же канцеляріи Козьма Филипповъ [2]). Такъ въ дѣлопроизводство Ушаковской канцеляріи на потѣшномъ дворѣ, въ это время главнымъ образомъ вѣдавшей рекрутныя дѣла, вошло особымъ отдѣломъ особое дѣлопроизводство по тайнымъ дѣламъ.

Въ 1721 г. Палехинъ назначается оберъ-секретаремъ Синода и покидаетъ канцелярію на потѣшномъ дворѣ, переселяясь въ въ Петербургъ по новой своей должности [3]). Его замѣстителемъ является его бывшій сотрудникъ—Василій Казариновъ, на котораго отнынѣ возлагаются обязанности быть во главѣ Московскаго отдѣленія Тайной Канцеляріи; «по Тайной Канцеляріи дѣла особливо на меня положены», какъ писалъ Казариновъ въ одномъ письмѣ Топилскому [4]). А этотъ Казариновъ былъ отправленъ изъ Петербурга изъ Ближней Канцеляріи, гдѣ онъ былъ дьякомъ, съ Ушаковымъ въ Москву еще съ тѣми «ратушскими дѣлами», коихъ разслѣдованіе Петръ поручилъ

[1]) Г. А., VII, №№ 40, 82, 80, 92, 93.
[2]) См. Г. А., VII, № 108, и № 40 (л. 18) или № 76.
[3]) Г. А., VII, № 8, ч. I.
[4]) Г. А. VII, № 8, 5 (19 карт.).

Ушакову въ 1715 г.; такимъ образомъ Казариновъ былъ въ Ушаковской Канцеляріи съ самаго ея образованія [1])—При немъ помощникомъ оставался Филипповъ, и прибавился еще П. Васильевъ, — все, видимо, той-же Канцеляріи секретари [2]). Казариновъ оставался во главѣ Московскаго отдѣленія Тайной Канцеляріи до самаго ея фактическаго уничтоженія въ 1726 г.

Приступая къ описанію дѣятельности этого какъ-бы Московскаго отдѣленія Тайной Канцеляріи, необходимо отмѣтить, что во все время его существованія оно было слито съ канцеляріей рекрутнаго счета, въ которой только существовалъ какъ-бы особый отдѣлъ по тайнымъ дѣламъ. Уже въ 1724 г., какъ и ранѣе при Палехинѣ (какъ мы только-что видѣли), Казариновъ и другіе московскіе секретари писали въ своихъ бумагахъ въ Тайную Канцелярію «изъ Канцеляріи рекрутнаго счета, обрѣтающейся въ Москвѣ отъ дѣлъ Тайной Розыскной Канцеляріи», или: «въ Канцеляріи рекрутнаго счета по дѣламъ Тайной Канцеляріи» [3]). Во главѣ этого отдѣла послѣ Палехина сталъ В. Казариновъ. Онъ ведетъ всю переписку съ министрами, онъ скрѣпляетъ дѣла и приговоры, онъ посылаетъ въ Петербургъ доношенія и выписки къ докладу. Впрочемъ,— очень рѣдко,—какъ будто выступаютъ на сцену и другіе секретари— Филипповъ, и Васильевъ. Однако главенствующее положеніе Казаринова едва-ли подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть сопоставлено съ таковымъ-же Топилскаго въ Петербургѣ. Соотвѣтственно этому опредѣляется и власть Казаринова: она была чисто и исключительно исполнительная. Эта власть, какъ и все положеніе московскаго отдѣла Канцеляріи, видимо, зиждилось на убѣжденіи Ушакова и Толстого въ томъ, что многія дѣла можно рѣшать и въ Москвѣ «черезъ ордеры наши» (т. е. министровъ); и должно такъ поступать въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, такъ какъ при посылкѣ дѣлъ въ Петербургъ иногда происходитъ «точію убытокъ деньгамъ и турбація людямъ». Все это Ушаковъ излагаетъ въ одномъ письмѣ къ Казаринову (1723 г.), выражая свое недовольство, что Казариновъ началъ всѣ дѣла и колодниковъ прямо пересылать въ Петербургъ [4]). Такимъ образомъ рѣшеніе дѣлъ въ Москвѣ, посредствомъ ряда приказовъ министровъ изъ Петербурга по докладнымъ присылаемымъ

[1]) Г. А., XXVI, № 191 (I карт.).
[2]) Г. А., VII, № 187 и № 85 (19 карт.).
[3]) Г. А., VII, № 8. (карт. 19).
[4]) Г. А., VII, № 156 (л. 5 и 7).

имъ выпискамъ, являлось основной задачей дѣятельности Московскаго отдѣленія. Какъ-же выполнялась эта задача?

Еще въ 1720 году, въ бытность въ Москвѣ Палехина, Ушаковъ изъ Петербурга по опредѣленію Тайной Канцеляріи приказываетъ Палехину, Казаринову и Филиппову произвести слѣдованіе по одному дѣлу по «слову и дѣлу», что Палехинъ и выполняетъ [1]). Продолженіе такого порядка наблюдаемъ и далѣе. Въ вышеприводимомъ случаѣ въ опредѣленіи Канцеляріи роль Палехина въ дѣлѣ выясняется довольно подробно и опредѣленно: «Чаплыгина распросить въ Москвѣ дьяку Тимоѳею Палехину; буде онъ въ чемъ станетъ упираться и не сказывать, то его Чаплыгина—въ застѣнокъ, и при пыткѣ спрашивать; ежели покажетъ на кого изъ тамошнихъ, то оныхъ сыскивать и содержать въ крѣпкомъ арестѣ и поступать съ ними такожде, какъ въ Преображенскомъ приказѣ бывало по такимъ дѣламъ; и тѣхъ распрашивать, и какой къ чему будетъ слѣдъ, такъ и чинить» [2]). Эта схема, въ которой давались полномочія московскому отдѣленію, въ общемъ, видимо, сохраняетъ силу и значеніе нормы для всего послѣдующаго періода дѣятельности московскихъ дьяковъ по тайнымъ дѣламъ. Въ 1723 году, напримѣръ, въ Москву къ тайнымъ дѣламъ были присланы колодники изъ Малороссіи, обвиняемые въ хулительныхъ словахъ о Петрѣ. Казариновъ, снявъ со всѣхъ нихъ первые допросы, посылаетъ объ этомъ въ Петербургъ докладную выписку. Тайная Канцелярія по этой выпискѣ постановляетъ пытать виновнаго до признанія имъ своей вины трижды, и объ этомъ посылается ордеръ Казаринову, который исполняетъ постановленіе, и объ исполненіи опять доноситъ: «означеннымъ Муравейщикомъ розыскивалъ я трижды а съ розысковъ сказалъ: въ первомъ и во второмъ говорилъ онъ... (идетъ подробно переданное показаніе)... а въ третьемъ розыску сказалъ... (опять идетъ показаніе)... Было ему во всѣхъ трехъ розыскахъ 106 ударовъ; а свидѣтели войтъ Дейника да Ерема волошанинъ въ застѣнкѣ, стоя у дыбы на очныхъ ставкахъ, съ клятвою говорили... (идетъ показаніе)... и онымъ, Государь, Муравейщикомъ, что чинить, о томъ требую повелительнаго отъ вашего превосходительства ордера» [3]). На это Канцелярія опять шлетъ подробные «указы»; такимъ образомъ дѣло доводится до конца.

[1]) Г. А., VII, № 76 (л. 5 и далѣе).
[2]) Г. А., VII, № 76 (л. 5)
[3]) Г. А., VII, № 166, (л. 21—22).

До насъ дошелъ цѣлый рядъ писемъ отъ Казаринова къ министрамъ и отъ министровъ къ Казаринову, въ которыхъ идетъ дѣятельная переписка по многимъ дѣламъ, слѣдовавшимся въ Москвѣ, совершенно такимъ-же способомъ, какъ въ двухъ только-что выше приведенныхъ случаяхъ. Обычно Казариновъ точно и подробно передавалъ ходъ розыска, почти каждое письмо заканчивая требованіемъ дальнѣйшихъ ордеровъ со стороны министровъ; а министры въ своихъ письмахъ обычно тоже достаточно подробно сообщали секретарямъ, какъ надо вести слѣдствіе, что у кого изъ колодниковъ спрашивать и проч. Секретари при своихъ письмахъ постоянно прилагали докладныя выписки и распросныя рѣчи [1]).

При всѣхъ своихъ «розыскныхъ» операціяхъ московскіе дьяки пользовались, конечно, рекрутной канцеляріей вѣдѣнія Ушакова,— въ которой они сидѣли,—какъ учрежденіемъ, въ которомъ велось и это дѣлопроизводство по тайнымъ дѣламъ; при той-же канцеляріи содержались и всѣ колодники по этимъ тайнымъ дѣламъ [2]).

Иногда Тайная Канцелярія поручала московскимъ секретарямъ и сыскиваніе преступниковъ, при чемъ обычно брался для этого одинъ гвардейскій сержантъ съ нѣсколькими солдатами; сержанту давались указы и инструкціи къ розыску [3]). Если одного привоза колодника и его вещей было недостаточно, если требовалось на мѣстѣ произвести нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія, то для этого, иногда Тайная Канцелярія посылала и самыхъ секретарей; напримѣръ, въ 1724 году было велѣно Козьмѣ Филиппову ѣхать въ одинъ монастырь, гдѣ произвести допросы нѣкоторыхъ лицъ; Филиппова сопровождалъ сержантъ и нѣсколько солдатъ; отъ Синода былъ въ монастырь по этому поводу данъ «послушный» указъ [4]). Иногда-же Московскому отдѣленію давались болѣе мелкія порученія; напримѣръ, въ 1720 году Ушаковъ пересылаетъ въ Москву въ Канцелярію нѣсколько указовъ Тайной Канцеляріи къ воеводѣ Ярославской провинціи, съ приказаніемъ переправить эти указы далѣе по назначенію [5]).

Если случались какія-либо дѣла по отдѣленію въ Москвѣ, то секретари немедленно сами ихъ улаживали, донося обо

[1]) См. Г. А., VII, № 164.
[2]) См. Г. А., VII, № 8 (19 карт.)
[3]) Г. А., VII, № 103.
[4]) Г. А., VII, № 187.
[5]) Г. А., VII, № 72.

всемъ подробно послѣ въ Петербургъ, хотя такого рода происшествія были рѣдки и не носили характера болѣе или менѣе значительныхъ; напримѣръ, въ 1721 году «въ канцеляріи на потѣшномъ дворѣ содержавшійся колодникъ... Тарабунинъ, пришедъ въ судейскую палату, дьяку Козьмѣ Филиппову говорилъ, чтобы ему дать отъ тайныхъ дѣлъ подъячаго написать ему доношеніе по тайнымъ дѣламъ. И того-жъ числа оный рекрутъ въ судейской палатѣ передъ дьяками Казариновымъ и Филипповымъ спрашиванъ наединѣ тайно», какое имѣетъ дѣло; дѣло оказалось «царственное»; тогда дьяки рѣшили отправить его въ Преображенскій Приказъ, гдѣ онъ и былъ принятъ [1]). Въ 1722 же году однажды караульный урядникъ, «пришедъ въ судейскій столъ къ секретарю Василію Казаринову», донесъ, что одинъ колодникъ желаетъ «нѣчто еще донести» секретарямъ, «и того же числа» колодникъ былъ «взятъ въ судейскій столъ и во ономъ спрашиванъ и сказалъ»... [2]). Конечно, обо всемъ этомъ идетъ подробный докладъ въ Петербургъ.

Такова была роль и дѣятельность Московскаго отдѣленія Тайной Канцеляріи при канцеляріи рекрутнаго счета. Во время пребыванія одного или нѣсколькихъ министровъ въ Москвѣ это отдѣленіе превращалось прямо въ настоящую Тайную Канцелярію. Когда во второй половинѣ 1722 года Скорняковъ-Писаревъ пріѣхалъ на время въ Москву, то тамъ онъ рѣшалъ именемъ Тайной Канцеляріи всѣ дѣла, бывшія на слѣдованіи въ Москвѣ и представленныя Скорнякову Казариновымъ и его товарищами; при этомъ Казариновъ обычно скрѣплялъ все дѣло. И въ то время, если шла по дѣламъ какая-либо переписка, то ее вела не канцелярія рекрутнаго счета по тайнымъ дѣламъ, а Тайная Канцелярія; тогда и отвѣты адресовали изъ разныхъ мѣстъ тоже въ Москву въ «Тайную Канцелярію» [3]); также и Казариновъ пишетъ въ это время Ушакову, что присланы колодники въ Москву «въ Тайную Канцелярію» [4]). Въ началѣ-же слѣдующаго 1723 года въ Москвѣ былъ Толстой и тоже рѣшалъ дѣла, ему предлагаемыя Казариновымъ. До насъ дошло дѣло объ одномъ ложномъ и нѣсколько запутанномъ извѣтѣ, которое цѣликомъ слѣдовалось въ Москвѣ, и рѣшительное опредѣленіе по нему было учинено тоже въ Москвѣ въ Тайной Канцеляріи

[1]) Г. А., VII, № 108 (л. 1).
[2]) Г. А., VII, № 116 (л. 8).
[3]) См. Г. А., VII, № 8 (ч. 2 и 5).
[4]) Г. А., VII, № 167.

при секретарѣ Казариновѣ министромъ П. А. Толстымъ [1]). Имѣемъ возможность наблюдать еще одинъ характерный случай. Когда въ самомъ концѣ 1722 года, въ бытность Скорнякова-Писарева еще въ Москвѣ, началось тамъ въ Тайной Канцеляріи одно дѣло, то первыя по нему опредѣленія подписывалъ Скорняковъ-Писаревъ, но онъ какъ разъ въ началѣ 1723 года уѣзжаетъ изъ Москвы; дѣло остается неконченнымъ; однако, вскорѣ пріѣзжаетъ Толстой, вступаетъ въ дѣла Канцеляріи и, очевидно, кончаетъ это дѣло, такъ какъ послѣднія по нему опредѣленія идутъ,—конечно отъ имени Тайной Канцеляріи,—уже за подписью Толстого [2]).

---

[1]) Г. А., VII, № 167.
[2]) Г. А., VII, № 8, 2.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣднее время существованія Тайной Канцеляріи и ея упраздненіе.

I.

Въ январѣ 1725 года умеръ Петръ Великій, а черезъ годъ съ небольшимъ Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія фактически перестала существовать, слившись съ отживавшимъ тогда уже свой вѣкъ Преображенскимъ Приказомъ. Если передача Тайной Канцеляріи въ завѣдываніе Ромодановскому осуществилась только въ срединѣ 1726 года, то гораздо ранѣе начался процессъ ея постепеннаго умиранія.

По другому поводу мы уже имѣли случай упомянуть объ эпизодѣ, который произошелъ въ 1719 г. между Ушаковымъ и Ромодановскимъ. Я позволю себѣ привести цѣликомъ письмо Ушакова, съ которымъ этотъ послѣдній обратился тогда къ князю Ромодановскому. Письмо это помѣчено 10 іюля 1719 г. и приложено къ дѣлу: «Государь мой князь Иванъ Ѳедоровичъ! писалъ Ушаковъ, – въ нынѣшнемъ 1719 году въ іюнѣ мѣсяцѣ царское величество указалъ по именному своему величествія указу, какъ изволилъ быть на Котлинѣ острову, по докладу дѣйствительнаго тайн. сов. кав. П. А. Толстого по канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, ежели впредь будутъ вновь какія дѣла касаться о здоровьѣ его высокомонаршей чести и другія подобныя тому и оныя, чтобъ приимать вашему сіятельству, и, что принадлежитъ, исполнять по правамъ его царскаго величества. А сего іюня 10 дня прислано изъ Казани отъ вице-губернатора господина Кудрявцева съ капитаномъ Осипомъ Ивинымъ 2 человѣка доносителей: дому казанскаго архіерея подъячіе Петръ Степановъ, Ѳедоръ Золотаревъ, да другихъ колодниковъ 11 человѣкъ, до которыхъ касаютца важныя царскаго величества дѣла о умыслѣ на его царское величество, которыхъ, какъ людей такъ и присланные объ ихъ

письма, благоволи принять и указъ учинить по его царскаго величества указу. Вашего сіятельства рабъ Андрей Ушаковъ» [1]). Въ это время Ромодановскій находился въ Петербургѣ. Изъ приведеннаго письма ясно, что въ іюнѣ 1719 г. послѣдовалъ какой-то указъ Петра «по Тайной Канцеляріи», которымъ всѣ дѣла о здоровьѣ и чести царской передавались изъ вѣдѣнія Тайной Канцеляріи въ Преображенскій Приказъ; однако, въ приводимомъ изложеніи Ушакова указъ этотъ неясенъ и туманенъ. Въ сентябрѣ того-же 1719 года кн. Ромодановскій уѣзжаетъ изъ Петербурга и передаетъ это дѣло опять Тайной Канцеляріи, опять «по именному царскаго величества указу» «для розыска и учиненія указу» [2]). Позволимъ себѣ предполагать, что тутъ проглядываетъ попытка Толстого сбросить съ Тайной Канцеляріи всякія мелкія дѣла о здоровьѣ и чести, которыя начали въ нее стекаться изъ провинціи скорѣе обычаемъ, чѣмъ вслѣдствіе какого-либо указа или распоряженія объ этомъ. Такъ впервые мелькаетъ желаніе Толстого развязаться съ Тайной Канцеляріей въ томъ ея видѣ, который мало по малу она начала пріобрѣтать, все болѣе занимаясь незначительными дѣлами противъ двухъ пунктовъ. И если въ этомъ году Толстому не удалось провести до конца своего намѣренія, то мысль о немъ, очевидно, его не покидаетъ.

Въ другихъ условіяхъ началъ работать Толстой въ Тайной Канцеляріи: государственной, первостепенной важности дѣла проходили тогда черезъ Канцелярію и составляли основной предметъ ея вѣдѣнія; слишкомъ привыкъ Толстой къ большому, широкому размаху въ своей дѣятельности, чтобы онъ могъ послѣ этого заняться и удовольствоваться розысками по незначительнымъ дѣламъ о непристойныхъ словахъ разныхъ сумазбродныхъ и пьяныхъ людей; для этого существовалъ Преображенскій Приказъ и кн. Ромодановскій. Когда въ сентябрѣ 1723 г. Ромодановскій опять проводитъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, Ушаковъ опять не принимаетъ колодниковъ въ Тайную Канцелярію, присланныхъ Дивіеромъ, и отправляетъ ихъ Ромодановскому, мотивируя тѣмъ, «что таковыхъ надлежитъ отсылать въ Преображенскую Канцелярію» [3]), т. е., видимо, выдвигая на сцену вышеприведенный указъ 1719 года. Въ тотъ-же годъ, съ другой стороны, когда кн. Ромодановскій добился, чтобы дѣлъ Вас. Казариновъ и у него въ Преображенскомъ Приказѣ былъ «у важныхъ дѣлъ», то, пользуясь такимъ случаемъ, Тайная Канцелярія «опредѣляетъ» (опредѣленіе подписываютъ Толстой и Ушаковъ): всѣ дѣла, слѣдованныя Казариновымъ въ Москвѣ по Тайной Канцеляріи, тоже передать въ Преображенскій Приказъ [1]); такимъ образомъ и здѣсь Толстой стремится уклоняться по мѣрѣ возможности отъ дѣлъ, передавая ихъ Ромодановскому. Однако, какъ мы знаемъ, въ 1722 году Тайная Канцелярія была какъ-бы сравнена съ Преображенскимъ Приказомъ, именно въ возложеніи на нее, равно съ Преображенскимъ Приказомъ, розыска всѣхъ возникавшихъ въ Россіи дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, дѣлъ въ огромной своей массѣ очень малозначительныхъ. Значитъ, нами выше констатированныя попытки Толстого настоящаго успѣха не имѣли; между тѣмъ какъ, благодаря указу 1722 года, наоборотъ, началось усиленное заполненіе дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи именно тѣми самыми дѣлами, отъ которыхъ Толстой всячески старался отдѣлаться. Такъ дѣло шло до 15-января 1724 года. Волей-неволей Толстому и Ушакову приходилось возиться въ Тайной Канцеляріи съ разными мелочными дѣлами: дѣлъ настоящей государственной важности въ ней уже не было: мелкія, ничтожныя дѣла всецѣло заполнили ея дѣлопроизводство. Съ этого, видимо, времени опредѣленно и окончательно Тайная Канцелярія стала для Толстого обузой, отъ которой онъ теперь просто стремится совсѣмъ избавиться.

15-го января 1724 года послѣдовалъ слѣдующій указъ Петра: «всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій и протчая, и протчая и протчая, будучи въ зимнемъ Его Величества домѣ въ Вышнемъ Судѣ, указалъ по именному своему величествія указу: слѣдующіяся въ Тайной Розыскной Канцеляріи дѣла важныя рѣшить, а вновь, подобно прежде бывшимъ, колодниковъ и дѣлъ присылаемыхъ ни откуда не примать, понеже оставшія за рѣшеніемъ дѣла отослать въ Правительствующій Сенатъ и съ подъячими; а секретарю Топилскому быть при прежнихъ рекрутныхъ дѣлахъ, откуда онъ взятъ былъ». Подъ этимъ указомъ скрѣпа: «отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ» [2]). Такимъ образомъ была наконецъ

[1]) Г. А., VII, № 29 (карт. I, № 12).
[2]) Ibidem.
[3]) Г. А., VII, № 179.

[1]) Г. А., VII, № 164.
[2]) Г. А., VII, № 6 (карт. 3, нв. зм. ук. № 1).

достигнута цѣль: Тайную Канцелярію велѣно ликвидировать и распустить; Тайная Канцелярія этимъ указомъ предназначалась къ немедленному уничтоженію. Отвѣчая Ушакову на его извѣщеніе объ этомъ указѣ, Толстой писалъ ему изъ Москвы 27-го января того-же 1724 года: «паки вамъ, мой государь, съ великой моей радостью благодарствую, что изволилъ меня цидулкою увѣдомить о указѣ императорскаго величества, что въ Тайную Канцелярію вновь дѣлъ и колодниковъ принимать не велѣно и прежнія важныя дѣла рѣшить, а оставшія и съ подъячими отослать въ Сенатъ; того ради васъ, моего государя, прилежно прошу оный его величества указъ немедленно исполнить,... и которыя важныя дѣла рѣшатся и останутся у васъ, тѣ, мнится мнѣ, надлежитъ положить въ Архивъ,.... а прочія съ подлинною описью отослать въ Сенатъ» [1]). Однако дѣло не идетъ такъ скоро, какъ того хочется Толстому; въ письмѣ отъ 4-го февраля Ушаковъ отвѣчалъ: «объ отсылкѣ дѣлъ въ Сенатъ, хотя у насъ указъ записанъ, и многихъ присылаемыхъ колодниковъ не принимаемъ, токмо еще изъ Сената къ намъ указу не прислано» [2]). Толстой на это писалъ Ушакову: «объ отсылкѣ дѣлъ въ Сенатъ я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скоряйше *отъ той тягости свободить меня и себя*... а ежели *за безчастіе наше скоро канцелярія наша съ насъ не сымется*, то, мнится мнѣ, не безопасно намъ будетъ онаго (одного оставшагося дѣла) не слѣдовать» [3]). Изъ подчеркнутыхъ фразъ Толстого съ чрезвычайной ясностью видно, какъ въ это время Толстой относился къ своему положенію главы Тайной Канцеляріи, а потому онъ и стремился всячески отъ нея отдѣлаться возможно скорѣе. Однако надо было ждать. Ушаковъ писалъ, что «о принятіи въ Правительствующій Сенатъ не рѣшенныхъ здѣсь по Тайной Канцеляріи дѣлъ и колодниковъ доношеніе подано; и, хотя о томъ стараніе имѣемъ, однако-же ничего тамо не учинено на наше требованіе; прикажи государь, въ Сенатѣ справиться, записанъ-ли у нихъ именной указъ, а Павлу Ивановичу (т. е. Ягужинскому) Его Императорское Величество имянно о томъ приказывалъ» [4]). Толстой отвѣчаетъ, что «о томъ я справливался; и хотя указъ именной записанъ, но не ясно: токмо, чтобъ при Сенатѣ учинить для тайныхъ розыскныхъ дѣлъ

[1]) Г. А., VII, № 103 (л. 267—268).
[2]) Г. А., VII, № 8 (5).
[3]) Г. А., VII, № 8 (5) (л. 19).
[4]) Ibidem.

контору, а имянно о нашей Тайной Канцеляріи ниже о колодникахъ не упомянуто; однакожъ я о томъ сенаторамъ прилежно говорилъ, чтобы тое канцелярію съ нашихъ рукъ сняли, и обѣщаютъ то учинить; а нынѣ буду домогаться, чтобъ дѣла по Тайной Канцеляріи, которыя имѣются въ Москвѣ, велѣли бы принять въ Сенатъ, и тѣмъ-бы уже начало пріему учинили; о колодникахъ, которые въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ, также объ Орловѣ и Поповѣ буду стараться, чтобъ ихъ съ нашихъ рукъ сняли» [1]).

Такимъ образомъ дѣло затягивалось. Сенатъ, умышленно или неумышленно, но очевидно, тянулъ всячески. Толстой въ послѣднемъ приведенномъ письмѣ совершенно вѣрно указываетъ, что именной указъ записанъ неясно, что о Тайной Канцеляріи въ этой записи нѣтъ ничего, кромѣ упоминанія ея въ заглавіи. Позволяю себѣ привести цѣликомъ эту запись, какъ мы ее находимъ въ подлинныхъ сенатскихъ книгахъ именныхъ указовъ. Озаглавленъ этотъ указъ такъ: «О канторѣ при Сенатѣ, Тайной Канцеляріи и мазорскихъ»; самый-же указъ записанъ такъ: «чтобъ при Сенатѣ учинить кантору розыскныхъ дѣлъ, также особливую палату, гдѣ для случающихся дѣлъ чрезвычайныхъ—и первое, когда какой розыскъ будетъ въ Сенатѣ,— то дѣла оныя тамъ будутъ; а другое мѣсто—для такихъ дѣлъ, какъ Шафирово случилось; но сему мѣсту быть безъ служителей, но когда случай позоветъ, тогда на время брать». Указъ этотъ помѣченъ 13 января 1724 года [2]). Нельзя прежде всего не обратить вниманія на то, что даты не сходятся: указъ, данный Ушакову о ликвидаціи дѣлъ Тайной Канцеляріи, былъ данъ 15 января, а запись сенатскаго указа датируется 13 января; получается впечатлѣніе, что тутъ въ сущности былъ не одинъ, а два разновременныхъ указа. Съ другой стороны, очевидна сразу большая неполнота и неловкость сенатской записи; Толстой-же въ своемъ письмѣ, очевидно, говоритъ именно объ этой записи, такъ что есть основаніе полагать, что указъ въ сущности былъ одинъ, но записанный разными лицами (Ушаковымъ и Ягужинскимъ), записанный у Ягужинскаго явно неточно, а у Ушакова очевидно неполно, слышанный, вѣроятно, этими лицами въ разные дни (13 и 15 января); это-то въ результатѣ и возбуждаетъ то недоумѣніе, которое

[1]) Г. А., VII, № 8 (5).
[2]) С. А., кн. им. ук. № 26 л. 59.

заставляетъ предполагать существованіе двухъ указовъ. Попытаемся-же на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и соображеній возможно реконструировать, что собственно Петръ имѣлъ въ виду сдѣлать въ этомъ своемъ указѣ 13—15 января 1724 г.

Несомнѣнно, одну часть указа составляло именно то, что было записано Ушаковымъ, т. е. было повелѣно Тайной Канцеляріи бывшія уже у нея въ производствѣ важныя дѣла оканчивать, новыхъ дѣлъ болѣе не принимать, а все остающееся вмѣстѣ съ подъячими отправить въ Сенатъ, секретаря-же отправить обратно къ рекрутскимъ дѣламъ, т. е. была опредѣленно указана ликвидація дѣятельности Канцеляріи съ передачей дѣлъ въ Сенатъ; а въ Сенатѣ (и эту-то только часть указа записываетъ Ягужинскій) повелѣно было основать для такихъ дѣлъ «контору розыскныхъ дѣлъ» съ «особливой палатой», о которой, къ сожалѣнію, трудно себѣ уяснить, что она должна была собой точно представлять; кромѣ того, еще должно было быть устроено «другое мѣсто» «для такихъ дѣлъ, какъ Шафирово»; что это за «другое мѣсто», остается изъ записи тоже совершенно неяснымъ. Итакъ, очевидно, былъ какъ-никакъ формулированъ и началъ приводиться въ исполненіе по волѣ Петра планъ реорганизаціи,—въ части, по крайней мѣрѣ,—преслѣдованія государственныхъ преступленій. По этому плану все дѣло по преслѣдованію передавалось въ руки Сената, при которомъ спеціально для это цѣли образовывалось особое учрежденіе «Контора розыскныхъ дѣлъ» и какая-то «особлавая палата»; вмѣстѣ съ этимъ Тайная Канцелярія должна была ликвидировать свои важныя дѣла, а остатокъ дѣлъ и приказныхъ людей (кромѣ секретаря) передать въ Сенатъ, очевидно, въ эту вновь при Сенатѣ установляемую «Контору»; о Преображенскомъ Приказѣ при этомъ, кажется, забыли.

Насколько-же все это, однако, представлялось смутнымъ и неопредѣленнымъ съ самаго начала современникамъ и исполнителямъ, мы только-что сейчасъ видѣли; очевидно, только одно было ясно и желательно для Толстого: возможность поскорѣе избавить себя отъ Тайной Канцеляріи. А у Сената, видимо, не было никакой охоты разбираться въ этихъ неясностяхъ и неточностяхъ и задавать себѣ новую работу съ организаціей этой самой «конторы», потому дѣло впередъ не двигалось, несмотря на понуканія со стороны Толстого: ему «обѣщали» «прилежно стараться» и этимъ пока ограничивались.

Однако жизнь шла, не останавливаясь, и волей-неволей Сенату скоро приходится вновь столкнуться съ вопросомъ о дѣлахъ «важныхъ и тайныхъ», съ вопросомъ о томъ, кто-же и гдѣ ихъ долженъ быть слѣдовать.

Въ началѣ 1724 г. кн. Голицынъ присылаетъ изъ Москвы дѣла и колодниковъ по «слову и дѣлу» въ Тайную Канцелярію. Эта послѣдняя «опредѣляетъ» 19 марта того-же года дѣлъ не принимать, а все отослать въ Сенатъ, согласно указу 15 января 1724 г. Опредѣленіе это подписываетъ Ушаковъ. Итакъ все дѣло попадаетъ въ Сенатъ во второй половинѣ марта. По смыслу нами приведеннаго, записаннаго въ книгу указа дѣло это должно было поступить въ предположенную къ учрежденію «контору розыскныхъ дѣлъ». Однако, выходитъ совсѣмъ не такъ. 27 апрѣля изъ Сената Тайной Канцеляріи шлется длинный указъ по этому дѣлу. Изложивъ вкратцѣ самое дѣло, Сенатъ далѣе разсуждаетъ такъ: онъ сопоставляетъ три указа,—одинъ 1722 г. объ отсылкѣ всѣхъ дѣлъ изъ провинціи по «слову и дѣлу» въ Тайную Канцелярію или въ Преображенскій Приказъ, другой указъ—«апрѣля 29 дня», чтобы быть въ Преображенскомъ между прочимъ и «государственнымъ дѣламъ», и третій—новый указъ Тайной Канцеляріи: ни откуда никакихъ колодниковъ не принимать,—и Сенатъ рѣшаетъ изъ этого сопоставленія все данное дѣло «отослать для изслѣдованія и учиненія указа въ Преображенскій Приказъ» [1]).

Только три мѣсяца назадъ изданный именной указъ Петра, занесенный въ книги, уже забытъ или нарочно пренебреженъ и обойденъ, несмотря на прямое напоминаніе объ немъ, сдѣланное въ приводимомъ «опредѣленіи» Тайной Канцеляріи. Эта забывчивость, въ связи съ упорствомъ Сената въ непринятіи дѣлъ отъ Тайной Канцеляріи, свидѣтельствуетъ, что Сенатъ просто не желалъ брать на себя лишнюю обузу въ видѣ конторы розыскныхъ дѣлъ, всячески весьма рѣзко уклонялся отъ этого указа и дѣлалъ видъ, что забываетъ объ его существованіи. При такомъ положеніи дѣла совершенно понятно, что ликвидація дѣлъ Тайной Канцеляріи безнадежно затягивалась.

Между тѣмъ практика, которую предписалъ Сенатъ своимъ указомъ, видимо, принимается Тайной Канцеляріей къ исполненію, именно: когда въ томъ-же 24 году полковникъ фонъ-Денъ

[1]) См. Г. А., VII, № 189.

присылаетъ въ Тайную Канцелярію на имя Ушакова подпрапорщика «о важномъ Его Императорскаго Величества дѣлѣ», то Тайная Канцелярія «опредѣлила» не принимать этого дѣла, указывая, что надо эти дѣла отправлять въ Преображенскій Приказъ, по рѣшенію Сената [1]). Мы знаемъ, что такая практика была совершенно въ духѣ Толстого, какъ мы видѣли, уже давно стремившагося передавать всѣ дѣла въ Преображенскій Приказъ. Какъ бы то ни было, но принимать дѣла далѣе Тайная Канцелярія совершенно отказывается, каждый разъ составляя особое «опредѣленіе» объ отказѣ въ пріемѣ вслѣдствіе указа 15 января 1724 года [2]).

Такъ продолжается весь годъ. Однако, дѣло не обходилось безъ исключеній. Въ сентябрѣ 24 г. Ушаковъ получаетъ слѣдующее письмо отъ Румянцева: «Государь мой Андрей Ивановичъ! Его Императорскаго Величества указомъ, будучи въ Москвѣ, отданъ мнѣ арестантъ города Серпухова житель... Шапошниковъ, который и нынѣ содержитца въ полковой нашей канцеляріи подъ арестомъ, и я объ немъ Его Величеству докладывалъ, и Его Величество изволилъ указать онаго Шапошникова отдать къ вамъ; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять въ свое вѣдомство и при случаѣ объ немъ Его Величеству доложить» [3]). Дѣло это нѣсколько курьезно по своему содержанію: этотъ Шапошниковъ поднесъ Петру въ день его рожденія въ церкви два калача; Петръ принялъ подарокъ и позвалъ его къ себѣ во дворецъ, гдѣ Шапошниковъ сталъ порицать нюханье табаку; Петръ, разсердившись на это и заподозрѣвъ въ Шапошниковѣ раскольника, отправилъ его подъ арестъ и для изслѣдованія дѣло передалъ вышеприведеннымъ письмомъ Тайной Канцеляріи [4]). Изъ этого не трудно заключить, что дѣло лично занимало самого Петра. Конечно, отъ такого дѣла Тайная Канцелярія отказаться не могла, точнѣе—не смѣла, и провела слѣдованіе по нему обычнымъ порядкомъ. Въ этомъ еще разъ напослѣдокъ промелькнула тенденція Петра считать Тайную Канцелярію личнымъ учрежденіемъ для порученій.

Такимъ образомъ въ послѣдній годъ царствованія Петра положеніе Тайной Канцеляріи являлось чрезвычайно страннымъ,

[1]) Г. А., VII, № 190.
[2]) См. Г. А., VII, № 192, 112, 191 и др.
[3]) Г. А., VII, № 188
[4]) См. ibidem.

неустойчивымъ, какимъ-то промежуточнымъ. Съ одной стороны, былъ ясно и вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ объ ея уничтоженіи, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ указомъ Императора, и было велѣно приступить къ постепенной ликвидаціи ея дѣятельности; съ другой стороны, эту ликвидацію всячески и настойчиво тормозилъ Сенатъ, да и Петръ, самъ считалъ допустимымъ все-таки поручать Канцеляріи, хотя и рѣдко, нѣкоторыя дѣла. Такова была неопредѣленность и невыясненность въ положеніи Тайной Канцеляріи, когда въ январѣ 1725 года неожиданно умираетъ Петръ и на престолъ вступаетъ Екатерина.

II.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины положеніе Тайной Канцеляріи первые мѣсяцы остается такое-же неопредѣленное; это уже прежде всего видно изъ того, что дѣла въ ней то принимаются, то не принимаются со ссылкой въ послѣднемъ случаѣ на указъ 1724 года; подмѣтить въ этомъ какой-либо руководящій принципъ трудно.

Въ 1725 году новгородскій воевода пишетъ о неправильностяхъ, которыя были допущены при присягѣ купеческими людьми Новгорода. Тайная Канцелярія начинаетъ дѣло, пишетъ запросъ въ Главный Магистратъ; Магистратъ подробно отвѣчаетъ, доказывая, что никакихъ неправильностей не произошло. Разсмотрѣвъ объясненіе Магистрата, Тайная Канцелярія рѣшаетъ, что присяга была принесена правильно, и дѣлаетъ замѣчаніе воеводѣ, что онъ неосмотрительно поступилъ и только доставилъ Канцеляріи напрасное «утружденіе» [1]). Немного спустя Синодъ присылаетъ въ Канцелярію доношеніе изъ Астрахани объ одномъ попѣ, который будто радовался смерти Петра Великаго. Канцелярія протокольнымъ постановленіемъ рѣшаетъ отправить указъ астраханскому губернатору, чтобы тотъ все это дѣло изслѣдовалъ и со своимъ мнѣніемъ прислалъ все слѣдствіе въ Тайную Канцелярію. Мы знаемъ, какъ подобный порядокъ производства дѣлъ былъ несвойственъ Тайной Канцеляріи при жизни Петра. Астраханскій губернаторъ поступаетъ согласно указу Канцеляріи, присылая въ Канцелярію весь слѣдственный матеріалъ и свою предположительную резолюцію о

[1]) Г. А., VII, № 207.

наказаніи попа. Тайная Канцелярія въ протокольной формѣ утверждаетъ эту резолюцію и шлется указъ въ Астрахань объ исполненіи наказанія [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, Тайная Канцелярія иногда принимаетъ обычныя дѣла такъ, какъ это было до указа 1724 года; однако съ другой стороны, иногда эти дѣла Канцелярія продолжала не принимать, ссылаясь на указъ 1724 года. Когда въ ноябрѣ 1725 года были присланы изъ Старорусской ратуши пакеты и колодники «по тайнымъ дѣламъ», то Канцелярія ихъ не принимаетъ, подробно мотивируя, что «понеже въ прошломъ 722 году апрѣля въ 28 числѣ по именному указу блаж. вѣч.-дост. пам. Его Императорскаго Величества хотя и повелѣно злодѣевъ и протчихъ по дѣламъ ихъ колодниковъ изъ городовъ присылать, не разспрашивая, въ Тайную Канцелярію или въ Преображенскій приказъ за крѣпкимъ карауломъ, но потомъ въ 1724 году генваря 15 дня Его же Императорское Величество имяннымъ указомъ въ Тайную Канцелярію колодниковъ и дѣлъ присылаемыхъ изъ губерній принимать не велѣно, а отсылать-бы ихъ въ Преображенскую Канцелярію» [2]). Когда въ 1726 году Артемій Волынскій присылаетъ изъ Пензы солдата-извѣтчика, Тайная Канцелярія опять отказываетъ въ пріемѣ этого дѣла, ссылаясь на указъ 1724 г. и еще на указъ Сената отъ 27-го апрѣля, нами приведенный выше [3]).

Если дѣло поступало по личному желанію и повелѣнію Императрицы, то тутъ Тайная Канцелярія принимала и «слѣдовала», конечно, безпрекословно; а такіе случаи въ 1725 году бывали; при этомъ какъ-бы забывался указъ 1724 года о ликвидаціи дѣлъ Канцеляріи, что представляется совсѣмъ неудивительнымъ со стороны Екатерины, разъ мы имѣли случай видѣть, что и самъ Петръ какъ-бы забывалъ о своемъ-же указѣ. Въ 1725 году такъ поступаетъ въ Канцелярію дѣло о полковникѣ Ергольскомъ. Кабинетъ-секретарь Макаровъ прислалъ «указомъ Ея Величества» маленькую записку, въ которой извѣщалъ, что Ергольскій въ Москвѣ при двухъ сенаторахъ осмѣлился сказать: «съ чего де мнѣ то взять, какъ писать титулъ Ея Императорскаго Величества!» Слѣдованіе объ этихъ словахъ Макаровъ, по указу, поручалъ Тайной Канцеляріи. Ергольскій

[1]) Г. А., VII, № 201.
[2]) Г. А., VII, № 83.
[3]) Г. А., VII, № 210.

содержится въ заключеніи, а Канцелярія ведетъ допросы разныхъ свидѣтелей, начиная съ присутствовавшихъ при этомъ сенаторовъ (гр. Матвѣевъ и Дмитріевъ-Мамоновъ); показанія складываются для Ергольскаго очень благопріятно, и Тайная Канцелярія опредѣленіемъ обычной формы (за подписью Толстого и Ушакова) признаетъ Ергольскаго невиновнымъ [1]). Около того же времени бывшій въ Россіи нѣкій капуцинъ Хризологъ возбудилъ какія-то подозрѣнія въ Екатеринѣ, и Ягужинскій запиской объявляетъ Тайной Канцеляріи указъ Императрицы объ арестованіи Хризолога со спутниками и объ учиненіи обыска и слѣдствія надъ ними. Канцелярія спѣшитъ исполнить непосредственный указъ Верховной Власти и приступаетъ къ слѣдованію; но лишь только выясняется, что ничего въ этомъ дѣлѣ интереснаго нѣтъ, Толстой спѣшитъ подъ благовиднымъ предлогомъ сбыть его съ своихъ рукъ, и, вѣроятно, по докладу Императрицѣ дѣлается «опредѣленіе» Тайной Канцеляріи о передачѣ всего дѣла въ Синодъ архіепископу Ѳеофилакту, чтобы этотъ послѣдній и доложилъ о немъ Императрицѣ по полномъ окончаніи слѣдствія. Однако Ѳеофилакту и Синоду, видимо, это совсѣмъ не понравилось, и по докладу Ѳеофилакта дѣло опять было повелѣно «отослать въ Тайную Канцелярію», какъ это излагаетъ Синодъ въ указѣ своемъ Тайной Канцеляріи. Дѣлать было нечего, приходилось дѣло принять вновь и продолжать его слѣдствіемъ. Все дѣло это, кажется, началось съ доноса какого-то архимандрита Аѳанасія, который обвинялъ нѣкіихъ католическихъ монаховъ въ склонности къ великому князю Петру Алексѣевичу и въ желаніи съ нимъ тайно видѣться. Совершенно понятно, что подобнаго рода свѣдѣнія должны были волновать Екатерину и обращать на себя вниманіе. Продолживъ слѣдованіе немного далѣе, Тайная Канцелярія (вѣрнѣе Толстой) опять опредѣляетъ указомъ дѣло отправить въ Синодъ, который въ свою очередь, кое-что разслѣдовавъ, вновь возвращаетъ Тайной Канцеляріи, которая уже теперь прямо дѣлаетъ опредѣленіе о высылкѣ капуциновъ «за рубежъ немедленно», чѣмъ дѣло и кончается [2]). Изъ этого дѣла можно заключить, что хотя Толстой и имѣлъ прямой указъ Императрицы, онъ все-таки настойчиво стремился, подъ благовиднымъ предлогомъ, сбыть дѣло это въ какое-либо другое учрежденіе.

[1]) Г. А., VII, № 205.
[2]) Г. А., VII, № 204

Однако, у насъ есть одно дѣло, которое Тайная Канцелярія приняла по указу Сената въ мартѣ 1725 года безъ всякихъ препирательствъ и «слѣдовала» съ большимъ усердіемъ. Никакихъ стремленій къ уклоненію подмѣчать тутъ не приходится. Канцелярія Синода прислала въ Москву въ Сенатъ о «важномъ дѣлѣ» монаха Самуила по поводу нѣкоторыхъ непристойныхъ словъ. «Оставшіе члены» Сената въ Москвѣ запросили о направленіи этого дѣла у Сената въ Петербургѣ, и Сенатъ рѣшилъ дѣло это передать Тайной Канцеляріи (3-го марта 1725 г.). Эта послѣдняя безъ всякихъ пререканій опредѣляетъ дѣло принять и начать розыскъ. По дѣлу обвинялся нѣкто Выморковъ въ томъ, что называлъ Петра антихристомъ, бранилъ его и даже въ письмѣ одномъ, у него найденномъ, съ бранью проклиналъ Петра. Дѣло запутывалось многочисленными оговорами Выморкова; идутъ энергичные, безчисленные допросы, очныя ставки и пытки. Въ результатѣ изъ дѣла была сдѣлана «выписка» и представлена Ушаковымъ Императрицѣ для постановленія приговора [1]).

Остается не совсѣмъ яснымъ, что побудило въ данномъ дѣлѣ Толстого столь ревностно взяться за «слѣдованіе»; начато оно было не по прямому указу Императрицы, а съ указомъ Сената вѣдь и спорить было можно, или, по крайней мѣрѣ, попытаться отъ себя передать дѣло куда-нибудь въ другое мѣсто, какъ то было при слѣдованіи дѣла о капуцинахъ. Къ сожалѣнію, причины такого исключительнаго выдѣленія даннаго дѣла изъ общей тенденціи остаются неясными.

Надо замѣтить, во всякомъ случаѣ, что общее число дѣлъ, поступившихъ въ Тайную Канцелярію, въ царствованіе императрицы Екатерины I крайне ничтожно (3—4 дѣла); кромѣ того, всѣ эти дѣла все-таки вступали особеннымъ образомъ, а не обычнымъ порядкомъ (по указу 1722 г.), т. е. какъ-будто опять подорвались тѣ зачатки правильности функціонированія учрежденія, которые начали опредѣленно проглядывать въ дѣятельности Тайной Канцеляріи къ концу Петровскаго царствованія; и вновь порученіе начало выступать на первый планъ.

Въ общемъ дѣлопроизводство Канцеляріи въ царствованіе Екатерины мало измѣняется въ своемъ существѣ; однако, все-таки происходятъ нѣкоторыя перемѣны болѣе или менѣе значительныя для учрежденія.—Императрица сама не присутствовала никогда въ Тайной Канцеляріи; теперь уже верховная власть

[1]) Г. А., VII, № 198.

не входила въ дѣла Канцеляріи такъ близко и непосредственно, какъ то дѣлалъ Петръ; того личнаго контроля, который постоянно имѣлъ Петръ по отношенію къ Канцеляріи и ея министрамъ, теперь не существовало; и, конечно, министры отъ этого почувствовали себя уже полными и окончательными хозяевами и вершителями дѣлъ въ Тайной Канцеляріи. При Екатеринѣ устанавливается порядокъ доклада ей дѣлъ посредствомъ «экстрактовъ», иногда докладываемыхъ лично однимъ изъ министровъ; повидимому, это былъ единственный способъ взаимоотношенія Императрицы и Тайной Канцеляріи. До насъ дошло нѣсколько такихъ экстрактовъ дѣлъ Канцеляріи, представленныхъ Императрицѣ; на одномъ изъ нихъ мы имѣемъ указъ за подписью (вѣрнѣе скрѣпою) Толстого; очевидно, въ этомъ случаѣ Толстой экстрактъ докладывалъ лично [1]). Результаты такихъ докладовъ записывались въ такомъ видѣ: «1725 году іюля въ 30 день Ея Величество (титулъ)... изволила слушать три экстракта, сочиненные въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи: 1) по дѣлу ростриги Степана Выморкова... (подробности дѣла); 2) о письмѣ неизвѣстному... (подробности дѣла); 3) по дѣлу же Выморкова (подробности дѣла);... и изъ оныхъ по первому Ея Императорское Величество указало учинить: Выморкова казнить; Антипу Щеглова, Захарія Игнатьева по наказанью съ вынимапіемъ ноздрей послать въ вѣчную каторжную работу въ Рогервикъ, Ивана Щеглова—въ старцы и въ крѣпкій монастырь; по второму пункту экстрактъ оставленъ въ кабинетѣ Ея Величества; по третьему—слѣдовать». Подписано это: «отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ» [2]). Впрочемъ, иногда по старому отсылали дѣла для резолюціи въ Сенатъ; напримѣръ, слѣдственный матеріалъ по дѣлу новгородскаго архіепископа Ѳеодосія Канцелярія «предлагаетъ для разсужденія» Сенату [3]).

Ко времени царствованія Екатерины относится не безынтересный эпизодъ изъ сношеній Канцеляріи съ Сенатомъ; въ этомъ эпизодѣ можно видѣть опредѣленное и ясно сознанное уже существованіе той тенденціи, которая черезъ какихъ-либо десять-пятнадцать лѣтъ сдѣлала изъ Тайной Канцеляріи чуть не самое могущественное, въ извѣстномъ смыслѣ, учрежденіе правительственнаго механизма тогдашней Россіи. Въ концѣ

[1]) Г. А., К. П., II, кн. 81, л. 52—54.
[2]) Г. А., VII, № 198 (л. 388).
[3]) Г. А., К. П., II, кн. 81, л. 56.

1724 года генералъ-фискалъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, чтобы ему было разрѣшено требовать къ себѣ на разсмотрѣніе дѣла «по фискальскимъ и доносительнымъ доношеніемъ», хотя-бы дѣла эти и были «вершены.» Слѣдуя этому представленію, Сенатъ даетъ соотвѣтственный указъ Тайной Канцеляріи. Мы уже имѣли случай видѣть, что отношеніе въ то время Тайной Канцеляріи къ Сенату было отношеніемъ явнаго подчиненія. Между тѣмъ, въ отвѣтъ на этотъ сенатскій указъ Тайная Канцелярія рѣшаетъ, что «понеже въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ имѣются, кромѣ интересныхъ дѣлъ по доношеніямъ фискальскимъ и доносителевымъ, государственныя важныя секретныя вершеныя дѣла, приличныя къ первымъ двумъ пунктамъ; и таковыхъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ къ генералу фискалу Тайная Канцелярія отдавать не смѣетъ, понеже о секретѣ и о важности оныхъ многимъ вѣдать не подлежитъ, отчего, по мнѣнію оной канцеляріи, можетъ не безъ вредности государственной быть, и о томъ изъ Сенату требовать указу; а интересныя вершеныя дѣла, какія имѣются, по требованію его, генерала-фискала, къ нему отдавать, и о томъ въ Правительствующій Сенатъ подать репортъ» [1]).

Такъ Канцелярія начинала считать важнымъ и никому не могущимъ быть повѣреннымъ,—даже такому большому лицу, какъ генералъ-фискалъ,—секретъ производства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Съ этого времени ясно и уже вполнѣ опредѣленно такого рода дѣла стали облекаться особой таинственностью, особымъ значеніемъ. Такъ къ концу дѣятельности Петровской Тайной Канцеляріи выкристаллизовалась та тенденція, которая отнынѣ будетъ лежать въ теченіе XVIII вѣка въ основѣ всякаго учрежденія, вѣдающаго государственныя преступленія, и будетъ управлять всей дѣятельностью учрежденія, ставя это послѣднее до нѣкоторой степени выше и внѣ всего общаго строя государственныхъ учрежденій. А между тѣмъ прошелъ всего годъ, и самой Тайной Канцеляріи уже не существовало: она была присоединена къ Преображенской Канцеляріи указомъ 28-го мая 1726 года.

Если еще при жизни Петра Толстому не удалось сбросить съ себя эту «тягость», если его попытки въ этомъ направленіи тогда разбились о нежеланіе другихъ, то теперь, когда Толстой сталъ вліятельнѣе, сдѣланная имъ вновь попытка удалась, такъ

[1]) Г. А., VII, № 203 (л. 3).

какъ и способъ при томъ онъ избралъ болѣе простой и удобный: всю Канцелярію просто передать въ вѣдѣніе кн. Ромодановскаго.

28-го мая 1726 года послѣдовалъ слѣдующій указъ Императрицы:

Указъ тайному дѣйствительному совѣтнику господину графу Толстому.

Понеже Тайная Канцелярія блаженныя и высокославныя памяти при Его Императорскомъ Величествѣ нашемъ вселюбезнѣйшемъ супругѣ и государѣ въ прошломъ 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайныхъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и хотя тому подобныя дѣла и нынѣ случаются, однако не такъ важныя, и больше бываютъ такія дѣла у тайнаго дѣйствительнаго совѣтника господина князя Ромодановскаго, того для по полученіи сего нашего указу вышеупомянутую тайную канцелярію, которая и нынѣ еще въ вашемъ вѣдѣніи, съ дѣлами и съ приказными служителями отдайте въ вѣдѣніе помянутому тайному дѣйствительному совѣтнику князю Ромодановскому. У подлиннаго Ея Императорскаго Величества Именнаго указа подписано собственною Ея Величества рукою тако: «Екатерина» [1]).

Этотъ указъ записанъ въ указной книгѣ Канцеляріи въ копіи съ припиской внизу: «поданъ 30-го дня мая 1726 году» [2]). Протоколъ-же послѣдняго до насъ дошедшаго дѣла по Тайной Канцеляріи помѣченъ 29 мая [3]). Такимъ образомъ можно съ извѣстной положительностью утверждать, что въ первыхъ числахъ іюня 1726 года дѣятельность Тайной Канцеляріи заканчивается. Если-же принять во вниманіе, что докладъ о полной, окончательной ликвидаціи всѣхъ оставшихся вершеныхъ дѣлъ былъ уже 17-го іюня утвержденъ Императрицею [4]), то можно полагать къ первому іюля 1726 года Тайную Канцелярію фактически исчезнувшей изъ ряда государственныхъ учрежденій тогдашней Россіи, а юридически окончательно присоединенной къ Преображенскому Приказу.

Остановимся немного подробнѣе на указѣ 28-го мая. Онъ данъ былъ на имя Толстого, могущество котораго въ это время какъ разъ было въ зенитѣ; поэтому, кажется, возможно до-

[1]) Г. А., VII, № 130 (л. 150).
[2]) Г. А., VII, № 6 (ч. II).
[3]) Г. А., VII, № 214.
[4]) Г. А., VII, № 6 (ч. II).

пустить, что и этотъ указъ въ его формулировкѣ былъ сочиненъ самимъ Толстымъ; такимъ образомъ въ немъ мы встрѣчаемся, до извѣстной степени, съ выраженіемъ взглядовъ и мнѣній Толстого. Если принять эту возможность, то отсюда можно сдѣлать нѣкоторые небезынтересные выводы; во-первыхъ,— ясное и опредѣленное увѣреніе, что Тайная Канцелярія являлась учрежденной «на время», т. е. была чисто временной мѣрой, предпринятой,—какъ далѣе въ указѣ и объяснено,—«для случившихся *тогда чрезвычайныхъ* тайныхъ розыскныхъ дѣлъ»; во-вторыхъ, если теперь Тайная Канцелярія теряетъ свой raison d'être, то именно въ силу того, что, «хотя тому подобныя дѣла и нынѣ случаются, *однако не такъ важныя*».—Такимъ образомъ въ пониманіи человѣка, стоявшаго во главѣ Тайной Канцеляріи съ самаго ея основанія и до ея уничтоженія, учрежденіе это являлось только чисто временной мѣрой—и не болѣе. Сознанія всеподавляющей «важности» подобныхъ дѣлъ у Толстого еще не было, или, точнѣе, онъ полагалъ совершенно возможнымъ и достаточнымъ поручить эту важность Ромодановскому. Передъ взоромъ Толстого Тайная Канцелярія еще не предстояла въ видѣ такого нормальнаго государственнаго, необходимаго учрежденія съ неограниченными въ извѣстномъ отношеніи полномочіями, какимъ немного лѣтъ спустя стала Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ въ рукахъ стараго сотрудника Толстого—«отъ гвардіи мазора» Ушакова.

Мы уже упомянули, что въ срединѣ іюня 1726 г. Императрицѣ былъ представленъ докладъ о распредѣленіи всѣхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи,—вершеныхъ и невершеныхъ. По резолюціямъ Екатерины на этомъ докладѣ дѣла Канцеляріи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, дѣла примыкающія къ дѣлу царевича,—дѣло суздальское и кикинское,— уже, конечно, вершеныя,—велѣно было «запечатать печатьми» всѣхъ «министровъ», а также «нашею кабинетною печатью» и отдать «въ Архивъ въ Коллегію Иностранную». Во-вторыхъ, «секретныя дѣла разныя», которыя уже изслѣдованы и рѣшены, отослать, такожъ запечатавъ», «въ архивъ въ иностранную коллегію съ реестромъ»; нѣкое «особливо рѣшенное дѣло» о синодскомъ секретарѣ Герасимѣ Семеновѣ повелѣно было, «осмотря, сжечь». Въ-третьихъ, дѣло ревельское адмиралтейское было приказано отправить въ Адмиралтейство; дѣло-же объ астраханскомъ оберъ-комендантѣ Чириковѣ приказано отослать

въ Военную коллегію. Въ результатѣ—невершеныхъ дѣлъ оставалось въ Тайной Канцеляріи къ данному моменту только одно секретное дѣло - о бывшемъ архимандритѣ Ѳедосѣ,—да еще, повидимому, въ подозрѣніи были сочиненія архимандрита Кондоидія «о доходѣхъ церковныхъ». Было повелѣно дѣло Ѳедоса «отослать» къ Ромодановскому, а «листы сочиненія Кондоидіева прислать въ Кабинетъ». Кромѣ всего этого не были завершены окончательно производствомъ 12 дѣлъ «интересныхъ и по прошеніямъ», которыя было повелѣно передать частью въ Сенатъ, частью въ Ревизіонъ-контору [1]). Такимъ образомъ не трудно видѣть, что въ наслѣдство Преображенскому Приказу отъ Тайной Канцеляріи остался только одинъ обрывокъ одного дѣла о Ѳедосѣ—и больше рѣшительно ничего. Этотъ фактъ, какъ и весь выше нами приведенный ходъ ликвидаціи дѣлъ Тайной Канцеляріи, достаточно свидѣтельствуетъ, что тутъ фактически произошла не передача учрежденія изъ вѣдѣнія одного начальника, Толстого, въ вѣдѣніе другого начальника, Ромодановскаго, какъ то можно было ожидать согласно указу, а произошло просто полное уничтоженіе, полная ликвидація Тайной Канцеляріи, какъ учрежденія. И заключеніе это приходится принять окончательно, если обратить вниманіе на то, какъ были ликвидированы имущественныя дѣла Канцеляріи. Наличныя деньги, оставшіяся въ Канцеляріи, было велѣно прислать въ Кабинетъ; тѣ-же Кикинскія лавки въ Москвѣ, которыя были въ завѣдываніи Тайной Канцеляріи, должны быть проданы «съ торгу охочимъ людемъ», а деньги, вырученныя отъ продажи, присланы въ Кабинетъ. А 19-го сентября 1726 года Кабинетъ распорядился, чтобы все движимое и денежное имущество Тайной Канцеляріи передать Соляной Конторѣ, Петербургской и Московской, о чемъ и посылаются соотвѣтственные указы [2]). 12-го сентября того-же года рекрутная канцелярія (о связи которой съ Тайной Канцеляріей мы говорили ранѣе) «и съ служителями сообщена въ военную коллегію» по указу Императрицы [3]). И отъ 12-го-же сентября находимъ въ дѣлахъ Кабинета «доношеніе» изъ Тайной Канцеляріи о томъ, что надлежащія дѣла «положены обще въ одинъ сундукъ ради указного запечатанія и для постановленія въ Архивъ Ино-

---

[1]) Г. А., VII, № 6 (ч. II).
[2]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 129 об.).
[3]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 75).

странной Коллегіи и нынѣ имѣются въ томъ Архивѣ» [1]). Ликвидація, видимо, шла съ достаточной быстротой.

Такъ въ 1726 году закончила свое существованіе Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, просуществовавъ немного болѣе восьми лѣтъ. Просмотръ дѣлопроизводства Преображенскаго Приказа за время, непосредственно слѣдующее послѣ передачи (какъ мы видѣли, чрезвычайно условно понятой) дѣлъ Канцеляріи, убѣждаетъ въ полной незамѣтности этой передачи для теченія дѣлъ Приказа. Сколько можно было прослѣдить по дѣлопроизводству, рѣшительно нигдѣ и никакихъ слѣдовъ нельзя уловить, чтобъ съ конца 1726 года къ Преображенскому Приказу было присоединено какое-либо новое учрежденіе. Значитъ, и съ этой стороны получается полное подкрѣпленіе нами высказанной уже мысли, что Тайная Канцелярія была подвергнута полной ликвидаціи, полному упраздненію; и если говорить о какой-либо передачѣ ея въ вѣдѣніе Ромодановскому, то можно только говорить о передачѣ компетенціи ея, о передачѣ правомочій Тайной Канцеляріи Ромодановскому; такъ, повидимому, былъ исполненъ и понятъ указъ 1726 года о передачѣ Тайной Канцеляріи кн. Ромодановскому. Самое-же учрежденіе: «Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ» было совершенно упразднено.

---

[1]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 73—74).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Переходное время и возрожденіе Тайной Канцеляріи.

I.

Итакъ въ маѣ 1726 года Петровская Тайная Канцелярія закончила свое существованіе, формально будучи присоединена къ Преображенскому Приказу, а фактически совершенно уничтожена. Отнынѣ, судя по указу 1726 г., всѣ дѣла по первымъ двумъ пунктамъ передавались въ исключительное вѣдѣніе Преображенской Канцеляріи, которая оставалась какъ-бы единственнымъ учрежденіемъ съ той поры ими вѣдавшимъ. Можно было-бы полагать, что Преображенская Канцелярія, почерпнувъ силъ въ такомъ новомъ вліятельномъ положеніи, займетъ, возродившись, прочное и высокое мѣсто среди другихъ государственныхъ учрежденій Россіи того времени. Однако этого не случилось: къ 1726 году и князь Ромодановскій, и канцелярія его вѣдѣнія уже быстро начали клониться къ упадку. Ромодановскій, тогда больной и слабый человѣкъ, постоянно жившій въ Москвѣ, вышелъ уже изъ круга тѣхъ лицъ, которыя держали въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ; политическія событія, связанныя со смертью Петра, выдвинули на первый планъ другихъ людей, немедленно ревниво взявшихъ въ свои руки въ лицѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта управленіе Россіей, людей, которымъ Ромодановскій былъ чуждъ и ненуженъ. А стоявшая далеко въ Москвѣ Преображенская Канцелярія, съ ея все-таки и въ то время разнохарактерными функціями, не могла уже удовлетворять насущнымъ, жгучимъ потребностямъ Петербурга, и если ей можно было поручать дѣла, то только «не такія важныя», какъ говоритъ указъ 28 мая 1726 года. При такомъ положеніи дѣла Преображенская Канцелярія естественно остается на заднемъ планѣ и продолжаетъ далѣе постепенно умирать, а князь Ромодановскій

все менѣе является способнымъ лично вмѣшаться, и помѣшать процессу паденія Канцеляріи.

Указъ 1727 г. прошедшій чрезъ В. Т. Совѣтъ о передачѣ части «дѣлъ государственныхъ» Сенату былъ дальнѣйшимъ рѣшительнымъ шагомъ на этомъ пути паденія. Сенатъ-же является тогда уже окончательно сведеннымъ на степень дѣловой канцеляріи при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается, какъ увидимъ, непосредственнымъ начальникомъ и Преображенской Канцеляріи, такимъ образомъ становясь на все время своего существованія во главѣ преслѣдованія преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ установленъ въ февралѣ 1726 года. Сейчасъ-же вслѣдъ за его учрежденіемъ получило одобреніе Государыни «мнѣніе не въ указъ о новомъ учрежденномъ Тайномъ Совѣтѣ»; пунктъ 10 этого мнѣнія гласилъ: «Сенатъ и прочія коллегіи остаются при своихъ уставахъ; но дѣла особенной важности, о которыхъ въ уставѣ нѣтъ опредѣленій или которыя подлежатъ собственному рѣшенію Ея Императорскаго Величества, они должны съ своимъ мнѣніемъ передавать въ Верховный Тайный Совѣтъ». Къ дѣламъ особенной важности тогда уже всегда относились дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Кромѣ того, доношенія по «слову и дѣлу», если не прямо подлежали «собственному рѣшенію Ея Императорскаго Величества», то въ предыдущее царствованіе въ большей своей части,—и непремѣнно въ болѣе значительныхъ случаяхъ,—достаточно опредѣленно почитались находящимися въ непосредственномъ вѣдѣніи самой верховной власти. Съ другой стороны, очень немногимъ позднѣе Императрица выразила категорическое желаніе, чтобы всѣ случаи присужденія къ смерти, натуральной или политической, были представляемы ей черезъ Совѣтъ; большинство-же дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ влекло за собой для виновныхъ именно такого рода наказаніе. Такимъ образомъ всѣ учрежденія, имѣя дѣла «важныя» (а значитъ, всѣ дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ), должны были докладывать о нихъ на рѣшеніе Совѣта, благодаря чему всѣ важнѣйшія дѣла по «слову и дѣлу» (развѣ кромѣ болѣе мелкихъ, вродѣ ложныхъ оговоровъ) цѣликомъ оказались въ непосредственномъ завѣдываніи Верх. Тайнаго Совѣта, и такимъ путемъ онъ, значитъ, сталъ въ положеніе тоже непосредственнаго начальника Преображенской Канцеляріи, какъ учрежденія почти исключительно вѣдавшаго «важными» дѣлами. При этомъ надо замѣтить, что ко времени полнаго конструированія дѣятельности Совѣта Тайная Петровская Канцелярія уже не существовала

Верховный Тайный Совѣтъ, ставъ прямымъ начальникомъ главнѣйшаго и единственно до 1727 года оставшагося спеціальнаго учрежденія по дѣламъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, этимъ становился въ положеніе высшаго установленія въ государствѣ по «дѣламъ государственнымъ».

Въ теченіе второй половины 1726 года и начала 1727 года положеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта по отношенія Преображенской Канцеляріи опредѣляется такъ: Ромодановскій личными докладами предлагалъ на разсужденіе и рѣшеніе В. Т. Совѣта «краткія выписки» по «важнымъ» дѣламъ, оказавшимся въ Канцеляріи, рѣшеніе коихъ онъ на себя брать не осмѣливался и не хотѣлъ; конечно, необходимо замѣтить, что никакихъ нормъ того, когда дѣло должно было взноситься въ Совѣтъ, и когда можно было рѣшать его самой Преображенской Канцеляріи, видимо, не имѣлось; и это тѣмъ болѣе, что никакихъ «опредѣленій въ уставѣ» не было по поводу этихъ дѣлъ, такъ какъ никакого «устава» Преображенская Канцелярія не имѣла, а классификація дѣлъ по «важности» ихъ, при большой неопредѣленности этого термина, въ результатѣ сводилась къ личному усмотрѣнію Ромодановскаго, какъ начальника Канцеляріи; конечно, согласно понятіямъ того времени, отвѣтственность за пониманіе «важности» всецѣло ложилась на того-же Ромодановскаго, который, при усмотрѣнной неправильности такого пониманія, могъ быть,—по крайней мѣрѣ, теоретически,—«жестоко штрафованъ», какъ всякій судья, вынесшій неправильный, по мнѣнію высшей инстанціи, приговоръ. Внѣ сомнѣнія, что по отношенію къ Ромодановскому все это въ силу его вліятельности не имѣло приложенія, и въ силу того-же произвольность, личное усмотрѣніе только играли еще бо́льшую роль въ его дѣйствіяхъ. Итакъ съ учрежденіемъ В. Т. Совѣта Ромодановскій въ личномъ докладѣ приносилъ на разрѣшеніе Совѣта дѣла, которыя онъ считалъ особенно важными и влекущими за собой смертную казнь. «1726 года декабря 9 дня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Ромодановскій доносилъ о колодникахъ, которые въ Преображенской Канцеляріи держатся по важнымъ

дѣламъ въ непристойныхъ словахъ... и предложилъ пять краткихъ выписокъ» [1]). Этотъ порядокъ такъ и оставался до конца, до самаго уничтоженія Преображенской Канцеляріи; В. Т. Совѣтъ по такимъ выпискамъ дѣлалъ постановленія о дѣлахъ Преображенской Канцеляріи, при чемъ, какъ увидимъ, иногда не ограничивался этимъ, а давалъ приказанія о дополненіи слѣдованія, о его направленіи и проч., вмѣшиваясь такимъ образомъ непосредственно въ самую дѣятельность Канцеляріи, а не ограничиваясь разсмотрѣніемъ только исключительно результатовъ этой дѣятельности въ видѣ представляемыхъ «докладныхъ выписокъ». Уже съ самаго конца 1726 г. представленія по дѣламъ Преображенской Канцеляріи въ Совѣтъ дѣлаетъ вмѣсто Ромодановскаго Ушаковъ, а послѣ удаленія этого послѣдняго въ 1727 году изъ Петербурга, эти доклады дѣлали или секретари Канцеляріи, или выписки присылались въ Совѣтъ безъ всякаго отъ Канцеляріи докладчика. Однако, при всѣхъ этихъ перемѣнахъ порядокъ разсмотрѣнія докладовъ въ В. Т. Совѣтѣ оставался неизмѣннымъ: «1726 декабря въ 21 день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ генералъ маэоръ Ушаковъ докладывалъ о колодникахъ по важнымъ дѣламъ преображенской канцеляріи въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ превысочайшей чести Ея Императорскаго Величества, и предложилъ три краткія выписки, которыя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ слушаны, и Ея Императорское Величество указала» [2]) или: «1727 года генваря 16 дня въ верховномъ тайномъ совѣтѣ генералъ-маэоръ Ушаковъ доносилъ о колодникахъ по важнымъ дѣламъ Преображенской Канцеляріи въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ превысочайшей чести Ея Императорскаго Величества и предложилъ три краткія выписки, которыя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ слушаны; и Ея Имп. Величество указала» [3])... идутъ приговоры.

Совершенно такъ-же послѣ Ушакова докладывалъ въ Совѣтѣ о дѣлахъ Преображенской канцеляріи «секретарь Преображенской Канцеляріи Степанъ Патокинъ» въ засѣданіяхъ 6 іюня, 9 и 20 іюня 1727 года [4]); и наконецъ, есть рядъ указовъ Совѣта, сдѣланныхъ, видимо, прямо на основаніи только получаемыхъ изъ Преображенской Канцеляріи выпи-

[1]) Г. А., VII, № 218.
[2]) Г. А., VII, № 217.
[3]) Г. А., VII, № 220.
[4]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 63, стр. 651, 677, 778.

сокъ безъ всякаго по нимъ личнаго доклада чиновъ Канцеляріи [1]).

Мы уже выше замѣтили, что при слушаніи этихъ выписокъ В. Т. Совѣтъ не всегда ограничивался только постановленіемъ на основаніи ихъ того или иного приговора. Относительно одной, Ушаковымъ доложенной, выписки Совѣтомъ было вынесено рѣшеніе, которое непосредственно входило въ самый процессъ слѣдованія, направляя и исправляя его: «гороховцемъ фискаломъ Зуевымъ о подметныхъ письмахъ розыскивать въ Москвѣ въ Преображенскомъ Приказѣ; и, что́ явится, о томъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ репортовать; а что́ онъ-же... показывалъ» на другія учрежденія,—«то все до времени оставить» [2]). Однако въ громадномъ большинствѣ случаевъ Совѣтъ ограничивался непосредственнымъ вынесеніемъ приговора.

До 1727 года, до указа 22 мая, главное количество дѣлъ «важныхъ» шло въ Совѣтъ именно отъ Преображенской Канцеляріи; но и въ то время поступали подобныя дѣла также отъ другихъ учрежденій, хотя и въ сравнительно ничтожномъ количествѣ. Въ іюлѣ 1726 года бригадиръ Вельяминовъ доноситъ на имя Императрицы изъ Малороссіи о двухъ полковникахъ малороссійскихъ, которые «явились въ непристойныхъ словахъ»; это дѣло было уже слѣдовано Малороссійской коллегіей, которая и прислала подробный экстрактъ всего произведеннаго слѣдованія (съ допросами, пытками и проч.). На основаніи этого слѣдованія В. Т. Совѣтъ шлетъ свой указъ-приговоръ, о ссылкѣ этихъ полковниковъ въ Сибирь за ихъ непристойныя слова [3]). Около того-же времени баронъ Унгернъ-Штернбергъ допустилъ по отношенію къ Императрицѣ оскорбительныя выраженія; дѣло это слѣдовалось, очевидно, въ Военной коллегіи, откуда поступилъ въ Совѣтъ на резолюцію подробный экстрактъ, по которому, видимо, и состоялось рѣшеніе Совѣта въ видѣ манифеста отъ 9 іюня 1727 г. [4]).

Иногда Совѣтъ, получивъ какое-либо доношеніе по двумъ первымъ пунктамъ, поручалъ произвести по нему слѣдствіе какому-либо вообще постороннему этимъ дѣломъ установленію и представить докладъ опять Совѣту на резолюцію. Такъ въ

[1]) См. Г. А., VII, №№ 216, 224, 233—235.
[2]) Г. А., VII, № 217.
[3]) Г. А., VII, № 215.
[4]) Г. А., VII, № 219.

началѣ 1727 года Совѣтъ поручаетъ «учрежденному суду невскаго полку» разслѣдовать о доносѣ кн. Болховскаго на одного солдата, который будто говорилъ «непристойныя слова». Исполнивъ порученіе, «судъ» представляетъ «экстрактъ», результатъ слѣдованія, на усмотрѣніе Совѣта, который по нему ставитъ приговоръ о разжалованіи Болховскаго въ солдаты за ложный оговоръ [1]).

Такимъ образомъ до майскаго указа 1727 года, когда остается въ силѣ старый, петровскій порядокъ въ преслѣдованіи преступленій по «слову и дѣлу», В. Т. Совѣтъ разсматриваетъ, во-первыхъ, въ краткихъ докладахъ дѣла наиболѣе важныя изъ Преображенской Канцеляріи; во-вторыхъ, разсматриваетъ дѣла по такимъ-же докладамъ и изъ другихъ учрежденій, гдѣ таковыя случаются, и въ-третьихъ, иногда, ознакомившись съ началомъ дѣла, поручаетъ отъ себя какому-либо установленію произвести слѣдованіе и представить результаты Совѣту въ видѣ краткаго экстракта; окончательные приговоры во всѣхъ этихъ случаяхъ ставилъ исключительно самъ Совѣтъ. Изъ всего этого несомнѣнно, что, непосредственно со времени своего учрежденія, Совѣтъ принялъ большое участіе въ дѣлахъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, принялъ ихъ цѣликомъ и непосредственно въ свою вышнюю дирекцію.

Въ маѣ 1727 года положеніе дѣла нѣсколько измѣняется, и едва-ли не по почину опять-таки Совѣта: 22 мая черезъ Верховный Тайный Совѣтъ послѣдовалъ указъ, чтобы, «ежели кто за кѣмъ знаетъ злое умышленіе на здоровье Его Императорскаго Величества, второе: о измѣнѣ, третье: о возмущеніи или бунтѣ, о тѣхъ изъ ближнихъ къ С.-Петербургу—Новогородской, Лифляндской и Эстляндской губерній доносить въ Сенатъ, а изъ дальнихъ губерній и провинцій въ Москву къ д. т. с. и генералу-губернатору князю Ромодановскому, а въ Верховный Тайный Совѣтъ писать имъ о томъ для вѣдома немедленно» [2]). По неяснымъ теперь для насъ мотивамъ съ этого времени Совѣтъ путемъ такого указа дѣлитъ сферу дѣятельности Преображенской Канцеляріи между нею и Сенатомъ, притомъ оставляя за собой и даже подчеркивая свое постоянно надзирающее, высшее положеніе въ этого рода дѣлахъ; черезъ полъ-года (5-го января 1728 года) это еще

[1]) Г. А., VII, № 228.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 63, стр. 559.

разъ и еще опредѣленнѣе подчеркиваетъ Совѣтъ своимъ указомъ, которымъ повелѣвалось Сенату о дѣлахъ «важныхъ, со мнѣніемъ докладывать» Совѣту [1]), а не рѣшать ихъ самому.

Съ этого времени происходитъ замѣтное измѣненіе въ дѣятельности Совѣта по дѣламъ о первыхъ двухъ пунктахъ. Хотя по старому Преображенская Канцелярія присылаетъ въ Совѣтъ на резолюцію свои экстракты, однако уже незамѣтно, чтобы другія учрежденія сами вступались въ дѣла по пунктамъ; теперь лишь только такое дѣло намѣтится въ какомъ-либо учрежденіи, это послѣднее въ большинствѣ случаевъ немедленно, безъ всякаго слѣдованія отправляетъ колодника съ доношеніемъ иногда даже непосредственно В. Т. Совѣту [2]). Съ другой стороны, несомнѣнно расширяется практика передачи такого рода дѣлъ, по ихъ вступленіи, для розыска какому-либо, но всегда спеціальному лицу или учрежденію уже отъ имени Совѣта, и вводится совершенно новая практика: веденіе *самимъ* Совѣтамъ *всего* дѣла, съ начала до конца. Словомъ, Совѣтъ все болѣе, все непосредственнѣе входилъ самъ въ производство «дѣлъ государственныхъ», что какъ-бы свидѣтельствуетъ о возрастаніи ихъ «важности» въ глазахъ правительства того времени.

Не будемъ останавливаться на роли Совѣта, какъ инстанціи для Преображенской Канцеляріи; въ этомъ, очевидно, никакой перемѣны не происходитъ и послѣ 1727 года, и даже до самаго уничтоженія этой канцеляріи въ 1729 году.

Мы уже имѣли случай отмѣчать и ранѣе передачу Совѣтомъ возникавшихъ дѣлъ на подробное окончательное ихъ изслѣдованіе какому-либо нарочито для даннаго случая выбираемому установленію; примѣры такой передачи, пожалуй, участились съ 1727 г., и въ выборѣ установленій, которымъ дѣла поручались, можно подмѣтить тенденцію со стороны Совѣта какъ-бы избѣгать общихъ учрежденій для этой цѣли, а обращаться къ отдѣльнымъ лицамъ или нарочитымъ временнымъ установленіямъ, т. е. какъ-бы стремленіе возвращаться къ системѣ частнаго порученія. 16 августа 1727 года Иванъ Дмитріевъ-Мамоновъ писалъ «къ поданію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ»: «по указу Вашего Императорскаго Величества, каковъ объявленъ мнѣ въ верховномъ

[1]) Филиповъ. Исторія Сената въ правл. В. Т. Совѣта; стр. 116.
[2]) Хотя бывали и исключенія, но теперь именно скорѣе исключенія, а не одно изъ общепринятыхъ направленій дѣлъ; см. Г. А., VII, №№ 246, 253, 258.

тайномъ совѣтѣ, велѣно: гв. капитана Бредихина о человѣкѣ его Иванѣ Гавриловѣ, который въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ сказалъ за собой Е. И. В. слово, по какому дѣлу онъ Гавриловъ держится, и справясь о прежнемъ по доносу его дѣлѣ съ тайной канцеляріей, учиня экстрактъ, со мнѣніемъ подать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. И по тому Вашего Императорскаго Величества указу экстрактъ со мнѣніемъ моимъ при семъ всеподданѣйшемъ доношеніи прилагаю. Иванъ Дмитріевъ-Мамоновъ» [1]). Далѣе въ дѣлѣ идетъ этотъ экстрактъ, а въ концѣ его приложено «мнѣніе» Дм.-Мамонова о наказаніи колодника. На основаніи этого матеріала Совѣтъ даетъ указъ согласно «мнѣнію» Мамонова. «1727 года октября въ 30 день, говорится въ другомъ указѣ Совѣта, Его Императорское Величество указалъ, по доношенію Никиты Перцева изслѣдовать и разыскивать генералу-лейтенанту и подполковнику отъ гвардіи Семену Салтыкову и протчимъ опредѣленнымъ съ нимъ; и о томъ ему дать указъ изъ В. Т. Совѣта» [2]). Исполняя повелѣніе указа, Салтыковъ производитъ слѣдствіе и представляетъ его результаты Совѣту въ видѣ «экстракта». Въ сентябрѣ 1728 года военная коллегія подаетъ Совѣту доношеніе объ измѣнахъ и волненіяхъ среди донскихъ козаковъ. Совѣтъ поручаетъ это дѣло розыскивать кн. Мих. Голицыну; этотъ послѣдній точно исполняетъ указъ, ведетъ весь розыскъ и присылаетъ его Совѣту, который на его основаніи ставитъ свой приговоръ [3]).

Съ мая 1727 года Сенатъ начинаетъ присылать Совѣту экстракты по тѣмъ дѣламъ, которыя безъ Совѣта рѣшать не осмѣливается. Въ ноябрѣ 1727 г. Сенатъ присылаетъ въ Совѣтъ рядъ «выписокъ» по дѣламъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, которыя поступили въ Сенатъ въ силу майскаго указа; эти «выписки» сопровождаются «доношеніемъ» «къ поданію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ», въ которомъ говорится, что Сенатъ препровождаетъ тѣ дѣла Совѣту потому, что «по тѣмъ дѣламъ... рѣшенія собою учинить не можетъ, того ради» и доноситъ о нихъ. Давая указъ по этимъ дѣламъ, Совѣтъ въ концѣ добавляетъ: «и впредь о такихъ колодникахъ, которые являться будутъ не въ важныхъ дѣлахъ чинить рѣшеніе по указамъ Сенату, а о важныхъ—со мнѣніемъ докладывать Верховному

[1]) Г. А., VII, № 230.
[2]) Г. А., VII, № 232.
[3]) Г. А., VII, № 240.

Тайному Совѣту» [1]). Такъ формально Совѣтомъ установленъ порядокъ и по отношенію къ Сенату такой, какой существовалъ въ отношеніи Преображенской Канцеляріи.

Въ срединѣ 1729 года Сенатъ присылаетъ въ Совѣтъ «доношеніе» и экстрактъ по доносу на архіеп. Дашкова, что онъ царскій указъ назвалъ «чертовымъ»; доносъ оказывается ложнымъ, и по экстракту сенатскому Совѣтъ ставитъ приговоръ о наказаніи доносчика [2]). Но иногда Сенатъ, видимо, не рѣшался самъ даже и къ слѣдствію приступать безъ санкціи Совѣта; въ ноябрѣ 28 года въ Сенатъ изъ Ревеля были присланы солдаты, показавшіе на одного капрала «непристойныя слова»; и Сенатъ производитъ слѣдованіе по этому дѣлу только тогда, когда «по докладу черезъ оберъ-прокурора Воейкова отъ собранія верховнаго тайнаго совѣта приказано... оныхъ распросить въ сенатѣ и доложить о томъ въ... совѣтѣ» [3]). Въ концѣ того-же года опять Сенатская контора вноситъ одинъ доносъ на усмотрѣніе Совѣта, и только тогда Сенатъ приступаетъ къ слѣдованію, когда «по приказу Верховнаго Тайнаго Совѣта велѣно онымъ доносителемъ розыскивать и пытать, а что́ съ розыску покажется, о томъ доложить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ» [4]). Бывали случаи, когда Совѣтъ самъ передавалъ Сенату какой-либо доносъ для учиненія розыска; такъ, въ апрѣлѣ 1728 года онъ передалъ Сенату дѣло «о раздьяконѣ, говорившемъ слово за собой,... для роспросу и изслѣдованія» [5]).

Такимъ образомъ Сенатъ и Преображенская Канцелярія по общему указу, другія установленія по указамъ сепаратнымъ въ концѣ концовъ играли при Совѣтѣ скорѣе чисто служебную роль исполнительнаго органа въ дѣлахъ противъ первыхъ двухъ пунктахъ, въ дѣлахъ «особенно важныхъ»; а все направленіе и разрѣшеніе такихъ дѣлъ лежало непосредственно и окончательно теперь въ рукахъ самого Совѣта. Но вскорѣ Совѣтъ сталъ и самъ принимать участіе въ розыскѣ и слѣдованіи, самъ непосредственно ихъ производя. Не трудно замѣтить, какъ это участіе, въ началѣ дѣятельности Совѣта отсутствовавшее, къ 1729 году все болѣе и болѣе начинаетъ имѣть мѣсто въ дѣлахъ «важныхъ». Мы позволимъ себѣ под-

[1]) Г. А., VII, № 237.
[2]) Г. А., VII № 29, карт. III, (№ 58).
[3]) Ibidem (№ 31).
[4]) Г. А., VII, № 29, III карт. (№ 35).
[5]) Ibidem (№ 36).

робнѣе и внимательнѣе остановиться на этой сторонѣ дѣятельности В. Т. Совѣта, интересной и для обрисовки общихъ пріемовъ дѣйствованія этого учрежденія.

Какъ уже замѣталъ г. Филипповъ, только при Петрѣ II Совѣтъ начинаетъ очень усиленно заниматься дѣлами «по пунктамъ», впервые выступаетъ въ качествѣ первой инстанціи, самъ производя цѣликомъ по дѣламъ «слѣдованіе» и ставя окончательныя резолюціи [1]). Однако, это явилось не вдругъ и не сразу; мы отмѣчали, что Совѣтъ уже вмѣшивался, хотя и рѣдко, исправляя слѣдствіе, въ дѣла Преображенской Канцеляріи: съ другой стороны—въ засѣданіе Совѣта 30 октября 1727 г. былъ приведенъ доноситель «мужикъ Никита Перцевъ, который сказалъ за собой слово, а никому не объявляетъ, который былъ приведенъ и спрашиванъ; но понеже сказалъ не самое важное, опредѣлено то дѣло отдать въ комиссію ген.-лейт. Салтыкова» [2]). Въ засѣданіи 14 октября 1728 года Совѣту былъ «представленъ» и «отъ господъ министровъ спрашиванъ» колодникъ Кашинцевъ, сказавшій за собой «слово и дѣло», и присланный въ Совѣтъ Адмиралтействъ-коллегіей [3]). Въ томъ-же году изъ Преображенскаго Приказу была Совѣтомъ слушана «выписка» о нѣкоемъ Погребовѣ, а въ другомъ засѣданіи (21 августа) этотъ Погребовъ былъ представленъ и «спрашиванъ отъ господъ министровъ самихъ»; и въ засѣданіи 28 августа опять сами «господа министры» допрашивали того-же Погребова [4]). Такимъ образомъ, если съ конца 1728 года и до конца своего существованія В. Т. Совѣтъ во многихъ дѣлахъ государственныхъ усиленно самъ выступаетъ въ качествѣ первой инстанціи, то это не оказывается чѣмъ-то сразу происшедшимъ, а только расширеніемъ и развитіемъ прежней практики; это развитіе, конечно, могло такъ рѣзко двинуться впередъ, благодаря возникновенію очень благопріятствующихъ этому обстоятельствъ. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ къ точному и опредѣленному выясненію этихъ обстоятельствъ. Можно только догадываться, что начавшееся постепенно къ этому времени умираніе Преображенской Канцеляріи съ одной стороны, съ другой—возложеніе поэтому части дѣлъ ей подвѣдомственныхъ на

[1]) Филипповъ. Исторія Сената въ правл. В. Т. Совѣта. Стр. 117—118.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 69, стр. 600, или Г. А., XVI, № 92.
[3]) Ibidem, т. 84, стр. 567.
[4]) Ibidem, стр. 390 и 429.

Сенатъ, неослабное наблюденіе за которымъ всегда имѣлъ Совѣтъ, и, наконецъ, въ третьихъ, постоянное скорѣе возрастаніе, чѣмъ умаленіе, «важности» такихъ дѣлъ въ глазахъ правившихъ министровъ,—все это въ совокупности и послужило къ такому измѣненію въ направленіи практики Совѣта въ дѣлахъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ.

Въ теченіе 1729 и 1730 годовъ, до уничтоженія Совѣта, онъ очень много и очень упорно самъ занимается «государственными дѣлами». Дѣла эти поступали непосредственно къ нему въ видѣ «доношеній» отъ разныхъ провинціальныхъ и столичныхъ учрежденій, въ которыхъ случался кто-либо, сказавшій за собой «слово и дѣло»; видимо, сами эти учрежденія не производили разспроса, а непосредственно при «доношеніи» отправляли доносителей въ распоряженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Какъ только совѣтская канцелярія получала доношеніе и колодниковъ при немъ, объ этомъ секретари, не откладывая, по возможности доносили министрамъ; напримѣръ: «1729 мая въ 28 день изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ господамъ министрамъ... (идетъ ихъ перечисленіе)... посыланъ секретарь Ан. Кривцовъ доложить о приведенныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ колодникахъ изъ Полицеймейстерской канцеляріи: Дмитровской полусотни о Иванѣ Ивановѣ да о дворцовомъ крестьянскомъ сынѣ Иванѣ Горбачевѣ, изъ дворцовой канцеляріи—о пильщикѣ Ѳедорѣ Кобылинѣ,—онъ-же Гога,—которые, сидя въ тѣхъ канцеляріяхъ подъ карауломъ, сказали за собой Его Императорскаго Величества слова и дѣло по первому пункту; тѣхъ колодниковъ поволятъ-ли принять, и для спросу ихъ сами изволятъ быть въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и когда? или изволятъ приказать распросить тайному совѣтнику господину Степанову? И господа министры согласно приказали тѣхъ колодниковъ принять и распросить тайн. сов. госп. Степанову, и по тѣмъ распроснымъ рѣчамъ доложить» [1]). Такимъ образомъ по поступленіи дѣла въ Совѣтъ, секретари тотчасъ о немъ доносили министрамъ, которые направляли дѣло, видимо, обычными и единственно существовавшими двумя путями: или сами-же министры вели первый предварительный допросъ, или поручали это сдѣлать,—а послѣ имъ доложить,—секретарю Канцеляріи Совѣтской Василію Сте-

[1]) Г. А., VII, № 29 (кр. 3, № 47, л. 720).

панову. Такъ-же точно «1729 года мая въ день 29 Верховнаго Тайнаго Совѣта господамъ министрамъ... (идетъ ихъ перечисленіе)... посыланъ секретарь Ант. Кривцовъ доложить о присланныхъ колодникахъ въ Верх. Тайный Совѣтъ отъ генерала графа ф.-Миниха ингерманландскаго пѣхотнаго полку о солдатѣ Александрѣ Даниловѣ, изъ Дѣдилова—о поповомъ сынѣ Андреѣ Степановѣ, которые сказали за собой: Даниловъ—слово и дѣло, а поповъ сынъ—слово Его Императорскаго Величества; и о тѣхъ колодникахъ имъ господамъ министрамъ докладывано сего-жъ мая 30 дня; и изволили согласно приказать помянутыхъ колодниковъ распросить тайному совѣтнику господину Степанову» [1]).

Дѣло далѣе и не продолжалось (т. е. далѣе перваго допроса колодника отъ самихъ министровъ), если сразу-же при этомъ допросѣ оказывалось, что сказавшій «слово и дѣло» на самомъ дѣлѣ ни за кѣмъ его не знаетъ; тогда министрами немедленно-же ставился приговоръ объ учиненіи за это «ложное сказываніе» соотвѣтственнаго наказанія. «Іюля 2 дня 1729 году,—читаемъ въ одномъ дѣлѣ,—вышеписанный колодникъ... передъ собраніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта распрашиванъ секретно, а по распросу его такого важнаго дѣла... не явилось, а сказалъ другія непристойныя слова, которыхъ и записывать неприлично; того ради разсуждено: за сказываніе его такого важнаго дѣла, которое онъ за собой объявилъ въ Переславлѣ-Рязанскомъ ложно, учинить наказанье: бить кнутомъ и послать въ ссылку въ Сибирь» [2]). «Дьячекъ Дем. Васильевъ іюня 18 дня при собраніи господъ министровъ спрашиванъ секретно; и потомъ приказали записать, что по распросу такого дѣла, что онъ объявилъ, за нимъ не явилось; и сказывалъ то, отбывая своей злой вины; и для того за ложное слово повелѣно его отдать въ полицію и бить при колодникахъ кнутомъ» [3]). Тѣмъ въ такихъ случаяхъ процессъ и заканчивался; писался соотвѣтственный указъ за подписью обычно двухъ министровъ, и по нему чинилось исполненіе. Однако такъ скоро и просто протекалъ процессъ сравнительно рѣдко. Чаще дѣло шло гораздо сложнѣе, оно бывало часто сложнѣе даже и при «ложномъ сказываніи». Мы позволимъ

[1]) Г. А., VII, № 29 (3 кар. № 47)
[2]) Г. А., VII, № 29 (3 карт. № 49).
[3]) Ib. (3 карт № 45).

себѣ подробно изложить одно дѣло (начала 1729 года), изъ котораго съ большой наглядностью и выпуклостью видна вся роль министровъ В. Т. Совѣта, при «слѣдованіи» преступленія самимъ Совѣтомъ. Дѣло началось съ присланнаго «доношенія» Адмиралтействъ-коллегіей о томъ, что «свѣчникъ Михайло Волковъ... сказалъ... въ Санктпетербургѣ за собой государево слово, касающееся къ первому пункту»; первый распросъ былъ сдѣланъ Волкову т. с. Степановымъ, который «спрашивалъ, чтобъ онъ (т. е. Волковъ) объявилъ подлинно, что донесть имѣетъ и за кѣмъ слово знаетъ сущею правдою, понеже онъ вѣдаетъ, что первый пунктъ состоитъ о дражайшемъ здравіи Его Императорскаго Величества. И онъ свѣчникъ Михайло Волковъ сказалъ»... далѣе слѣдуютъ показанія Волкова, въ которыхъ онъ оговариваетъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые немедленно указомъ Совѣта и были вытребованы въ Совѣтъ. Затѣмъ «генваря 31 дня передъ собраніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта колодникъ... Волковъ спрашиванъ, подлинно-ли онъ утверждается на своемъ распросѣ,... на что онъ отвѣтствовалъ, что онъ тѣ слова слышалъ» (слова, о которыхъ онъ и доноситъ)... «и потомъ взятъ былъ оный ученикъ Ногаевъ и спрашиванъ, и сказывалъ онъ»... затѣмъ идетъ рядъ очныхъ ставокъ, потомъ опять допросы отдѣльныхъ лицъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей,—и все въ присутствіи самихъ господъ министровъ. Въ результатѣ этого сложнаго допроса «разсуждено его Волкова пытать изъ подлинныхъ рѣчей». И въ тотъже день «генваря 31 числа при присутствіи господъ министровъ государственнаго канцлера и кавалера Гав. Ив. Головкина да т. д. сов. кн. Долгорукова вышеозначенный доноситель Волковъ привоженъ въ застѣнокъ и спрашиванъ;... а на вискѣ говорилъ паки»... (идетъ изложеніе его показаній); «было ему 32 удара»; этой записью кончается отчетъ о допросѣ Волкова министрами Совѣта 31 янв. 1729 года. Но въ результатѣ никакихъ точныхъ данныхъ добыть не удалось, и когда на простомъ допросѣ 3 февраля Волковъ опять сильно путается въ своихъ показаніяхъ, то «того-жъ февраля 3 дня сего 1729 году въ присутствіи господъ министровъ... Головкина да... Долгорукова вышеозначенный-же Волковъ привоженъ въ другорядъ въ застѣнокъ и разспрашиванъ, подлинно-ль утверждается; было ему двѣнадцать ударовъ».

18 февраля въ собраніи Совѣта присутствуетъ «баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ», самый вліятельный изъ министровъ (присутствовалъ также и «министръ» кн. В. Л. Долгоруковъ), и при нихъ были снова допрошены,—съ очными ставками,—всѣ свидѣтели и обвиняемые по дѣлу Волкова. Черезъ десять дней главный заводчикъ всего дѣла измученный Волковъ почувствовалъ приближеніе смерти; «февраля 28 дня 1729 года въ присутствіе въ верховномъ тайномъ совѣтѣ господъ министровъ... Головкина,... Долгорукова... и Голицына л.-гв. сержантъ Александръ Арбузовъ да Константинъ Ушаковъ доносили, что содержащійся колодникъ Мих. Волковъ требуетъ священника для исповѣди, о чемъ и министрамъ докладывано». Министры рѣшили не упускать удобнаго момента и немедленно «изволили приказать къ тому колоднику сходить т. с. В. Степанову да ст. сов. А. Маслову, и спросить его со увѣщаніемъ, подлинно-ль тѣ слова... говорить научали его...; и того-жъ числа означенный тайный и статскій совѣтники онаго Волкова спрашивали». Впрочемъ, еще раньше, 4 февраля, послѣ пытокъ сталъ Волковъ «боленъ» и потребовалъ къ себѣ священника для исповѣди, о чемъ сержантъ Ушаковъ доносилъ «въ Совѣтѣ въ небытность въ собраніи господъ министровъ»; секретарь Богдановъ объ этомъ доложилъ кн. Долгорукову «въ домѣ его», «и его сіятельство изволилъ приказать священника для исповѣдованія къ нему допустить, и тому священнику приказать у него Волкова при исповѣданіи спрашивать по духовности, правда-ли онъ Волковъ на Федора»... и другихъ лицъ... «сказалъ, что показано отъ него Волкова въ распросѣ и съ розыску,... или онъ то затѣялъ напрасно». Священникъ исполнилъ приказъ Долгорукова и, пользуясь исповѣдью, занялся розыскомъ, о результатахъ котораго доносилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, «что показаннаго Волкова онъ исповѣдывалъ и святыхъ таинъ сообщилъ, и при исповѣди по вышеозначенному приказу его спрашивалъ», на что Волковъ отвѣчалъ, что онъ говорилъ «самую правду». Такимъ образомъ верховники вводили въ процессъ и это старое средство, такъ часто употреблявшееся еще въ Петровской Тайной Канцеляріи. Но этимъ дѣло не кончилось: Волковъ все-таки остается живъ, и процессъ тянется далѣе. 7 марта опять «предъ собраніемъ господъ министровъ спрашиванъ Волковъ паки съ увѣщаніемъ»... и въ результатѣ

этого допроса Волкова «разсуждено пытать втретей». Дальнѣйшія пытки Волкова идутъ уже въ присутствіи Степанова и Маслова безъ министровъ, причемъ при третьей пыткѣ онъ былъ еще «жженъ огнемъ». Въ концѣ этого ряда всяческихъ пытокъ, видимо, утвердились на послѣднемъ признаніи Волкова, что онъ все сочинилъ и ложно оклеветалъ [1]).

Мы нарочно подробнѣе остановились на этомъ конкретномъ примѣрѣ, чтобы яснѣе показать тѣ способы и пріемы, тотъ образъ дѣйствія, которыми пользовались министры В. Т. Совѣта, когда дѣло они считали необходимымъ слѣдовать лично. Какъ не трудно видѣть, ничего новаго, ничего особеннаго нѣтъ въ этихъ пріемахъ; всѣ они уже хорошо были извѣстны и ранѣе, и именно въ такомъ порядкѣ ихъ примѣненія; обычный уголовный процессъ того времени уже очень давно пользовался всѣмъ этимъ аппаратомъ слѣдствія: Преображенская и Тайная Канцелярія, развѣ только съ небольшимъ усиленіемъ, примѣняли ту-же систему въ отношеніи «государственныхъ дѣлъ» ничего новаго не дала въ этомъ отношеніи практика В. Т. Совѣта; пожалуй, можно только считать все-таки будто нѣсколько сокращеннымъ размахъ въ примѣненіи Совѣтомъ этого аппарата; однако, точно и опредѣленно это установить является затруднительнымъ, тутъ скорѣе передается впечатлѣніе, которое выносится изъ сравнительнаго разсмотрѣнія практики Тайной Канцеляріи, Преображенской Канцеляріи и Верховнаго Тайнаго Совѣта. Это впечатлѣніе подтверждается тѣмъ, что присутствовать при пыткахъ «министры» не любили, да и сравнительно рѣже—въ общемъ числѣ случаевъ—къ нимъ прибѣгали.

Позволимъ себѣ привести въ краткомъ пересказѣ еще одно столь-же характерное дѣло того-же 1729 года. «Августа 13 дня 1729 году въ собраніи господъ министровъ въ домѣ государственнаго канцлера и кавалера графа Гаврилы Ивановича Головкина присланный изъ архангелогородцкой губерніи монахъ Маркелъ спрашиванъ отъ самихъ министровъ, а въ распросѣ сказалъ»... здѣсь идетъ его показаніе о томъ «словѣ и дѣлѣ», которое онъ объявилъ за собой (непристойныя слова), и подъ показаніемъ—подпись Маркела; потомъ непосредственно: «тогожъ числа означенный іеродьяконъ Яковъ спрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ»..; подъ показаніемъ опять подпись; «и того

[1]) Г. А., VII, № 29 (карт. 3, № 39).

же числа дана имъ Маркелу и Якову очная ставка: а на очной ставкѣ монахъ Маркелъ утверждался на прежнихъ словахъ»..., «а іеродьяконъ тожъ говорилъ, что и въ распросѣ своемъ»..., «того-жъ числа стряпчій Митрофанъ спрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ»... (идетъ показаніе за подписью); «и того-жъ числа дана имъ Маркелу и Митрофану очная ставка»... Митрофанъ «того-жъ числа при доносчикѣ Маркелѣ спрашиванъ»,.. «и по приказу господъ министровъ велѣно его Маркела спросить со увѣщаніемъ господамъ тайному совѣтнику Степанову да статскому совѣтнику Маслову, и ежели въ томъ утвердится, то, растригши, пытать»; «и августа въ 14 день по приказу господъ министровъ при тайномъ совѣтникѣ да статскомъ совѣтникѣ-же Степановѣ и Масловѣ»... распрашивали Маркела съ увѣщаніемъ. Такъ какъ онъ стоялъ на прежнемъ показаніи, то дошло до пытки: «и августа 18 дня по приказу вышеозначенныхъ-же господъ тайнаго и статскаго совѣтниковъ показанной монахъ Маркелъ чрезъ требованіе присланнымъ изъ Синода той команды іеромонахомъ Симеономъ... ростриженъ»;.. «и того-жъ числа при вышеозначенныхъ-же тайномъ и статскомъ совѣтникахъ оный ростриги Михайло привоженъ въ застѣнокъ и паки спрашиванъ со увѣщаніемъ; всеконечно въ томъ онъ утверждается»... «и того-же времени подъятъ на виску и паки спрашиванъ, и на вискѣ говорилъ тѣ-жъ рѣчи, и потомъ битъ кнутомъ, а съ пытки говорилъ тѣ-жъ рѣчи; было ему 25 ударовъ».

27 августа 1729 года «въ верховномъ тайномъ совѣтѣ» докладывано, что Маркелъ чрезъ караульнаго потребовалъ къ себѣ секретаря, и «по приказу» Маслова «ходилъ къ нему секретарь Иванъ Богдановъ»; Маркелъ заявилъ, что весь его оговоръ ложный, что все «сказалъ онъ напрасно». Совѣтъ рѣшилъ для выясненія подлинности рѣчей «пытать его еще дважды». 3 сент. Маркелъ былъ «привоженъ въ застѣнокъ» и пытанъ: «на вискѣ и съ пытки говорилъ тѣ-же рѣчи, что то все затѣялъ... напрасно и приноситъ въ томъ повинную». «При томъ розыскѣ присутствовали господа тайной да статской совѣтники Степановъ да Масловъ»; «октября 10 дня вышеозначенной ростриги Михайло въ собраніи господъ министровъ спрашиванъ отъ самихъ», подлинно-ль онъ все затѣялъ напрасно и кто его научалъ; «на что отвѣтствовалъ, что подлинно затѣялъ съ безумства, а никто его не научалъ; разсуждено пытать его еще»; «и декабря 3 дня означенный ростриги Михайло привоженъ въ застѣнокъ», тамъ пытанъ («и было ему пять ударовъ»), но онъ опять подтвердилъ ложность своего оговора; «при томъ розыскѣ присутствовали господа совѣтники тайный Степановъ, да статскій Масловъ». Вслѣдъ за этимъ 12 января 1730 года слѣдуетъ указъ Совѣта о наказаніи: «бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ языкъ, послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчную работу» [1]). Для полноты характеристики процесса можно еще добавить, что въ практику Совѣта, въ случаѣ надобности, входила и непосредственная посылка въ провинцію, — для доставленія къ слѣдствію нужныхъ лицъ, — сержантовъ гвардіи, которые сообщали непосредственно Совѣту о ходѣ исполненія возложеннаго на нихъ порученія; напримѣръ, въ 1729 году сержантъ К. Ушаковъ посланъ былъ доставить въ Совѣтъ нѣсколькихъ лицъ, оговоренныхъ однимъ доносителемъ, причемъ во время своей поѣздки Ушаковъ писалъ «доношенія» непосредственно въ Совѣтъ [2]).

Такимъ образомъ самъ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдовалъ «государственныя дѣла». Нельзя не замѣтить, что при рѣшеніи дѣла, при постановленіи приговора, очевидно, существовало всетаки опредѣленное стремленіе сдѣлать этотъ приговоръ «согласнымъ мнѣніемъ» министровъ, что выражалось и въ томъ, что одинъ министръ никогда не ставилъ приговора, а всегда происходилъ обмѣнъ мнѣніями; насколько обмѣнъ этотъ являлся дѣйствительнымъ и насколько только одной лишь формальностью, — рѣшить мы не можемъ; однако уже существованіе такого, хотя-бы и по существу формальнаго, обычая, характеризуетъ извѣстное стремленіе къ коллегіальности. Когда послѣ распроса колодника «передъ собраніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта» было ему присуждено наказаніе, то было тутъ-же постановлено «то разсужденіе объявить прежде дѣйств. тайн. сов. барону Андрею Ивановичу Остерману, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, что на другой день, то есть 3 числа іюля, такожъ и о словахъ его, донесено и выслушано; о учиненіи ему Карачану наказанія и о ссылкѣ въ Сибирь мнѣніе свое съ прочими министрами объявить изволили согласно» [1]). А по другому дѣлу, когда рѣшено было затребовать объ одномъ колодникѣ справокъ въ другихъ учрежденіяхъ, «князь Дмитрій Михайловичъ

[1]) Г. А., VII, № 254.
[2]) Г. А., VI, № 29 (3-ій карт., № 60).
[3]) Г. А., VII, № 29 (3 карт. № 49).

Голицынъ мнѣніе свое приказалъ протчимъ господамъ министрамъ объявить: ежели того по справкѣ не явится, то помянутаго колодника, отрѣзавъ ему носъ или ухо, послать въ Сибирь» [1]). Бывало-ли такое начало коллегіальности болѣе или менѣе обязательно, или оно проявлялось совершенно факультативно, только изрѣдка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для точнаго рѣшенія этого вопроса у насъ прямыхъ данныхъ не имѣется; но отсутствіе единоличныхъ распоряженій и приговоровъ въ этой практикѣ Совѣта, а съ другой стороны ясныя указанія чисто случайнаго характера, уже встрѣтившіяся намъ за небольшой промежутокъ времени и въ небольшомъ дѣлопроизводствѣ, даютъ нѣкоторое основаніе предполагать существованіе коллегіальнаго порядка въ вынесеніи Совѣтомъ приговоровъ достаточно прочно установившимся.

Такъ «дѣла государственныя» велъ самолично Верхов. Тайный Совѣтъ, высшее учрежденіе въ государствѣ, роль котораго, въ то время особенно, была исключительно политическая, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и въ дѣлахъ внутреннихъ. Отстранивъ отъ себя всякую чисто дѣловую дѣятельность, сдѣлавшись центральнымъ установленіемъ только съ высшей направляющей политической силой, почему-то вдругъ Совѣтъ, и это можетъ показаться страннымъ, принимаетъ почти цѣликомъ на себя всю чисто дѣловую, черновую работу, лишь только дѣло касается до преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ, преступленій зачастую крайне мелкихъ и вздорныхъ. Объясненіе этому, видимо, можно найти только въ томъ, что такого рода дѣламъ въ ихъ совокупности Совѣтъ придавалъ значеніе политическое, почему и считалъ себя обязаннымъ самому входить въ ближайшее ихъ разсмотрѣніе.

Однако все-же бывали случаи, когда Совѣтъ послѣ перваго допроса, и хотя дѣло оказывалось «противъ первыхъ двухъ пунктовъ», рѣшалъ не слѣдовать его самому, а поручить это произвести другому учрежденію, оставляя за собой однако право учинить приговоръ. Примѣръ этого, имѣющійся у насъ, къ сожалѣнію, не позволяетъ видѣть тѣхъ соображеній, которыми руководился Совѣтъ въ этомъ случаѣ; въ іюлѣ 1729 года Адмиралтействъ—Коллегія прислала въ Совѣтъ колодника, сказавшаго за собой «слово и дѣло». Послѣ распроса, сдѣланнаго кн. Вас. Долгорукимъ этому колоднику, Совѣтъ постановляетъ

[1]) Г. А., VII, № 29, 3 карт. (№ 47).

«послать его Соколова (т. е. колодника) по прежнему въ адмиралтейскую коллегію, велѣть оной коллегіи... о всемъ томъ разыскивать безъ всякаго замедленія...; и что по розыску явится, о томъ донести въ Верховный Тайный Совѣтъ» [1]). Это единственный попавшійся намъ примѣръ такого рода за послѣдніе полтора года существованія Верх. Тайн. Совѣта. Такого рода практика, очевидно, приняла крайне ограниченные размѣры, а еще вѣроятнѣе—не превосходила одного—двухъ случаевъ.

Такимъ образомъ къ концу своего существованія Верх. Тайн. Совѣтъ, все ближе и непосредственнѣе входя въ производство дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, наконецъ почти всецѣло сосредоточилъ у себя какъ ихъ «слѣдованіе», такъ и рѣшеніе. Въ этомъ, казалось-бы, можно видѣть окончательное (съ этого времени мы колебаній болѣе не замѣчаемъ) установленіе политическаго значенія за дѣлами противъ первыхъ двухъ пунктовъ, а отсюда какъ-бы заранѣе намѣчается и важность, и сила того учрежденія, которое въ будущемъ будетъ имѣть въ своемъ завѣдываніи такого рода дѣла.

II.

Въ то время, какъ развернулась дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ то время, когда Совѣтъ, какъ мы только-что видѣли, взялъ въ свои руки властно и непосредственно «дѣла государственныя», однако-же еще существовала Преображенская Канцелярія, а съ 1727 году часть «дѣлъ государственныхъ» Совѣтъ поручалъ Сенату. Такимъ образомъ въ разсматриваемый періодъ, если Верх. Тайн. Совѣтъ стоялъ во главѣ слѣдованія и рѣшенія дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, то Преображенская Канцелярія и Сенатъ раздѣляли съ нимъ эту его роль въ качествѣ подчиненныхъ ему инстанцій. Къ дѣятельности въ этомъ направленіи Преображенской Канцеляріи и Сената за данный періодъ мы теперь и обратимся, чтобы съ возможной точностью притти къ послѣднему моменту нашего изслѣдованія: къ оказавшемуся неизбѣжнымъ возрожденію къ концу разсматриваемаго періода Петровской Тайной Канцеляріи въ видѣ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ 1731 года.

Какъ мы уже знаемъ, тотчасъ по учрежденіи своемъ Верховный Тайный Совѣтъ подчиняетъ Преображенскую Канце-

[1]) Г. А., VII. № 29 (карт. 3, «№ 51»).

лярію своему непосредственному наблюденію. Съ этого времени, какъ видѣли, по всѣмъ важнымъ дѣламъ своимъ Канцелярія подноситъ Совѣту докладныя выписки. Самое первое время лично Ромодановскій дѣлалъ такіе доклады по выпискамъ, а съ осени 1726 года по всѣмъ дѣламъ Преображенской Канцеляріи въ Совѣтъ является новый докладчикъ, человѣкъ до того времени какъ-будто не имѣвшій къ Преображенской Канцеляріи непосредственнаго отношенія. Это былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ. Самаго указа о передачѣ «вѣдѣнія» Преображенской Канцеляріей Ушакову намъ нигдѣ не удалось найти; является даже вопросъ, въ какой формѣ этотъ указъ былъ данъ; но что онъ существовалъ, это — внѣ сомнѣнія; когда въ срединѣ 1727 года Ушакова постигла опала, и онъ былъ отосланъ изъ Петербурга «къ другой командѣ», то онъ подалъ 8 мая 1727 года слѣдующее «доношеніе» «въ Верховный Тайный Совѣтъ»: «по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества указу *вѣдалъ я Преображенскую Канцелярію*; а нынѣ по указу отправленъ въ Ревель къ командѣ ген.-лейтенанта Бона; и оную канцелярію кому указомъ повелѣно будетъ вѣдать? Генералъ лейтенантъ Ушаковъ» [1]). Кромѣ того, до насъ дошло одно письмо Макарова Ромодановскому отъ 7 января 1727 года, гдѣ Макаровъ писалъ, что въ ноябрѣ 1726 года архангелогородскій губернаторъ Измайловъ писалъ Екатеринѣ о нѣкоторыхъ колодникахъ, имъ отосланныхъ въ Преображенскій Приказъ, «и какія дѣла до нихъ касаются,—заканчивалъ Макаровъ свое письмо, о томъ извольте сюды писать къ Андрею Ивановичу Ушакову» [2]). Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно заключать, что въ концѣ 1726 года,—возможно, по частному случаю,—Ушаковъ привлекается, какъ посредникъ между Петербургомъ и находящимся въ Москвѣ Преображенскимъ Приказомъ, такъ что ему тогда и было поручено «вѣдать» Приказъ въ Петербургѣ. Такое предположеніе подкрѣпляется еще тѣмъ, что первый разъ въ протоколахъ Верх. Тайн. Совѣта упоминается о докладахъ дѣлъ Приказа Ушаковымъ подъ 16 декабря 1726 г. [3]), т. е. именно около нами предполагаемаго времени; ранѣе, послѣ указа 30 сентября (1726 г.) и до ноября—декабря этого года (значитъ, въ промежутокъ

[1]) Г. А., XVI, № 29.
[2]) Г. А., IX, № 6 (карт. 13).
[3]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 56, стр. 569.

всего одного мѣсяца), никакихъ указаній на доклады Ушакова въ Верх. Тайн. Совѣтѣ не встрѣчается; если-бы Приказъ былъ порученъ Ушакову ранѣе, то тогда зачѣмъ-бы Макаровъ писалъ Ромодановскому по частному дѣлу о томъ, что и такъ было-бы извѣстно этому послѣднему, разъ и тогда уже Приказъ находился въ «вѣдѣніи» Ушакова? Къ тому-же мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе: «1726 г. декабря 9 дня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Ромодановскій доносилъ о колодникахъ, которые въ Преображенской Канцеляріи держатца по важнымъ дѣламъ въ непристойныхъ словахъ..., и предложилъ пять краткихъ выписокъ» [1]); изъ этого какъ-бы выходитъ, что до передачи «вѣдѣнія» Приказомъ въ Петербургѣ Ушакову, Ромодановскій самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ докладами по своей Канцеляріи; не надо забывать, что, вѣроятно, уже къ этому времени болѣзни сильно одолѣли кн. Ромодановскаго, и поѣздки въ Петербургъ стали для него тяжелы; быть можетъ, и этотъ мотивъ игралъ роль въ порученіи Ушакову «вѣдать» Приказъ.

Такимъ образомъ съ наступленіемъ новаго царствованія, съ 1726 года, въ положеніи и управленіи Преображенскаго Приказа происходитъ крупное измѣненіе: Приказъ фактически попадаетъ подъ начало къ Верховному Тайному Совѣту, въ которомъ докладываетъ по дѣламъ Приказа постороннее лицо, «вѣдающее» Приказъ въ Петербургѣ, именно—А. И. Ушаковъ. Какъ ни велика была эта перемѣна, мало она отразилась,—внѣшне, по крайней мѣрѣ,—на дѣятельности Приказа въ Москвѣ; почти невозможно уловить никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣлопроизводствѣ и его формахъ; нельзя только не замѣтить, что въ постановленіяхъ Приказа съ 1726 года мѣняется ихъ форма: ранѣе эта форма была: «въ..... (число)..... ближній стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, слушавъ... (изложеніе дѣла),... «приказалъ»... (приговоръ); а въ 1726 году эта форма замѣняется новой: «въ Преображенскомъ Приказѣ опредѣлено»... (изложеніе дѣла и приговоръ). Это измѣненіе едвали, впрочемъ, можно ставить въ связь съ измѣненіемъ въ положеніи Приказа, такъ какъ никакой непосредственной связи тутъ замѣтить нельзя, тѣмъ болѣе, что кромѣ этого никакихъ перемѣнъ не замѣтно, и, какъ ранѣе, такъ и до самаго послѣдняго указа, до самыхъ послѣднихъ дней дѣ-

[1]) Г. А., VII, № 218.

ятельности Приказа, во главѣ его стоитъ по старому исключительно одинъ Ромодановскій; никакихъ другихъ хозяевъ не видно; только кое-когда появляются въ дѣлопроизводствѣ указы, присылаемые за рукою Ушакова.—Это все еще разъ подтверждаетъ наше предположеніе, что «вѣдалъ» Ушаковъ Преображенскимъ Приказомъ только въ Петербургѣ, какъ-бы замѣняя въ то время уже тамъ небывавшаго Ромодановскаго, при сношеніяхъ Приказа съ Верх. Тайн. Совѣтомъ.

Первый разъ, какъ мы видѣли, въ протоколахъ В. Т. Совѣта упоминается о докладѣ дѣлъ Ушаковымъ по Преображенской Канцеляріи подъ 21 декабря 1726 года. Съ такого рода докладами «выписокъ» дѣлъ Преображенской Канцеляріи Ушаковъ обычно являлся въ Верх. Тайн. Совѣтъ вплоть до времени своей опалы. Отмѣтки о такихъ докладахъ Ушакова встрѣчаются въ протоколахъ и журналахъ Верх. Тайн. Совѣта въ слѣдующія засѣданія: 16 января [1]), 30 января [2]), и наконецъ 24 апрѣля [3]) 1727 г.; манифестомъ-же 26 мая 1727 года было повелѣно: «Андрея Ушакова опредѣлить къ другой командѣ, куда надлежитъ» [4]). Послѣ этого, какъ мы видѣли, уѣзжая въ Ревель, Ушаковъ проситъ назначить лицо, кому-бы онъ передалъ «вѣдѣніе» Приказомъ. На это «доношеніе» Ушакова какая резолюція воспослѣдовала, мы не знаемъ. Однако, можно думать, что «вѣдѣніе» это не было болѣе никому поручаемо, потому-что въ дальнѣйшемъ,—до самаго уничтоженія Преображенскаго Приказа,—дѣла его или просто присылались въ Совѣтъ въ «выпискахъ», или докладывались секретаремъ Приказа Патокинымъ.

Роль Ушакова въ вѣдѣніи Приказомъ сводилась, видимо, къ представленію имъ Совѣту докладовъ по частнымъ дѣламъ Канцеляріи. Однако, иногда Ушаковъ докладывалъ по дѣламъ общаго характера; объ указѣ руководящаго значенія онъ входилъ даже непосредственно съ докладомъ къ самой Императрицѣ и уже потомъ «предлагалъ» Верх. Тайн. Совѣту резолюцію Екатерины; такъ 16 января въ засѣданіи Совѣта «изъ Преображенской канцеляріи» была подана «форма указа», чтобы не извинять непристойныя слова, если даже они были произнесены кѣмъ-либо въ пьяномъ видѣ; и, «*по предложенію*

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 56, стр. 40.
[2]) Ibid. стр. 74
[3]) Ibid. т. 63, стр. 464
[4]) Ibid. стр. 603.

тогда-же г.-м. Ушакова, оную де форму Ея Императорское Величество изволила слушать и указала быть въ той силѣ»; а 30 января Совѣтомъ уже подписанъ указъ о распубликованіи вышеназваннаго указа черезъ Сенатъ [1]).

Свои доклады Совѣту Ушаковъ дѣлалъ до самаго своего отправленія «къ другой командѣ»; мы встрѣчаемъ указъ, данный Совѣтомъ о дѣлахъ Преображенской Канцеляріи, по представленію Ушакова, уже въ маѣ 1727 года [2]).

Въ маѣ 1727 года Ушаковъ былъ удаленъ изъ Петербурга и пересталъ «вѣдать» Преображенскій Приказъ. Мы уже говорили, что съ этого времени, видимо, болѣе никто имъ не вѣдалъ въ Петербургѣ, а просто, или присылались соотвѣтственныя «выписки» и прочитывались Совѣту, который ставилъ свои резолюціи; или иногда пріѣзжалъ въ Петербургъ съ докладами секретарь Канцеляріи.

Наконецъ въ 1729 году кн. Ромодановскій, томимый подагрой и каменной болѣзнью, проситъ освободить его отъ дѣлъ, и тогда ему была дана отставка, а Преображенской Канцеляріи повелѣно не быть.

Мы выше уже видѣли, что «вѣдѣніе» дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ вмѣнено было Сенату въ прямую обязанность указомъ 22 мая 1727 года; однако, еще до этого указа въ вѣдѣніе Сената, возможно случайно, попадали подобныя дѣла. 9 сентября 1726 года въ засѣданіе Верх. Тайн. Совѣта былъ «допущенъ» оберъ-прокуроръ Сената Бибиковъ и докладывалъ «о дьяконѣ, содержащемся въ непристойныхъ словахъ»; по рѣшенію Совѣта, «оное доношеніе отдано ему Бибикову попрежнему и притомъ приказано, чтобъ о томъ велѣли розыскивать и слѣдовать въ Москвѣ сенатскому члену графу Мусину-Пушкину» [3]). Послѣ же вышеупомянутаго майскаго указа 1727 года, представляя въ В. Т. Совѣтъ доношеніе о рядѣ дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ, Сенатъ прямо указываетъ, что эти дѣла поступили къ нему именно въ силу этого указа. Тутъ-же есть очень характерная фраза, что Сенатъ потому передаетъ выписку объ этихъ дѣлахъ Совѣту, что «по тѣмъ дѣламъ... рѣшенія собою учинить не можетъ» [4]). И Совѣтъ одобряетъ и подтверждаетъ на будущее время эту практику,

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 63, стр. 39 и 75.
[2]) Г. А., VII, № 222.
[3]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 56, стр. 78
[4]) Г. А., VII, № 237.

чтобы Сенату самому не рѣшать въ дѣлахъ «важныхъ», а «со мнѣніемъ докладывать Верховному Тайному Совѣту» [1]). И 27 октября этого-же, 1727, года сенаторъ Нелединскій «доносилъ словесно о трехъ колодникахъ, которые держатца въ показаніи отъ нихъ непристойныхъ словъ; разсуждено (было въ Совѣтѣ) ими еще изъ подлинныхъ рѣчей розыскивать» [2]). Другой сенаторъ — Новосильцевъ — въ засѣданіи В. Т. Совѣта 3 ноября того-же года доносилъ «по краткимъ выпискамъ о колодникахъ, которые показались въ непристойныхъ словахъ», и Совѣтъ ставилъ приговоры [3]). Доношеніе того-же сенатора по такому-же дѣлу (о колодникѣ, за собой сказавшемъ «слово и дѣло») было слушано въ засѣданіи Совѣта въ маѣ 1729 г. [4]). Однако, надо думать, именно только особо «важныя» дѣла, только тѣ дѣла, въ которыхъ Сенатъ признавалъ невозможнымъ самъ учинить рѣшеніе, шли на резолюцію въ Верх. Тайн. Совѣтъ, какъ того и требовалъ указъ майскій 1727 года; если же дѣло являлось не столь важнымъ, если даже по разслѣдованіи въ немъ никакой «важности» не оказывалось, то Сенатъ рѣшалъ его самостоятельно, не доводя до свѣдѣнія Совѣта. Напримѣръ, въ 1729 году Тобольская губернская канцелярія присылаетъ слѣдованное уже ею дѣло для указа въ Сенатъ. Дѣло это началось по доношенію фискала Канцеляріи о томъ, что нѣкій живописецъ Буткѣевъ доносилъ на секретаря Баженова, что тотъ, увидѣвъ портретъ Петра II, нарисованный доносителемъ, замѣтилъ, что «персона» государя «написана де она въ дураческомъ платьѣ», въ чемъ, видимо, Буткѣевъ усмотрѣлъ «поношеніе особы Его Величества». Сенатъ ставитъ *окончательный* приговоръ по этому дѣлу (23 іюля 1727 г.) своей властью, не обращаясь за утвержденіемъ его къ Совѣту. «Слушавъ» этого дѣла, Сенатъ усмотрѣлъ, что «онъ Баженовъ тѣ слова говорилъ не къ поношенію Его Императорскаго Величества персоны, а объ ономъ живописцевѣ неисправномъ мастерствѣ»; почему и указалъ Буткѣева (доносчика) бить плетьми, «дабы впредь другіе на то смотря, такъ продерзостно чинить... не дерзали». — Все дѣло велось цѣликомъ въ Сенатѣ, который, видимо, въ этомъ случаѣ рѣшилъ, что важности особенной нѣтъ, потому

[1]) Г. А., VII, № 237.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 69, стр. 591.
[3]) Ibidem, т. 69, стр. 702-703.
[4]) Ibidem, т. 94, ст. 523.

и счелъ возможнымъ самъ учинить указъ [1]). При веденіи дѣлъ Сенатъ самъ непосредственно входилъ въ самое производство, а не предоставлялъ это канцеляріи своей, съ оставленіемъ за собой только чиненія приговоровъ по представляемымъ докладнымъ экстрактамъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ дѣлѣ мы имѣемъ ясныя на это указанія; тутъ читаемъ, что «ноября 29 дня въ Сенатѣ оные солдаты (т. е. свидѣтели и обвиняемые) передъ собраніемъ распрашиваны порознь», и далѣе идутъ ихъ показанія, данныя, значитъ, ими передъ сенатскимъ собраніемъ; «а ноября 30 дня помянутые иноземцы и солдаты передъ собраніемъ спрашиваны-жъ порознь», а «потомъ помянутый Даниловъ паки призванъ и спрашиванъ» [2]). Такимъ образомъ всѣ дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ, попавшія въ сенатъ, разбивались на двѣ части: одна часть (дѣла менѣе важныя) рѣшались въ окончательной формѣ Сенатомъ, другая часть — (дѣла большей важности) со «мнѣніемъ» сената въ выпискахъ представлялись на резолюцію въ Верх. Тайн. Совѣтъ. Если, какъ мы видѣли, такого рода дѣла, хотя-бы случайно, но и ранѣе, до 1727 г., попадали въ Сенатъ, то можно поставить вопросъ, какъ и кто ихъ собственно «вѣдалъ» въ Сенатѣ; не было-ли, иначе говоря, среди сенатскихъ конторъ и канцелярій какой-либо выдѣленной какъ-бы канцеляріи, въ которой можно было бы усмотрѣть установленіе, спеціально занятое подготовленіемъ для Сената такого рода дѣлъ. Изслѣдователь исторіи Сената этого именно времени говоритъ, что, «какъ распредѣлялись дѣла сенатской канцеляріи между отдѣльными лицами, входившими въ составъ ея, сказать вполнѣ опредѣленно мы не можемъ, такъ какъ въ архивныхъ дѣлахъ Сената объ этомъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній» [3]); съ другой стороны, тотъ-же изслѣдователь отмѣчаетъ, что «конторы и особыя отдѣленія сенатской канцеляріи еще болѣе случайно, чѣмъ при Петрѣ В., возникаютъ, и столь-же быстро и неожиданно исчезаютъ»; «можно наглядно видѣть» на судьбѣ двухъ такихъ конторъ (Мануфактуръ и Ревизіонъ), «какъ измѣнчива и непостоянна была политика В. Т. Совѣта въ подобныхъ вопросахъ. То-же самое можно отмѣтить и по отношенію къ другимъ учрежденіямъ», удостовѣряетъ тотъ-же изслѣдователь [4]); не

[1]) Г. А., VII, № 242.
[2]) Г. А., VII, № 29 («№ 31»).
[3]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 247.
[4]) Ibidem, стр. 249—250.

только не замѣчается образованія мало-мальски замѣтной канцеляріи или конторы для дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ, но даже «контора розыскныхъ дѣлъ», учрежденная въ 1724 г., близкая по компетенціи, исчезаетъ безслѣдно въ разсматриваемый періодъ [1]). Итакъ въ періодъ колебаній и шатанія не создалось и, пожалуй, не могло создаться даже какого-либо, хотя бы относительно прочнаго учрежденія при Сенатѣ, для подготовки дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ. Однако какіе-то не совсѣмъ опредѣленные, туманные намеки на зачатки все-таки чего-то подобнаго въ канцеляріи Сената у насъ имѣются; какъ будто какъ разъ послѣ майскаго указа 1727 г., послѣ формальнаго и точнаго возложенія на Сенатъ части дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ, по просьбѣ Сената, на усиленіе его канцеляріи ему были отданы изъ канцеляріи Верх. Тайн. Совѣта бывшіе приказные Тайной Канцеляріи, видимо, и въ канцеляріи Совѣта составлявшіе нѣчто вродѣ особаго отдѣленія. Такимъ образомъ, возможно, что въ 1731 году, формируя свою канцелярію при Сенатѣ, Ушаковъ уже нашелъ для нея болѣе или менѣе приготовленные спеціальные кадры приказныхъ, даже, возможно, съ зачатками организованности въ ихъ средѣ.

Такова была роль и значеніе Сената въ рѣшеніи и слѣдованіи дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ, въ эпоху существованія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но въ началѣ 1730 года этому послѣднему было велѣно «не быть»; Сенатъ воспринимаетъ свое прежнее значеніе и силу, становясь вновь первымъ учрежденіемъ государства; дѣла бывшія въ В. Т. Совѣтѣ переходятъ большей частью Сенату; переходятъ Сенату и всѣ «дѣла государственныя», бывшія въ Совѣтѣ; вмѣстѣ съ этимъ Сенатъ становится основной рѣшающей инстанціей для такихъ дѣлъ, и въ то-же время въ немъ сосредоточивается производство большинства главнѣйшихъ дѣлъ такого рода.— Въ іюлѣ 1729 г. «генералъ-маіоръ и оберъ-комендантъ Урусовъ присылаетъ въ Верх. Тайн. Совѣтъ доношеніе о непристойныхъ словахъ одного колодника; дѣло, видимо, началось въ Совѣтѣ, но уже кончено указомъ Сената (30 апрѣля 1730 г.), куда оно поступило изъ Совѣта по его уничтоженіи [2]). Такъ-же точно уже Сенатъ въ мартѣ 1730 г. рѣшаетъ дѣло о колодникѣ,

[1]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 251 и далѣе.
[2]) Г. А., VII, № 250.

сказавшемъ за собой «слово и дѣло» и присланномъ кн. М. М. Голицынымъ еще въ Верховный Тайный Совѣтъ [1]).

Когда В. Т. Совѣту повелѣно было «не быть», то роль его, какъ высшаго судилища по преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, перешла въ полномъ объемѣ Сенату; необходимо помнить, что Преображенской Канцеляріи въ то время уже не существовало, т. е. не осталось болѣе ни одного учрежденія, спеціальнаго вѣдавшаго «государственныя дѣла». Указомъ 10 апрѣля 1730 года для дѣлъ этихъ устанавливался слѣдующій порядокъ: принималось, какъ основное, общее правило, что, кто по важнымъ дѣламъ «подлинно увѣдаетъ и доказать можетъ, тѣмъ самимъ доносить на Москвѣ письменно или словесно въ нашемъ Правительствующемъ Сенатѣ, какъ скоро увѣдаетъ, безъ всякаго опасенія и боязни, а именно того-жъ дни»: далѣе изъ этого дѣлается исключеніе, точнѣе— отступленіе, хотя и незначительное и не мѣняющее почти роли Сената въ такихъ дѣлахъ; именно: «которые будутъ въ уѣздѣ», тѣмъ доносить уже не Сенату непосредственно.—а губернаторамъ и воеводамъ,— а эти послѣдніе должны доносителей предварительно распросить «секретно», и «буде (доносители) скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ..... присылать немедленно къ Москвѣ въ Нашъ Правительствующій Сенатъ»; если-же доносъ будетъ по второму пункту, то воеводамъ и губернаторамъ вмѣняется въ обязанность, не теряя времени, на мѣстѣ вести весь розыскъ и прибѣгать къ пыткѣ, въ случаѣ надобности, но при этомъ объ всемъ «въ Нашъ Правительствующій Сенатъ рапортовать, не опуская времени», такъ что и тутъ все остается подъ ближайшемъ контролемъ исключительно Сената [2]).

Итакъ въ 1730 г. Сенатъ съ его канцеляріей беретъ всецѣло въ свое непосредственное слѣдованіе и рѣшеніе дѣла по первымъ двумъ пунктамъ. Но задача оказалась невыполнима по своей сложности, безъ рѣзкаго ущерба для всей дѣятельности Сената. Такова была, по крайней мѣрѣ, оффиціальная мотивировка въ указѣ 24 марта 1731 года. Вѣрна-ли эта мотивировка по существу, или за ней крылось что-либо другое, это остается неяснымъ; но для насъ въ данный моментъ это и безразлично; намъ только важно отмѣтить несомнѣнный

[1]) Г. А., VII, № 259.
[2]) П. С. З. № 5528 (т. VIII).

фактъ, фактъ проливающій свѣтъ на значеніе Петровской Тайной Канцеляріи, фактъ, что Петровская Тайная Канцелярія возродилась, возродилась въ прежнемъ видѣ своемъ, съ прежнимъ названіемъ своимъ, съ прежнимъ министромъ своимъ во главѣ. Именнымъ указомъ Сенату отъ 24 марта 1731 г. повелѣно было: «важныя дѣла», стекавшіяся въ Сенатъ, «вѣдать... Ушакову», и «когда онъ востребуетъ къ рѣшенію оныхъ дѣлъ канцелярскихъ служителей и прочаго..., въ томъ по предложеніямъ его Ушакова рѣшеніе учинить въ Сенатѣ» [1]). 6 апрѣля того-же года «Пр. Сенатъ приказали:... именовать оную Канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ»; и отнынѣ всѣ важныя дѣла отовсюду, «отсылать къ нему господину генералу Ушакову» [2]).

Такъ съ того времени во все XVIII столѣтіе вѣдѣніе дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ окончательно вручается особому учрежденію, возрожденной Тайной Канцеляріи Петровскаго времени; такъ временное, какъ-бы случайное, установленіе Великаго Преобразователя становится отнынѣ выраженіемъ одной изъ сторонъ государственнаго строя Россіи XVIII вѣка.

---

[1]) П. С. З. № 5727.
[2]) П. С. З. № 5738.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы окончили исторію Петровской Тайной Канцеляріи; мы возможно полнѣе старались охватить весь недолгій періодъ ея существованія; мы позволили себѣ начать наше изслѣдованіе ранѣе возникновенія Канцеляріи и посмотрѣть, что сдѣлалось уже послѣ ея уничтоженія. И только маленькій, далекій уголокъ Петровской эпохи, такъ богатой событіями, столь знаменательной для дальнѣйшей исторіи Россіи, оказался въ предѣлахъ нашего разсмотрѣнія. Что-же въ результатѣ? Стоило-ли тратить время и трудъ, чтобы говорить о такомъ частномъ, мимолетномъ явленіи Петровскаго царствованія?

Въ эпохи, значительныя своимъ содержаніемъ и для будущаго, и по отношенію къ прошедшему, очень часто мелкія, на первый взглядъ незначительныя и скоропреходящія, явленія оказываются достаточно значительными, какъ симптомы и предуказанія для будущаго; въ эти эпохи зарождается и формируется,— часто почти непримѣтно,—то, что только въ будущемъ развернется въ надлежащемъ значеніи своемъ; въ эти эпохи можно особенно удобно наблюдать возникновеніе какой-либо стороны общественнаго или государственнаго строя, наблюдать далѣе наиболѣе яркій и опредѣленный моментъ ея окончательнаго установленія, окончательнаго занятія ею прочнаго и яснаго положенія въ общемъ строѣ установленій государства.

Съ такой точки зрѣнія разсмотрѣніе исторіи Петровской Тайной Канцеляріи можетъ являться важнымъ и цѣннымъ. Изучая ея исторію, мы изучали одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи установленія въ строѣ Россіи XVIII вѣка той стороны его, которая съ того момента явится играющей опредѣленную и ясную роль во всей исторіи этого вѣка. Мы не ограничились разсмотрѣніемъ только Тайной Канцеляріи, мы позволили себѣ, какъ уже говорили выше, начать ранѣе ея возникновенія и кончить позднѣе ея уничтоженія; а этимъ самымъ на ряду съ главнѣйшимъ, основнымъ моментомъ мы попробовали захватить

и другіе моменты, хотя болѣе второстепенные, но тѣмъ не менѣе важные для пониманія въ его цѣломъ процесса въ развитіи данной стороны государственнаго строя Россіи XVIII вѣка. Мы думали дать такимъ образомъ своимъ изложеніемъ предварительный очеркъ того, какимъ путемъ «слово и дѣло», вошедши въ строй русской государственности, заняло тамъ вполнѣ ясное и опредѣленное мѣсто къ 1731 году. Попробуемъ теперь нѣсколькими штрихами резюмировать результаты такой нашей работы.

Уже въ самомъ началѣ XVII вѣка «слово и дѣло» было, очевидно, хорошо извѣстно правительственной практикѣ Московской Руси; уже тогда мы находимъ въ общихъ чертахъ установившимся весь процессъ «слова и дѣла», который имѣемъ впервые запечатлѣннымъ и установленнымъ въ Уложеніи 1649 г. Если процессъ тамъ устанавливаемый по этимъ дѣламъ пока еще находится въ вѣдѣніи обычныхъ органовъ правительственной власти, однако уже опредѣленно замѣчается стремленіе вести такія дѣла тайно, по возможности безъ большой огласки; но сознаніе «важности» такихъ дѣлъ еще отсутствуетъ въ теченіе всего XVII вѣка. Въ то-же время царь Алексѣй Михайловичъ попробовалъ примѣнить тогда господствовавшую систему порученій и къ тѣмъ дѣламъ государственнаго управленія, которыя почему-либо привлекали его особое вниманіе: онъ началъ поручать такія дѣла разсмотрѣнію особыхъ довѣренныхъ лицъ, при непремѣнномъ самомъ близкомъ своемъ участіи, изъемля ихъ изъ общаго дѣлопроизводственнаго порядка (изъ этого образовался, между прочимъ, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ); такимъ-же путемъ, есть основанія думать, шли и нѣкоторыя дѣла по «слову и дѣлу».

Стрѣлецкія смуты конца XVII вѣка, колебанія престола, борьба за власть, которую пришлось выдержать Петру, идейные противники, съ которыми ему пришлось столкнуться, тяжелые моменты въ борьбѣ, которые ему пришлось пережить, показали Петру съ полной ясностью, какая опасность можетъ крыться для царской власти подъ внѣшностью словесныхъ оскорбленій этой власти; а дѣло сына его, царевича Алексѣя, еще разъ разверзло пропасть у ногъ Петра. Отнынѣ опредѣленно каждый, «поносившій хулительными словами Его Царское Величество», являлся въ глазахъ Петра уже совершенно ясно скрытымъ врагомъ государственнаго строя; то, что только скорѣе чувствовалось, чѣмъ сознавалось, въ XVII вѣкѣ, теперь вскрылось окончательно и достаточно рельефно; «важность» «слова и дѣла» установилась съ той поры незыблемо. Это впервые ясно проявилось въ указѣ 1715 года съ столь извѣстными отнынѣ двумя первыми пунктами: царь лично счелъ нужнымъ принять участіе въ дѣлахъ «важныхъ». А при такой необходимости уже отецъ Петра прибѣгалъ къ системѣ особаго порученія, и Петръ воспользовался отцовскимъ опытомъ: минуя всякія государственныя учрежденія, приближеннымъ довѣреннымъ лицамъ своимъ сталъ онъ поручать дѣла, въ которыя хотѣлъ непосредственно входить самъ лично; а около такихъ довѣренныхъ лицъ стали образовываться для веденія поручаемыхъ дѣлъ особыя канцеляріи, и, понятно, канцеляріи эти стали почти преимущественно работать въ области трехъ пунктовъ указа 1715 года. И вотъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ оказался преступенъ царевичъ Алексѣй, старшій сынъ Петра и наслѣдникъ престола; дѣло о такомъ преступленіи, дѣло громадной, уже по истинѣ государственной важности. Петръ поручаетъ Толстому, поручаетъ такъ, какъ это и ранѣе дѣлалъ съ подобными (но, конечно, отнюдь не равными по значенію) дѣлами. Порученіемъ этого дѣла изъ многихъ канцелярій выдвинулась тогда канцелярія П. А. Толстого, отнынѣ «канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ»; блестяще выполнила она это порученіе, трудное и тонкое; удовлетворенный ея дѣятельностью Петръ не переставалъ и далѣе давать ей подобныя дѣла противъ первыхъ двухъ пунктовъ,— наиболѣе важныя изъ нихъ,— понемногу спеціализируя канцелярію Толстого въ этой области вѣдѣнія, на что Петръ указалъ положительно и въ общей формѣ указомъ 1722 года.

Такъ изъ розыскной канцеляріи при Толстомъ выросла Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ; но не сформировалось это установленіе въ настоящее учрежденіе, не успѣло сформироваться, ибо переросло оно въ практической дѣятельности своей сознаніе его создававшихъ о необходимости подобнаго именно учрежденія (а не временнаго установленія только) въ общемъ строѣ государственномъ.

Какова-бы, однако, ни была точка зрѣнія Петра и Толстого на Тайную Канцелярію, какъ-бы ни думали и ни хотѣли они ее считать только чисто случайнымъ, временнымъ установленіемъ и соотвѣтственно этому къ ней относиться, несом-

нѣнно только, что впервые въ царствованіе Петра пришлось подчинить производство «дѣлъ государственныхъ» особымъ учрежденіямъ, и во-вторыхъ, создать впервые учрежденіе *исключительно* этимъ дѣламъ посвященное; и тѣмъ болѣе это является знаменательнымъ, что произошло все это даже какъ-бы помимо воли какъ Петра, такъ и лицъ, ближайше вѣдавшихъ Канцелярію.

Дѣйствительно, личная воля этихъ послѣднихъ въ результатѣ даже какъ-бы настояла на своемъ: Тайная Канцелярія должна была подъ суровой рукой Петра, впослѣдствіи подъ усиліями Толстого уничтожиться, исчезнуть; исторія ея кратковременнаго существованія можетъ имѣть видъ только случайнаго эпизода, и таковымъ она была дѣйствительно для Петровскаго царствованія. Но было тутъ что-то болѣе сильное, болѣе мощное, чѣмъ даже непреклонная воля Петра и его сподвижника; это «что-то», болѣе властное, чѣмъ самъ могучій Петръ, заставило простой эпизодъ его царствованія пріобрѣсти опредѣленное мѣсто въ ходѣ исторіи Россіи XVIII в.

Съ одной стороны волей Петра и Екатерины, распорядительностью и энергіей Толстого въ 1726 году Тайная Канцелярія исчезаетъ съ горизонта, замѣняясь отчасти Преображенскимъ Приказомъ, который тоже торжественно уничтожается въ 1729 году;—съ другой стороны, ровно черезъ $3^1/_2$ года послѣ уничтоженія Тайной Канцеляріи и черезъ годъ (если не менѣе) послѣ упраздненія ея преемника Преображенскаго Приказа (позднѣе—Канцеляріи) Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія вновь создается, создается по образу и подобію Канцеляріи Петровскаго времени, съ однимъ изъ министровъ Петровской канцеляріи во главѣ, и создается, какъ прочное постоянное государственное учрежденіе съ опредѣленнымъ кругомъ компетенціи и дѣятельности.

Такимъ образомъ то, что Петръ стремился считать лишь случаемъ, эпизодомъ своего царствованія, на дѣлѣ оказалось органической потребностью строя Россіи XVIII в., въ созданіи котораго такую огромную роль сыгралъ именно Петръ. Въ этомъ и состоитъ большое симптоматическое значеніе, остающееся за Петровской Тайной Канцеляріей, изъ этого-то и проистекаетъ интересъ ея изученія: въ ея исторіи можно видѣть и найти зачатки всего того, что далѣе въ будущемъ, въ глубь XVIII вѣка,—генетически стало уже выраженіемъ одной изъ

сторонъ государственнаго строя Россіи того времени. Попробуемъ намѣтить въ краткихъ чертахъ эти зачатки будущаго, поскольку они выяснились въ совокупности дѣятельности Тайной Канцеляріи за Петровское время.

Мы уже отмѣтили, что въ царствованіе Петра впервые государственныя преступленія поручаются особымъ учрежденіямъ, а изъ нихъ первымъ является Тайная Канцелярія, въ концѣ концовъ спеціально и исключительно занятая преступленіями по «слову и дѣлу»; мы наблюдали, какъ постепенно складывался кругъ вѣдѣнія Тайной Канцеляріи, и какъ въ 1724—1725 г. онъ сложился окончательно именно въ этомъ видѣ. Отсюда намѣчается существеннѣйшій результатъ случайнаго эпизода Петровскаго царствованія: вырабатывается фактически совершенно особенное учрежденіе государственное, неизвѣстное предшествующей эпохѣ. Имѣется, кажется, возможность пойти далѣе; можно видѣть, что въ Петровское время въ основныхъ чертахъ были уже выработаны главнѣйшія основы этого учрежденія. За время дѣятельности Петровской Канцеляріи оказывается возможнымъ подмѣтить тѣ правовыя и обычныя нормы, которыя образовались постепенно во время дѣятельности Канцеляріи, и которыя легли въ правосознаніе будущей дѣятельности Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Мы въ свое время стремились отмѣтить, какъ наростало и формировалось въ Канцеляріи понятіе о «важности», въ связи съ требованіями таинственности и въ связи съ возникновеніемъ новаго понятія о «вредности государственной». Если вся эта идеологія являлась еще крайне туманной, не вылившейся въ болѣе или менѣе точно опредѣленныя формы, если эта опредѣленность была уже дѣломъ будущаго,— однако, основные зачатки всего этого уже находятся въ исторіи Петровской Тайной Канцеляріи. Съ другой стороны,—мы имѣли случай говорить о томъ высокомъ, нѣсколько исключительномъ положеніи, которое заняла,—или точнѣе, иногда занимала,—Тайная Петровская Канцелярія въ концѣ Петровскаго царствованія; Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ 1731 г. въ этомъ отношеніи только довела до конца и твердо проводила въ своей дѣятельности то, что въ Петровское время лишь только зародилось: именно, это особенное положеніе среди другихъ учрежденій и ближайшее положеніе относительно верховной власти, и поэтому нѣкоторая изолированность изъ общей системы государственныхъ установленій Россіи—все это,

уже начавшее проглядывать въ дѣятельности Петровской Тайной Канцеляріи, въ позднѣйшей Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ составляло ея существеннѣйшія черты.

Въ результатѣ всего этого сфера компетенціи Петровской Тайной Канцеляріи воспринимается сполна тоже Тайной Канцеляріей, и во главѣ этой послѣдней становится старый фактическій начальникъ Петровской Канцеляріи, а для XVIII столѣтія разрѣшается вопросъ, только поставленный и окончательно назрѣвшій въ началѣ этого вѣка.

Такъ временная розыскная канцелярія П. А. Толстого переходитъ въ постоянное государственное учрежденіе и находитъ себѣ непремѣнное мѣсто въ средѣ государственныхъ установленій Россіи XVIII вѣка, являясь выраженіемъ одной изъ сторонъ русскаго государственнаго строя того времени.

На этомъ моментѣ мы и позволимъ себѣ закончить наше изслѣдованіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ приложеніе къ своему изслѣдованію я позволяю себѣ помѣстить нѣсколько группъ изъ тѣхъ документовъ, которыми пришлось пользоваться въ изслѣдованіи. Печатать болѣе или менѣе обширный матеріалъ, который-бы могъ до извѣстной степени какъ-бы оправдать дѣлаемые мною выводы, а также показать наглядно мой способъ обращенія съ архивными документами, къ сожалѣнію, я не могу по обстоятельствамъ чисто внѣшняго характера: количество этихъ документовъ слишкомъ велико. Предлагая-же здѣсь только отрывки изъ этихъ документовъ, я стремлюсь хотя-бы поверхностно познакомить съ имѣвшимся въ моемъ распоряженіи матеріаломъ и ввести этимъ, хотя-бы немного болѣе, въ пониманіе исторіи Тайной Канцеляріи разсматриваемаго періода.

Всѣ мной тутъ печатаемые документы разбиты на пять отдѣльныхъ группъ.

Въ первой группѣ я помѣстилъ въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько болѣе характерныхъ указовъ Петра по Тайной Канцеляріи, указовъ, характеризующихъ отношеніе Петра къ канцелярскимъ дѣламъ, а также и тѣ формы канцелярскія, въ которыхъ запечатлѣвались эти отношенія.

Во второй группѣ помѣщены три письма Макарова и Ушакова, которыми они обмѣнялись, какъ представители съ одной стороны Царскаго Кабинета, и съ другой стороны Тайной Канцеляріи; это характерно, какъ та посредственная форма отношеній, которая существовала между Петромъ и Канцеляріей.

Третья группа документовъ представляетъ собой отрывки, болѣе содержательные, изъ переписки между собой министровъ Канцеляріи. Переписка эта крайне разрознена; письма по отдѣльности разбросаны по разнымъ «дѣламъ» Канцеляріи, такъ-что ихъ приходилось выбирать изъ дѣлъ по одиночкѣ. Приводимыя письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ и по возможности подобраны связанныя другъ съ другомъ по

темѣ; въ этихъ документахъ, уже не имѣющихъ характера чисто оффиціальнаго, особенно живо отражается жизнь учрежденія съ разныхъ ея сторонъ.

Въ четвертой группѣ помѣщено нѣсколько писемъ изъ переписки министровъ Канцеляріи съ секретарями Московскаго ея отдѣленія, характеризующихъ положеніе этого отдѣленія Тайной Канцеляріи.

Наконецъ, въ пятой группѣ помѣщенъ рядъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга документовъ, точнѣе и полнѣе выясняющихъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣста текста изслѣдованія. При каждомъ такомъ документѣ имѣется ссылка на страницу текста изслѣдованія, къ которой онъ относится по содержанію.

Всѣ печатаемые документы извлечены изъ VII разряда Государственнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и при каждомъ изъ нихъ имѣется номеръ того дѣла этого разряда, откуда данный документъ почерпнутъ; номеръ этотъ стоитъ въ скобкахъ въ концѣ каждаго документа и напечатанъ жирнымъ шрифтомъ; тамъ, гдѣ было возможно, кромѣ номера дѣла (рядомъ съ нимъ простымъ шрифтомъ) отмѣченъ и листъ дѣла, на которомъ имѣется печатаемый документъ.

I. Указы Петра по Тайной Канцеляріи.

1) 1719 г. ноября въ 13 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ: по именному своему великаго государя указу дьяка Дмитрея Овинова отослать въ Юстицъ коллегію къ дѣламъ по прежнему, а что онъ Овиновъ доношеніе отъ доносителя Каргмазова и выписку и отвѣтствіе оберъ фискала Нестерова отдавалъ Негановскому для смотрѣнія, того ему въ вину причитать не указалъ. Сей указъ приказалъ записать генералъ-лейтенантъ и лейбъ гвардіи подполковникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. (**47**, 9).

2) 1721 марта въ 9 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, слушавъ дѣлъ, указалъ: по именному своему величествія указу

подлинное дѣло по доношенію дьяка Болшова на Алексѣя Нарышкина, при которомъ и его Нарышкина, да Спасскаго Ефиміева монастыря, что въ Суздалѣ, монаха Воронова и Никиту Квашнина-Самарина, да фискала Ивана Вѣтлицкаго отослать въ канцелярію Сената, и по тому дѣлу что въ Сенатѣ приговорятъ, такъ тамъ и учинить. У подлиннаго приписано тако: Петръ Толстой. Отъ гвардіи маіоръ Ушаковъ. Григорій Скорняковъ-Писаревъ. (**80**, 98).

3) 1721 марта въ 9 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, указалъ: по именному своему величествія указу подлинное дѣло по доношенію подъячего Курзанцова на подъячего же Шагарова въ непристойныхъ словахъ про Его Величество и про благовѣрную государыню, царицу и великую княгиню Екатерину Алексѣевну, и при томъ дѣлѣ его Курзанцова и доношенію его, запечатавъ, отослать въ Сенатъ, и имъ Курзанцовымъ розыскивать, и по тому дѣлу указъ учинить, чего надлежитъ; а подъячего же Семена Калугина, по тому же съ Курзанцовымъ дѣлу, что онъ нѣкоторое важное доношеніе велѣлъ списывать и держалъ у себя въ домѣ многое время, а о томъ не доносилъ, и за то его Калугина бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри сослать на каторгу въ вѣчную работу. У подлиннаго приписано тако: Петръ Толстой. Отъ гвардіи маіоръ Ушаковъ. Григорій Скорняковъ-Писаревъ. (**79**, 97).

4) 1723 апрѣля въ 9 день всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ Великій императоръ и самодержецъ всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая, указалъ: по именному своему величествія указу, по дѣламъ имѣющимся въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ о нижеписанныхъ людехъ учинить слѣдующее: троицкаго собору, что въ Санктпетербургѣ дьякона Степана Ѳедосѣева за непристойныя слова, что онъ говорилъ, пустѣть де санктъ-петербурху, послать его дьякона въ каторжную работу на три года; иноземца Питера Вилкина, который говорилъ про Его Императорское Величество непотребныя слова, бить батоги нещадно и свободить; крестьянскаго сына Ефрема Байкова, который показалъ Свирскаго монастыря на архимандрита Кирилла о непразднованіи во дни тезоименитствъ

Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны и о другихъ притчинахъ, отослать его съ распросными рѣчьми въ Синодъ для слѣдованія и указного рѣшенія; а ежели оный архимандритъ или другой кто изъ духовныхъ персонъ явится въ вышеписанномъ виновенъ, и оныхъ, обнажа священства и монашества, въ помянутую канцелярію прислать къ розыску; сей Его Императорскаго Величества имянной указъ въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ объявилъ господинъ генералъ маэоръ Ушаковъ. Петръ Талъстой. Отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ. (**158**, 10).

5) 1723 апрѣля въ 12 день всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ Великій императоръ и самодержецъ всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая указалъ: по именному своему величествія указу по извѣту володимерскаго пѣхотнаго полка первой роты солдата Ивана Дулова, того-жъ полку третьей роты на солдата Зота Щербакова о непристойныхъ словахъ, а Щербаковъ въ томъ винился, и за тотъ извѣтъ Дулова написать изъ солдатъ въ капралы; ему-жъ выдать Его Императорскаго Величества жалованья денегъ десять рублевъ изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ; а Щербакову за непристойныя слова учинить наказанье, вмѣсто кнута бить батоги при свидѣтелехъ: которые отъ него тѣ слова слышали и послать его на каторгу на годъ; сей Его Императорскаго Величества именной указъ въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ объявилъ господинъ генералъ маэоръ Ушаковъ. Петръ Талъстой. Отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ. (**160**, 28).

II. Изъ переписки министровъ съ А. В. Макаровымъ.

1) Государь мой милостивый! Понеже Его Величество для слушанія розыскныхъ дѣлъ канцеляріи вашей изволилъ опредѣлить одинъ день въ недѣле, а имянно понедѣльникъ, и для того изволите о томъ быть извѣстны: и чтобы, какъ сами, Ваше Превосходительство, такъ и протчіе Ваши товарыщи въ понедѣльники ранѣе въ городъ изволили пріѣзжать, а имянно четыре часа пополуночи; и понеже сей недѣли понедѣльникъ миновался, того для Его Царское Величество изволитъ къ Вамъ быть для слушанія дѣлъ завтра [то есть въ четвертокъ], для

чего изволите такожъ поранѣе быть. А у протчія недѣли изволитъ быть подлинно по понедѣльникамъ, что донесши, и остаюсь вашъ моего милостиваго государя покорный слуга Алексѣй Макаровъ день въ 25 ноября 1718. [**6** (часть I)].

2) Благородный господинъ бригадиръ и отъ гвардіи маэоръ! Писалъ къ Его Царскому Величеству изъ Нижняго вице-губернаторъ Юрья Ржевской, что послано Казанскаго гарнизона съ сержантомъ Никифоромъ Кудрявцевымъ для опредѣленія въ вѣчную каторжную работу колодниковъ тринадцать человѣкъ; и противъ того для опредѣленія въ каторжную работу отосланы тѣ колодники въ канцелярію полиціймейстерскихъ дѣлъ, а въ вѣденіи изъ той канцеляріи написано, что у помянутаго сержанта явилось на лицо и принято только восемь человѣкъ, а пяти человѣкъ отъ того сержанта въ пріемѣ не явилось, который показалъ допросомъ своимъ, что тѣ колодники будто въ бытность ихъ въ Москвѣ и съ караульными солдаты сбѣжали безвѣстно; и тотъ его допросъ прилагается при семъ подлинной. И Его Царское Величество указалъ вамъ о томъ освидѣтельствовать, чего для оной сержантъ и достальные присланные съ нимъ солдаты посылаются къ вамъ. Слуга вашъ Алексѣй Макаровъ въ 9. генваря 1720 г. Изъ Петербурга. (**66**, 1—2).

3) Государь мой Алексѣй Васильевичъ! Присланные отъ вашей милости Казанскаго гварнизона сержантъ Никифоръ Кудрявцевъ и солдаты Михайло Ѳадѣевъ, Сидоръ Малежинъ, Пахомъ Серебряковъ, Филиппъ Дружининъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ отпуску роскольниковъ пяти человѣкъ разспрашиваны, и виннымъ солдатомъ, который тѣхъ колодниковъ въ бытность въ Москвѣ отпустилъ въ Андроньевъ монастырь для взятья книгъ безъ вѣдома того сержанта, розыскивано; а съ розыску онъ не винился, а говорилъ, что онъ то учинилъ одинъ въ небытность того сержанта, какъ онъ ходилъ для взятья подводъ, и безъ вѣдома его сержантскаго, собою, простотою своею, а не для скупу; а какое имъ рѣшеніе учинить, о томъ доложа его царскаго Величества, изволь меня увѣдомить.

Таково письмо за приписаніемъ брегадира и лейбъ гвардіи маэора Андрея Ивановича Ушакова генваря 19-го дня 1720 года (**66**, 9).

III. Изъ переписки министровъ Тайной Канцеляріи.

1) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Просилъ меня докучно подъячій Тихонъ Гуляевъ, чтобъ его отпустить въ Казань для взятья жены своея іюля съ первыхъ чиселъ, а обѣщевается онъ сюды возвратиться въ ноябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 721-го году, въ чемъ и подпишется того ради самъ. Государю моему доношу: поволишь-ли его, Гуляева для взятья помянутыхъ его домашнихъ отпустить, понеже въ небытность нашу правленія дѣлъ никакихъ здѣсь имѣться не будетъ.

Таково письмо за подписаніемъ... Андрея Ивановича Ушакова послано мая 5-го дня 1721 году (**111**, 1).

2) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Въ бытность здѣсь кабинетъ-секретарь господинъ Макаровъ при письмѣ прислалъ къ намъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ раскольщиковъ 10 человѣкъ, которые привезены сюда изъ Нижняго отъ вице-губернатора Ржевскаго для отсылки на каторгу, у которыхъ и ноздри вырваны; а жили тѣ раскольщики потаенно въ подложномъ расколѣ и не записаны, и отъ окладу укрывались; изъ нихъ же явились два человѣка бывшіе въ солдатствѣ, и чтобы ихъ у насъ въ канцеляріи разспросить въ дополнку и, что по розыску покажется, о томъ-бы доложить его царскаго величества или отписать въ походъ, а о прочихъ, которымъ надлежитъ быть въ каторжной работѣ, учинить по первымъ примѣрамъ, и послать ихъ въ Ревель, или куды заспособнѣе, и держать, разсажая въ разныхъ казармахъ, а не вмѣстѣ; и потому его господина Макарова письму Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и я по распросамъ ихъ опредѣлили: и вышепомянутыхъ восьми человѣкъ, которые не были въ солдатствѣ, семь человѣкъ, кои отъ расколу не обратились, посланы въ Ревель въ вѣчную галерную работу, и держать ихъ тамо въ разныхъ казармахъ и за крѣпкимъ карауломъ, а не вмѣстѣ: а о достальныхъ двухъ человѣкахъ, кои были въ службѣ: старецъ Макарій обратился, а Никита Киселевъ не обращается, да третій человѣкъ Климъ Матвѣевъ, а въ службѣ не былъ, обратился и со оными обратившими и съ третьимъ, который не обратился, а въ службѣ былъ, что чинить, о томъ-бы онъ, господинъ Макаровъ, доложилъ Его Царскаго Величества; а прежніе у насъ примѣры о обратившихся, какъ вашему превосхо-

дительству извѣстно, отсыланы въ невскій и соловецкій монастыри для исправленія, а изъ ихъ раскольническихъ распросовъ для извѣстія послалъ я при письмѣ къ Алексѣю Васильевичу экстрактъ таковъ-же, каковъ при семъ сообщаю для извѣстія вашему превосходительству; а съ другими пятнадцатью человѣки, которые присланы изъ Москвы отъ дьяка Палехина, въ томъ числѣ и князь Ефимомъ Мещерскимъ, опредѣлили розыскивать, и что покажется, доносить буду.

Таково письмо за подписаніемъ..... Андрея Ивановича Ушакова съ отпускомъ читалъ Петръ Витилевъ; послано мая 5 дня 1721 году. (**111**, 2).

3) Государь мой Андрей Ивановичъ! Письма вашей милости, отпущенныя изъ Санктъ-Петербурга, первое отъ 30 апрѣля, въ которомъ изволите писать о прошеніи подъячаго Тихона Гуляева объ отпускѣ для домашнихъ его нуждъ въ Казань, на что вамъ отвѣтствую: изволите для докучной его просьбы по желанію его отпустить; прочія-же два письма отъ 5 мая, въ которыхъ изволите писать о архимандритѣ и о раскольникахъ, и по онымъ я его царскому величеству не доносилъ, а когда донесу и какая резолюція будетъ, о томъ не оставлю васъ безъ извѣстія. Слуга вашей милости Петръ Толстой, изъ Риги мая 11 дня 1721 году. (**111**, 3).

4) Государь мой Андрей Ивановичъ! Указалъ царское величество справиться съ помѣстною канцеляріею, что есть за Михайломъ Чириковымъ деревень, въ которыхъ уѣздахъ, и сколько въ которой крестьянскихъ дворовъ, и четвертныя пашни, и прочаго; и тою роспись прислать сюда немедленно, о чемъ изволишь учинить по сему его величества указу; однакожъ до времени сего не изволь публиковать, но содержать при себѣ. Въ прочихъ дѣлахъ, въ тайной розыскной канцеляріи что чинятся, прошу меня увѣдомить токмо о нужнѣйшихъ дѣлахъ, какже и въ сенатѣ что учинено по дѣламъ Алексѣя Нарышкина и подъячаго Курзанцова, прошу меня увѣдомить-же. Вашего благородія покорный слуга Петръ Толстой. Изъ Риги мая 6 дня 1721 году. (**111**, 4).

5) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Вашего превосходительства, государя моего, нынѣ о дѣлахъ по тайной

канцеляріи не утруждаю, понеже Иванъ Ивановичъ обстоятельно къ вашему превосходительству на сей-же почтѣ писалъ; всепокорно прошу не оставить въ своей милости. За подписаніемъ.... Андрея Ивановича Ушакова мая 29 дня 721 году. (**111**, 15).

6) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! По отправленіи послѣднихъ господина бригадира и гвардіи маэора Ушакова и моихъ писемъ, что вновь въ тайной канцеляріи учинено, того при семъ для извѣстія вашему превосходительству, государю моему прилагаю экстрактъ, по которому, о чемъ надлежитъ, по своему благоразумному разсужденію хотя и его царскаго величества доложить, и какой будетъ указъ и о прочемъ, что чинить, прошу покорно вашего превосходительства ко мнѣ отписать; по тому будемъ исполнять, ежели не вскорѣ съ Котлина острова въ путь поѣдемъ. За подписаніемъ... Ивана Ивановича Бутурлина мая 29 дня 1721 году (**111**, 16).

7) Да мая же въ 29 день въ письмѣ къ его превосходительству дѣйствительному тайному совѣтнику кавалеру и отъ лейбъ-гвардіи капитану Петру Андреевичу Толстому, за подписаніемъ генерала-лейтенанта и лейбъ-гвардіи подполковника Ивана Ивановича Бутурлина писано, при которомъ посланъ по тайной канцеляріи о дѣлахъ экстрактъ, а въ немъ между прочимъ написано:

Бывшій подъячій Иванъ Курзанцовъ по присылкѣ изъ Сената еще не казненъ того ради, что ко исповѣди по многому увѣщанію отца духовнаго не пошелъ, а говорилъ ему и потомъ въ тайной канцеляріи, чтобы ему Курзанцову объявить имянной Царскаго Величества указъ за подписаніемъ собственныя Его Величества руки, по которому велѣно ему учинить смертную казнь; и при томъ-же сказалъ, чтобы ему дать бумаги и чернилъ, имѣетъ-де онъ къ доказанію нѣчто новое; и по многому размышленію принуждены дать бумагу и чернила, и онъ писалъ, а что, при семъ съ онаго копія; токмо повидимому то, что писалъ, не касается къ тайной канцеляріи, и по всѣмъ его показаннымъ причинамъ слѣдъ есть въ другихъ мѣстахъ; а наше мнѣніе, чтобы то Курзанцова доношеніе за объявленіемъ ему смертные казни весьма надлежитъ отставить и въ дѣло не производить, ибо онъ тутъ больше писалъ изъ злости на князя Голицына и Шагарова, а о прочихъ прежде не доносилъ; и по тому доношенію, что чинить? (**64**, 116).

8) Государь мой Иванъ Ивановичъ! Вашего превосходительства высокосклонное писаніе прошедшаго мая отъ 29-го числа и съ приложенными получилъ я здѣсь въ Ревелѣ исправно, за что вамъ моему, милостивому государю, благодарствую, и на оное симъ отвѣтствую; въ началѣ о Курзанцовѣ, мнится мнѣ, что трудить докладомъ Царскаго Величества не для чего, понеже онъ, отбывая смертной казни, можетъ и часто такія бездѣльныя доношенія подавать, продолжая жизнь свою, и какъ вы изволили свое мнѣніе объявить, чтобы то его доношеніе отставить, тому вашему мнѣнію и я согласуюсь; также и о раскольникахъ вашему мнѣнію согласуюся-же, чтобъ ихъ совсѣмъ отослать въ духовный синодъ а о Мещерскомъ съ товарищи, которыхъ отослать въ духовный синодъ заблагоразсудить не изволите, то, мнѣ мнится, чтобы оныя дѣла слѣдовать розыскомъ, дабы къ приходу царскаго величества въ Санктъ-Петербургъ къ рѣшенію были готовы; впрочемъ съ достойнымъ респектомъ пребываю слуга вашъ Петръ Толстой. Изъ Ревеля іюня 5 дня 1721 года. (**64**, 117).

9) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Вашего превосходительства государя моего письма, отправленныя изъ Ревеля отъ 31 іюля и отъ 5 дня сего мѣсяца, получилъ и за оныя всенижайше благодарствую, на которое доношу: Курзанцову по мнѣнію вашего превосходительства и нашему экзекуцію будемъ чинить; правда, государь мой, благоразумно изволили вы въ своемъ письмѣ объявить, что онъ, продолжая свою жизнь, требовалъ писать и сказывать якобы о новыхъ дѣлахъ принужденъ, ибо между тѣмъ время-бъ продолжить, а заслуженнаго неизбѣгнетъ-же, токмо мнѣ о томъ вашему превосходительству не донести было нельзя; раскольники два человѣка (присланные изъ Нижняго) обратившіеся въ Синодъ отосланы.

Мещерскимъ съ товарищи вторично розыскивать будемъ, чего ради я отсюда принужденъ ѣхать въ Санктъ-Петербургъ; къ сему-жъ доношу: по Новгородскому важному, извѣстному

вашему превосходительству дѣлу, баба вдова Акулина Григорьева дочь сыскана въ Нижнемъ и привезена къ намъ въ канцелярію, и оную распрашивать будемъ, а по тому дѣлу розыскиваны распопа да старуха, взятыя изъ Новагорода; а за увѣдомленіемъ изъ перваго письма при торжествѣ свѣтлаго дня, то есть рожденія его царскаго величества нашего всемилостивѣйшаго государя о напоминаніи насъ по своей милости всепокорно благодарствую, паки благодарю и за извѣстіе прибытіемъ васъ къ намъ.—За подписаніемъ генерала-лейтенанта и лейбъ-гвардіи подполковника Ивана Ивановича Бутурлина. Съ Котлина острова іюня 13 дня 721 году. (**111**, 29).

10) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! Вашего превосходительства государя моего милостиваго письмо отъ 5 дня получилъ, за которое всепокорно благодарствую, а особливо радуюся и желаю благополучнаго къ намъ прибытія вашего превосходительства; а письмо къ его превосходительству генералу-лейтенанту Ивану Ивановичу Бутурлину я видѣлъ, и изъ онаго усмотря ваше государя моего о дѣлахъ канцелярскихъ мнѣніе, тою матерію, какъ въ письмѣ Ивана Ивановича предъявлено, исполнять будемъ, и больше сего о другомъ ваше превосходительство государя моего трудить не могу, понеже отъ Ивана Ивановича писано. Вашего превосходительства рабъ Ушаковъ Андрей. Котлинъ островъ іюня 13 дня 1721 году. (**111**, 36).

11) Государь мой милостивый Петръ Андреевичъ! О состояніи здѣшнемъ доношу: за помощію Вышняго все благополучно. Изъ Москвы отправилъ я двухъ курьеровъ до вашего превосходительства съ выписками по Левину дѣлу, и оные до вашего превосходительства прибыли-ль, я о томъ не извѣстенъ и зѣло сомнѣваюсь, живы-ль они, о чемъ я вашему превосходительству предлагалъ въ 1 числѣ сего мѣсяца. Въ канцеляріи здѣсь вновь важныхъ дѣлъ нѣтъ, а имѣются посредственныя, по которымъ такожъ, яко и прежде я доносилъ, что кнутомъ плутовъ посѣкаемъ, да на волю отпускаемъ. Только мнѣ зѣло мудрено Новогородское дѣло, ибо Акулина многовременно весьма больна, что подъ себя испражняется, а дѣло дошло, что надлежало было ее еще розыскивать; а для пользованія часто бываетъ у

нея докторъ, а лекарь—безпрестанно. Колодниковъ имѣется по дѣламъ нынѣ симъ 22 ч. За подписаніемъ генералъ-маэора и лейбъ-гвардіи маэора Андрея Ивановича Ушакова ноября 26 д. 722 году. (**103**, 165).

12) Государь мой Андрей Ивановичъ! Письмо ваше государя моего отпущенное изъ Санктпетербурга 11 и при томъ выписку о дѣлѣ, которое въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ было въ прошломъ 719 году, по доношенію Переславля-Залѣскаго подъячаго Ивана Борисова, которое подалъ дьякъ Большой о фискалѣ Санинѣ и о кіевскихъ подъячихъ, получилъ я 16 дня сего декабря исправно, на которое доношу: въ означенной выпискѣ ей объявлено, что о слѣдованіи по рѣшенію тѣхъ дѣлъ, о которыхъ помянутый Борисовъ показалъ, посланы въ сенатъ доношенія, а въ юстицъ-коллегію и въ канцелярію генерала-маэора князя Юсупова указы. А что по оному доношенію и по указамъ учинено, того въ оной выпискѣ не показано, и того ради доношу: ежели по означеннымъ первымъ по доношенію рѣшенія, а по указамъ отвѣтствованія, не получено, изволь, государь мой, приказать вторичные отправить, понеже первымъ въ продолженіе пришло уже время довольное. При семъ-же доношу, что по прежнимъ вашимъ ко мнѣ письмамъ и при оныхъ по предложеннымъ въ Сенатъ доношеніямъ изъ Володиміра-рожествена монастыря о архимандритѣ Гедеонѣ да о подъячемъ Поповѣ я предлагалъ, и они по онымъ доношеніямъ безъ императорскаго величества рѣшенія не учинили, и того ради, когда его величество въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ изволитъ быть, то по онымъ доношеніямъ его величеству я доложу, чего ради тѣ также и о Чубаровѣ доношенія внесены у меня въ реестрѣ, который о нужныхъ дѣлахъ. За рукою генерала-маэора Григорія Григорьевича Скорнякова-Писарева декабря 18-го дня году 722. (**139**, 11).

13) Мой государь Андрей Ивановичъ! Вашего благородія писаніе отъ 19-го сего мѣсяца я здѣсь исправно и съ приложенными при ономъ получилъ, на которое нынѣ за неимѣніемъ времени при походѣ его императорскаго величества отсюда къ Кроншлосу съ большими кораблями не могъ къ вамъ отвѣтствовать, а мы здѣсь на нѣкоторое время остаемся, и

для того, о чемъ надлежитъ, на будущей почтѣ о всемъ къ вашему благородію писать буду, и пребываю вашего благородія покорной слуга Петръ Толстой. Съ ревельской реды іюля 23-го дня 1723 года. (**29**, 6).

14) Государь мой Андрей Ивановичъ! Письмо ваше, моего государя, отъ 20 сего генваря получилъ я вчерашняго числа въ цѣлости, за которое и за увѣдомленіе по ономъ благодарствую и симъ моимъ отвѣтствую. Сомнѣніемъ вашимъ, государь мой, по новгородскому дѣлу я весьма согласуюсь, и что раскопа Игнатій при смерти скажетъ, на томъ можно утвердиться и по тому его послѣднему допросу и бабамъ указъ учинить, чего будутъ достойны, и тѣмъ оное дѣло окончить; паки вамъ, мой государь, съ великою моею радостію благодарствую, что изволилъ меня цидулкою увѣдомить о указѣ императорскаго величества, что въ тайную канцелярію вновь дѣлъ и колодниковъ принимать не велѣно, и прежнія важныя дѣла рѣшить, а оставшія и съ подъячими отослать въ сенатъ. Того ради васъ, моего государя, прилежно прошу оный его величества указъ немедленно исполнить, а важныхъ дѣлъ въ Тайной Канцеляріи, сколько я могу упомнить, видится нынѣ только что помянутое новгородское дѣло, да другое Санина, о которомъ, чаю, надлежитъ доложить императорскаго величества, понеже изволилъ его величество мнѣ повелѣть, чтобъ Санина казнить умедлить для того, что его величество изволилъ имѣть тогда намѣреніе самъ его Санина видѣть, о чемъ я, мой государь, тогда-жъ вашей милости сказывалъ; а кромѣ сихъ, оныхъ важныхъ дѣлъ въ тайной канцеляріи я не помню, и все сіе полагаю на мудрое ваше, государь, разсужденіе; токмо прошу, чтобъ изволили вы потрудиться и немедленно сіе совершить, и которыя важныя дѣла рѣшатся и останутся у насъ, то, мнится мнѣ, надлежитъ положить въ архивъ къ прежнимъ тайной канцеляріи важнымъ дѣламъ; а прочія съ подлинною описью отослать въ сенатъ, о чемъ можно уповать на искусство господина Топилскаго, что по приказу вашему все исправитъ добрымъ порядкомъ; и что изволишь о семъ учинить, прошу, государь мой, меня о томъ увѣдомить; впрочемъ всегда пребываю вашего благородія покорный слуга Петръ Толстой. Изъ Москвы генваря 27 дня 1724. (**103**, 267—268).

15) Государь мой Андрей Ивановичъ! Ваши, моего государя, два письма отъ 4-го сего февраля получилъ я здѣсь сегодня и съ приложеніями исправно, за которыя при должномъ моемъ благодареніи симъ отвѣтствую. Объ отсылкѣ дѣлъ въ сенатъ я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скорѣйше отъ той тягости свободить меня и себя; что-же, государь мой, о Богданѣ Писаревѣ, зѣло-бы нарядно было, есть-ли-бы и то дѣло съ прочими въ сенатъ отослать; а ежели за безчастіе наше скоро канцелярія наша съ насъ не сымется, то, мнится мнѣ, небезопасно намъ будетъ онаго не слѣдовать; однакожъ все сіе вручаю въ мудрое ваше разсужденіе.

Прошу васъ, государь мой, приложенное къ сему приказать, не удержавъ, отдать Федору Матвѣевичу, а ежели, государь мой, его сіятельство изъ Петербурга отъѣхалъ, то прошу оное паки ко мнѣ при своихъ письмахъ прислать. Съ почтеніемъ пребываю вашъ моего государя покорный и вѣрный слуга Петръ Толстой. Изъ Москвы февраля 11-го дня 1724-го года. (**8**, карт. 19).

16) Государь мой Андрей Ивановичъ! Въ сихъ дняхъ получилъ я вашихъ, моего государя, три письма и съ приложеніемъ, а именно: первое и второе отъ 3-го, а третье отъ 4-го сего марта, за которыя вамъ, моему государю, благодарствую и на оныя симъ отвѣтствую; на первое: о капитанѣ Саловѣ доношеніе въ сенатъ подалъ, и велѣно учинить о томъ выписку; на второе, что Ваше Превосходительство присланнаго отъ меня малороссіянина Валкѣевича изволилъ отдать въ вышній судъ, за то благодарствую; что-же о принятіи въ сенатъ невершеныхъ дѣлъ по тайной канцеляріи и колодниковъ, доношеніе отъ васъ подано; и ничего по тому доношенію не учинено: и чтобъ мнѣ справиться, записанъ-ли именной указъ, о томъ я справлялся; и хотя указъ именной записанъ, но не ясно: токмо, чтобъ при сенатѣ учинить для тайныхъ розыскныхъ дѣлъ контору, а имянно о нашей тайной канцеляріи, ниже о колодникахъ, не упомянуто; однакожъ я о томъ сенаторомъ прилежно говорилъ, чтобы тое канцелярію съ нашихъ рукъ сняли, и обѣщаютъ то учинить; а нынѣ буду домогаться, чтобы дѣла по тайной канцеляріи, которыя имѣются въ Москвѣ, велѣли-бы принять въ сенатъ, и тѣмъ-бы уже начало пріему учинили; о колодникахъ, которые въ Москвѣ и

въ Санктъ-Петербургѣ, также объ Орловѣ и Поповѣ, буду стараться, чтобы ихъ съ нашихъ рукъ сняли. На третье ваше, государь мой, письмо доношу; о парчѣ съ золотомъ и съ серебромъ не изволь сомнѣваться; могу я въ томъ вашему превосходительству услужить, токмо не знаю: къ вамъ-ли оную послать въ Петербургъ, или васъ ожидать въ Москву, о чемъ прошу меня увѣдомить немедленно; впрочемъ я всегда съ достойнымъ респектомъ остаюсь Вашего Превосходительства покорный слуга Петръ Толстой. Изъ Москвы марта 12-го дня 1724 г. (**8**, часть 5).

IV. Изъ переписки министровъ Тайной Канцеляріи съ секретарями.

1) Государь нашъ Иванъ Ивановичъ! По письмамъ отъ его благородія господина генералъ-мазора и отъ лейбъ-гвардіи маіора Андрея Ивановича Ушакова повелѣно намъ сыскать по великому царственному дѣлу вдову Пелагею Ефремову дочь, которая прежъ сего бывала комнаты блаженныя памяти Государыни Царевны Наталіи Алексѣевны за дворовымъ человѣкомъ, за Василіемъ Арчаковскимъ; да пѣвчаго Ивана Сахаревскаго, да братей его родныхъ Петра да Андріана, да мать ихъ Авдотью Алексѣеву дочь; и изъ оныхъ сысканы здѣсь: вдова Арчаковская, Петръ Сахаровскій, да мать его Авдотья Алексѣева дочь, также и достальные сыскиваются; а какое касается до оныхъ дѣло, о томъ у насъ никакого знатія не имѣется, о чемъ мы его благородію господину генералу мазору доносили, и его благородіе изволилъ приказать намъ къ вашей милости отписать, чтобъ вы о вышеписанныхъ людяхъ, что какое до нихъ касается дѣло, справясь подлинно, прислали къ намъ извѣстіе; того ради изволь то извѣстіе прислать къ намъ не умедля, понеже зѣло требуетъ въ томъ нужда, ибо изъ оныхъ нѣкоторые больны; и оное извѣстіе изволь запечатать въ пакетъ и подписать къ поданію на имя его благородія мазора. Ваши Государя нашего рабы Василій Казариновъ, Козьма Филипповъ. Декабря 14 дня 1721. Москва. (**103**, 62).

2) Превосходительный господинъ генералъ маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ, государь мой милостивый! Въ письмѣ В. П. отъ 23, которое получилъ я 31 дня прошедшаго октября мѣсяца, написано, что Ваше Превосходительство изволилъ получить письмо мое, въ которомъ писано о посланныхъ изъ Москвы отъ гвардіи съ фендрикомъ Остаѳьевымъ за колодниками по Левину дѣлу; съ Пензы подканцеляристъ и гвардіи солдаты въ Москву прибыли; и по тому-жъ дѣлу капитана Александра Салова о глухотѣ былъ сыскъ; а кто что сказалъ, о томъ въ томъ письмѣ показано; и изъ того сыску учиненную выписку правительствующему сенату предлагать-ли, о томъ требовалъ я повелѣнія, а о экзекуціи на Пензѣ, что противъ инструкціи, та экзекуція съ надлежащимъ-ли пріуготовленіемъ учинена, такожъ о посланныхъ отъ Вашего Превосходительства курьерахъ до его Императорскаго Величества со извѣстіемъ изъ помянутаго о Левинѣ дѣла, гдѣ оные нынѣ обрѣтаются, о томъ я къ Вашему Превосходительству не отвѣтствовалъ, и чтобъ по полученіи о вышеписанномъ о всемъ мнѣ репортовать въ скорости, понеже Ваше Превосходительство о томъ не свѣдомъ, а о глухотѣ Салова учиненную выписку предложить Григорію Григорьевичу и о поданіи ея правительствующему сенату требовать мнѣ резолюціи отъ него; и на оное Ваше Превосходительство милостивому государю моему доношу что означенный фендрикъ Остафьевъ въ тайной канцеляріи доношеніемъ объявилъ, что ту экзекуцію на Пензѣ учинилъ онъ по данной ему инструкціи съ надлежащимъ пріуготовленіемъ все исправно, и при той экзекуціи тѣ винные за собою никто изъ нихъ слова и дѣла не показали; и по учиненіи той экзекуціи у того столба поставленъ караулъ отъ тамошнихъ Пензенскихъ командировъ, и сказанъ имъ указъ съ приложеніемъ ихъ рукъ, чтобы тому караулу, какъ днемъ, такъ и ночью быть безотлучно; а о посланныхъ отъ Вашего Превосходительства курьерахъ доношу, что, гдѣ оные нынѣ обрѣтаются, о томъ въ тайную канцелярію извѣстія никакого еще не прислано; точію, государь, которые уже послѣ посылаемые изъ сената курьеры въ Москву, возвращаются и сказываютъ, что тѣ курьеры обрѣтаются нынѣ въ Астрахани. А о глухотѣ Салова учиненную выписку Григорію Григорьевичу предложу и о поданіи ея правительствующему сенату резолюціи отъ него требовать буду, и что учиниться, о томъ до Вашего Превосходительства репортовать буду впредь немедля; а требованіе мое въ томъ письмѣ къ Вашему Превосходительству о немъ

Саловѣ было для того, что Григорія Григорьевича въ то время въ Москвѣ не было. Вашего Превосходительства Премилостиваго моего Государя всепокорный рабъ Василій Казариновъ. Ноября 2 дня 1722 г. Москва. (**8**, карт. 19).

3) Господинъ секретарь Казариновъ! Видимъ мы изъ писемъ вашихъ, что вы нѣкоторыхъ колодниковъ по тайной канцеляріи сюда и съ дѣлами отправляете, а повелѣнія о томъ письменнаго и словеснаго вамъ отъ Петра Андреевича и отъ меня не было, и оное вы, не отписався съ нами, не хорошо учинили, точію убытокъ деньгамъ и турбацію людемъ сдѣлали, а можно бы рѣшеніе чрезъ ордеры наши и въ Москвѣ учинить; и по полученіи сего ордера ежели оные не отправлены, которыхъ посылать не надлежитъ, удержи посылкою, а буде и посланы, да недавно, возврати и, что сдѣлаешь, репортуй. Отъ тебя получены выписки о Королкѣ, о Вешняковыхъ, о рудометкѣ Тавровой, на которые указъ присланъ будетъ впредь. Слуга вашъ Ушаковъ Андрей. Санктпетербургъ май 27 д. 1723 году.

P. S. Слышалъ я, здѣсь требовано изъ рекрутной канцеляріи въ вышній судъ извѣстія о царедворцѣ Ильѣ Мещериковѣ въ неуказныхъ сборѣхъ, будучи въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, которую вскорѣ надлежитъ учинить и туда послать, а ко мнѣ отписать (**156**, 5).

4) Превосходительный господинъ, господинъ генералъ-маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ, премилостивый государь мой! Письмо Вашего Превосходительства отпущенное изъ Санктпетербурга минувшаго мая отъ 27 получилъ я 3 дня сего мѣсяца, въ которомъ изволите объявлять: понеже де изъ писемъ моихъ ваше превосходительство изволили усмотрѣть, что я нѣкоторыхъ колодниковъ по тайной канцеляріи съ дѣлами отправляю въ Санктпетербургъ, а повелѣнія де о томъ письменнаго и словеснаго отъ его превосходительства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Петра Андреевича Толстого, также и отъ вашего превосходительства мнѣ не было и оное, не описався съ вашимъ превосходительствомъ, учинилъ я дерзновенно точію де убытокъ деньгамъ и турбацію людемъ сдѣлалъ, а можно бы рѣшеніе черезъ ордеръ вашего превосходительства и въ Москвѣ учинить: и по полученіи бъ онаго ордера, ежели колодники не отправлены, которыхъ посылать не надлежитъ,

чтобъ удержать посылкою, а буде и посланы да недавно, то обвратить и, что учиню, о томъ-бы репортовать; да во ономъ-же вашего превосходительства письмѣ написано о получности посланныхъ отъ меня выписокъ о Королькѣ, о Вешняковыхъ, о рудометкѣ, на которые де указъ присланъ будетъ впредь. И на оное вашему превосходительству премилостивому государю моему всепокорно доношу: колодниковъ началъ было я отправлять въ Санктпетербургъ съ позволенія Его Превосходительства Петра Андреевича, понеже, государь, какъ его превосходительство изволилъ здѣсь въ тайной канцеляріи слушать выписокъ, то изволилъ приказывать мнѣ словесно, чтобъ по дѣлу старца Варлама Левина брата его поручика Герасима Левина, также Шереметьевыхъ крестьянъ прислать для рѣшенія въ Санктпетербургъ; однако же оные еще не отправлены за недачею изъ военной коллегіи солдатъ; а нынѣ, государь, по вышеозначенному отъ вашего превосходительства ордеру тѣхъ колодниковъ въ Санктпетербургъ посылать не буду, а выписки объ оныхъ прилагаю при семъ..... За рукою секретаря Василья Казаринова іюня 4 дня 1723 году. (**156**, 7).

5) Превосходительный господинъ генералъ-маэоръ и лейбъ-гвардіи маэоръ, премилостивый государь мой! На прошедшей почтѣ доносилъ я Вашему Превосходительству, что минувшаго мая 31 дня, по призыву въ Преображенскомъ Приказѣ подполковникъ господинъ Козловъ объявилъ мнѣ именной Его Императорскаго Величества указъ (съ котораго при письмѣ Его Сіятельства князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго прислана въ тотъ приказъ копія), что повелѣно мнѣ быть во ономъ приказѣ у Его Императорскаго Величества важныхъ дѣлъ секретаремъ; и въ слышаніи того указа я подписался; а отъ Вашего Превосходительства объ увольненіи отъ дѣлъ по тайной и по рекрутной канцеляріямъ ордера не имѣется; и того ради по онымъ канцеляріямъ дѣла съ протчими секретарями отправляю и понынѣ, въ чемъ, государь, имѣю немалое сомнѣніе и требую отъ Вашего Превосходительства повелительнаго ордера. Вашего превосходительства премилостиваго моего отца и государя всепокорный и вѣрный рабъ Василей Казариновъ. Іюня 11 день 1723. Москва. (**164**, 1).

V. Отдѣльные документы.

Къ 66 стр.

1) 1720 г. января въ 10 день великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ по именному своему великаго государя указу розыскныя дѣла, по которымъ слѣдовано въ Астрахани лейбъ-гвардіи у капитана Богдана Скорнякова-Писарева принять и по тѣмъ дѣламъ рѣшеніе чинить въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Сей Его Царскаго Величества именной указъ приказалъ записать генералъ-лейтенантъ и отъ лейбъ-гвардіи подполковникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. У подлиннаго приписано тако: Иванъ Бутурлинъ. (**59**, 73).

Къ 112—113 стр.

2) О Тихвинскомъ архимандритѣ съ служители. 1718 г. декабря въ 9 день извѣстно царскому величеству учинилось, что тихвинскій архимандритъ привезъ съ собою въ Санктъ-Петербургъ образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинской и прославилъ отъ онаго новыя чудотворенія; и для того многіе приходили къ нему архимандриту для молебствованія, которымъ онъ архимандритъ предъ тѣмъ образомъ Пресвятыя Богоматери и пѣвалъ молебны тайно, по ночамъ, чего для его величество для подлиннаго о томъ вѣдѣнія посылалъ къ оному гардемарина Каблукова, который, пришедъ къ нему архимандриту, просилъ его, чтобы онъ архимандритъ предъ помянутымъ образомъ Пресвятыя Богородицы отпѣлъ ему молебенъ тайно-жъ, и онъ архимандритъ по прошенію его тайно въ ночи молебенъ и служилъ, и потомъ его царское величество изволилъ ко оному ѣздить самъ, и вышеписанный образъ Пресвятыя Богородицы на квартирѣ его взялъ, и онаго архимандрита, и при немъ служителей указалъ забрать, которые забраны и присланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ; и указалъ его царское величество о вышеписанныхъ чудотвореніяхъ, для чего оныя разглашалъ и пѣвалъ молебны тайно по ночамъ, а не явно, изслѣдовать и розыскать въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Декабря въ 8 день гардемаринъ Данила Лукинъ, сынъ Каблуковъ сказалъ: сего же де декабря въ 7 день посылалъ его царское величество къ Тихвинскому архимандриту, чтобъ

онъ отпѣлъ молебенъ предъ образомъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія тайно; и онъ къ нему ходилъ и просилъ, на что де оный архимандритъ сказалъ, что въ то число было ему не время, а пришелъ бы въ другой день; и онъ Каблуковъ ему сказалъ, что онъ придетъ на другой день между заутренею и обѣднею; и на другой день въ помянутое время пришелъ къ нему, а онъ де архимандритъ и началъ пѣть молебенъ; и въ то число царское величество изволилъ придти, и образъ Пресвятыя Богородицы взять съ собою и того архимандрита за караулъ. Гардемаринъ Данило Каблуковъ. (**21**, 136—137).

Къ 188—189 стр.

3) О Иванѣ Курзанцовѣ съ товарищи. 1721 г. апрѣля 24-го дня по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца тайному дѣйствительному совѣтнику кавалеру и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану и комерцъ-коллегіи президенту Петру Андреевичу Толстому, да генералу-лейтенанту и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику Ивану Ивановичу Бутурлину съ товарищи, по его Великаго Государя указу и по сенатскому приговору велѣно: бывшему подъячему Ивану Курзанцову, который зловымышленнымъ своимъ коварствомъ составилъ воровски доношеніе на сѣвскаго подъячаго Василія Шагарова, будто ему Курзанцеву онъ говорилъ непристойныя слова про Его Царское Величество и про благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Екатерину Алексѣевну, а по слѣдованію того не явилось, и онъ Курзанцовъ съ розыску въ тайной канцеляріи повинился, и его Шагарова въ томъ очисталъ, и говорилъ, что онъ тѣ вышеписанныя зловымышленныя слова на него Шагарова затѣялъ изъ себя напрасно за ссору съ нимъ Шагаровымъ, по прежнему той канцеляріи приговору августа 13-го числа 720-го году казнить смертью, отсѣчь голову, для того: хотя онъ по объявленіи оной смертной казни исаакіевскому протопопу Алексѣю, который призванъ ради исповѣди его сказалъ, что де тайной канцеляріи судьи ведутъ не такъ, какъ надлежитъ, а передъ ними правительствующимъ сенатомъ о томъ распрашиванъ, что той тайной канцеляріи судьи по тому дѣлу вели не такъ, какъ надлежитъ, и онъ сказалъ: по тому дѣлу надлежало было прежде допросить свидѣ-

теля Торопова и розыскивать имъ, да и повинные де слова по тому дѣлу говорилъ онъ, не стерпя розыску, а Шагаровъ де такія непристойныя слова подлинно говорилъ, а имъ не розыскивано; и потомъ въ тѣхъ перемѣнныхъ рѣчахъ для розыску привоженъ въ застѣнокъ, и въ застѣнкѣ передъ ними-же правительствующимъ сенатомъ винился и сказалъ, что онъ говорилъ тѣ перемѣнныя рѣчи, отбывая смертныя казни; и для оной экзекуціи его, и подлинное о немъ дѣло, и присланное письмо за печатью отослать въ тайную розыскную канцелярію, а Сѣвскаго подъячаго Филипова и бѣлозерца Гвоздева, которые то воровское доношеніе набѣло переписывали, по прежнему сыскивать изъ той же розыскной канцеляріи; и по тому его Великаго Государя указу оный Курзанцовъ и подлинное о немъ дѣло съ описью, и присланное письмо за печатью генерала-фельдмаршала кавалера свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меньшикова изъ сената въ тайную розыскную канцелярію послано: при семъ Его Великаго Государя указъ и тайному дѣйствительному совѣтнику кавалеру и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитану и комерцъ-коллегіи президенту Петру Андреевичу Толстому, да генералъ-лейтенанту и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковнику Ивану Ивановичу Бутурлину съ товарищи учинить о томъ по Его Великаго Государя указу. Оберъ-секретарь Иванъ Позняковъ. (**64**).

Къ 188 стр.

4) Правительствующему Сенату изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ. Доношеніе. Въ помянутой канцеляріи имѣется важное дѣло о доносителѣ Яковѣ Орловѣ, который показывалъ, что онъ вѣдаетъ за княземъ Иваномъ Ромодановскимъ измѣну и о прочемъ; и по тому дѣлу безъ главнаго разсужденія оная канцелярія рѣшить не можетъ, и чрезъ сіе правительствующему сенату предлагаетъ и проситъ по тому дѣлу рѣшеніе; а о причинахъ, касающихся до помянутаго Орлова изъ дѣла выписка и экстрактъ при семъ сообщены, и на сіе помянутая канцелярія требуетъ указа. Октябрь 2 дня 1723 года. За подписаніемъ т. д. с. кавалера, отъ лейбъ-гвардіи капитана П. А. Толстаго (**64**, 81).

Къ 199 стр.

5) 1722 генваря 24 дня въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ Шлиссельбургскаго полку сержантъ Василій Королевъ, который стоитъ въ помянутой канцеляріи на караулѣ, сказалъ: подъ вѣдомствомъ его былъ подъ карауломъ раскольникъ и бѣглый солдатъ Никита Киселевъ, который противъ помянутаго 24 дня въ ночи умре безъ исповѣди, и исповѣдываться у священника онъ не желалъ, а сказалъ онъ, Киселевъ, что исповѣдываться у священниковъ не будетъ. И тѣло его зарыто въ землю за Малою Невою рѣкою на выборгской сторонѣ. Къ сей сказкѣ Невскаго полку ротный писарь Семенъ Токаревъ вмѣсто сержанта Василія Королева по его прошенію руку приложилъ. (**87**, 64).

Къ 212 стр.

6) 1720 г. марта въ 14 день по указу великаго государя дѣйствительный тайный совѣтникъ кавалеръ и отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, генералъ-лейтенантъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, бригадиръ и гвардіи маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, слушавъ присланнаго изъ Москвы отъ дьяковъ Тимофея Палехина съ товарищи письма, въ которомъ они объявили о наборщикѣ Богданѣ Чаплыгинѣ, о человѣкѣ вдовы Украинцевой о Гаврилѣ Богдановѣ, которые при объявленіи имъ смертные казни показали за собою самые важные царственные дѣла, приказали: Чаплыгина разспросить въ Москвѣ дьяку Тимофею Палехину; буде онъ въ чемъ станетъ упиратца и не сказывать, то его Чаплыгина въ застѣнокъ, и при пыткѣ спрашивать; ежели покажетъ на кого изъ тамошнихъ, то оныхъ сыскивать и содержать въ крѣпкомъ арестѣ, и поступать съ ними такожде, какъ въ Преображенскомъ приказѣ бывало по такимъ дѣламъ, и тѣхъ разспрашивать, и какой къ чему будетъ слѣдъ, такъ и чинить; а ежели на санктъ-петербургскихъ на кого покажетъ, то онаго Чаплыгина, оковавъ, за крѣпкимъ карауломъ прислать въ Санктъ-Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ вскорѣ; а Гаврилу Богданова по слѣдующимъ царскаго величества указамъ прислать въ Преображенскій приказъ; буде-же тамо за чѣмъ не примутъ, и надъ тѣмъ Богдановымъ чинить такожде, какъ и надъ Чаплыгинымъ, и о томъ въ Москву къ дьяку Тимофею Палехину писать; а что будетъ чинить, о томъ бы онъ Палехинъ писалъ. Петръ Толстой. Иванъ Бутурлинъ. Отъ гвардіи маіоръ Ушаковъ. (**76**, 5).

Къ 225 стр.

7) Указъ Его Величества Императора и Самодержца всероссійскаго изъ Сената Тайной Канцеляріи. Въ присланномъ вѣденіи въ Сенатъ изъ Санктъ-Петербурга изъ конторы оставшаго сенатскаго члена написано: марта де 20 дня сего 1724 году изъ тайной канцеляріи при доношеніи подана промеморія, присланная въ тою канцелярію отъ генерала и кавалера князя Голицына, и при томъ допросы ямбургскаго полку драгуна Сергѣя Михайлова, который сказалъ за собою Его Императорскаго Величества слово, касающееся до превысокой Его Величества чести; тако-жъ и обывательницы женки Авдотьи и въ свидѣтельствѣ драгуна-жъ Бердяева ко учиненію указа; а въ промеморіи показано, что оные содержатца подъ карауломъ; а въ Санктъ-Питербургѣ при той промеморіи не присланы; и ежели де надлежитъ оныхъ взять въ Сенатъ, то способнѣе послать изъ Москвы, нежели изъ Санктъ-Петербурга. А по справкѣ въ Сенатѣ въ состоявшихся Его Императорскаго Величества указѣхъ, которые писаны за собственною Его Величества рукою въ прошломъ 722 году, а имянно въ 1: апрѣля 28 дня велѣно въ городехъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ явльшихся злодѣевъ въ злыхъ словахъ касающихся до превысокой чести Его Императорскаго Величества, въ самой скорости имая, приводить въ городы къ управителемъ, а имъ, принявъ ихъ и заковавъ въ ручныя и въ ножныя желѣза, не разспрашивая, прислать въ Тайную Канцелярію или въ Преображенскій Приказъ за крѣпкимъ карауломъ; во 2-мъ: апрѣля 29 дня дѣламъ быть въ Преображенскомъ приказѣ слѣдующимъ: которые въ государственныхъ дѣлахъ, а имянно въ дурныхъ словахъ или дѣлѣ къ возмущенію и тому подобныхъ дѣлъ; а понеже Тайная Канцелярія въ доношеніи своемъ объявляетъ, что по Его Императорскаго Величества указу вновь колодниковъ и дѣлъ присылаемыхъ ниоткуда въ помянутую Канцелярію принимать не велѣно, того ради по силѣ вышеписанныхъ Его Императорскаго Величества указовъ Правительствующій Сенатъ приказали: оную присланную изъ конторы оставшаго члена промеморію и подлинныя допросныя рѣчи, также и по тому дѣлу колодниковъ, которые содержатся подъ карауломъ у генерала и кавалера князя Голицына, отослать для изслѣдованія и учиненія указа въ Преображенскій Приказъ; да и впредь ежели такія дѣла присылаться будутъ оные какъ изъ Сената, такъ и изъ тайной канцеляріи, о томъ вѣдать и чинить по сему Его Императорскаго Величества указу: а въ Преображенскій Приказъ о томъ изъ Сената писано; и промеморія, и подлинныя допросныя рѣчи во оный Приказъ отосланы; а объ отсылкѣ колодниковъ указъ къ генералу и кавалеру князю Голицыну посланъ. У подлиннаго указа подписано тако: оберъ секретарь Анисимъ Масловъ; секретарь Матвѣй Козлинъ. Актуаріусъ Ѳедоръ Нероновъ. Апрѣля 27 дня 1724 году. (**189**, 12—13).

Къ 234 стр.

7) Докладъ. По указу Ея Императорскаго Величества велѣно тайную розыскную канцелярію съ дѣлами и съ приказными служителями отдать въ вѣденіе господину тайному дѣйствительному совѣтнику князю Ромодановскому. А во оной канцеляріи обрѣталися дѣла:

Резолюція на дѣла тайной канцеляріи, куда которое отсылать.

1. Бывшія въ 1718-мъ году Суздальское да Кикинское, и оныя всѣ вершены и оригиналы тѣхъ дѣлъ за печатьми кабинета ея императорскаго величества да за государственною иностранной коллегіи и графа Толстого; а другія слѣдованія того же дѣла за печатьми тайной канцеляріи купно со оными обрѣтаются въ архивѣ иностранной коллегіи.

1. Суздальское да Кикинское запечатать печатьми всѣхъ тѣхъ министровъ, коихъ у приговоровъ руки есть, и сверхъ того запечатать нашею кабинетною печатью, также и другія слѣдованія того жъ дѣла; равнымъ образомъ запечатать печатьми тѣхъ же министровъ, кои приговоры крѣпили, и нашею кабинетною, и отдать въ архивъ въ коллегію иностранную.

2. Отъ 1719 году по нынѣшнее время по первымъ двумъ пунктамъ секретныхъ дѣлъ было разныхъ 280, и тѣ всѣ изслѣдованы и рѣшены.

2. Вершеныя и секретныя 280 дѣлъ отослать, тако-жъ запечатавъ, въ архивъ иностранную коллегію съ реэстромъ, а таковъ же реэстръ сообщить въ кабинетъ.

3. Да кромѣ оныхъ, особливо дѣло же о бывшемъ сунодскомъ секретарѣ Герасимѣ Семеновѣ вершено.

3. Секретаря Семенова дѣло, осмотря, сжечь.

4. Въ той же тайной канцеляріи по указамъ высокославныя памяти его императорскаго величества были дѣла о слѣдованіи адмиралтейскаго ревельскаго провіанта, о астраханскомъ бывшемъ оберъ-комендантѣ Михаилѣ Чириковѣ, о раскольникахъ и другія тѣмъ подобныя, и оныя всѣ вершены-же.

4. Отослать: ревельское масляное въ адмиралтейство; Чирикова въ воинскую коллегію.

5. Затѣмъ не вершенныхъ дѣлъ имѣется: листы сысканные въ письмахъ бывшаго архіерея Ѳедоса. Секретное.—Сочиненія архимандрита Кондоидіи о доходахъ церковныхъ.

5. Сіи невершенныя дѣла отослать къ тайному дѣйствительному совѣтнику князю Ромодановскому, а какія, – тому сообщить реэстръ въ кабинетъ; а листы сочиненія Кондоидіева прислать въ кабинетъ же.

Интересныхъ и по прошеніямъ 12.

По астраханскимъ дѣламъ, по которымъ надлежитъ взять 10730 р., а недоправлено за крайнею бѣдностью тѣхъ людей, съ кого оные правять, и всѣ ихъ имѣнія распроданы, и кромѣ того съ нихъ взять болѣе нечего.

По астраханскимъ дѣламъ, по которымъ доимки 10730 рублевъ, отослать въ сенатъ, и ежели есть на комъ тою доимку взять, чтобы взыскивали, а ежели подлинно не на комъ, то оную сложить.

Да въ Москвѣ взятое дѣло изъ Московскаго надворнаго суда въ кражѣ изъ собранныхъ съ отписныхъ дворовъ и лавокъ 2502 рублевъ подъячими, которое въ томъ судѣ слѣдованіемъ упущено, а нынѣ оное велѣно изслѣдовать въ рекрутной канцеляріи секретарямъ.

О сей доимкѣ съ отписныхъ дворовъ и лавокъ отослать въ ревизіонъ-контору или куда заспособнѣе.

Да нынѣ при тайной канцеляріи за расходы обрѣтается наличныхъ денегъ въ Санктпетербургѣ 5059, да медаль золотая, взятая отъ Ѳедоса черица о коронаціи ея императорскаго величества, да за продажею вещей Ѳедосовскихъ въ остаткѣ на 164 р.; въ Москвѣ денегъ 1465. И того въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ денегъ 6524 р., и оныя куда указано будетъ отдать?

Наличныя деньги прислать въ кабинетъ.

Въ Москвѣ же подъ вѣденіемъ тайной канцеляріи отписныхъ Кикинскихъ лавокъ каменныхъ и деревянныхъ и мѣстъ всякихъ 75, оброку съ нихъ въ годъ по 382 рубли. Графъ Петръ Толстой сію копію подписалъ, а оригинальной указъ къ себѣ взялъ.

Кикинскія лавки продать съ торгу охочимъ людямъ, кто больше дастъ; и тѣ деньги, что по продажѣ возьмутся, прислать въ кабинетъ; а ежели малую цѣну станутъ давать, то отослать ихъ въ вѣденіе дворцовой канцеляріи.

У подлинной резолюціи подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Екатерина. Іюня въ 17 1726 году въ Санктпетербургѣ. (**6**).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абакумовъ, раскольникъ 170.
Авксентія, монахиня 17.
Акинфіевъ Никита, окольничій 175.
Александръ, дьяконъ 118.
Алексѣй Михайловичъ, царь 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 17, 18, 19, 25, 26, 76, 105, 266.
Алексѣй Петров., царев. 47, 48, 74, 78, 82, 84, 97, 109, 131, 142, 144, 160, 162, 169, 266, 267.
Алексѣй, протопопъ 291.
Алещиевъ Ив., приказный 9.
Андреевъ Мих., фискалъ 43, 53.
Андроньевъ мон. 277.
Антипинъ, Тимошка 7.
Антоновъ 167.
Апраксинъ, воевода 17, 50, 51, 94, 172.
Арбузовъ А., серж. 250.
Арсеньевъ 107.
Архангельскъ 30, 52.
Арчаковскій Вас. 139, 286.
Астрахань 65, 66, 80, 160, 227, 228, 289.
Аѳанасій, архимандритъ 229.

Баженовъ, секр. 260.
Баженова, солд. 165.
Байковъ Еф., крест. 275.
Бароновы 175.
Бархатовъ Тим. 175.
Басовъ, подканцеляристъ 209.
Бахметевъ Ив. 31, 35, 36, 37, 45, 79, 116.
Бахметевъ, коменд. крѣп. 169, 180.
Бахметьевъ 94.
Белоутовъ, подполк. 85.
Бердяевъ, драгунъ 294.
Березинъ 206.
Берхольцъ 143.
Бибиковъ, об.-прокур. сен. 259.
Бибиковъ, поруч. 45.
Блудовъ, с. с. 102, 103.
Блументростъ 199.
Богдановъ 2.
Богдановъ Гавр. 293.
Богдановъ, секр. 250, 252.
Богдановъ Сережка 20.
Болховской, кн. 241.
Болшовъ, дьякъ 125, 179, 275, 283.
Бонъ, ген.-лейт. 256.
Борисовъ Ив., подъячій 52, 283.
Боровитиновъ 169.
Боровицкіе пороги 175.
Бредихинъ, кап. 61, 244.
Буткѣевъ, живописецъ 260.
Бутурлинъ Ив. Ив. 35, 82, 83, 88, 89, 91, 109, 114, 120, 121, 122, 123, 128, 131, 132, 135, 138, 147, 148, 149, 152, 155, 157, 167, 175, 176, 178, 180, 192, 203, 274, 278, 280, 282, 289, 291, 292, 293.
Бѣлгородъ 16.
Бѣляевъ 20.
Булалтъ, подполк. 31.

Васильевъ Ив. 44
Васильевъ, дьяч. 248.
Васильевъ П., канц. 214.
Вельяминовъ, бригадиръ 241.
Вестфальнъ, датск. послан. 144.
Вешняковъ 288, 289.
Вечисловъ Гришка 20.

Вилкинъ Питеръ 165, 275.
Витилевъ, подканц., 209, 279.
Владиміро-Рожественскій мон. 283.
Владиміръ, гор. 145.
Власовъ, комис. 43.
Воейковъ, об.-прок. 245.
Воейковъ, бриг. 171.
Волковъ Мих. 29, 30, 45, 49, 50, 73, 74, 81, 249, 250, 251.
Волконскій, бояринъ, кн. Пет. Фед. 7.
Волконскій Михаилъ, кн. 29, 52, 53, 69, 70, 72, 102.
Волнерсъ, лѣкарь 199.
Вологда, городъ 30, 38, 52.
Волошениновъ Мих., дьякъ 12.
Волынскій Артем. 228,
Вороновъ, дьякъ 41, 56.
Вороновъ, мон. 275
Враловъ Ив., сек.-майоръ 99.
Выморковъ 39, 40, 134, 230, 231.
Вѣтлицкій Ив., фискалъ 275.
Вьярдо, франц. консулъ 143.

Гавриловъ Ив., 244.
Гавриловъ Ульяшко, пушкарь 14.
Гагаринъ кн., сибирскій губернаторъ 31, 32, 37, 39.
Гагаринъ, кн. 3, 4.
Гамонтова Марія 86, 162.
Гвоздевъ 292.
Гедеонъ, архим. 114, 138, 283.
Голенищевъ-Кутузовъ 45, 50.
Голицынъ Мих., кн. 180, 225, 244, 250, 263, 281, 294, 295.
Голицынъ Д. М. 139, 254.
Голицынъ П. М., кн. 29, 30, 33, 42, 43, 44, 47, 48, 49, 55, 60, 72, 150, 203.
Головкинъ Г. И. гр., гос. канц 46, 249, 250, 251.
Горбачевъ Ив. 247.
Городецкій, колодникъ 196.
Григорьева Акулина, баба 133, 137, 145, 146, 156, 282.
Григорьевъ Алексѣй 154.
Григорьевъ Ив., подъячій 82.
Григорьевъ, ланрихтеръ 50.
Гуляевъ, канцеляр. 148, 209, 278, 279.
Гурляндъ 18, 20.
Гусаковъ Ив. 156.

Даниловъ, крестьянинъ 9.
Даниловъ, солд. 261.
Даниловъ Алекс. 248.
Даниловъ, откупщикъ ростовскій 2.
Дашковъ, архіеп. 245.
Дейника, войтъ 215.
Демидовъ Никита, туленинъ 57.
Денъ, полк. 225.
Дерябинъ Давыдъ, дьякъ 9.
Двиеръ, ген.-полицiйм. 85, 176, 178, 183, 220.
Дмитрій самозванецъ 2.
Дмитріевъ-Мамоновъ, майоръ лб.-гв. 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 45, 69, 72, 73, 74, 81, 87, 129, 176, 177, 229, 243, 244.
Днѣпръ 159.
Долгоруковъ, кн. 163.
Долгоруковъ, кн. А. Г. 253.
Долгоруковъ Вас. Вл., кн. 29, 43, 56, 57, 58, 70, 87, 88, 161, 163, 249, 250, 254.
Дорофеевъ, подъячій 88.
Досифей, архим. 169.
Дружининъ Фил. 277.
Дружининъ 184.
Друковскій, поруч. Федоръ 172.
Дѣдилово 248.
Дуловъ Ив., солдатъ 276.
Дурной Ив., стольникъ 55.
Евдокія, цар. 160.

Евреиновъ 31.
Екатерина I 55, 76, 95, 143, 163, 164, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 256, 258, 268, 275, 276, 291, 297.
Елизавета Петровна, импр. 105.
Ельчаниновъ 99.
Ергольскій, полк. 228, 229.

Ерышовъ Климъ 16.
Есиповъ, комендантъ 97, 107.

Забѣлинъ 20.
Завѣсинъ 169.
Заозеркинъ, поруч. 145.
Засыпкинъ, солдатъ 147.
Захаринъ, унт.-лейт. 61.
Захаровъ Ѳед. 43.
Звѣревъ 163.
Золотаревъ Ѳед. 219.
Зотовъ, ревизоръ 29.
Зуевъ, фискалъ 241.

Ивановъ, подпор. 42, 45, 61, 62, 72.
Ивановъ 63.
Ивановъ Ив. 247.
Ивановъ П. 77.
Ивановъ Алмазъ, думный дьякъ 13.
Иванъ Алексѣевичъ, царь 16.
Иванъ Михайловичъ, в. кн. 9.
Ивинъ Осипъ 219.
Игнатій, распопъ 137, 201, 284.
Игнатьевъ Зах., колодникъ 231.
Игнатьевъ, майоръ 99.
Измайловъ, архангельскій губернаторъ 256.
Ингрія 57.

Іоакимъ, патріархъ 21.
Іосафъ, монахъ 17.
Іосафъ, партіархъ 14.
Іосифовъ Семенъ, попъ 134.

Каблуковъ, гардемаринъ 113, 290, 291.
Казань 3, 146, 148, 219, 279.
Казариновъ, секр. 153, 154, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 221, 286, 287, 288, 289.
Калининъ, костромитинъ 13.
Калуга 20.
Калугинъ, подъяч. 111, 275.
Кампердонъ, франц. послан. 143.
Карамзинъ, Н. М. 105, 106.
Карачанъ 253.
Картмазовъ 274.
Кашинъ 7.
Кашинцевъ, колодникъ 246.
Квашнинъ Ив., воевода 10.
Квашнинъ-Самаринъ Ник. 275.
Кикинъ Ал. 47, 118, 160.
Кирилловъ, подъяч. 88.
Кирилловъ, 55, 172, 209.
Кирилловъ монастырь 9.
Кириллъ, архим. 275.
Киселевъ Ник., 278, 293.
Кіевъ 46.
Кзензіанъ, кап. 57.
Клишинъ Иванъ, подъячій 82, 83, 88.
Кобылинъ Фед. 247.
Кожинъ, поруч. 66.
Козловъ, поруч. 47, 48, 49, 289.
Козлинъ Матв., секретарь 295.
Коломна 116.
Коломенское, село 8, 9.
Корноуховъ, 153, 185, 211.
Колычевъ, вице-губерн. Азовск. губ. 50, 51, 56.
Кольцовъ-Масальскій Анд., кн. 55.
Комаровъ 149.
Комкинъ, солд. 165.
Кондоидій, архим. 235, 296.
Кондратовъ, подъяч. 88.
Коноваловъ, бѣг. солдатъ 152 153.
Королевъ Вас., серж. 292, 293.
Королевецъ, гор. 164.
Королекъ, столяръ 115, 116, 288, 289.
Корсаковы, Яковъ и Василій, 47.
Косовъ, фискалъ 64.
Костомаровъ, 19.
Костромитиновъ, солд. 65, 66, 112.
Котлинъ, ост. 179, 219, 280, 282.
Кошелевъ Гр. Ив., коменд. 27, 29, 30, 35, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 53, 56, 60, 61 69, 70, 72, 73, 74, 181.
Краснопѣвовъ Савва, капр. 98.
Кресниковъ, 65.
Кривцовъ Анд., 247, 248.
Кромы, г. 4.
Кроншлосъ, 283.
Кронштадтъ, 33.

Крюковъ, 146.
Кубасова Варвара, служит. 115.
Кудрявцевъ Серж. 85, 123, 219, 277.
Кудряшовъ, колодн. 196.
Кузнецовъ Сем., фурьеръ 53.
Кузьминъ, 30, 32.
Кубатовъ, 41, 42, 52, 56, 57, 64.
Курзанцевъ, подъяч. 111, 123, 125, 147, 188, 275, 279, 280, 281, 291, 292.

Лазаревъ, воевода 7.
Ланге, 166.
Ларіоновъ, дьякъ 9.
Лебедевъ, колодникъ 181.
Лебедкинъ, 116.
Левекъ, 105.
Левинъ, старецъ Варламъ, 115, 117, 137, 289.
Левинъ Г., колодникъ, 282, 287, 289.
Ледицкій Якимъ, поруч. 200.
Лифляндская губ., 242.
Лихаревъ Ив., 31, 32, 35, 36, 37, 39.
Лихачевъ, думный дьякъ 3.
Лодыгина, баба 151.
Лопухинъ Степ., 121, 165.
Лохтіоновъ Николай, ливенецъ 16.
Лукинъ Дан., 289.
Львовъ Григорій, думный дьякъ 8.
Львовъ, кн. Алекс. Мих. 8, 9.
Львовъ, псковскій воевода 13.
Ляпуновъ, лебединскій воевода 16.

Мазовскій, прапор. 97.
Макарій, старецъ, 278.
Макаровъ А., 33, 34, 35, 37, 38, 40, 46, 48, 49, 55, 56, 59, 62, 63. 64, 65, 67, 70, 71, 78, 85, 109, 117, 118, 123, 130, 132, 151, 167, 174, 175, 186, 191, 206, 228, 256, 257, 273, 276, 277, 278.
Малежинъ, Сид. 277.
Малороссія 44, 166, 185, 215.
Малыгинъ, сынъ боярскій 2.
Марія Алексѣевна, царевна, 169.
Марія Ильинична, царица, 13.
Маркелъ, мон. 251, 252.
Марковъ, фузелеръ, 112.
Мартирій, попъ, 3.
Масловъ А., секр. В. Т. С. 250, 251, 252, 253, 295.
Масловъ Мих., 177,
Мастинскій, подъячій, 88.
Матвѣевъ Артамонъ, бояринъ, 15, 142.
Матвѣевъ Климъ, 278.
Матвѣевъ, гр. сен. 229.
Матюшкинъ М. А., 29, 46, 48, 49, 60, 61, 62, 63, 64, 70, 72, 73, 130, 150, 203.
Меншиковъ, свѣтл. кн. 47, 51, 94, 143, 165, 172, 177, 200, 292.
Меркуловъ, 16.
Метлинъ Ос., дьякъ 67.
Мещериковъ Ил. 288.
Мещерскій Фед., кн. 101, 124, 163, 279.
Мещерскій 145, 281.
Милославскіе 142.
Минихъ, гр. 96, 97, 248.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь 1, 3, 4, 6, 18
Михайло, ростриґа 252, 253.
Михайловъ Серг., драгунъ 293.
Михневъ, воевода лебедянскій 1.
Морозовъ Бор. Иван., бояринъ 8.
Морозовъ, бояринъ Ив. Вас. 7.
Москва passim.
Мотякинъ, подъячій 8.
Муравщикъ, колодникъ 64, 186, 196, 215
Мусинъ-Пушкинъ, гр., сенат. 259.

Набоковъ, секрет. 101.
Нарышкинъ Ал. 275. 279.
Наршкинъ Ив. 145, 146, 156.
Нарышкинъ Кир. 47, 48.
Нарышкинъ, Моск. губ. 47, 125.
Наталья Алексѣевна, царевна 286.
Нахаловъ Ив, ланрихтеръ 30.
Начаткинъ 146.
Невельскій Ив. 156.

Неволинъ 20, 106, 107.
Невскій мон. 186.
Нелединскій, сенат. 260.
Немировъ Андрей, дьякъ думный 13.
Немитиновъ 39.
Непевинъ, протод. 125.
Нероновъ Ѳ., актуаріусъ 295.
Нестеровъ, фискалъ 33, 50, 61, 274.
Нижній-Новгородъ 278, 282.
Никитинъ, протод. 125.
Никодимъ, чернецъ 9.
Николай Павловичъ, Импер. 109.
Новгородская губ. 242.
Новгородъ Великій 13, 17, 156, 227.
Новосильцевъ, сенат. 260.
Ногаевъ 249.
Норовъ, маіоръ 175.
Норовъ Ѳед., полк. 99, 102.
Носовичъ 163, 175, 176, 113.

Овиновъ Дм., дьяк. 274.
Огаревъ Мишка, костромитинъ 13.
Олексино, село 9.
Онучинъ Петръ, колодникъ 199.
Ордынъ Нащекинъ, бояринъ 14.
Орловъ, подъячій 188.
Орловъ, денщикъ 169, 175,
Орловъ Як. 292.
Орловъ 286, 223.
Остафьевъ 287.
Остафьевъ Ив., подъячій 82, 88.
Остерманъ, бар. 250, 253.
Офросимовъ 165.

Павловъ Ал., свящ. 154.
Павловъ Гр., подъячій 82.
Павловъ-Сильванскій Н. П. 78, 143.
Палехинъ, дьякъ 43, 58, 78, 79, 82, 83, 89, 112, 145, 156, 168, 212, 213, 214, 215, 279, 293.
Панинъ, кап. 50.
Паршковъ Илюшка 20.
Патокинъ, секр. 240, 258.
Пахомій, старецъ 24.
Пашковъ Ег. 31, 35, 36, 37, 45.
Пенза 115, 170, 287.
Перекрестовъ 51, 171, 172.
Переяславль-Залѣсскій 283, 288.
Переяславль-Рязанскій, г. 248.
Переяславль, гор. 2.
Перовъ Макс., вахм. 139.
Перцевъ Никита 244, 246.
Петелинъ, кап. 98.
Петербургъ passim.
Петровскій С. 77.
Петровъ Елиз. 49.
Петровъ, вах. 140.
Петръ I, Императоръ passim.
Петръ Петровичъ, царевичъ 94, 165.
Петръ III, Императоръ 76.
Петръ II, Императоръ 446.
Писаревъ Богд. 285.
Плещеевъ Ив. 29, 58, 59, 60, 151, 178.
Погребовъ, колодникъ 246.
Подалецкій 140.
Подамуковъ М. 139.
Позняковъ, об.-секретарь 292.
Пожарскій, псковскій воевода 3, 4.
Полуботокъ, полк. 172.
Поповцевъ 47.
Поповъ, подъячій 138, 283.
Поповъ 189, 190, 223, 286.
Поповы Тимофей и Иванъ, подъдячіе 54.
Порошинъ ген. 97.
Поспѣловъ, денщикъ Петра 37.
Постельниковъ, колодникъ 145.
Потеневъ, поруч. 79, 82.
Почайновъ Алексѣй 95.
Преображенское, село 54, 79, 80, 82, 106, 151, 212.
Прозоровскій, старецъ 115.
Прозоровскій Ѳед., поруч. 98, 101.
Прокофьевъ Ив., растрига 196.
Протопоповъ 55.
Прохоровъ Иванъ, подъячій, 8.
Псковъ 14.
Путятинъ кн., моск. вице.-губ. 47.
Пушкинъ Гр. Гр., бояринъ 9.

Ревель 126, 171, 245, 256, 258, 278, 281.
Резановъ 110, 116, 163.
Рига 114, 279.
Ржевъ г. 167.
Ржевскій, Ниж. вид.-губ. 154, 277, 278.
Рогервикъ 231.
Рогозинскій 14.
Ромодановскій, кн. стольникъ Фед. Юрьев. 22, 23, 24, 35, 77, 103, 107, 159, 179, 188, 192, 219, 220, 221, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 242, 256, 257, 258, 259, 289, 292, 295, 296.
Рукавинъ Ив. 35, 36.
Румянцевъ ген.-адъют. 46, 118, 154, 177, 226.
Русиновъ, подъячій 58, 209.
Рѣпнинъ, воевода 14.
Рязань 14.

Савельевъ 165.
Саловъ, кап. 285, 287.
Салтыковъ, бояринъ кн. Мих. Мих. 7, 146.
Салтыковъ Сем. 29, 30, 42, 45, 49, 50, 51, 244, 246.
Самаринъ 33.
Самуилъ, монахъ 230.
Санинъ, фискалъ 35, 36, 111, 117, 123, 206, 283, 284.
Сахаровскій Ив. 286.
Свирскій, мон. 275.
Свиружевскій Данило 172.
Севальтъ, докторъ 199.
Семевскій 107.
Семеневъ Гер. 234, 296.
Семеновъ Яковъ 171.
Семеновъ, секр. синода 189.
Семеновъ, раскольщикъ 133.
Серебряковъ Пах., солд. 277.
Серпуховъ 226.
Сибилевъ Ив., дьякъ 88, 180.
Сибирь 31, 37, 57, 165, 167, 203, 241, 253.
Силинъ Тимофей, подъячій 82.
Симеонъ, іеромон. 252.
Симонъ, игуменъ 145, 213.
Скорняковъ-Писаревъ Гр. Гр. 67, 79, 80, 81, 82, 83, 91, 111, 113, 120, 121, 123, 124, 128, 131, 132, 133, 136, 137, 138, 139, 149, 152, 155, 156, 157, 203, 217, 218, 275, 283.
Скорняковъ-Писаревъ Богд. 29, 65, 66, 80, 81, 87, 160, 289.
Скорняковъ-Писаревъ Ѳед. 45.
Скульскій, майоръ 86.
Скурилинъ П. 64.
Скурихинъ, дьякъ 43.
Собакинъ, окольничій 59.
Соколовъ, колодникъ 255.
Соловецкій монаст. 143, 170, 186.
Соловьевъ 19, 41, 42, 52, 56, 61, 64, 107.
Сомовъ, ген. 63.
Сорокинъ Ѳед., дьякъ 59, 60.
Софья, царевна 142.
Спасскій монастырь Рязанскій, 14, 27.
Старая Руса 44, 74, 184.
Степановъ Григ. 154.
Степановъ Андр. 248.
Степановъ, т. сов., секр. В. Т. С. 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253.
Степановъ П. 219.
Стрѣшневъ Семенъ 9.
Стрѣшневъ Тихонъ Никит., бояринъ 16.
Судаковъ, воевода 4.
Суздаль, 79, 155, 168, 169, 275.

Таврова, 288.
Тарабунинъ, 217.
Татищевъ 19, 106.
Тераповъ Иванъ, подъячій, 8.
Терентьевъ, дьячекъ 166.
Терентьевъ Ник., попъ 200.
Терскій, фискалъ 180.
Титовъ Данило, полк. 65, 66.
Тихвино-Введенскій монаст., Новгородск. 17.
Тобольская губ. 260.
Токаревъ Сем. 293.

Толпыгинъ Еремей, голова стрѣлецкій 1.
Толстой П. А. 64,72, 73, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 109, 111, 112, 115, 116, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 152,154, 155, 157, 158, 159, 162, 169, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 186, 189, 190, 191, 192, 196, 198, 201, 203, 205, 212, 213, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 267, 268, 270, 275, 276, 279, 280, 281, 284, 285, 286, 288, 291, 292, 293, 295, 297.
Толстой. Анд. Вас. 142.
Топилскій, секр. Т. К. 139, 140, 149, 152, 181, 191, 200, 202, 209, 210, 211, 213, 214, 221, 284.
Тормосовъ, об.-секр. 180.
Тормасовъ, дьякъ 85.
Тороповъ, 292.
Травинъ, поруч. 65.
Трубецкой, Алекс. Никит., кн. 9.
Трубецкой, кн. 166.
Трясисоломинъ, Григ. 13.

Украина, 151.
Украинцевъ, думный дьякъ 17.
Украинцевъ, поручикъ 45.
Украинцева, 293.
Унгернъ-Штернбергъ, бар. 241.
Урусовъ, ген. маіор. об.-ком. 262.
Устюгъ, 142.
Ушаковъ, А. И. 27, 28, 29, 32, 36, 42, 45, 53, 54, 55, 56, 69, 72, 73, 74, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 91, 96, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 171, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 192, 196, 199, 201, 202, 203, 206, 209, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 229, 230, 231, 234, 240, 241, 256, 257, 258, 259, 262, 264, 273, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 282, 283, 286, 288, 293.
Ушаковъ Константинъ, сержантъ 250, 253.

Фельтенъ. купецъ 86, 162.
Филипповъ, А. Н. 243, 246, 261.
Филипповъ, подъячій 292.
Филипповъ Козьма, секр. 213, 214.
Филипповъ Василій, комиссаръ 67, 80.
Фуниковъ, маіоръ 58, 60, 163, 172.
Фуфаевъ, фискалъ 99.

Харитоновъ Оська 10.
Харламовъ 164.
Хризологъ, капуцинъ 229.
Хулемнинъ Лучка, черкашенинъ 4.

Чаплыгинъ 215.
Чаплыгинъ Трошка 16.
Чаплыгинъ Богд. 293.
Чашниковъ, дьякъ 50.
Черкасскій, бояринъ 3.
Черкасскій Евстратъ, солдатъ 147.
Чернышъ, судья 172.
Чириковъ, комендантъ 44, 154, 234, 279, 296.
Чубаровъ, колодникъ 59, 60, 283.

Шагаровъ, подъячій 275, 281, 291, 292.
Шамординъ, поручикъ 37.
Шапошниковъ 177, 226.
Шафировъ, бар. 155.

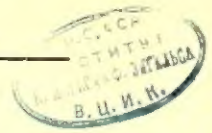
96
96

Шаховской Алексѣй, кн. 29, 61, 67.
Швеція 90.
Шереметевъ, бояринъ 16.
Шлецеръ 19, 105.
Шурловъ, подъячій 88, 125, 200, 209.

Щегловъ Алексѣй 96, 97, 98, 100, 103.
Щегловъ Ант., колодникъ 231.
Щербаковъ, солдатъ 276.
Щербатовъ, кн. 102, 103.
Щукинъ, об.-секретарь 175.

Эваницкій Карлусъ, бригад. 65, 66.
Эстляндская губ. 242.

Юсуповъ, кн. 29, 30, 32, 42, 43, 44, 45, 46, 72, 283.

Ягужинскій 11, 222, 223, 224, 229.
Языковъ, подпор. 41, 42, 45, 61, 62, 72, 80.
Яковлева 62.
Яковлевъ Ив., матросъ 85, 183.
Яковъ, іеродьяк. 251, 252.

Ѳадѣевъ М., солд. 277.
Ѳедоровъ 62, 55.
Ѳедосъ, чернецъ 297.
Ѳедосъ, архим. 235.
Ѳедосѣевъ Ст., дьяконъ 275.
Ѳеодосій, архим. 171, 178, 231, 296.
Ѳеофилактъ, архіеп. 229.
Ѳогенкегель, кап. 181.